

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Historical Concepts of Understanding Russia

A Discussion of Demons and Heretics

War and Ecology

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 11 | 2023 | № 2

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620002, Россия, Екатеринбург,
ул. Мира, 19

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Russia

Зарегистрирован как научное пе-
риодическое издание Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций (свидетельство
о регистрации ПИ № ФС77-56174
от 15.11.2013)

Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information
Technology and Mass Media (Journal
Registration Certificate (PI № FS77-
56174 as of 15.11.2013)

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *АНЦИ Web of Science, Scopus.*

The journal is indexed
in *АНЦИ Web of Science, Scopus.*

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. 620075, Россия,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, каб. 335
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 335, 51 Lenin Ave.,
620075, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU). *Translation Editors* – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU / UK, Oxford, Bodleian Library)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Prof. **Türkan Olcay** (Turkey, Istanbul University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Wang Jiaying** (China, Nanjing University); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr, Corresponding Member of RAS **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ / Великобритания, Оксфорд, Бодлианская библиотека)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **Ван Цзясин** (Китай, Нанкинский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верг** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); проф. **Т. Олджай** (Турция, Стамбульский университет); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н., член-корр. РАН **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Larisa Soboleva. His Majesty the Source. . 385 | Larisa Soboleva. His Majesty the Source. . 385

Problema voluminis

Человек и государственные интересы	The Individual and the Interests of the State
<i>Daniel C. Waugh.</i> The Kuranty in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 1 395	<i>Daniel C. Waugh.</i> The Kuranty in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 1 395
<i>Владимир Шкерин.</i> Сенатская площадь: декабристы против декабристов . . . 423	<i>Vladimir Shkerin.</i> Senate Square: Decembrists Against Decembrists . . . 423
<i>Павел Ильин.</i> Новые персоналии участников тайных обществ 1810– 1820-х годов: штрихи к традиционной картине движения декабристов . . . 440	<i>Pavel Ilyin.</i> New Personalities of Participants of the Russian Secret Societies of the 1810s–1820s: Touches to the Traditional Picture of the Decembrist Movement 440
<i>Федор Мелентьев.</i> Москва в восприятии старших сыновей Александра Второго 457	<i>Fedor Melentev.</i> Moscow as Perceived by Alexander II's Elder Sons 457
<i>Михаил Агапов.</i> Северный морской путь: национальный патриотизм и пред- принимательские интересы. 473	<i>Mikhail Agapov.</i> The Northern Sea Route: National Patriotism and Business Interests. 473
История медицины: акторы и статистика	History of Medicine: Actors and Statistics
<i>Ruslan Mitrofanov.</i> “Her Language Must Be the Language of Figures”: Medical Statistics of the Russian Empire and the Kingdom of Prussia: A Comparative Perspective 489	<i>Ruslan Mitrofanov.</i> “Her Language Must Be the Language of Figures”: Medical Statistics of the Russian Empire and the Kingdom of Prussia: A Comparative Perspective 489
<i>Елена Вишленкова, Сергей Затравкин.</i> Медицинская статистика в дорефор- менной России: намерения, степень достоверности, информативная ценность. 506	<i>Elena Vishlenkova, Sergei Zatravkin.</i> Medical Statistics in Pre-Reform Russia: Intentions, Degree of Reliability, Informative Value 506
<i>Александр Егоров.</i> Борьба с «отравителя- ми» в холерном Петербурге. 524	<i>Alexander Egorov.</i> Fighting Against the ‘Poisoners’ in Cholera-Stricken Petersburg. 524
<i>Эдуард Черноухов.</i> Националистический конфликт во врачебной корпорации Екатеринбурга: частный случай в оптике кризиса начала двадцатого века 541	<i>Eduard Chernoukhov.</i> Nationalist Conflict in the Medical Corporation of Yekaterinburg: A Case Study in the Early Twentieth-Century Crisis 541
<i>Наталья Граматчикова, Ирина Полякова.</i> «Танго вдвоем»: женские интервью в клинической репродуктивной практике 554	<i>Natalya Gramatchikova, Irina Polyakova.</i> “Tango for Two”: Women’s Interviews in Clinical Reproductive Practice 554

СОДЕРЖАНИЕ

Экология и война:
опыт Первой мировой

Oksana Nagornaia, Kerstin von Lingen.
Conflict Landscapes of the Great War:
The Spatial and Ecological Dimension
of Military History571

Iaroslav Golubinov. Oil Fires of the First World
War: Military Use and Destruction
of Galicia's Fuel Industry.586

Alexandra Likhacheva. Romanticization
and Demonization: Galician Landscapes
in Russian Combatants' Narratives
During the Great War.603

Origines

Александр Лавров, Алексей Морохин.
«Старообрядец до раскола»: новый
документ XVII века о старце
Капитоне619

CONTENTS

Ecology and War:
The Experience of World War I

Oksana Nagornaia, Kerstin von Lingen.
Conflict Landscapes of the Great War:
The Spatial and Ecological Dimension
of Military History571

Iaroslav Golubinov. Oil Fires of the First World
War: Military Use and Destruction
of Galicia's Fuel Industry.586

Alexandra Likhacheva. Romanticization
and Demonization: Galician Landscapes
in Russian Combatants' Narratives
During the Great War.603

Aleksandr Lavrov, Aleksey Morokhin.
*An Old Believer before the Schism: A New
17th-Century Document
on Elder Kapiton*619

Dialogus

Демоны и еретики в культуре переход-
ной эпохи: историко-литературные
и мировоззренческие контексты
в исследовательской перспективе . 633

Demons and Heretics in Transitional
Culture: Historical-Literary and
Attitudinal Contexts in a Research
Perspective633

Hereditas: nomina et scholae

Aleksandr Antoshchenko. Anton Vladimirovich
Kartashev as a Prophet not
in His Own Country.659

Aleksandr Antoshchenko. Anton Vladimirovich
Kartashev as a Prophet not
in His Own Country.659

Conceptus et conceptio

Claudio Ingerflom. Towards a Conceptual-
Historical Critique of the Essentialist and
Teleological Interpretations
of Russian History.677

Claudio Ingerflom. Towards a Conceptual-
Historical Critique of the Essentialist and
Teleological Interpretations
of Russian History.677

Controversiae et recensiones

Денис Ляпин. Белгородская черта как
объект исследования: эвристические
и аналитические возможности
традиционных и современных
исторических методов.705

Denis Lyapin. The Belgorod Line
as an Object of Research: Heuristic
and Analytical Possibilities
of Traditional and Modern
Historical Methods705

Вадим Рынков. Основатель казахской
автономии в трактовке современного
русского автора713

Vadim Rynkov. The Founder of Kazakh
Autonomy as Seen by a Modern
Russian Author713

Об авторах726

On the authors726

Сокращения.....733

Abbreviations733

His Majesty the Source

One of the most important values of the *Quaestio Rossica* journal is the attention given to the discovery of new sources for humanitarian knowledge, which often uncover new facts and personalities in the historical process. The *Problema voluminis* section of this issue, titled “The Individual and the Interests of the State”, presents several aspects of Russia’s development over different periods. The historical sources introduced in this section reveal the factology of time and the essential emotive and axiological facets of historical events.

The first group of articles focuses on the historical collisions around the imperial orientation of Russia. *Daniel C. Waugh* (Washington, USA), whose discovery of the significance of Patrick Gordon in the organization of the Russian Post [Yo], has been previously published in *Quaestio Rossica*, offers unique materials again. The author studies the first Russian handwritten newspaper, *Kuranty*, selecting from the bulk of published information, it would seem, not the most obvious content – advertising for goods brought by Dutch merchants from overseas colonies. Careful reading of the texts and interpretation of their commercial and communicational components allows the author to see new aspects in the process of the introduction of Muscovy to European life. Waugh masterfully bases his historical research both on Russian archives and the foreign periodical press of the time, providing high quality results.

A historian *Vladimir Shkerin* (Yekaterinburg, Russia), offers new data on the Decembrist movement. The researcher studies a number of ego-documents, revealing a system of internal relationships, personal likes and dislikes, while painting an impressive picture of the interpersonal dynamics of the participants before and after the uprising.

An article by *Pavel Ilyin* (St Petersburg, Russia) is a valuable addition to the onomasticon of the rebels; treading upon various archival and published data, the author studies the destinies of the Decembrists, focusing his attention on previously unnoticed details of court documents and correspondence, as well as memoirs. Complementing the list of names, Ilyin significantly expands the circle of people who actually protested and longed for reforms.

Fedor Melentev (Moscow, Russia) presents new data on the old dispute between the “two capitals” of Russia, Moscow and St Petersburg. This ever-living contest has drawn the attention of the researcher, who looks at how the imperial family of Russia participated in the discussion. Reference by the royals to the “ancient capital” often means, as the author shows, the search for common points with popular opinion and an awareness of the need to recognize its significance. The article offers an insight on whether the sons of Alexander II, one of whom was a tsar to be, were successful in this communication.

The work of *Mikhail Agapov* (Tyumen, Russia), offers an interesting conclusion to the section, describing the activities of Siberian merchants on the opening of the Northern Sea Route. The entrepreneurial interests of the merchants ostensibly merged with a patriotic concern for the development of the motherland. The strengthening of sea communications went towards the “common good” not only for the merchants; the relative affordability of sea transportation made this route, which had previously shown its effectiveness for the British Empire, quite viable for Russia, too. Having withstood climatic stresses, without losing faith in the power of human perseverance and ingenuity, the merchants, however, often could not overcome the indifference of the metropolitan bureaucracy. Some of their techniques (for example, teaching seamanship to the local population) proved to be in high demand in the future.

The second main theme of the section centers around the development of medical statistics in Russia. Statistics, an important tool for tracking the dynamics of changes and an indicator of the success or failure of the health system, need to be analyzed and studied for their proper application to historical research. Two of the following articles study this problem. The first, authored by *Ruslan Mitrofanov* (Munich, Germany), summarizes the functioning of medical statistics in imperial Russia in comparison with their usage in Prussia and England. The German model, even if initially adopted as a basis for reform in Russia, was significantly reduced in Russian conditions and could not provide the impetus the reformist hopes placed on them. *Sergei Zatravkin* and *Elena Vishlenkova* (Moscow, Russia), in their turn, study the role of statistics in pre-reform Russia. The authors analyze the quality and the intention of statistical data.

The article by *Alexander Egorov* (Petrozavodsk, Russia) provides archival data on the plague epidemic in St Petersburg (1831), when an insufficient understanding of the disease among the local population led to the search for “poisoners” and “killer doctors” rather than to the establishment of anti-plague measures. The dramatic manifestation of nationalist sentiments in the medical environment of Yekaterinburg is described in the article by *Eduard Chernoukhov* (Yekaterinburg, Russia). A seemingly insignificant episode of anti-Semitism in reality reflects the mood of crisis among Russian society at the beginning of the twentieth century.

The section concludes with a sociological study of in-depth interviews of women who participated in human egg donations for reproductive practices. For the first time in Russian sociology, *Natalya Gramatchikova* and *Irina Polyakova* (Yekaterinburg, Russia), describe the motivation and values of women donors in this process and present the results of their work.

War in its anti-human madness destroys not only people and the hope for the birth of geniuses; it is also merciless to nature itself, its wealth and resources. Based on sources from the First World War, the three following articles, sent from different academic centers, cover this aspect of the war's impact. A collaborative article by *Kerstin von Lingen* (Vienna, Austria) and *Oksana Nagornaia* (Yaroslavl, Russia), tackles the theoretical foundations of

an interdisciplinary approach to the history of war. The variety of approaches from various academic fields makes it possible to take a stereoscopic look at the environmental stress caused by the military operations in Europe. *Alexandra Likhacheva* (Yaroslavl, Russia) offers an assessment of the destruction of the natural landscapes of Galicia as described in the ego-documents of the Russian military. *Iaroslav Golubinov* (Samara, Russia) analyzes data on the state of the oil industry in Galicia and its role in the military campaign. After an initial attempt to establish production during the seizure of the territory, the Russian tsarist command switched to a “scorched earth” policy during the retreat, significantly destroying the economic infrastructure of the state.

The introduction of new sources into academic circulation is an important function of this journal; thus, in this issue, we publish new materials about the Elder (Starets) Kapiton, a hero of the seventeenth century (*Origines* section). Kapiton’s authority and charisma had a profound impact on his circle of communication as shown by a new document – a petition from the Vologda archive. The document is significant not only in the historical aspect, showing a complex system of relationships within the monastery; it demonstrates the bright colloquial language of the epoch filled with figurative expressions. The authors of the publication, *Aleksey Morokhin* (Nizhny Novgorod, Russia) and *Aleksandr Lavrov* (Paris, France) propose to change our understanding of Kapiton’s personality on the basis of the document and to consider the biography of the famous elder in its development. Disputes among his entourage give reason to doubt the current unambiguous interpretation of Kapiton’s radicalism.

The *Dialogus* section offers a discussion of the history and social functions of demonism and hereticism, which is interesting not only for modern scholarship within the humanities, but also for popular culture. The discussion was attended by experts from various fields within the humanities – history, philology, theology – *Elena Beliakova* (Moscow, Russia), *Liudmila Zhurova* (Novosibirsk, Russia), *Konstantin Kostromin* (St Petersburg, Russia), *Alexander Pigin* (Petrozavodsk, Russia), and *Larisa Soboleva* (Yekaterinburg, Russia). The focus of everyone’s attention were interesting oral and written sources and their modern interpretations. The participants studied the search for an “enemy demon” that was characteristic of the transitional era between the sixteenth and the seventeenth centuries, in order to explain the conflicts and dramas of time, acquiring clear outlines in the interdisciplinary dialogue of opinions. The topic of the “other world” has been raised repeatedly on the pages of the journal, which indicates its importance for researchers [Soboleva, Antoshin].

The *Hereditas: nomina et scholae* section of this issue publishes a biographical study of the complex personal and academic life of the historian A. V. Kartashev by *Aleksandr Antoshchenko* (Petrozavodsk, Russia). The author offers an interesting view of the influence of the idea of Holy Russia on the life path of an emigrant, and possible changes in attitudes towards this utopia among different emigrant waves and in the views of Kartashev himself. The reanimation of mythologems seems to

acquire a negative connotation when changes in their meaning are not recognized, which can be accepted or rejected to varying degrees by patriotically aligned thinkers.

The article from the famous Argentinian historian *Claudio Ingerflom* (Paris, France; Buenos Aires, Argentina) is notable for its major theoretical constructions. Comparing various trends in the historiography of Russia connected with the ideas of the “good tsar”, the author suggests a deeper and more serious understanding of the popular utopia of tsarist power, not as a manifestation of naivety, but rather as a demand for greater power, understanding its inconsistency with the ideal in certain historical periods. Placing an article in the *Conceptus et conceptio* section suggests the need for its further discussion by specialists.

The issue concludes with two reviews. The first review belongs to the pen of *Denis Lyapin* (Yelets, Russia), who highlights new turns in the study of military history in the book *The Belgorod Line. History. Fortification. People* (2020), by a collaboration of authors [Папков, Петрухинцев, Хитров]. The reviewer duly notes the key discovery of the study, which describes engineering works focused on the strengthening of the Russian southern border during the times of Tsar Alexei Mikhailovich, and the further role of these structures in the communication between the countries and borderland populations.

Vadim Rynkov (Novosibirsk, Russia) reviews the book by the Novosibirsk historian V. I. Kozodoy, which centers on a figure of the Kazakh national movement, Alikhan Bukeikhanov [Козодой]. Appreciating the interest in the history of the neighboring state on the part of Russian historical science, the author of the article makes a number of critical comments about the insufficient foundation of the study on the basis of new sources and its uncritical adherence to the official Kazakh historiography. These research shortcomings often reduce the value of the published and circulated book, transforming the research into a project related rather to the formation of a national historical and biographical myth than to the science of history.

Larisa Soboleva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Важнейшей особенностью журнала является постоянное внимание к новым источникам гуманитарного знания, в которых открываются факты и персоналии исторического процесса. В рубрике *Problema voluminis* «Человек и интересы государства» представлено несколько граней развития России на протяжении разных периодов. В источниках разворачиваются как фактология времени, так и существенные эмотивные и аксиологические грани исторических картин. Первый цикл статей связан с коллизиями имперской направлен-

ности России. Уникальные материалы освещаются в статье *Даниеля Уо* (Вашингтон, США), ранее открывшего значение Патрика Гордона в организации российской почты [Уо]. Из многообразия информации первой российской рукописной газеты «Куранты» автор отбирает, казалось бы, не самую важную – рекламу о товарах, привозившихся из колониальных стран голландскими торговцами. Внимательное прочтение текстов и трактовка не только коммерческой составляющей, но и культурно-коммуникационной функции позволяют увидеть новые черты в характере приобщения Московии к европейскому типу жизни. Опираясь на иностранные источники периодической печати того времени и на российские архивы, автор фундаментально исследует исторические выводы, представленные на высоком уровне.

Новые сведения о движении декабристов, связанные с системой внутренних взаимоотношений, личными симпатиями и антипатиями, через систему эгодокументов открывает *Владимир Шкерин* (Екатеринбург, Россия), рисуя впечатляющую картину динамики личностных оценок участников до и после восстания. Дополнением к ономастикону восставших, раскрытию их судеб с привлечением разнообразных архивных и опубликованных данных становится статья *Павла Ильина* (Санкт-Петербург, Россия). Автор фокусирует внимание на не замеченных ранее деталях судебных документов и переписки, на воспоминаниях. Дополняя список имен, он существенно расширяет круг людей, протестовавших и жаждавших реформ.

Новые данные о восприятии длительного спора двух столиц – Москвы и Петербурга – приводятся в работе *Федора Мелентьева* (Москва, Россия). Интерес вызывает не только тема, но и то, что носителями дискуссии становятся члены императорской фамилии. Их обращение к образу древней столицы соответствует, как показывает автор, поиску коммуникации с народным мнением и осознанию необходимости признания его значения. Насколько это получилось у сыновей Александра Второго, один из которых вскоре станет императором, – эту дискуссию открывает статья. Интересным завершением проблемы становится работа *Михаила Агапова* (Тюмень, Россия), приведшего факты деятельности сибирского купечества по открытию Северного морского пути. Предпринимательские интересы сочетались у купцов с патриотической заботой о развитии отечества. Активизация коммуникаций шла на общую пользу не только купечества: относительная дешевизна морских перевозок делала этот путь, показавший свою эффективность для Британской империи, вполне жизнеспособным для России. Однако, устояв в условиях климатических стрессов, не потеряв веру в силу человеческой настойчивости и изобретательности, коммерсант не смог преодолеть равнодушие столичной бюрократии. Но некоторые его приемы (например, обучение местного населения морскому делу) оказались востребованы и в дальнейшем.

Вторая проблема рубрики вытекает из изучения развития статистики в медицинских целях в России. Важный инструмент отслеживания динамики изменений, показатель успешности действий и системы здравоохранения – статистика – сам по себе нуждается в анализе и изучении своего применения. Этому вопросу посвящены две статьи. Первая – авторства *Руслана Митрофанова* (Мюнхен, Германия), обобщившего особенности медицинской статистики в России имперского периода в сравнении с европейскими вариантами (Пруссия, Англия). Взятая за основу немецкая модель была существенно редуцирована в российских условиях и не выдерживала возлагавшихся на нее надежд реформаторского характера. Роль статистики в дореформенной России выявляется в работе *Сергея Затравкина* и *Елены Вишленковой* (Москва, Россия). Авторы подвергают анализу качество и целенаправленность статистических сведений.

В статье *Александра Егорова* (Петрозаводск, Россия) приводятся архивные данные об эпидемии чумы в Петербурге (1831), во время которой недостаточная информированность населения привела к поиску «отравителей» и «врачей-убийц» вместо широкого распространения противочумных мер. Драматичный эпизод проявления националистических настроений во врачебной среде Екатеринбурга рассмотрен в статье *Эдуарда Черноухова* (Екатеринбург, Россия). Сам по себе малозначимый эпизод антисемитизма отражает кризисные настроения времени российского общества начала XX в. Завершает рубрику исследование интервью женщин, предоставляющих яйцеклетки для современных репродуктивных практик. *Наталья Граматчикова* и *Ирина Полякова* (Екатеринбург, Россия) впервые в российской социологии выяснили мотивацию и оценки женщин-доноров в данном процессе и представили результаты своей работы.

Война в своем античеловеческом безумии не только губит людей и уничтожает надежду на рождение гениев, она беспощадна и к самой природе, ее лесному богатству и недрам. Этот аспект на основании источников Первой мировой войны освещается в трех статьях, поступивших из разных научных центров. Теоретические основы междисциплинарного подхода к истории войны рассматриваются в совместной статье *Керстин фон Линген* (Вена, Австрия) и *Оксаны Нагорной* (Ярославль, Россия). Многообразие подходов из различных научных сфер дает возможность стереоскопического взгляда на экологический стресс от военных действий в Европе. *Александра Лихачева* (Ярославль, Россия) приводит оценку разрушения природных ландшафтов Галиции, описанных в эго-документах российских военных. *Ярослав Голубинов* (Самара, Россия) анализирует данные о состоянии нефтяной промышленности в Галиции и о ее судьбе в военной кампании. От попытки наладить производство при захвате территории российское царское командование при отступлении перешло к политике «выжженной земли», существенно разрушив хозяйственную инфраструктуру государства.

Введение в научный оборот новых источников – важная функция журнала – в этом выпуске отдано новым материалам о старце Капитоне, герое XVII в. (рубрика *Origines*). Его авторитет и харизма имели глубокое воздействие на окружение, что показывает новый документ – челобитная из вологодского архива. Документ существенен не только в историческом аспекте, поскольку показывает сложную систему взаимоотношений внутри обители; он демонстрирует разговорный, наполненный образными выражениями язык эпохи. Авторы публикации (Алексей Морохин (Нижний Новгород, Россия) и Александр Лавров (Париж, Франция) предлагают на основе документа изменить выводы о личности Капитона и увидеть биографию известного старца в ее развитии. Споры в его окружении дают основания сомневаться в сложившейся однозначной трактовке радикализма Капитона.

В рубрике *Dialogus* дискутируется не только интригующая современную научную гуманитаристику, но и обсуждаемая в массовом сознании тема истории и социальных функций демонизма и еретичества. В дискуссии приняли участие специалисты из разных сфер гуманитарной науки – истории, филологии, богословия – Елена Белякова (Москва, Россия), Людмила Журова (Новосибирск, Россия), Константин Костромин (Санкт-Петербург, Россия), Александр Пигин (Петрозаводск, Россия), Лариса Соболева (Екатеринбург, Россия). В центре внимания каждого – интересные устные и письменные источники, их современные трактовки. Освещение активного процесса поиска врага-демона для объяснения конфликтов и драм времени, свойственное переходной эпохе XVI–XVII вв., в междисциплинарном сопряжении мнений обретает четкие и многокрасочные очертания. На страницах журнала тема «инога мира» поднималась неоднократно, что говорит о ее безусловной важности для исследователей [Soboleva, Antoshin].

К сложной личной и научной судьбе историка А. В. Карташева обращается в рубрике *Hereditas: nomina et scholae* Александр Антощенко (Петрозаводск, Россия). Автор предлагает интересную концепцию о влиянии идеала Святой Руси на жизненный путь эмигранта, об изменении отношения к этой утопии в среде разных эмигрантских волн и в воззрениях самого Карташева. Реанимация мифологем обретает негативную коннотацию при непризнании их изменений, что может в разной степени приниматься или отторгаться патриотически настроенными мыслителями.

Глобальными теоретическими построениями отличается статья известного аргентинского историка Клаудио Ингерфлома (Париж, Франция; Буэнос-Айрес, Аргентина). Сопоставляя различные течения в историографии России в связи с представлениями о «добром царе», автор предлагает более глубоко и серьезно оценивать народную утопию о царской власти не как проявление наивности, но как требование к власти, граничащее с видением ее несоответствия идеалу в определенные исторические периоды. Помещение статьи в рубрику *Conceptus et conceptio* предполагает ее обсуждение специалистами.

Завершается выпуск двумя рецензиями. Первая принадлежит перу *Дениса Ляпина* (Елец, Россия), взявшего на себя труд осветить новые повороты при изучении военной истории в книге «Белгородская черта: история, фортификация, люди» (2020), написанной коллективом авторов [Папков, Петрухинцев, Хитров]. Опыт укрепления южной границы во времена Алексея Михайловича и дальнейшая роль этих сооружений в коммуникации стран и приграничного населения, открытые авторами исследования, в должной степени оценены рецензентом. Статья *Вадима Рынкова* (Новосибирск, Россия) посвящена книге новосибирского историка В. И. Козодоя о герое казахского национального движения Аликхане Букейханове [Козодой]. По достоинству оценивая интерес к истории соседнего государства со стороны российской исторической науки, автор статьи высказывает ряд замечаний относительно недостаточной фундированности исследования новыми источниками и некритичного следования официальной казахской историографии. Эти исследовательские недоработки снижают значение опубликованной и растиражированной книги, преобразуя исследование в проект, связанный с формированием национального историко-биографического мифа.

Лариса Соболева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Библиографические ссылки

Козодой В. И. Аликхан Букейханов: человек-эпоха. Алматы : [Б. и.] ; Новосибирск : Дом мира, 2021. 312 с.

Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск : МедиаРост, 2020. 264 с.

Уо Д. К. Распространение новостей в России XVII в.: эпистолярный опыт Патрика Гордона // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. P. 130–144. DOI 10.15826/qr.2015.4.129.

Soboleva L., Antoshin A. The Contact of Cultures in History and Politics // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 4. P. 1229–1238. DOI 10.15826/qr.2022.4.725.

References

Kozodoy, V. I. (2021). *Alikhan Bukeikhanov: chelovek-epokha* [Alikhan Bukeikhanov: A Man of the Times]. Almaty, S. n., Novosibirsk, Dom mira. 312 p.

Papkov, A. I., Petrukhintsev, N. N., Khitrov, D. A. (2020). *Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikatsiya, lyudi* [The Belgorod Line. History. Fortification. People]. Rybinsk, Mediarost. 264 p.

Soboleva, L., Antoshin, A. (2022). The Contact of Cultures in History and Politics. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 4, pp. 1229–1238. DOI 10.15826/qr.2022.4.725

Waugh, D. C. (2015). Rasprostranenie novostei v Rossii XVII v.: epistol'yarnyi opyt Patrika Gordona [Communication in Russia in the 17th Century: The Evidence in Patrick Gordon's Correspondence]. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 130–144. DOI 10.15826/qr.2015.4.129.

Problema voluminis

THE INDIVIDUAL AND THE INTERESTS OF THE STATE
HISTORY OF MEDICINE: ACTORS AND STATISTICS
ECOLOGY AND WAR: THE EXPERIENCE OF WORLD WAR I

Problema voluminis

ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ
ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ: АКТОРЫ И СТАТИСТИКА
ЭКОЛОГИЯ И ВОЙНА: ОПЫТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

THE INDIVIDUAL AND THE INTERESTS OF THE STATE

DOI 10.15826/qr.2023.2.796

УДК 94(470)"16" + 070.16:81'255 + 339.5(09) + 339.165.4(492.6)

The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations Part 1*

Daniel C. Waugh

University of Washington,
Seattle, USA

There is a great deal of recent scholarship exploring how foreign news reached early modern Russia and what its impact there was. Of particular importance is the study of the *kuranty*, the translations of Western newspapers and pamphlets. By examining closely what may seem to have been an unusual choice to translate from Dutch newspapers – the cargo lists of Dutch ships from the East Indies – this article suggests how it might be possible to contextualize the news translations more broadly than has been done to date. It is important to examine the significance of the news where it originally appeared, since its significance in the Russian context may be quite different. And it is also important not just to focus on the Russian government's interest in the political news that informed its foreign policy. Over a period of decades, the importance given certain topics may have changed. The interests of the translators themselves – among them Andrei Vinius – may help to explain why they selected particular items for translation from the substantial quantity of foreign news which began to arrive in Moscow regularly upon the establishment of the foreign postal connection in 1665. The article is published in two parts, the first one here covering the background and the analysis of the evidence up through 1665. The second part, to appear in a subsequent number of the journal, will deal with the lading lists of 1667 and 1671 and the complex analysis of the context within which they may have been of particular interest in Moscow.

Keywords: *Vesti-Kuranty*, news, information broadcasting, 17th-century Russia, Dutch ships, exotic goods

* *Citation:* Waugh, D. C. (2023). The *Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 1. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 395–422. DOI 10.15826/qr.2023.2.796.

Цитирование: Waugh D. C. *The Kuranty* in Context: Dutch Lading Lists and Their Russian Translations. Part 1 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 395–422. DOI 10.15826/qr.2023.2.796.

Изучение доставки и влияния иностранных известий в Московской Руси является темой многочисленных новых исследований. Особое внимание уделяется «курантам» – переводам западных газет и брошюр. Среди них особый интерес вызывает внимание переводчиков к передаче информации «материального мира» – многочисленным размещениям списков товаров, привезенных из Восточной Индии голландскими кораблями. В статье обсуждаются возможные контексты, объясняющие выбор из газет именно такого редкого материала. Выявляются значение и источники этих публикаций. Отмечено несоответствие оценки важности информации по различным вопросам в русской и зарубежной среде. Вопреки традиционному мнению о том, что для русского правительства в первую очередь переводили политические известия, показано, что изучаемые материалы нередко были посвящены и другой тематике. Так, например, в них содержатся подробные списки экзотических товаров, число которых поражает и требует объяснения. Существующие переводы таких списков разных десятилетий демонстрируют изменение интереса с течением времени. Автор полагает, что выбор газетных статей для переводов, отражая преимущественно интерес правительства, зависел и от личного выбора переводчика (например, таковым был известный Андрей Вinius), от его интересов. Отмечено, что становление иностранной почты в 1665 г. привело к расширению ввоза иностранных газет и актуализации новостей торговли. Статья публикуется в двух частях, в первой представлены анализ западного контекста публикации списков товаров в Голландии на примере переводов двух источников (1628 и 1646) и документация об интересе к новостям о голландских морских делах со стороны России (до 1665). Вторая часть исследования будет посвящена переводу списков за 1667 и 1671 гг. и анализу сложных вопросов об интересантах этой информации.

Ключевые слова: «Вести-Куранты», новости, трансляция информации, Россия XVII в., голландские корабли, экзотические товары

In recent decades there have been major advances in the publication and analysis of the *kuranty* (куранты), the seventeenth-century Russian translations of foreign newspapers and other news sources. The most recent volumes in the ongoing series of text publications, *Vesti-Kuranty* [Вести-Куранты] (hereafter – В-К), include not only carefully edited and indexed editions of the translations but also, thanks to Prof. Ingrid Maier, the concomitant printing of the most likely foreign sources which she has identified and her analysis of the accuracy of the translations¹. Stepan Shamin continues to publish important studies of the *kuranty* texts that await inclusion in the series and to broaden our knowledge of the texts which in some cases were disseminated in manuscript copies outside the Muscovite chanceries². There is a steady stream of new discoveries of translated texts

¹ In particular, among Maier's numerous publications, note (B-K VI/2), containing her monograph-length introduction to her publication in the same volume of the foreign newspaper sources for the translations published in B-K VI/1 and her commentaries about the accuracy and completeness of the translations.

² Among his many publications, note [Шамин, 2011; Шамин, 2020].

along with the determination of their sources. As a result of such work, we have learned a great deal from the historical linguists about the Russian language and skill of the translators and from the historians who have expanded our knowledge of the contexts in which the translations appeared. However, much research is still needed if we would hope to establish why particular texts were of interest to translate and whether the existence of the translations had much of an impact on government policy or more broadly outside of the chanceries. Currently, conclusions about such matters usually are based on hypotheses and unproven assumptions. If in the first instance, the foreign news that was of interest in Moscow related to international politics – the wars, the negotiations, the activities of the political elites – such hypotheses rarely have invited elaboration. Yet a careful examination of what is known from the *kuranty* and the degree to which that information may have been actually brought to bear in the government's foreign policy suggests that such assumptions may need to be revised. Moreover, there is a lot in the *kuranty* and what we might call “*kuranty*-like” translations which would seem to have little to do with political questions. Any attempt to understand why such texts were translated and whether or not they might have had any “relevance” to the concerns of Muscovites may necessitate broadening the examination of the contexts in which the texts can be situated both outside and within Russia. Why a particular item might have been deemed important for the publisher of a Western newspaper might be very different from why that same report attracted attention in Moscow.

This essay explores through a case study how we might attempt to broaden our understanding of the history of the *kuranty* in order to suggest lines for future research³. The subject here is several translations made in Moscow of the lading lists of the Dutch East Indies convoys. Why might Dutch newspapers regularly publish such detailed lists of the goods which provided the economic foundations of the Dutch Golden Age? Did these lists constitute accurate “news”, or might they better be seen as “advertising”? Who in Moscow could have found the detailed information in the lading lists to be of interest, especially if many of the products were unknown and not ones imported by Dutch and other merchants via the sea route to Arkhangelsk? We tend to assume the choices about what to translate from the western newspapers were governed by the interests of those who shaped Russian foreign policy, ultimately by the tsar himself. Yet might there not be an alternative explanation, suggesting that the personal interests of the translators in the Ambassadorial Chancery (Посольский приказ) were important?

³ This essay anticipates the thematic and methodological emphasis and incorporates materials drafted by the author for a collaborative but yet unpublished book project with Prof. Ingrid Maier (Uppsala) on foreign news in Muscovy [Maier, 2004; Maier, 2006]. That draft contextualizes very broadly the *kuranty*, with reference to their sources, European events, other Muscovite “news” sources, and Muscovite political priorities and cultural history. The book examines systematically and in some detail the period between ca. 1620 and 1665 (the establishment of the Muscovite foreign post) and then more selectively examples for the remainder of the seventeenth century, with new material on some of the “curiosities”, on readership and and the possible dissemination of the news beyond the confines of the chanceries.

The Dutch context for the lading lists

Given the dependence of the Dutch economy on international trade, news about commercial shipping was one of the staples of the Dutch newspapers. Dutch convoys generally sailed according to regular schedules each year; their arrival was anxiously anticipated. So there would be reports on the impending arrival of ships from Smyrna (today's Izmir in Turkey), the West Indies, and Arkhangelsk, as well as the annual fleets from the East Indies. Delays due to bad weather, shipwreck or the capture of the ships by pirates or hostile powers were news, and, if not yet confirmed, the cause for speculation. While by no means all such reports included cargo lists, the newspapers printed lading lists for both the East and West Indies Dutch fleets and for English or French ships whose imports might be obtained by Dutch merchants. This was information presumably important for anticipating market prices and profits.

The Dutch East Indies Company (Vereenigde Oostindische Compagnie, hereafter – VOC), incorporated in 1602, became one of the commercial powerhouses of the seventeenth century. Its colonies and commercial network in South, Southeast and East Asia supplied a major part of the economic riches for the Dutch Golden Age. The company normally dispatched two return fleets each year from the Indies, the first generally departing from Batavia (today Jakarta, Indonesia) in late autumn, the second, usually the smaller one, in early winter⁴. As the century progressed, ships routed via Ceylon (Sri Lanka) often were part of the second return fleet (Ill. 1 on the color page).

Always very precise in their record-keeping, the VOC administrators in the ports of departure would draw up detailed lading lists for the cargoes of each ship in the fleet. Generally, before the ships would dock in the Netherlands, a copy of the lading lists would be brought ashore by fast packet boats sent out to meet them⁵. Even before all the ships in one of the return fleets would have docked, it was in the interest of the VOC to have the lading list for the entire convoy published as a kind of advertising for the merchants who during the

⁴ An overview of the VOC shipping is in [Bruijn et al., vol. 1]. Vol. 2 and 3 of the study, based on the data in the VOC archives (Nationaal Archief, Den Haag. No. 1.04.02), list all the VOC ships individually, with details about size, date of construction, dates of main voyages, etc. The online database thus makes it possible to check references to individual ships that are found in the headers to the lading lists and in some separate news reports.

⁵ An example is the report on the Indies fleet published in the Amsterdam newspaper [Courante uyt Italien en Duytslant 1660/28, 10 July] (hereafter – *CID*), in which there was information dated 9 July that on the previous day, the director of the VOC had learned from a galiot that ten ships of the return fleet were about to land. The article then confirmed their sighting and indicated nine were from the first return fleet expected that year, the tenth having been sent out the previous year but forced to turn back for repairs. Of these ten ships, four docked on 10 July, the day the paper was published, and the remaining six docked on 18 July. The article further indicated that two more ships were expected (the second return fleet). Following this article, the newspaper published the lading list for the ten return ships which the VOC had provided in advance of their all having reached port. Publication dates for the Dutch newspapers are according to the Gregorian Calendar (N. S.) as are the dates of the events they reported. Receipt and translation dates in Moscow are according to the Julian Calendar (O. S.). Occasionally for clarity we cite both calendar dates in the form O. S. / N. S., the difference in the seventeenth century being 10 days.

upcoming months would bid on the goods in several Dutch cities⁶. The early Dutch press pioneered in the inclusion of paid advertising, although most commonly it was for new books and would be separated from the rest of the news by its placement at the very end of the final news item, just below where the lading lists would be printed [Pettegree, *Weduwen*, p. 82–84]. Our concern here is the published versions of the lading lists, not the details (which would require examination of the vast VOC archives) about the realities of the Dutch markets or the company's profits. Since there are major lacunae in the files of Dutch newspapers which have survived, to supplement that evidence, we have examined as well the annual volumes of *Hollandtze Mercurius* (hereafter – *HM*), published in Haarlem by Pieter Casteleyn starting in the 1650s. Every volume of these news books includes the lading lists for the annual fleet arrivals of that year, either drawn directly from the information supplied by the VOC or copied from the newspapers, in particular the *Oprechte Haerlemse Courant* (hereafter – *OHC*) published by his brother Abraham Casteleyn. Taken together, this material illustrates well the ways in which the reports of the VOC Indies fleets appeared in the press.

Although there were some exceptions, the lading lists printed in the press combined the statistics for each individual ship's cargo into a single listing for the entire fleet. Thus, readers would know for each category of goods the total quantity which was expected. The exceptions to this aggregation of the data can be of particular interest for what they reveal about the point of origin of goods and the changes over time in the assortment of what was arriving in the Dutch markets. Even though for the period that concerns us here the most valuable part of the cargoes was the spices (first of all pepper), the quantities and varieties of fabrics, especially cottons from India, grew in importance⁷. By the end of the seventeenth century, the most valuable part of the trade was the textiles, most of them obtained by the Dutch stations in Bengal and shipped on vessels that stopped in Ceylon (Sri Lanka)⁸.

⁶ The Haarlem newspaper [*Oprechte Haerlemse Saterdagse Courant* 1669/32, 10 Aug.] (hereafter – *OHS*) published from what must have been a VOC press release not only the lading list for two of the return ships but a schedule of upcoming auctions and a listing of the quantities of a number of products that would be sold. On 2 August 1670, the same newspaper reported that four VOC ships from Ceylon and Batavia had just arrived but noted that the cargo list had not yet been made public. However, the word was that there were 1300 bales of Pepper, 12,000 pounds of Bengal silk, etc. (*OHS* 1670/31). The important Amsterdam newspaper [*Tijdinghe uyt Verscheide Quartieren*, 1670/31] (hereafter – *TVQ*), published on the same day, reported the arrival of the ships but made no mention of the cargo. The next issue of the Haarlem newspaper [*Oprechte Haerlemse Dingdaegse Courant* 1670/31, 5 Aug.] (hereafter – *OHD*) printed the lading list for those ships, the quantities of both the pepper and silk in fact substantially larger than what rumor had suggested.

⁷ An unusually long and detailed lading list for the return fleet of 1661 not only breaks down the cargoes by individual ship but for several of them lists the cotton textiles separately from the other goods (*HM*, vol. 12, p. 99–101).

⁸ See [Bruijn et al., vol. 1, p. 189–194] for a summary discussion of the cargoes and how they changed during the seventeenth century. There is, of course, a large literature on the early Asiatic maritime trade. One of the pioneering studies, based on extensive research in the VOC archives, is [Glamann], which provides a great deal of information on products, markets, prices, etc. with statistical comparisons of changes over more than a century, starting in 1620.

The information in the lading lists was not necessarily a precise indication of what would actually reach the Dutch market, since occasionally a ship whose cargo had been inventoried for the lists in the Indies never arrived or would make it to port only months later. When the newspapers published the initial, comprehensive lading list, the fate of every ship in the fleet might not be known, and generally there was no immediate qualification of whether part of the shipment might have been lost. In his yearbooks, which were generally printed in the spring of the following year, Pieter Casteleyn could include both the lading list and additional information about the fate of the ships. Each return fleet brought back often detailed reports on the latest developments affecting the eastern trade, which Casteleyn might print but which generally would not be included in the newspaper reports, focused as they were on immediate events. A further limitation in the accuracy or value of the lading list information was that the goods they listed might have been damaged during the long voyage and not be saleable. Nonetheless, the lists probably were a reasonable guide for merchants to estimate pricing. Here we will examine in sequence the several Russian translations of the Dutch lading lists. We have translations for the return fleets of 1628, 1646, 1667 and 1671. It is possible to offer reasonable hypotheses in each case why there would have been an interest in translating the list. The circumstances involving the lists of 1667 and 1671 are complex and invite the much broader, if speculative, treatment in second installment of this article. It is important at the outset to keep in mind the limitations of the evidence. Not only are the files of Dutch newspapers incomplete, but so also are the files of the *kuranty*. Thus, we cannot know whether these few examples of the translated lading lists are exceptional, or whether they might fortuitously preserve evidence of some more sustained interest in Moscow about the tracking of the Dutch Indies fleets. Even though the lading lists were being published on a regular basis in the Netherlands, it is impossible to know for certain how many of those lists were actually received in Moscow and, if they were, whether they were deemed of sufficient interest to translate.

The lading list of 1628 and its Russian translation

Fortuitously, copies of the two leading newspapers of Amsterdam which reported on the arrival of the return fleets in 1628 have been preserved, along with the Russian translation of the lading list and some other evidence suggesting how that news from Amsterdam arrived in Moscow. On 10 June 1628 (N. S.), the as yet untitled newspaper published by Broer Jansz (which in the next year would begin to appear under the title *Tijdinghen uyt verscheyde Quartieren*, hereafter – TVQ) published in full the lading lists enumerating for each of the five ships (which he named) in the East Indies fleet all of its goods and the aggregated cargoes for three ships which had arrived on the same day, June 2, from Dutch Guinea (the Dutch West India Company's fleet from Fort Nassau, today Ghana). The other well-known Amsterdam newspaper, *Courante uyt Italien en Duytslant* (hereafter – CID), also published on 10 June a report about the return fleets, but rather than

include the detailed cargo listings for each ship, aggregated for each of the two return fleets the amounts for each cargo item (Ill. 1).

The two newspapers presumably had received the same information, which included the names of all the ships, the indication of which chamber within the VOC was responsible for each vessel, and the date (7 November, 1627) of the departure of the VOC convoy from Batavia. Even though it totaled the statistics for the cargoes, *CID* published the chamber information and the departure date, whereas *TVQ* did not. *CID* also included the names of the ships, which had arrived from Guinea, whereas *TVQ* did not name them. The distinct differences in the two newspaper reports make it clear that the Russian translation was based only on *TVQ*. Both newspapers indicated the arrival of the fleets was on 2 June, although in fact two of the East Indies ships did not dock until 28 June, more than two weeks after the publication of the news reports⁹. First in importance in the 1628 cargoes was pepper, the total in the five ships from the East Indies nearly 65,000 sacks, which is apparently the equivalent of over 1.8 million kg. The cargoes contained a lot of saltpetre (Salpeter). There were some barrels with porcelain, which we know the VOC was having manufactured to specification in Chinese kilns. Persian and raw white Chinese silk were in the cargoes and some quantities of diamonds. Only one of the ships had some sandalwood. The same ship was distinctive too as the only one carrying textiles – relatively small quantities of “Betilies” and painted cloths (geschilderde Deeckens) – both known from the later lading lists. The later lading lists included a much broader assortment of textiles. Guinea supplied some gold, lemon juice and, interestingly, nearly 17,000 kg of elephant tusks.

The translation of this lading list does not necessarily indicate that there was a particular interest in its contents in Moscow. In fact, the entire number of *TVQ* containing it was translated, the list not singled out for special attention¹⁰. In this period in Moscow, when foreign

⁹ As the online database of VOC Asian shipping [Bruijn et al.] reveals, the East Indies fleet had sailed from Batavia on 6 November 1627 (this date differs by one day from that mentioned in the report in *CID*). Even though both newspapers state that the ships had arrived home on 2 June, in fact that was the case only for the *Wapen van Delft*, *Galiasse*, and *Frederik Hendrik*, the two ships named *Hollandia* arriving on 28 June.

¹⁰ The copy of the translations from this number of *TVQ* is in [РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 58–61, 78–84, 58–61]. They include on fols. 58–61 a proclamation by King Gustavus Adolphus dated 22 March (O. S.) and on fols. 82–84 the lading list. See the publication in (B-K I, c. 115–117, 120–122). The editors divided the translation into two separate packets (№ 22, 23). In subsequent references to the *Vesti-Kuranty* series, following the page numbers, packet numbers (№) provided by the editors are cited in the form № 23.78 to facilitate the precise identification of the texts in question (information on a particular manuscript sheet is added after the point). Clearly the ordering of the folios from the original archival scroll as it presumably had existed in the seventeenth century had subsequently been rearranged at the time it was unglued into individual sheets, with the material from *TVQ* separated by translations from other sources. In the absence of a title at the top of the first page of the newspaper, the translator has “created” one on the basis of the first article, a report from Breslau dated 24 May (№ 23.78). The copy of the Swedish king’s proclamation also was published in at least one German newspaper, but in the context of the Russian manuscript, it seems clear the translation was made from the Dutch one (cf. [Maier, 2006, p. 455], citing the Hamburg *Wochentliche Zeitung* 1628/21).

newspapers were not being received on a regular basis, those that arrived tended to be translated in full or at least without major omissions and condensation. Even though it seems the surviving Russian translation files have significant lacunae, there is sufficient evidence to suggest that several issues of *CID* (published 3 March, 18 March, 1 April, 22 April) and at least one other issue of *TVQ* (published 17 June) were sources for the translations found in the manuscripts along with the ones which definitely came from *TVQ* of 10 June¹¹. There is a distinct possibility that at least the most recent of these newspapers (the two issues of *TVQ*) could have been in a packet of news sent directly to the tsar by the well-known merchant Isaac Massa, who had more than once been in Moscow, was involved in Dutch diplomacy with Russia, and seems to have had at least an unofficial “contract” to supply the tsar with foreign news¹². He wrote the tsar from Haarlem on 30 June 1628 a newsletter with which he would have been able to enclose the 10 June and 17 June copies of *TVQ*¹³. Probably he wrote his letter shortly before the departure of the next Dutch ship to Arkhangelsk. Its Russian translation was made on 15 September upon its receipt in Moscow. Thus, that may also be posited as the date when the lading list was translated, more than three months after it had been published in Amsterdam. As is the case with most of the Russian translations of the foreign newspapers, the identity of the translator is never indicated. At this time, the most likely translator would have been one Boris Borisov,

¹¹ The following conclusions may need to be qualified by allowing for the possibility that some of the news articles in question could have derived from German newspapers, not the Dutch ones. We know that often news reports were translated and thus reprinted in another language. That said, given the extensive overlap of the translated texts with the Dutch sources, it seems most likely that *CID* 18 March 1628 is the source for (B-K I, c. 130–131, № 24.110–24.115), where the translator has mistakenly used the date in the header for the opening article (from Venice), which he did not translate, instead of the correct date for the subsequent article with news from Vienna which he did. *CID* 1 April is the source for (B-K I, c. 125–127, № 23.94–23.101). *CID* 22 April is the source for (B-K I, c. 127–129, № 23.102–23.109), breaking off in the middle of the article datelined Luyck (but mis-translated as Lübeck). *TVQ* 10 June is the source for (B-K I, c. 115–116, № 22.58–22.61; c. 116–117, № 23.61–23.66; c. 120–122, № 23.78–23.84). *TVQ* 17 June is the source for (B-K I, c. 117–120, № 23.67–23.77). The source(s) for (B-K I, c. 122–125, № 23.85–23.93) have yet to be identified. Even though at least two articles (B-K I, c. 124, № 23.89–23.90) overlap in content with ones published in *CID* 25 March, that does not seem to be their source. Possibly the material comes from two numbers of *TVQ* which are no longer extant to check. One of them would have been that published on 22 April, which might have contained the entry datelined Bergen op Zoom, 18 April (B-K I, c. 125, № 23.93). It is not the same as an article with the same dateline published in *CID* 22 April.

¹² Dutch merchants in Russia on numerous occasions turned over to the Russian officials copies of the newspapers they received. So it is possible that someone other than Massa was responsible for handing in the papers used in the translations we have and may have acquired the originals from a different individual in Holland. The March and April issues of *CID*, which we assume to have been received, likely would have arrived in one of the earliest Dutch ships in the navigation season, whereas the June issues of *TVQ* must have arrived in a later sailing timed to reach Russia (and be able then to head back home) before winter weather set in.

¹³ His letter of 30 June is published in (B-K I, c. 132–133, № 25).

Carge van de vijf Schrypen ghecomen van Batabiamer den Generael Carpentier / den tweeden Junij.	
	'tSchip Hollandia.
i 5132.	Sacken Peper.
88000.	Pont Noten Muscaten.
220.	Sockels Folpe.
4.	Legghers geverkeide Noten.
38404.	Pont Ingelen.
1050.	Catti Indigo.
180.	Catti Aloë.
17895.	Pont Stadit China.
21275.	Pont Galiga.
16.	Balen met Pozelepn.
20502.	Pont Geraffineert Salpeter.
12922.	Catti witte route Chinesche Zijde.
150.	Balen Zijde van persten.
81.	en drie vierendeel Carraet Diamanten van Bozno.
21.	Stuck Diamanten bande Cuff.
11.	Stuck Besoar-steen.
15.	Catti 6. stiel sijne Muscus.
	'tVapen van Delft.
18116.	Sacken Peper.
106624.	Pont Ingelen.
53538.	Pont Noten.
14263.	Catti Japons Coper.
100.	Balen Zijde van Persien.
9440.	Stuck Pozelepn.
	'tSchip Galjas.
4457.	en een half Sacken Peper.
13535.	Pont Ingelen.
142200.	Pont Noten.
304.	Sockels Folpe.
1098.	Berilles.
40.	Stuck geschilderde Derckens.
156.	Pont Catoen tot een Monster.
10.	Piccol Sandel hout.
	'tSlants Schip Hollandia.
7340.	Sacken Peper/wegende 426720. Pont Holl.
22036.	Pont Ingelen.
90.	Sockels Folpe.
27135.	Pont Geraffineert en Ongeraffineert Salpeter.
6.	Merre stucken luegende te samen 14660.
	Item tot Ballast int ruyt vooz de Generale Compagnie Beschut geschept.
	'tSchip Frederick Henrick.
19750.	Sacken Peper.
104005.	Pont Ingelen.
34300.	Pont Noten.
230.	Sockels Folpe.
201.	Balen Persiaensche Zijde.
7975.	Pont oingeraffineert Salpeter.
31011.	Stuck Pozelepn.
Ladinge van de drie Guinesche Schepen/den selfden dito ghearriveert.	
1027.	Pont 4. once vier en half Engels Gout.
33750.	Pont Oliphants Tand.
25.	Laften Maniquete.
87.	Oer-hoofden Lamoen-sap.

Ladinghe van vijf Schepen / uyt Batavia met den Generael Carpentier, den 12. November 1627. ghecomen / ende den tweeden Junij 1628. in 'tVaderlandt ghearriveert. 'tSchip Hollandia vooz Amsterdam. 'tVapen van Delft vooz Delft. Galias vooz Hoorn. 'tSlants Schip Hollandia vooz Rotterdam. Ende Fredrick Hendrick in Zeelandt.

64795 $\frac{1}{2}$. Sacken Peper. 284604. Pont Ingelen. 318038. Pont Noten. 844. Sockelen Folpe. 55612. Pont Salpeter. 451. Balen Persische Zijde. 40451. Stuck Pozelepn. 1098. Berilles. 14263. Catti Japons Coper. 4. Legghers gheverkeide Noten. 1050. Catti Indigo. 180. Catti Aluwe. 17895. Pont Stadit China. 21275. Pont Galigaen. 12923. Catti Chinesche Zijde. 81 $\frac{1}{2}$. Carraet Diamanten van Bozno. 11. Stuck Diamanten van de Cuff. 11. Stuck Besoar-steen. 15. Catti sijne Muscus.

Ladinghe van de drie Guinesche Schepen den selfden dito ghearriveert, te weten, d'Arcke Noë, ende de Oliphant voor Amsterdam, ende de Orangien-Boom voor Zeelandt. 1027. Pont 4. Once vier en half Engels Gout. 33750. Pont Oliphants Tand. 25. Laften Maniquete. 87. Oer-hoofden Lamoen-sap. ...

1. The lading lists in the Dutch newspapers of 1628. The condensed list in CID 10 June, p. 2 (right). The full list in TVQ 10 June, p. 2 (left)

a foreigner (whose origins have not been determined) first employed in translation for the Ambassadorial Chancery in 1621, where he continued to work over more than three decades (for his biography, see: [Беляков и др., С. 67–69]). A specialist for Dutch and German, he was involved in a number of important diplomatic missions to Sweden, Denmark and the Hanse cities of northern Germany, and on more than one occasion was among the translators who tested the language ability of others who were applying to be employed by the chancery.

While it is of interest to establish the accuracy of the newspaper translations made in Moscow, there are always uncertainties about whether problems might be the fault of the translator or the fault of the

copyist for whom a word would have been unfamiliar or illegible. That said, it seems that on the whole the translation of the lading list is quite precise. With the exception of a couple of the fractional amounts, the numerical statistics for all the cargoes are accurately reproduced. The Russian translation omitted the names of the ships and separate heading for the Guinea fleet, thereby conflating its cargo with that of the fifth ship in the East Indies fleet. The occasional foreign place name was omitted or rendered in an odd fashion, perhaps because it was unfamiliar: van Borneo > *melkovo*; Chin(ese) > *chepuchinnyi* (чепучинный); Japons > *indeiskaia*. The unusual *chepuchinnyi* is a term that could designate at least in a general way a substance used in medical treatment. However, the translation of Betilies as *chepuchinnovy koren'* (the same translation as for Radix China [China root]) is wrong: Betilies (Bethilles), attested in many of the other lading lists, is a kind of fine muslin. A few terms, transliterated from foreign sources (Galiga > *kalgan*; Bezoar-steenen > *kamen' bezuinyi*), may have been in common use by the seventeenth century. As Clare Griffin discusses, a good many of the ingredients in the medicaments prepared by the tsars' apothecaries were herbs that originated in East or South Asia and which could have been known from translations of Western herbals, the earliest of them done in the sixteenth century [Griffin, ch. 2 and passim]. The VOC played a significant role in supplying Europe with Bezoar stones and China root [Borschberg, 2006; Borschberg, 2010]. Mace (Folye) has been mistakenly transliterated in the Russian text as *folga*, probably because "y" and "g" would easily have been confused in the Fraktur (Gothic) typeface of the newspaper. There are a few puzzles, such as Indigo > *divimed* (the term used later was *krutik*) and Maniguete > *magnetovyi kamen'*.

When placed in the context of the other extant *kuranty* translations from 1628, the lading list certainly does not leap out as necessarily being of particular importance to the Russian government. A major part of the surviving translations concerns political events scattered across Europe. There are several long texts (including one translation from a Dutch pamphlet) relating to the French siege of Huguenot La Rochelle and the English effort to support the Protestants there. Immediately adjoining these texts in the current archival file is the declaration by King Gustavus Adolphus to peoples in the northern German lands in connection with his aims against Poland and the Holy Roman Empire.

The lading list translation of 1646

The situation is different with the next translation of a Dutch lading list, made probably in 1646. In this case, there clearly has been some conscious selectivity by the translators in the Ambassadorial Chancery at a time when the Russian government was gathering information pertaining to trade by the foreign merchants and their agents, in which the Dutch played a significant role. So far, we have not located a copy of the original Dutch lading list of 1646, and the Russian version may in any event not be a full

representation of its contents. However, there is evidence which can help to contextualize the decision to translate it.

The current archival files of *kuranty* translations include a great deal of material ostensibly dating from 1646 [РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1646 г. Д. 6]. However, there are important unresolved questions about the actual dates of many of the texts. The current order of the folios may or may not preserve the seventeenth-century order. Individual folios or groups of them may later have been shuffled around and folios lost. At the same time though, an argument can be made that some thematic groupings of chronologically disparate material may have been produced in the Ambassadorial Chancery not long after the translations of individual items had been made. That is, translated letters and news reports may consciously have been brought together because of a particular focus of their content and thus tell us something about what may have been the real interest in the material.

Our lading list is contained in just such a group of texts: translations, excerpts, and notes from the foreign correspondence of many of the most important Dutch merchants in Russia. The noted scholar of Russo-Swedish relations, G. V. Forsten, citing Brandenburg and Swedish sources, wrote more than a century ago that between mid-October and mid-November 1645, as many as 400 foreign letters from Riga, Reval and Narva had been intercepted and opened by the Russian authorities [Фортен, с. 212]. This perustration of foreigners' mail seems to have been common at least near the end of Tsar Mikhail Fedorovich's reign and the beginning of that of his son Aleksei Mikhailovich¹⁴. There are various explanations as to why there might have been a particularly intense period of such perustration in the mid-1640s. Forsten suggested that Aleksei Mikhailovich had a particular animus toward foreigners. While that is possible, a monocausal explanation probably oversimplifies the matter. One might more plausibly attribute the interest in the contents of foreign mail to the connection of some of the writers with the drawn-out and ultimately unsuccessful negotiation about the possible marriage of the Danish/Holstein Prince Waldemar to the tsar's daughter, Irina Mikhailovna. The failure to persuade Waldemar to convert to Orthodoxy so that the marriage could take place was a bitter disappointment to those who had advocated it. The negotiations came at a moment of increasing tension between Denmark and Sweden, and there were fears that the Swedes might in fact be preparing to attack Russia. So to monitor foreign correspondence that passed through Swedish-held territory was a high priority. Some of the intercepted letters were correspondence of individuals who had played a direct role in the negotiations with Denmark, among them the merchant Peter Marselis, who both worked for the Danish mission, had undertaken assignments for the Russian government and in his later career

¹⁴ For a general treatment of perustration of foreigners' mail in Muscovy, see: [Waugh] who includes a summary of the example which is the focus here.

would be an important agent for the tsar¹⁵. A close examination of what appears to be a distinct packet of intercepted and translated correspondence containing the lading list suggests that while the Russian officials certainly were interested in obtaining the latest political news, they were paying very close attention to the commercial dealings of the correspondents, who were exchanging a great deal of specific information (as one might expect for merchants) about certain goods, their prices, and their availability. The lading list of 1646 was appended to an undated letter written to one Thomas Swan (Томас Сван/Шван) by his nephew in Amsterdam (B-K III, c. 86, № 24. 26–27). The translation of his letter opens with a very interesting report from the Indies about the nomad invasion of China, which may well be the first news to have reached Russia about the Manchu conquest with the taking of Beijing in late spring 1644 and the suicide of the last Ming Dynasty emperor¹⁶. After relating this, the letter pointedly indicated that, as a result of the events, silk from China presumably would not be shipped, and this would make the silk obtained via Russia the more valuable. The report about China and the lading list were brought by nine ships from the East Indies whose arrival was expected in Holland. The VOC records of its East Indies ships make it clear that this must have been the return fleet of 1646, whose nine ships had departed from Batavia on 18 December 1645 and arrived home between 30 June – 3 July 1646¹⁷. The wording of the letter would seem to suggest it had been written before the ships actually had docked (that is, on the basis of the publication of the lading list presumably just a few days earlier, anticipating their imminent arrival). The cargo of the 1646 fleet included pepper, cloves, nutmeg, what the translator rendered as “nutmeg blossoms” (цвѣт мушкатный) – probably the leaves of the seed coat of nutmeg fruit, which in other lading lists was called “foelie” – cinnamon, saltpetre, indigo (three varieties, assuming the translator’s *krutik* is accurate), diamonds, silk (two varieties, one specified as Persian). Presumably there were many other items listed in the original document, but the writer in Amsterdam simply summarized them as various cotton textiles and products from Thailand

¹⁵ For the Marselis correspondence in 1645, see: (B-K III, c. 15–21, № 1–7).

¹⁶ This report is short enough so that it might well have been printed in a newspaper along with the lading list. The officials of the VOC based in the Indies would always send long reports about the affairs of the larger region which affected company business. Some of these reports were more fully quoted or summarized in Pieter Casteleyn’s Haarlem newsbook. See, for example: (*HM*, vol. 5 (reprint ed. of 1675), p. 90–95), first a text entitled “Den standt der Nederlanders in Oost-Indien”, and then a much longer account entitled “Der verwoesting der Tartaren in China”. The text on China could, of course, have come from a different source. As we shall discuss further in Part 2, later in the century the translator and chancery official Andrei Vinius owned a number of books with information on the Dutch in the Indies and on events in that region. His library contained an extensive set of *HM*. Unfortunately, we do not know exactly when Vinius acquired the books.

¹⁷ The number of ships returning in 1645 (two fleet sailings) was seven; the return fleet in 1647 included 10 ships, but one was wrecked en route. Most likely the lading list would still have included it and its cargo, even if only nine of the ships arrived. There is no reason to think this specific collection of intercepted correspondence includes any letters from 1647.

(Siam) and China¹⁸. The significance of the inclusion of this information in the commercial correspondence between Amsterdam and Moscow and the decision to translate it can be appreciated from a look at the specific context in which the letter and its translation were preserved. In the archival file which contains materials dated to 1646 [РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1646 г. Д. 6. Ч. 1–3] the lading list is in a collection of translations and summaries made from a great many letters sent to the foreign merchants in Moscow by their agents and family members both within Russia and from abroad¹⁹. The summary statistics the translators included, which possibly encompass the more detailed material that precedes them from this set of letters, are truly impressive. There were several large packets, each containing a number of individual letters which the addressee of the packet was expected to deliver to his associates. David Nikolasz Ruts (Давыд Миколаев Рутц) received two packets of 20 letters and others containing 13 and 6. In all 32 letters were addressed to Ruts, 27 letters to Thomas Swan, 18 to Hartmann Schwelengrebel (Артман Свеллингребель); 15 to the De la Dale brothers (Ондрей де Ладал, Петр де Ладал), and so on. While more work is needed on the history of these entrepreneurs – the correspondents named are almost a Who's Who of the most important foreign merchants in Russia – it seems that most of them in one way or another were associates of David Ruts. The

¹⁸ The terminology in the translation for the quantities of the goods is somewhat puzzling and hard to decipher in part because the measurements recorded in the Indies might vary depending on the source of the item. According to the Russian translation, the pepper was measured by the *kul*, specified as containing 60 *funt* (¶Ч кулеи перцу въсом всякои кул по 3 фунтов), an equivalency probably written on the original list. The lading list for the 1652 fleet (*HM*, vol. 3 (4th ed.), p. 70) is unusual in specifying “77023 Sacken of 38512 Picol 68 cat. Peper.” The lading lists commonly measured the pepper by the catty, which normally contained 1.25 Dutch pounds (pont = 494 gr.). The lading list for the 1654 return fleet specifies that 1 picol is 120 pont, and 1 catty is one and one-fifth (understood – pont) (see: *HM*, vol. 5, p. 89); however, the lading list of 1660 states 1 picol is 130 pont and one catty one and one-third (*HM*, vol. 11, p. 115). Given what we know about the normal size of the cargoes, the 90,000 (¶Ч) *kul* of pepper more logically could have been 90,000 picol in weight, which would be the equivalent of over 11 million pounds, a huge but not impossible figure (the return fleet in 1655 was carrying 6.5 million pounds of pepper). One of the varieties of silk was measured in *gildens* (*Dutch*: gulden/gilders, the standard currency, whose value was equivalent to about 10 grams of silver). The diamonds also were measured in *гилденс*. One wonders though whether this might be a mistake on the part of the translator, a misreading of the adjective specifying place of origin as “Guinees”. The Persian silk was measured in *tai*, a term referring simply to a bundle or bale (but of unspecified weight). Lading lists normally would specify raw Persian silk by weight (*pont*), but finished textiles might be measured by the piece (*stucks*, *pieces*). There is at least one example where a lading list included “16213 pont Persiaense Sijde in 88 balen” (*HM*, vol. 21, p. 107). Lading lists for English Indies ships might commonly use the term “bales”. Possibly the Amsterdam correspondent had already done some “translation” of the quantities in the original lading list, by placing a gulden value on certain products and in his summary note at the end indicating the various other goods (the cottons etc.) had been purchased at a cost of 23 barrels of gold.

¹⁹ The relevant part of the deposit for our discussion here is the second one, from which the texts (fols. 20–61) have been published in (B-K III, c. 84–94, № 24). The manuscript inventory for [РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1646 г. Д. 6. Л. 5], available on-line through the RGADA website, includes a nineteenth-century explanatory caption for file No. 6: “Translation from printed and manuscript news, sent from Pskov and Novgorod, as well as from letters submitted to the Ambassadorial Chancery by foreign merchants concerning various happenings at European courts”.

correspondents wrote from Amsterdam, Copenhagen, Hamburg, Danzig, Riga, and Pskov, and one sub-group of the letters included 15 from English merchants in Livorno who were writing to London. It is impossible to know exactly the dates of many of the letters. Often there is a month and a day, but no indication of the year. However, internal evidence suggests that they date between late summer or early autumn 1645 and the end of summer 1646. Likewise, it is impossible to know when the translations were done, whether this is an accumulation of letters translated at one time (in that event, no earlier than the most recent of the letters) or whether it is an accumulation of letters translated as they were intercepted, the work spread over year or more. In reading and translating the letters, the chancery staff made notes as to whether they contained only family information (in which case, there was no translation of details) or contained enclosures – for example, price sheets or printed news. The printed newspapers apparently were removed and dealt with separately²⁰. Political news in the body of the letters themselves tended to be translated or at least summarized – for example, there were references to the hopes for the conclusion of the peace negotiations underway at Münster to end the conflict between the Netherlands and the Spanish Habsburgs. The language of the original letters is never specified, but one might assume it was Dutch (possibly German). Who did the translations also is unknown, though very likely it was the same Boris Borisov who might have translated the lading list of 1628. Still active, he had accompanied an embassy to Denmark in 1642, and in October 1644, had supplied the Apothecary Chancery with a translated list of medicines needed for members of Waldemar's suite [Беляков и др., с. 68].

The collection of this material from the foreigners' correspondence is particularly noteworthy for the amount of translated information, some of it quite detailed, regarding trade, and specifically the trade in silk. The Dutch merchant network was heavily involved acquiring and trans-shipping silk, which was coming into Muscovy from Persia, in many cases brought by the Armenian merchants who were agents for the shah's monopoly of the Persian silk trade. That silk then would be acquired by Russian merchants, usually the elite rank of them (the *gosty*) and they in turn would sell at least some of it to the Dutch, who would ship it out of Arkhangelsk to Amsterdam or Hamburg. References in the translated letters to the East Indies trade seems to have focused in particular on how the silk it was bringing to Europe either from Chinese or Persian sources was affecting prices that could be obtained for the silk coming out of Russia (in particular the varieties termed *ardaskii* and *leziiskii*, the latter at least specific to what was produced in Persia). Thus, the disorders in China and the anticipation that the next year's Indies

²⁰ Given its proximity in the archival file to the packet of intercepted correspondence, likely the translation of news published in (B-K III, c. 82–84, № 23), was made from some of those enclosures. It may well be that other packets of translated news published under separate numbers in (B-K III) also had arrived with the correspondence that is our focus here. However, the copies of those translations are not preserved in the archival file right next to the translations of the intercepted letters.

shipments would be insignificant were positive developments which could increase the prices in Amsterdam for the silk out of Russia.

This information also has to have been of interest both to the Russian government and to the elite Russian merchants who were involved in the silk trade. While there are some uncertainties as to the exact date, it was precisely in this period that a group of the elite Russian merchants petitioned the tsar to curb what they saw as unfair competition and price fixing by the foreign merchants. Some of those they named were among the merchants who had received the letters discussed here. Even though it is not clear that at this time the government responded by restricting the activity of the Dutch merchants, exactly this kind of concern about foreign competition would lead to the issuing of the New Trade Statute in 1667 which severely curbed where foreign merchants could trade in Russia. Moreover, the petition by the merchants in ca. 1646 is remarkable in the way it anticipated a similar complaint to Peter the Great at the end of the seventeenth century by Ivan Pososhkov, who blamed the economic advantage the foreign merchants had on their ability to correspond regularly with their agents abroad through the postal network. The petitioners in 1646 wrote:

And they, sovereign, living in Moscow and in towns, travel through Novgorod and Pskov to their land five, six or ten times a year with news of what goes on in the Muscovite state, why certain goods are bought and which goods fetch high prices in Moscow, and the undertake to prepare such goods, and all this is done thanks to their frequent news and in letters where they conspire together²¹ [ААЭ, т. 4, с. 14–25, № 4, с. 18].

At very least here, the opening of this batch of foreigners' letters would seem to indicate genuine concern in the Kremlin about the issues the Russian merchants raised. One should not conclude, however, that any of the translations were shared with those merchants, since such translated information was generally regarded as confidential, for the use only by government officials. Whether any products but the silk listed in the 1646 lading list would have attracted special attention is impossible to know, although there is ample evidence that spices such as those included in the Dutch cargoes from the Indies were being purchased for the tsar's court and apothecary in some cases by his agents who attended the annual fair in Arkhangelsk at the end of the navigation season.

²¹ The petition has been reprinted in [Демкин, вып. 2, с. 99–108]. The interest of the government in the Volga trade with Persia well antedates the merchant complaint of 1646 and must have been the focus of some attention by the government when the Holstein embassy (that included the well-known Adam Olearius who would later write one of the major foreign accounts of Muscovy) was in Moscow to negotiate permission to establish trade to Persia via Russia. The would-be husband of Irina Mikhailovna, Waldemar, was the Prince of Holstein, and some of those involved in the Danish mission regarding the marriage had also been involved in the earlier negotiations at the time of the Holstein embassy. Another packet of translations from intercepted mail includes some of Olearius' correspondence with his contacts in Moscow (Б-К III, с. 39–44, № 10). For Pososhkov's petition, see: [Посошков, с. 273–274].

The return fleet of 1665 and its fate

In order to contextualize the decision to translate the lading list of 1667, it is useful first to examine evidence about the interest in Moscow in news concerning the Netherlands during the immediately preceding years. Of central importance was the reporting about the Second Anglo-Dutch War, declared by the Dutch on 4 March 1665 and settled by the Treaty of Breda on 17 July 1667. The ability of the Ambassadorial Chancery to keep track of events was considerably enhanced by the establishment of the regular international postal connection between Moscow and Riga in 1665²². Of course political news from and about the Dutch Republic had long been of interest in Moscow, given the importance of Dutch merchants in the Russian trade. In 1664 and especially 1665, even before the new international postal route to Riga was up and running, there is a long series of translated reports in which it was possible to trace a number of key moments in Anglo-Dutch relations. Diplomatic efforts to head off open conflict, the expectation that they would fail, and also military preparations for war were mentioned in reports translated as early as late summer 1664 (B-K VI/1, c. 104, № 12.7; c. 105, № 13.2). There was a quite detailed report of what would prove to be one of the final catalysts, the English attack not far from Cadiz on a Dutch fleet from Smyrna in December 1664 (B-K VI/1, c. 106, № 14.16)²³. A document translated probably no earlier than the end of March 1665 seems to have derived ultimately from a single-sheet broadside publishing a decree issued on 27 January by the Dutch Government establishing levels of prize money to be given privateers who might capture English ships (B-K VI/1, c. 114–115, № 21)²⁴. The last-minute efforts of France to head off the conflict

²² For a recent, detailed re-examination of the establishment and first years of the international post, see: [Yo].

²³ The source for the translation is *OHD* 1665/4, obtained by Andrei Vinius on 28 February from a Dutch merchant. The entire first page of *OHD* 1665/4 was devoted to reports about the battle and related events. For another contemporary Dutch report on the battle, see (*HM*, Vol. 16, p. 16), the report printed in *OHD* 1665/4 immediately above the one chosen to be translated in Moscow. Another contemporary account was printed in the Amsterdam *Ordinarise Middelweeckse Courante* (hereafter – *OMC*) 1665/4, published on 27 January, the same day as *OHD* 1665/4.

²⁴ The editors have assigned this a date of 31 March 1665, apparently because it is found on consecutive folios following translations from Dutch newspapers done on that date. So far it has been impossible to locate either a copy of the original broadside or of a Dutch newspaper that might have printed it, if such was the source used in Moscow. The last dated entry in the translation that preceded this text (B-K VI/1, c. 109, № 16.3) is from Amsterdam, 13 February, referring to another Dutch decree (dated 26 January) about maritime restrictions following receipt of the news concerning the attack at Cadiz. A possible source would be *OHS* 1665/7, 14 February, but there is no extant copy to check. Either that number or one of the immediately succeeding ones could have included the text of the decree of 27 January. Such decrees were issued both as single-sheet broadsides and in pamphlet form. A pamphlet containing the decree of 27 January (but, with a different preface to what is in the Russian translation, hence not the direct source) is (*Extract Uyt 't Register van de Resolutien*). In his massive compendium and discussion of Dutch history (the relevant volume published in 1668), Lieuwe van Aitzema quoted both the decree of 26 January and that of 27 January and subsequently discussed the material [Aitzema, vol. 11/2, p. 710–713, 866, 871, 873]. A close comparison of the translation in (B-K VI/1, c. 114–115, № 21) with the Dutch original remains to be done, but we note that the translator did add Russian ruble equivalents for the values in Dutch guilders and seems to have shortened considerably at least the final section of the decree.

were mentioned in a translation done on 27 April, after the actual declaration of war. Translations from newspapers sent by Afanasii Lavrent'evich Ordin-Nashchokin from Pskov in late June included brief accounts of the failure of the French effort to mediate (B-K VI/1, c. 109, № 17.10; c. 105, № 22.33, 22.36–37). Reports published beginning in late June documented growing tension between France and England, in part due to English attacks on French shipping. Such accounts, if condensed and speculative, were translated in some of the *kuranty* by late summer and early autumn (там же, c. 132, № 25.84; c. 143, № 30.64–65; c. 153, № 34.83). News printed on 20 February 1666 (N. S.) in *OHS* 1666/8, delivered by the first Muscovite postmaster, Jan Van Sweeden, on 26 March (O. S.) and translated, emphasized the imminence of conflict between England and France and the involvement of the armies of the Archbishop of Münster against the Dutch (там же, c. 166, № 40.30–32). A report out of Königsberg, dated 23 February 1666, in German newspapers from Van Sweeden's next mail delivery on 8 April, elaborated in some detail the English grievances with France for its supporting the Dutch, King Charles II having sent Louis XIV a letter indicating his intention of going to war (там же, c. 162–163, № 38.45–46). Apparently, the same news packet delivered by Van Sweeden contained a copy of *OHS* 1666/10, from which the translators compiled material from three articles under a header datelined London, 22 February. The opening sentence of the translation reported that a French courier had just delivered Louis' declaration of war against England (там же, c. 163, № 38.48). A separate packet of translations (possibly from news that had arrived in the next mail?) included an item from Riga, 22 February, with a condensed summary of the actions of several of the powers in the conflict: the French declaration of war against England, a promise from Brandenburg to support the Dutch, the inclination of the King of Spain to support England, the dispatch of English troops to support the forces of the Archbishop of Münster in their attack on the Dutch, and a dispatch of Swedish troops with the same aim (там же, c. 165, № 39.29). The translator selected from an article in *OHS* 1666/9 only the sentence indicating that Brandenburg had now agreed to send troops in support of the Dutch (там же, c. 167, № 40.34; B-K VI/2, c. 490). Even though the Dutch negotiated support from Denmark, this failed to convince Münster to continue negotiations with The Republic for a peace settlement (B-K VI/1, c. 177, № 44.145–147)²⁵. However, the bishopric's precarious financial position, given the failure of the English to send a promised subsidy, seems to have led quickly to a renewal of negotiations, and a report in *OHD* 1666/16 and *OMC* 1666/15, from Amsterdam, 19 April, indicated that a treaty had been drafted (B-K VI/1, c. 179, № 45.152; B-K VI/2, c. 503)²⁶. The treaty was in fact signed on 19 April in Cleve. A German translation of it in a separate brochure served as the basis for its translation in Moscow, often very

²⁵ For the Dutch agreement with Denmark, see: (*HM*, Vol. 17, p. 30), and for the defensive alliance with Brandenburg [*Ibid.*, p. 33–38].

²⁶ The news was confirmed in a longer report datelined Stettin 23 April in that same packet of translations (№ 45.153–154), and in *kuranty* based on Dutch newspapers delivered on 10 May by Van Sweeden, where the report out of Stettin was dated 27 March (B-K VI/1, c. 182, № 47.125).

precise but also with some significant condensation (B-K VI/1, c. 187–190, № 49.156–161; B-K VI/2, c. 300–305)²⁷. A Dutch newspaper report from the Hague dated 23 May described the celebration of the peace there. It probably was printed in a newspaper on or immediately after that date and would have arrived in Moscow and been translated before the end of June (B-K VI/1, c. 187, № 48.186–187).

The naval actions in the Anglo-Dutch war seem to have attracted the greatest attention from the translators in Moscow. More than one report included data on the Dutch and English fleets, in one case with considerable detail (B-K VI/1, c. 110–111, № 18)²⁸. This description of the two fleets apparently dates to late April, anticipating what would be the first major sea battle of the war. The Battle of Lowestoft involved the maneuvering of the two fleets over several days, with the actual fighting occurring on 3/13 June 1665 [Fox, ch. 6, p. 83–101]. Reports during May in German newspapers were at least summarized by the translators: information on the movement of the huge English fleet under the command of the Duke of York and speculation that a major battle was imminent (B-K VI/1, c. 117–119, № 22.37–37). An English summary of the Battle of Lowestoft treating it as a great victory was translated twice in Moscow on 16 July from a supplement to the *Königsb. Sontags Post-Zeitung* (B-K VI/1, c. 123–124, № 23.57–58; c. 126, № 23.63–64)²⁹. Two substantially longer Dutch accounts, possibly laying out some accurate details of the engagement but also lauding Dutch heroism at the same time that they were identifying scapegoats, were included in one issue of *CID* (1665/25,

²⁷ As Maier indicates (B-K VI/2, c. 304), one cannot be certain that the German pamphlet is the exact source used in Moscow. However, there is no reason to posit that the Moscow translation was based on the Dutch original used for the German edition. A copy of the Dutch text was published in [*HM*, Vol. 17, p. 55–59), probably copied from a separate Dutch pamphlet. As will be discussed in Part 2, it is likely that a copy of that volume of *HM*, published in 1667, was received in Moscow in late summer or early autumn that year.

²⁸ Such reports, which might include a complete list of ships – their names, commandants, the number of cannon and crew – seem to have been standard features in Dutch newspapers; many such lists were published as broadside separates. Since we do not have the direct source for the *kuranty* translation, it is hard to know whether it is but a condensation and summary based on one of the more complete listings. However, the nature of the summary suggests that the condensation might have been done in Moscow, where details about Western warships would likely have been unfamiliar. The ultimate source in this case would have been complete lists such as those published by Pieter Casteleyn in his annual compendium (*HM*, vol. 16, p. 69–71).

²⁹ This is an unusual instance of two different translations apparently having been made from the same source, the copy of the Königsberg newspaper in fact preserved in the archive in Moscow and bearing a notation that it had been translated. See Ingrid Maier's commentaries in (B-K VI/2, c. 150–151, 281–282). The caption heading in the newspaper supplement confuses the dating of the event, indicating the battle spread over three days (the dates given in N. S.), which seems to have been true of some of the preliminary maneuvering, even though the serious fighting occurred only on 3/13 June. The German report used by the translators is from London, 6 June (this would have to be O. S., the Julian calendar still used then in England), even though one of the two Russian translations renders the date as 16 June (thus “corrected” to N. S.). Maier leaves open the possibility that in fact two different German sources might have been used here. The battle was the first major sea engagement of the war, involving huge forces on both sides. Contemporary English pamphlets, published within days of its having taken place, consistently portrayed it as a great English victory. They can be viewed in the Early English Books Online subscription database with a simple search using the terms “fleet” and “1665”. For contemporary Dutch treatments, including a translation

published in Amsterdam on 20 June, N. S.). One of these was translated essentially completely and the second with some condensation in Moscow on 15 or 16 July along with portions of other articles about the battle and its aftermath in which at least one of the Dutch commanders was being accused, if falsely, of having fled the scene (B-K VI/1, c. 136–138, № 27.91–97, № 20; c. 547–549, pp. 2.70–73, 99–102; B-K VI/2, c. 465–472; 676–677, ил. 12)³⁰. This news thus would have reached Moscow within about five weeks of when it was published. Other, shorter news items dealt with some of the immediate aftermath of the battle, describing casualties, celebrations and subsequent naval actions (B-K VI/1, c. 120, № 23.47; c. 127–128; c. 133, № 25.87; c. 135, № 26.79–80). Both sides claimed victory, even though relatively few ships were destroyed (significantly, one was the Dutch flagship, whose explosion killed the chief admiral). The English clearly were justified in claiming the immediate advantage, but the fact is that the Dutch fleet survived to fight another day and under more effective leadership. As [Fox, p. 100] summarizes, “the fruits of victory were decidedly disappointing”.

In the Netherlands, the critical issue was whether English efforts to blockade the Dutch ports would be successful. Contemporary newspaper accounts included a great deal about the military escorts for merchant convoys, reports about the arrival of the fleets from the Mediterranean and the East Indies, and in many cases lading lists of all the goods they brought, crucial information for anticipating market prices of the goods whose sale fueled the Dutch economy. In temporary control of the seas after Lowestoft, the English hoped to be able to intercept a Dutch fleet commanded by the talented Admiral Michiel de Ruyter, the “greatest seaman of the age” [Fox, p. 133], which had raided English outposts along the coast of Africa and then crossed the Atlantic where it had spent some time attacking English shipping in the West Indies. In its opening article *OHD* 1665/26, 30 June, printed a report from Guadeloupe, 11 May, with information on De Ruyter’s raids in the Caribbean³¹.

from one of the English accounts, see: [Aitzema, vol. 11/2, p. 765–776; *HM*, vol. 16, p. 72–74]. It is important to note that the published statistics about fleet strength and any translations or summaries made from them do not of themselves provide an accurate indication of the relative strengths of the two navies. See the analysis in [Fox, chs. 3–4, p. 36–65]. Regardless of the precise numbers, it is clear that huge forces were involved. The Muscovite translation is included in a packet titled “Translation from Dutch newspapers” received on 28 May from the Dutchman Werner (Вахромей Петрович) Müller [about Müller, see: Amburger, p. 128–129]. The manuscript originally had indicated Vinius supplied the newspaper(s), but then his name was crossed out and the credit given simply to Müller.

³⁰ The heading to the translation indicates that the newspaper was handed in by the Hamburger Philip Verporten (Van der Poorten) and Dutchman Werner Müller and translated on 16 July. The copy of the original newspaper, preserved in Moscow, has an inscription indicating the translation was done on 15 July. This copy can be viewed as well in the on-line Dutch database, Delpher, where the Russian inscription has been partially cut off. On the circumstances involving the accusation against the Dutch admiral, see: [Fox, p. 124–125].

³¹ Since it is very likely Andrei Vinius was responsible for the translations from the Dutch newspapers at this time, of some interest is the fact that his library contained a copy of (Prins Jeurian), the diary of de Ruyter’s raids on the English outposts. The book was dedicated to Nicolaas Witsen, who might well have sent a copy to Vinius. Vinius’ own notation on the book seems to indicate he acquired it in 1667/68 (the year 7176). See: [Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса, с. 149, 153].

This newspaper, presumably received in Moscow as early as the beginning of August, was mined by the translators for several items, including the opening lines of the report from Guadeloupe and reports about the Battle of Lowestoft (B-K VI/1, c. 127–130; B-K VI/2, c. 472–474). The English received intelligence in early July that De Ruyter was headed home. To avoid the English warships in the Channel, his and other Dutch fleets would sail around Scotland and come down along the Norwegian coast (politically under Denmark) in order to approach Dutch ports from the east. The English were busy trying to persuade a reluctant Denmark to break with The Republic and thus assist in interdicting the Dutch ships. Without waiting for the conclusion of those negotiations, Whitehall dispatched a fleet on 17 July hoping to intercept De Ruyter. However, he managed to slip through untouched and returned home in triumph with his prizes³². Soon after he would be appointed to the supreme command over the Dutch fleet. Some of the English ships turned back, but a squadron proceeded to the still neutral harbor of Bergen (arriving there on 1 August), where, as it turned out, there was a large Dutch merchant flotilla, including some of the richly laden ships from the East Indies. Not having received instructions from Copenhagen, the local Danish commandant refused to allow the English warships into the harbor, giving the Dutch (whose vessels were well armed) time to mount what would turn out to be an effective defense against the English attack³³.

The Dutch merchant ships were from the convoy of the return fleet whose return home proved to be one of the most troubled of all the VOC Indies fleets. The first return convoy, consisting of 11 ships, had left Batavia on 23 December 1664. One of its ships was wrecked near the Cape of Good Hope in February 1665. At the Dutch station there, the second return fleet (two ships that had sailed from Batavia on 31 January 1665) joined it, the convoy then departing for home on 22 April. On account of the war, the ships had sailed north around the British Isles, before turning south along the Norwegian coast, where some stopped in Trondheim but most of them in Bergen. When De Ruyter's fleet arrived to convey the Bergen ships home, severe storms scattered them en route. Only three of them managed to reach Dutch ports in the third week of September, some of the

³² De Ruyter's brief report about his return voyage was published as a news separate (Brief Van de Heer Vice-Admiraal de Ruyter). A diary or log of his expedition was published as (Journael, Gehouden op 's Lants Schip de Spiegel); (*HM*, vol. 16, p. 90–96) included a lengthy account of the voyage, accompanied by a fold-out engraving showing some of the action off Africa. The Dutch embassy to Moscow, headed by Jacob Boreel, was on its way home when it learned in Lübeck the news of De Ruyter's brief stop in Bergen, information that Boreel immediately sent on to The Hague [Scheltema, vol. 1, p. 278–279]. The Dutch mission had arrived in Lübeck on 25 July and departed from there to Hamburg on the 29th [Witsen, vol. 2, p. 260–261]. See also: [Fox, p. 103–105].

³³ For a good summary treatment of the whole episode, see: [Fox, ch. 7, p. 102–119]. A monographic treatment of the battle by a naval historian, which we have not yet consulted, is [Breet]. The battle of Bergen obviously attracted considerable attention in the Netherlands, where it was the subject of an impressively illustrated broadside (Verhael van het Scheep-gevecht, voor Bergen).

others not making it home for weeks afterwards³⁴. Two of the ships were captured by the English. One which had been forced to return to Bergen was wrecked when it finally sailed, and yet another took refuge at Glückstadt on the Elbe and made it back only in mid-May 1666. Nonetheless, the VOC issued the lading list for eleven return ships of the first return fleet, including the cargoes of the two ships taken by the English and the one which had never made it past the Cape of Good Hope. If printed anticipating the arrival of the first ships of the return fleet in the second half of September, the list would have seriously mis-represented the cargo totals that actually made it back to the Netherlands that year from the Indies. The two ships captured by the English were amongst the richest prizes in the convoy, the object of uncontrolled plunder when brought to port. The important naval official and famous diarist Samuel Pepys recorded from his visit to them that he saw:

The greatest wealth lie in confusion that a man can see in the world. Pepper scattered through every chink, you trod upon it; and in cloves and nutmegs, I walked above the knees – whole rooms full – and silks in bales, and boxes of Copperplate, one of which I saw opened [quoted by: Fox, p. 114].

There is no preserved copy of a Dutch newspaper in which the list might have been published; so we cannot know for sure whether it appeared in the current news and when. One candidate would have been the *OHC*, which was publishing the lading lists regularly in the 1660s and which was the most likely source for the copy of the list which Pieter Casteleyn printed in the volume of *HM* for 1665, along with information about the Bergen battle and the subsequent fate of the ships³⁵. Casteleyn also printed the lading list for the eight ships of the English East Indies fleet that had made it home in August, and pointedly summarized that the value of its cargo was 3 million (presumably guilders), whereas that of the Dutch fleet was 11 million (*HM*, vol. 16, p. 109). Even if the translators in Moscow could have received a copy of a Dutch newspaper with the list (theoretically that was possible), there is no evidence of a translation.

³⁴ Specifically, the data from the VOC ship listings in [Bruijn et al.]: the *Slot van Honingen*, the largest in the fleet, and *Phoenix* were captured by the English on 13 September; two arrived safely on 17 September (*Walcheren*, the flagship, and *Brederode*); one (*Rijzende Zon*) made it back on 8 October via Kronberg in Denmark, and another after a long delay (not clear where it was) on 28 November; three returned to Norway, one (*Amstelland*) setting out again only to be wrecked just off the Dutch coast on 25 October (most of its cargo recovered) but the other two (*Jonge Prins* and *Kogge*) waiting to return until late March 1666. The *Wapen van Hoorn*, which had taken refuge at Glückstadt, returned home only in mid-May. The two ships that had sailed via Trondheim made it to port with some delay, one (*Ooievaar*) arriving on 20 September 1665, the other (*Nieuwenhove*) on 31 October.

³⁵ See: (*HM*, vol. 16, p. 107 (the lading list), and p. 134 for the summary about the fate of each of the ships). A letter written to the Dutch authorities by the commandant of the fleet from his ship in Bergen on 14 August was published by Casteleyn (*Ibid.*, p. 106–107). It seems likely that the commandant would have enclosed in his letter a copy of the lading list; his message presumably arrived in the Netherlands by fast packet boat a good many days before the first of the Indies ships reached home. In that case, one might assume the VOC could have had the list published as early as the end of August or first week in September.

It is clear though that the news of the returning fleets and the related events along the Norwegian coast was being followed closely, reports often based on information that arrived via fast packet-boats. On 25 October 1665, the translators in Moscow received copies of several Dutch papers: *OHS* 1665/39, *OHD* 1665/40, *CID* 1665/39, and *Ordinaris Dingsdaeghsche Courant* 1665/39 from which they extracted information about the storms in the aftermath of the Bergen battle and the fate of the ships that were heading home (B-K VI/1, c. 140–144, № 30; VI/2, c. 475–483)³⁶. Those translations referred to the location where the ships had been as “the Danish land”; so it is uncertain whether the officials in Moscow would have had a clear idea of the geography involved and the underlying strategic issues explaining the actions of the fleets. Assuming that descriptions of the actual battle had appeared in the Dutch papers, those accounts would have been in the issues published not long before the ones known to have made it to Moscow. Yet, even if lacking published details, the Moscow translators obtained via one of the tsar’s most trusted agents a very accurate and concise account explaining what had happened in Bergen (even if the port was not named) and what the fate of the ships had been. The description was in a letter Peter Marselis had written on 14 September from Copenhagen, where he reported first news relating to Polish affairs and then explained how the English had failed to obtain Danish permission to attack the shipping in Bergen and had been driven off with considerable losses (B-K VI/1, c. 145–146, № 31.68–70)³⁷. Before heading home, the Dutch had generously rewarded the local commandant, but the storm had cost them several ships, taken as prizes by the English.

A new set of summary statistics about Dutch and English fleet strength, reported in March 1666, anticipated the most famous naval battle of the war, which extended over four days from 1/11–4/14 June [Там же, c. 160,

³⁶ One of the items, from Elsinore, 22 September, mentioned Bergen, but in condensing the article from *OHD* 1665/40, the translators omitted the name of the port (B-K VI/1, c. 142–143, № 30.63–64). The sources for the other reports relating to the ships that had been in Bergen are reports from Amsterdam, 17 and 21 September, for which copies of the source newspapers have not been found. Given those dates, it seems the likely candidates would be *OMC* 1665/38 or *OHD* 1665/39, both published on 22 September. While there is no evidence about the newspaper source or the date when the translation was done, a very condensed summary of several reports (B-K VI/1, c. 226, № 63.320–319, folios in reverse order) includes news from Amsterdam relating to the Indies return fleet in 1665, an item specifically from Norway dated 8 September mentioning the battle at Bergen and the departure of the Dutch ships for home. Amsterdam news dated 11 September clearly was based on the report sent ahead from the Indies fleet, mentioning the news from the Indies about the sighting of the comet that had appeared in late autumn in 1664, just before the fleet had sailed from Batavia.

³⁷ The translation from Marselis’ letter and other Dutch manuscript newsletters follows immediately (and with no break) in the original archival scroll the set of translations from the printed Dutch newspapers received on 25 October (Ibid., c. 140–144, № 30). So it is reasonable to posit that both the printed and manuscript news arrived in the same mail packet. It is not clear to whom Marselis addressed his letter, though most likely it would have been a report for the tsar sent via the Ambassadorial Chancery.

№ 37.119–121]³⁸. Thanks to the action on the fourth day, the Dutch could legitimately claim a victory, but there were huge losses on both sides, with exaggerated intelligence and news reports misleading both governments about the extent to which the enemy had been weakened. In fact, the outcome did little to change the status quo and ensured that the war would continue unabated. Within little more than a month, there was yet another major encounter of the fleets, this time resulting in an English victory in the so-called St. James Day Fight (July 25), see: [Fox, p. 288–295]. In early August, the English staged a successful raid on the Dutch coast, managing to burn a large number of merchant ships, and just prior to the signing of the Peace of Breda, a bold Dutch raid on the lower Thames (13 June 1667) resulted in the destruction of several major English warships³⁹.

The Four Days' Battle obviously attracted the attention of the translators in Moscow. They selected out of a longer article in *TVQ* 1666/22 from London, 21 May, a passage about the king's reviewing the fleet on the eve of its sailing (B-K VI/1, c. 195–196; B-K VI/2, c. 516–517). Apparently, the same mail had also brought copies of *OHD* 1666/22 and *OHS* 1666/23, published on 1 and 5 June respectively, and at least one other Dutch paper published on or soon after 5 June. From these the translators extracted brief indications that both fleets had sailed, and a battle was imminent (B-K VI/1, c. 197–198; B-K VI/2, c. 521). Reports excerpted from German newspapers received on 29 June contained similar indications that the fleets had sailed (B-K VI/1, c. 200–201, № 53.197–198). Van Sweeden's mail delivery on 12 July included several Dutch newspapers, the ones which can be identified being *OMC* 1666/23 (published 15 June), *OHS* 1666/24 (12 June) and *OHS* 1666/25 (19 June) (B-K VI/1, c. 202–206, № 54; B-K VI/2, c. 522–530)⁴⁰.

³⁸ For a full treatment of the actual battle, see: [Fox, p. 182–270, 330–340]. The statistics in the Russian translation (probably derived from a newspaper report published some three months prior to the battle) show in the English case the overall fleet strength (larger than the forces actually engaged in the battle). The newspaper summary for the Dutch is only for the squadron raised by Amsterdam and its immediate region and thus does not include the several other squadrons from the other provinces. English failures in obtaining in timely fashion and accurately assessing intelligence reports (including information actually published in the *London Gazette*) provide a case study in the importance of rapid communication and clear-headed analysis for effective decision making, see: [Fox, p. 141–158]. The flawed decision to divide the fleet in order to head off a supposed French naval threat in support of the Dutch had a major impact on the outcome of the battle. As Fox summarizes (p. 168), “The truth was that the whole English campaign had been built around non-existent threats. Nearly every piece of intelligence the high command had received about the French was false, out of date, or had been misinterpreted”. In the immediate aftermath of the battle, reports of a great English victory led to celebration in London, this a reminder the way premature news from a conflict could turn out to be totally erroneous, compounded by wishful thinking [Ibid., p. 271–272].

³⁹ (*HM*, vol. 18, following p. 88) has an engraving with two scenes, one showing the Dutch raid on the Thames. It is very likely that this engraving (or a separate version of it) served as the source for a contemporary painting by Willem Shellinks now in the Rijksmuseum in Amsterdam (Inv. No. AM SA 22660).

⁴⁰ It is possible that this “packet” includes translations made from originals that arrived in more than one mail delivery. It would not be unusual for a newspaper published in Haarlem on 9/19 June to have arrived by 12/22 July. However, the final entry in the packet (copied on a new sheet), with news from Amsterdam dated 12/22 June (presumably published on or right after that date) would have taken but a month to reach Moscow, a not impossible, but still a very fast delivery.

The earliest of the reports extracted from them by the translators indicated again that the fleets were at sea, but the most recent of the newspapers contained long accounts of the battle, which the translators condensed. In the case of the report from Amsterdam, the section about the events of the ten days leading up to the actual battle was largely ignored. But the resulting translations still were much longer and more detailed than was typical for the *kuranty* of this period. Several other articles in *OHS* 1666/25 were translated at least in part, and at the end of this long packet of news was yet one more Amsterdam report (dated 22 June, hence probably from another Dutch paper published in the following week) with news just received from London about the allegedly horrified reaction there to the battle⁴¹.

Since it appears most of the information about the battle received in Moscow came from the Dutch press, the news was one-sided, undoubtedly providing an inflated picture of how decisive the victory had been. The English fleet had fought well. Both fleets took huge losses, but more serious for the English was the loss of major warships during the bold raid on the lower Thames. England was in a precarious financial situation. In contrast, the Dutch economy was saved by the safe arrival, unscathed, of the richly laden return fleet from the East Indies. However, the imminent danger posed by the French invasion of Flanders, which both the Dutch and English perceived as a major threat, persuaded the two sides to end the war.

Periodicals and continuing editions used in the article

Early imprints⁴²

CID *Courante uyt Italien en Duytslant* (Amsterdam)

HM *Hollandtze Mercurius* (Haarlem)

Königsb. *Sontags Post-Zeitung* (Königsberg)

Ordinaris Dingsdaeghsche Courant (Amsterdam)

OHD *Oprechte Haarlemse Dingdaegse Courant* (Haarlem)

OHS *Oprechte Haarlemse Saterdaegse Courant* (Haarlem)

OMC *Ordinarise Middelweeckse Courante* (Amsterdam)

TVQ *Tijdinghe uyt Verscheyde Quartieren* (Amsterdam)

⁴¹ The long description of the battle published in *OHS* 1666/25 also appeared in *CID* 1666/25, see: B-K VI/2, c. 527). Since several other articles from the Haarlem paper were drawn on by the Russian translators, that makes it the most probable source for the translation in № 54.229–233. While we cannot know exactly when and whether the translator Andrei Vinius would have received a copy of the best Dutch maritime atlas of the period (he would cite it in compiling a geographic “dictionary” in August, 1667), several of the maps it contained would have enabled the translators to follow very closely the events of the naval war off the Dutch and English coasts and in the larger area of the North Sea.

⁴² Most of the Dutch newspapers may be accessed on-line via <https://www.delpher.nl/nl/kranten>, although the database does not contain all extant copies. Copies cited which are not extant have been documented from [Weduwen]. The German newspapers may be accessed via <https://brema.suub.uni-bremen.de/zeitungen17>. For inventories of the Dutch and German newspapers received in Moscow in the seventeenth century and still preserved in RGADA, see respectively [Maier, 2004] and [Simonov].

Books and separates⁴³

Aitzema, L. van. (1657–1671). *Historie of Verhael van saken van staet en oorlogh, in, ende omtrent de Vereenighde Nederlanden...* 14 Vols. 's-Gravenhage, Johan Veely.

Brief Van de Heer Vice-Admiraal de Ruyter, Aen de Ho. Mog. Heeren Staten Generael, Der Ver-eeenighde Nederlanden. (1665). [S. l.], [S. n.] (Tiele No. 5258) and reprinted in (*HM*, vol. 16, p. 96).

Extract Uyt 't Register van de Resolutien van de Ho. Mo. Heeren Staten Generael, Der Vereenichde Nederlanden. Den 27. Januarii 1665. (1665). 's-Gravenhage, Wouw. (Tiele No. 5216).

Journal, Gehouden op 's Lants Schip de Spiegel, Van 't gene gepasseert en verricht is op de Vloot van haer Ho. Mo. de Heeren Staten Generael der Vereenighde Nederlanden, soo in de Middellantsche Zee, als op de Custen van Africa en America. <...> In den Jare 1664 en 1665. (1665). Amsterdam, Pieter la Burgh. (Tiele. No. 5261).

Prins Jeurian (1666). *Journal, Ofte Dag-Register, Van de Reyse die gedaen is door 's Landts Vloot, onder den Manhaften Heer Admiraal Michiel A. de Ruyter <...>* Amsterdam, Imbrechts (Tiele. No. 5365).

Tiele, P. A. (Comp.) (1858–1861). *Bibliotheek van Nederlandsche pamfletten. Eerste afdeeling. Verzameling van Frederik Muller te Amsterdam.* 3 vols. Amsterdam: F. Muller.

Verhael van het Scheep-gevecht, voor Bergen in Noorwegen. Op den 10. Augusti. (1665). [S. l.], [S. n.]. (Copy in the Rijksmuseum, Amsterdam, accessible via: <http://hdl.handle.net/10934/RM0001.COLLECT.465024>).

Библиографические ссылки

ААЭ : в 5 т. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1836–1838.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в. : материалы к словарю. М. : Индрик, 2021. 304 с.

Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина ; под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1972. 348 с. (В-К I).

Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. / изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов ; под ред. С. И. Коткова. М. : Наука, 1980. 408 с. (В-К III).

Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. : русские тексты. Ч. 1 / изд. подг. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой ; завершение работы над изд. и подг. к печ. : Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин ; под ред. А. М. Молдована, И. Майер. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с. (В-К VI/1).

Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. : иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2 / исслед. и подг. текстов И. Майер. М. : Языки славян. культур, 2008. 648 с. (В-К VI/2).

Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. : в 2 вып. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1994.

Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса / сост. Е. А. Савельева. СПб. : БАН : Альфарет, 2008. 440 с.

Посошков И. Т. Сочинения Ивана Посошкова / изд. М. Погодиным. М. : Тип. Н. Степанова, 1842. 351 с.

РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1628 г. Д. 1; 1646 г. Д. 6.

Уо Д. К. Истоки создания международной почтовой службы Московского государства в европейском контексте // *Очерки феодальной России.* 2016. Т. 19. С. 394–442.

Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // *ЖМНП.* 1898. Ч. 315, февр. 2 паг., С. 210–277; Ч. 316, апр. 2 паг., С. 321–354; Ч. 317, май. 2 паг., С. 48–103; Ч. 317, июнь. 2 паг., С. 311–350; 1899. Ч. 323, июнь. 2 паг., С. 277–339; Ч. 325, сент. 2 паг., С. 47–92.

⁴³ Copies of most of the early Dutch imprints may be located on-line through Delpher, the database for the [National Library of the Netherlands].

Шамин С. М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2011. 349 с.

Шамин С. М. Иностранные «памфлеты» и «куръезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М. : Весь мир, 2020. 392 с.

Amburger E. Die Familie Marselis. Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte. Giessen : Wilhelm Schmitz, 1957. 224 S.

Borschberg P. The Euro-Asian Trade and Medicinal Usage of Radix Chinae in the Early Modern Period (ca. 1535 – 1800) // *Revista de Cultura*. 2006. Vol. 20. P. 102–115.

Borschberg P. The Euro-Eurasian Trade in Bezoar Stones (approx. 1500 to 1700) // *Artistic and Cultural Exchanges between Europe and Asia, 1400–1900: Rethinking Markets, Workshops and Collections* / ed. by M. North. Farnham, Surrey : Routledge, 2010. P. 29–44.

Breet M. Strijd om de VOC-miljoenen: slag in de haven van het Noorse Bergen, 12 augustus 1665. Zutphen : Walburg, 2007. 176 p.

Bruijn J. R. et al. Dutch-Asiatic Shipping in the 17th and 18th Centuries : 3 Vols. The Hague : Nijhoff, 1967–1979.

Fox F. L. The Four Days' Battle of 1666. Barnsley : Seaforth, 2009. 448 p.

Glamann K. Dutch Asiatic Trade 1620–1740. [2nd Ed.] The Hague : Nijhoff, 1981. 354 p.

Griffin C. Mixing Medicines: The Global Drug Trade and Early Modern Russia. Montreal ; etc. : McGill-Queen's Univ. Press, 2022. 247 p.

Maier I. Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau // *Gutenberg-Jahrbuch*. 2004. Bd. 79. S. 191–218.

Maier I. Verbalrektion in den "Vesti-Kuranty" (1600–1660). Teil 2: Die präpositionale Rektion. Uppsala : Uppsala Univ., 2006. 466 p.

Nationaal Archief, Den Haag. No. 1.04.02.

National Library of the Netherlands. URL: <https://www.delpher.nl/> (accessed: 12.01.2023).

Pettegree A., Weduwen A. der. The Bookshop of the World: Making and Trading Books in the Dutch Golden Age. N. Haven ; L. : Yale Univ. Press, 2019. 491 p.

Scheltema J. Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen : 4 Vols. Amsterdam : H. Gartman, 1817–1819.

Simonov V. I. Deutsche Zeitungen des 17. Jahrhunderts im Zentralen Staatsarchiv für alte Akten (CGADA), Moskau // *Gutenberg-Jahrbuch*. 1979. Bd. 54. S. 210–220.

Waugh D. C. Perustration: The Opening of Foreigners' Mail in Muscovy // *Foreigners in Muscovy: Western Immigrants in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia* / eds. by S. Dreher, W. Mueller. L. ; N. Y. : Routledge, 2023. P. 133–151.

Weduwen A. der. Dutch and Flemish Newspapers of the Seventeenth Century : 2 Vols. Leiden ; Boston : Brill, 2015.

Witsen N. Moscovische Reyse 1664–1665. Journaal en Aentekeningen : 3 Vols. / ed. by Th. H. G. Locher, P. de Buck. 's-Gravenhage : Nijhoff, 1966–1967.

References

AAE v 5 t. [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. 5 Vols.]. (1836–1838). St Petersburg., Tipogrifiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.

Amburger, E. (1957). *Die Familie Marselis. Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte*. Giessen, Wilhelm Schmitz. 224 S.

Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. (2021). *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: materialy k slovari* [Translators of the Ambassadorial Chancery in the 17th Century: Materials for a Dictionary]. Moscow, Indrik. 304 p.

Borschberg, P. (2006). The Euro-Asian Trade and Medicinal Usage of Radix Chinae in the Early Modern Period (ca. 1535 – 1800). In *Revista de Cultura*. Vol. 20, pp. 102–115.

Borschberg, P. (2010). The Euro-Eurasian Trade in Bezoar Stones (approx. 1500 to 1700). In North, M. (Ed.). *Artistic and Cultural Exchanges between Europe and Asia, 1400 – 1900: Rethinking Markets, Workshops and Collections*. Farnham, Surrey, Routledge, pp. 29–44.

Breet, M. (2007). *Strijd om de VOC-miljoenen: slag in de haven van het Noorse Bergen, 12 augustus 1665*. Zutphen, Walburg. 176 p.

Bruijn, J. R. et al. (1967–1979). *Dutch-Asiatic Shipping in the 17th and 18th Centuries*. 3 Vols. The Hague, Nijhoff.

Demkin, A. V. (1994). *Zapadnoevropeiskoe kupechestvo v Rossii v XVII v. v 2 vyp.* [West European Merchants in Russia in the 17th Century. 2 Issues]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN.

Dem'yanov, V. G., Kornilaeva, I. A., Podshivalova, E. A., Shamin, S. M., Moldovan, A. M., Maier, I. (Eds.). (2009). *Vesti-Kuranty 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg.: russkie teksty. Ch. 1* [Vesti-Kuranty. 1656, 1660–1662, 1664–1670. The Russian Texts. Part 1]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. 856 p. (V-K VI/1).

Forsten, G. V. (1898–1899). Snosheniya Shvetsii i Rossii vo vtoroi polovine XVII veka (1648–1700) [Relations of Sweden and Russia in the Second Half of the 17th Century (1648–1700)]. In *ZhMNP*. (1898). Part 315, Febr. 2nd pag., pp. 210–277; Part 316, Apr. 2nd pag., pp. 321–354; Part 317, May. 2nd pag., pp. 48–103; Part 317, June. 2nd pag., pp. 311–350; (1899). Part 323, June. 2nd pag., pp. 277–339; Part 325, Sept. 2nd pag., pp. 47–92.

Fox, F. L. (2009). *The Four Days' Battle of 1666: The Greatest Sea Fight of the Age of Sail*. Barnsley, Seaforth. 448 p.

Glamann, K. (1981). *Dutch Asiatic Trade 1620–1740*. 2nd Ed. The Hague, Nijhoff. 354 p.

Griffin, C. (2022). *Mixing Medicines: The Global Drug Trade and Early Modern Russia*. Montreal, Kingston, McGill-Queen's Univ. Press. 247 p.

Maier, I. (2004). Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau. In *Gutenberg-Jahrbuch*. Bd. 79, S. 191–218.

Maier, I. (2006). *Verbalrektion in den "Vesti-Kuranty" (1600–1660). Teil 2: Die präpositionale Rektion*. Uppsala, Uppsala Univ. 466 p.

Maier, I. (Ed.). (2008). *Vesti-Kuranty 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg.: inostrannye originaly k russkim tekstam. Ch. 2* [Vesti-Kuranty. 1656, 1660–1662, 1664–1670. The Foreign Originals to the Russian Texts. Part 2]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 648 p. (V-K VI/2).

National Library of the Netherlands. URL: <https://www.delpher.nl/> (accessed: 12.01.2023).

Pettegree, A., Weduwen, A. der. (2019). *The Bookshop of the World: Making and Trading Books in the Dutch Golden Age*. N. Haven, L., Yale Univ. Press. 491 p.

Pososhkov, I. T. (1842). *Sochineniya Ivana Pososhkova* [The Writings of Ivan Pososhkov] / ed. by M. Pogodin. Moscow, Tipografiya N. Stepanova. 351 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 155. List 1. 1628. Dos. 1; 1646. Dos. 6.

Savel'eva, E. A. (Ed.). (2008). *Knigi iz sobraniya Andreyana Andreevicha Viniusa* [Books from the Collection of Andrei Andreevich Vinius]. St Petersburg, BAN, Al'faret. 440 p.

Scheltema, J. (1817–1819). *Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen*. 4 Vols. Amsterdam, H. Gartman.

Shamin, S. M. (2011). *Kuranty XVII stoletiya: Evropeiskaya pressa v Rossii i voznikonovienie russkoi periodicheskoi pechati*. [The *Kuranty* of the 17th Century: The European Press in Russia and the Origin of the Russian Periodical Press]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. 349 p.

Shamin, S. M. (2020). *Inostrannye "pamflety" i "kur'ezy" v Rossii XVI – nachala XVIII stoletiya* [Foreign "Pamphlets" and "Curiosities" in Russia in the 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Ves' mir. 392 p.

Simonov, V. I. (1979). Deutsche Zeitungen des 17. Jahrhunderts im Zentralen Staatsarchiv für alte akten (CGADA), Moskau. In *Gutenberg-Jahrbuch*. Bd. 54, S. 210–220.

Tarabasova, N. I., Dem'yanov, V. G., Kotkov, S. I. (Eds.). (1980). *Vesti-Kuranty. 1645–1646, 1648 gg.* [*Vesti-Kuranty. 1645–1646, 1648*]. Moscow, Nauka. 408 p. (V-K III).

Tarabasova, N. I., Dem'yanov, V. G., Sumkina, A. I., Kotkov, S. I. (Eds.). (1972). *Vesti-Kuranty. 1600–1639 gg.* [*Vesti-Kuranty. 1600–1639*]. Moscow, Nauka 1972. 348 p. (V-K I).

Waugh, D. C. (2016). Istoki sozdaniya mezhdunarodnoi pochtovoi sluzhby Moskovskogo gosudarstva v evropeiskom kontekste [The Sources for the Creation of the International Postal Service of the Muscovite State in Their European Context]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Vol. 19, pp. 394–442.

Waugh, D. C. (2023). Perustration: The Opening of Foreigners' Mail in Muscovy. In Dreher, S., Mueller, W. (Eds.). *Foreigners in Muscovy: Western Immigrants in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia*. L., N. Y., Routledge, pp. 133–151.

Weduwen, A. der. (2015). *Dutch and Flemish Newspapers of the Seventeenth Century*. 2 Vols. Leiden, Boston, Brill.

Witsen, N. (1966–1967). *Moscovische Reyse 1664–1665. Journaal en Aentekeningen*. 3 Vols. / ed. by Th. H. G. Locher, P. de Buck. 's-Gravenhage, Nijhoff.

The article was submitted on 18.02.2023

Сенатская площадь: декабристы против декабристов*

Владимир Шкерин

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Senate Square: Decembrists Against Decembrists

Vladimir Shkerin

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article deals with a historical paradox: the participation of former and present members of the secret Decembrist societies in suppressing the St Petersburg uprising on 14 December 1825, Decembrists against Decembrists. Thus, Colonel Vasily Perovsky, a former member of the Union of Welfare, Nicholas's I adjutant, met Grand Duke Mikhail Pavlovich, who arrived from Warsaw with a letter from Tsarevich Konstantin at the city outpost and then called troops loyal to the emperor to the square. Another adjutant, a member of the same Union, Colonel Alexander Kavelin, brought the young Tsarevich Alexander Nikolayevich (future Alexander II) to the Winter Palace and visited the mortally wounded Governor-General of St Petersburg Count Mikhail Miloradovich on behalf of the emperor. General Sergei Shipov, a member of the Union of Salvation and the Union of Prosperity, commanded the Guards Brigade and tried to prevent the Guards crew from joining the rebels. In a similar attempt, a member of the Union of Prosperity, Colonel Pavel Khvoshchinsky, was wounded in the Moscow Guards Regiment. That day, Alexander von Moller, colonel of the Finnish Guards Regiment, commanded the guards in the Winter Palace, the Admiralty, and the Senate. Officers-cavalry guards members of the St Petersburg branch of the Southern Society I. Annenkov, Prince A. Vyazemsky, H. Depreradovich, D. Artsybashev and a member of the Northern Society A. Muravyov, as well as a member of both secret societies cornet of the Guards Horse Regiment

* *Citation:* Shkerin, V. (2023). Senate Square: Decembrists Against Decembrists. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 423–439. DOI 10.15826/qr.2023.2.797.

Цитирование: Shkerin V. Senate Square: Decembrists Against Decembrists // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 423–439. DOI 10.15826/qr.2023.2.797 / Шкерин В. Сенатская площадь: декабристы против декабристов // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 423–439. DOI 10.15826/qr.2023.2.797.

Prince A. Suvorov, participated in cavalry attacks on the rebels. Why and how did these people end up in the ranks of opponents of their comrades in secret societies? Can their actions be explained by something as banal as a betrayal? Did the participants in the uprising accept such an explanation? And how did Nicholas I take the revealed facts of officers' participation in secret societies who took his side in the confrontation on 14 December? The author of the article puts forward answers to these questions.

Keywords: Decembrist movement, secret societies, revolt of 14 December 1825, Nicholas I

В статье рассматривается исторический парадокс – участие бывших и настоящих членов тайных декабристских обществ в подавлении петербургского восстания 14 декабря 1825 г. Так, бывший член Союза благоденствия адъютант Николая I полковник В. А. Перовский встречал на городской заставе великого князя Михаила Павловича, прибывшего из Варшавы с письмом от цесаревича Константина, а затем призывал на площадь верные императору войска. Другой адъютант, член того же союза полковник А. А. Кавелин, доставил в Зимний дворец юного цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II) и посетил от имени императора смертельно раненного генерал-губернатора Петербурга графа М. А. Милорадовича. Член Союза спасения и Союза благоденствия генерал С. П. Шипов командовал гвардейской бригадой и пытался не допустить присоединения Гвардейского экипажа к повстанцам. При подобной же попытке в лейб-гвардии Московском полку был ранен член Союза благоденствия полковник П. К. Хвощинский. Полковник лейб-гвардии Финляндского полка А. Ф. фон Моллер командовал в тот день караулами в Зимнем дворце, Адмиралтействе и Сенате. Офицеры-кавалергарды, члены петербургского филиала Южного общества И. А. Анненков, князь А. Н. Вяземский, Н. Н. Депрерадович, Д. А. Арцыбашев и член Северного общества А. М. Муравьев, а также участник обоих тайных обществ корнет лейб-гвардии Конного полка князь А. А. Суворов участвовали в кавалерийских атаках на повстанцев. Почему и как эти люди оказались в рядах противников своих товарищей по тайным обществам? Можно ли объяснить их действия банальным предательством? Принимали ли такое объяснение участники восстания? И как воспринял Николай I вскрывшиеся факты участия в тайных обществах офицеров, принявших его сторону в противостоянии 14 декабря? Ответы на эти вопросы предложены автором статьи.

Ключевые слова: движение декабристов, тайные общества, восстание 14 декабря 1825 г., Николай I

Современные исследователи истории декабристского движения призывают к отказу «от герценовских представлений о декабристах как о «богатырях из чистой стали»», к десакрализации самого понятия «декабристы» [Эрлих, с. 280]. Предполагается, что результатом такого

«избавления... от вненаучных смыслов» должны стать «не смена знаков, не создание новой, уже негативной, легенды о декабристах, а полный и всесторонний историографический анализ как отрицательных сторон этого движения, так и положительных» [Киянская, с. 118].

Однако уже сама простота «смены знаков» – плюса на минус и восхваления на осуждение – сделала возможным стремительный рост числа антидекабристских сочинений, авторами которых выступают преимущественно непрофессиональные историки. Следующий пассаж взят из книги, декларирующей целью создать «очищенный от “толстого слоя позолоты” образ декабристов»: «Среди приближенных императора Николая – три его адъютанта. Все в чине полковника, участники Отечественной войны 1812 года. Состояли в тайных обществах до 1821 года, потом отошли и более никуда не вступали. <...> К “декабристам” они не имели никакого отношения, а наоборот – принимали активное участие в разгроме мятежа и пожалованы флигель-адъютантами 14 декабря 1825 года» [Крутов, Швецова-Крутова, с. 241]. Речь здесь идет о А. А. Кавелине, В. А. Перовском и Н. П. Годейне (Годейне).

Но десятилетняя история движения не равна революционному кризису рубежа 1825–1826 гг., поэтому участие названных лиц «в разгроме мятежа» еще не исключает их из числа декабристов. Между тем, помимо трех полковников, среди сторонников Николая I на Сенатской площади были и другие члены тайных обществ – от обер-офицеров до генерала. В современной научной литературе факт наличия таких сторонников у нового императора отмечается [Бокова, с. 391], но без попыток его комплексного объяснения. Такая ситуация побуждает к постановке ряда взаимосвязанных вопросов:

- Какие причины привели бывших или настоящих членов тайных обществ в ряды противников повстанцев 14 декабря 1825 г.?
- Значительна ли была их роль в подавлении восстания?
- Сочли ли повстанцы их позицию предательством?
- Как оценил Николай I вскрывшиеся факты участия в тайных обществах офицеров, принявших его сторону в противостоянии 14 декабря? Заслужили ли эти офицеры его прощение?

Василий Алексеевич Перовский сопровождал Николая Павловича в вояжах по России и за границу в 1816–1817 гг. и в 1822 г. стал его адъютантом. Современники отмечали свободу, с которой он общался с Николаем не только до, но и после воцарения [Корф, с. 111; Фишер, с. 67]. Эти отношения не помешали Перовскому вступить в Военное общество и в Союз благоденствия.

Как известно, заговорщики воспользовались непоследовательностью цесаревича Константина Павловича, который, отказавшись от трона при уже проведенной в его пользу присяге, наблюдал из Варшавы за развитием петербургских событий. Не без помощи декабристов по столице распространялся слух об узурпации трона Николаем и об аресте им своих братьев Константина и Михаила. В такой ситуа-

ции особое значение обрело возвращение из Варшавы в Петербург Михаила с письменным изложением «непреложной воли» Константина к отречению. Великий князь Михаил Павлович также занимал ряд важных постов в гвардии, в их числе с 1824 г. – шефа лейб-гвардии Московского полка [Дмитриев, с. 6].

В 1848 г. В. А. Перовский писал барону М. А. Корфу:

Что касается собственно меня, то с вечера 13 числа и ночь с 13-го на 14-е я повел на Нарвском въезде в ожидании... Михаила Павловича, коего государь император повелел мне предупредить, что утром 14-го числа назначена войсковая присяга [Записки очевидцев, вып. 3, с. 30].

На Нарвской заставе стоял караул Московского полка под командованием поручика А. С. Кушелева (будущего генерал-майора и командира московцев в 1840–1850-х гг.). Накануне член Северного общества М. А. Бестужев предупредил его о готовившемся возмущении [Воспоминания Бестужевых, с. 390, 398]. Перовский вспоминал:

Среди ночи Кушелева вызвали из караульной на улицу. То были Щепин и, кажется, Бестужев, приезжавшие уговаривать Кушелева не присягать государю императору Николаю Павловичу. Но офицер этот, предваренный мною, не поддался злонамеренным внушениям и удержал от того свою команду [Записки очевидцев, вып. 3, с. 30–31].

На самом деле вместе с Бестужевым приезжал другой московец – подпоручик М. Ф. Кудашев. Бестужев в ту ночь был дежурным по караулам полка, поэтому мог объявить солдатам, что привез приказ о задержании царева брата. Присутствие николаевского адъютанта исключало такое объяснение [Высочков, с. 233–234; Гордин, кн. 1, с. 278–280]. Около девяти часов утра Перовский встретил Михаила Павловича и незамедлительно доставил в Зимний дворец. Николай I получил важный козырь для опровержения слухов о раздоре в царском доме.

Но решающий день только начинался. Воспоминания В. А. Перовского повествуют о его кипучей деятельности по собиранию верных Николаю сил:

Рано утром, возвратившись с заставы во дворец, я был послан в л.-гв. Егерский полк; едуци оттуда, я обогнал нестройные толпы л.-гв. Московского полка, шедшие по Гороховой улице на Сенатскую площадь, о чем и было мною донесено Его Императорскому Величеству. После сего я по приказанию государя дважды ездил в л.-гв. Конный полк... [Записки очевидцев, вып. 3, с. 30].

Между двумя поездками к конногвардейцам Перовский сопровождал Николая I во главе батальона лейб-гвардии Преображенского полка с Дворцовой площади на Сенатскую. Николай вспоминал:

Тогда со мною были генерал-адъютанты Кутузов, Стрекалов, флигель-адъютанты Дурново и адъютанты мои Перовский и Адлерберг. Адъютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевесть детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь [Междуцарствие, с. 23].

Когда император решился применить артиллерию, Перовский был послан предварительно вывести из зоны обстрела верных конногвардейцев и коннопионеров [Записки очевидцев, вып. 4, с. 120]. Пересекая мятежную площадь, он получил удар брошенным в спину поленом. Последствия этой травмы – «легочные спазмы» – мучили Перовского всю дальнейшую жизнь.

Намеренно или нет, но современники приписывали В. А. Перовскому и действия, которых он 14 декабря 1825 г. не совершал. Политэмигрант князь П. В. Долгоруков утверждал, что Перовский, «чтобы доказать свое верноподданническое усердие, бросился с солдатами обшаривать дом графини Лаваль», у которой гостил ее зять, несостоявшийся декабристский диктатор князь С. П. Трубецкой:

Там Перовский стал ломать замки шкафов и письменных столов, и эта ванькокаиновская работа увенчалась успехом. В одном столе он нашел бумажник князя Трубецкого, а в бумажнике – листок с намеченными пунктами прокламации предполагаемого нового правительства [Долгоруков, с. 271].

Однако сам Николай I свидетельствовал, что во дворец Лавалей отправил флигель-адъютанта князя Андрея Голицына, действительно обнаружившего черновик Трубецкого «особой важности; это была программа на весь ход действий мятежников на 14 число» [Междуцарствие, с. 29].

Князь С. П. Трубецкой вспоминал, что обсуждал известие о кончине Александра I с А. А. Кавелиным и Н. П. Годаином [Трубецкой, 1983, с. 296]. На привлечение этих бывших членов Союза благоденствия к мятежу он не рассчитывал: «Кавелин и Годаин были адъютантами вел[икого] кн[язя] Николая и потому отстранены от 14-го числа» [Трубецкой, 2011, с. 82]. Адъютант столичного генерал-губернатора А. П. Башуцкий видел А. А. Кавелина (бывшего 14 декабря дежурным адъютантом) рядом с монархом на Дворцовой площади в 10-м часу утра, когда там «было чрезвычайно мало лиц известных» [14 декабря 1825 года, с. 119]. В приведенной выше цитате Николай утверждал, что послал Кавелина в Аничков дворец и Перовского к конногвардейцам почти одновременно, но не упоминал первого из них в числе лиц, шедших с батальоном преображенцев. На самом деле он отослал Кавелина еще из Зимнего дворца в начале 12-го часа:

Узнав о происшествиях в Московском полку, государь изволил позвать меня в кабинет, объявил мне об этом и послал в Аничковский дворец за детьми; я нашел там только наследника... посадил его из предосторожности в наемную карету с генералом Мердером и привез во дворец в ту минуту, как император вышел к 1-му Преображенскому батальону [Записки очевидцев, вып. 3, с. 45].

Вероятно, этот эпизод повлиял на назначение А. А. Кавелина воспитателем цесаревича Александра в мае 1834 г. вместо умершего К. К. Мердера.

Вскоре после доставки цесаревича А. А. Кавелин был послан за лейб-гвардии Павловским полком. Приведя три роты павловцев и расставив их на подступах к Зимнему дворцу, он получил приказ привести Измайловский полк, «если там все спокойно». Оговорка, сделанная Кавелиным в письме Корфу, не случайна. С одной стороны, Кавелин, Годеин и Перовский состояли офицерами этого полка. Их однополчанин А. Ф. фон Бригген показал на следствии, что Годеин с Кавелиным основали Измайловскую управу Союза благоденствия и приняли его самого в тайное общество [Восстание декабристов, т. 16, с. 437]. С другой стороны, Николай Павлович, будучи шефом полка, имел у его офицеров плохую репутацию. При проведении «переприсяги» декабристы-измайловцы «уговаривали солдат не давать никому присяги, кроме Константина Павловича» и «возбуждали людей к неповиновению» [Гордин, кн. 2, с. 42–43]. Тем не менее, «Кавелин... энергиею и распорядительностью своею предупредил всякое недоразумение и повел полк из казарм на Сенатскую площадь» [14 декабря 1825 года, с. 189].

Вечером А. А. Кавелину выпало еще одно монаршее поручение – ехать в конногвардейские казармы к тяжелораненому генерал-губернатору графу М. А. Милорадовичу. Графа он нашел «в ужасных предсмертных страданиях, но в памяти». Кавелину граф сказал: «Доложите государю... я умираю, но счастлив, что умираю за него. <...> Тут же отдал мне пистолетную пулю, которой он был смертельно ранен и которую я вручил его величеству» [Записки очевидцев, вып. 3, с. 47]. Башуцкий сообщал, что Кавелин привез Милорадовичу собственноручное монаршее письмо, а самому адъютанту велел «являться по временам во дворец в случае особых изменений в положении графа, чтоб доносить о сем» [14 декабря 1825 года, с. 134]. Последнее требование адъютант ввиду наступавшей у начальника агонии выполнить не мог.

В тот же день бывшие адъютанты великого князя Николая Павловича А. А. Кавелин, В. А. Перовский и Н. П. Годеин стали флигель-адъютантами императора, как и еще пять офицеров, включая двух бывших адъютантов – И. Ф. Деллинггаузена и К. М. Ивелича. На следующий день количество флигель-адъютантов достигло 36 (включая П. К. Хвощинского и А. Ф. фон Моллера, о которых речь пойдет

ниже) и еще возросло в январе 1826 г. [Милорадович, с. 107–110]. Все это были люди, принявшие 14 декабря сторону молодого монарха. На следствии имени Кавелина, Перовского и Годаина высочайше велено было оставить без внимания, при этом двое первых привлекались к разбору бумаг арестованных мятежников [Ильин, с. 75].

Готовясь не к дворцовому перевороту, но к открытому вооруженному противостоянию, декабристы не старались вернуть в свои ряды николаевских адъютантов. Иным было их отношение к командирам воинских формирований.

Восставший Московский полк выводили из казарм на улицу три штабс-капитана – «северяне» Александр и Михаил Бестужевы, а также князь Д. А. Щепин-Ростовский, в тайных обществах не состоявший. Путь им преградили командир полка генерал-майор барон П. А. Фредерикс, командир бригады генерал-адъютант В. Н. Шеншин и командир батальона полковник П. К. Хвоцинский. Щепин ранил саблей и тем устранил Фредерикса и Шеншина. Бестужевы подступили к полковнику:

Оба с пистолетами в руках говорили ему, Хвоцинскому, чтобы он вел их за Константина! Хвоцинской при сем укорял их за беспорядок, что видя, нижние чины остановились. Щепин, заметя сие, бросился на него с саблею и нанес три кровавые раны» [Восстание декабристов, т. 1, с. 490] (следственные показания М. А. Бестужева).

Спустя десятилетия, работая над очерком «14 декабря 1825 года», М. Бестужев не простил Хвоцинскому отказ возглавить восставший полк и подал этот эпизод со злым сарказмом:

Щепин замахнулся на него саблею, Хвоцинский побежал прочь, согнувшись в дугу от страха, и Щепин имел только возможность вытянуть ему вдоль спины сильный удар саблею плашмя. Хвоцинский отчаянным голосом кричал, убегая:

– Умираю! умираю!

Солдаты помирали со смеху [Воспоминания Бестужевых, с. 71].

Ударить плоской стороной сабли – фухтелем или, иначе, «дать фухтелей» считалось наказанием, которому командир имел право подвергнуть подчиненного без решения суда. Если же штабс-капитан при солдатах «нафухтелял» полковнику, это означало, что воинская субординация перевернута с ног на голову, отменена. В беседе 1869 г. с историком М. И. Семевским М. А. Бестужев выразился еще резче: «Хвоцинский – по ж... батальонный командир плашмя рану получил» [Там же, с. 397].

Поскольку Фредерикс и Шеншин от полученных ран находились «без чувств», раненый не столь сильно Павел Кесаревич Хвоцинский поспешил с докладом о мятеже в Зимний дворец (император, впрочем, об этом уже знал). Принц Евгений Вюртембергский наблюдал из окна дворца, как Хвоцинский на площади «соскочил с саней, снял кивер и показывал на голове кровавые раны» [Междоусарствие, с. 111;

Гордин, кн. 2, с. 36]. Поручик П. И. Греч увидел Хвоцинского рядом с монархом уже во дворце и тут же отметил: «Дежурным по караулам был полковник Моллер 1-й» [Записки очевидцев, вып. 4, с. 145, 146].

Полковник лейб-гвардии Финляндского полка Александр Федорович фон Моллер, по свидетельству С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского, А. А. Бестужева и иных подследственных, не только состоял в тайном обществе, но и был «предварен» о планах повстанцев. Декабрист А. Е. Розен вспоминал, что «в этот самый день занимал караулы во дворце, в Адмиралтействе, в Сенате, в присутственных местах 2-й батальон л.-гв. Финляндского полка под начальством полковника А. Ф. Моллера, старинного члена тайного общества; в его руках был дворец» [Розен, с. 75]. По подсчетам военного историка Г. С. Габаева, на этих ключевых постах в подчинении Моллера находились три роты – до 500 штыков [Пресняков, с. 181]. Неудивительно, что в преддверии восстания Е. П. Оболенский, К. Ф. Рылеев и Н. А. Бестужев искали встречи с Моллером, и если первым двум поговорить с ним не удалось, то третий разговаривал дважды. Первая встреча состоялась вечером 12 декабря: Бестужев нашел Моллера «в наилучшем расположении» и с этой вестью «отправился к Рылееву». Но 13-го числа полковник говорил со своим дядей, начальником морского штаба А. В. Моллером, и настрой его изменился:

При первом вопросе о его намерениях он вспыхнул; сказал, что не намерен служить орудием и игрушкой других в таком деле, где голова твердо держится на плечах, и, не слушая наших убеждений, ушел [Воспоминания Бестужевых, с. 34].

Отказ А. Ф. Моллера означал потерю надежд и на его однопольчанина Александра Никитича Тулубьева. Декабрист Якушкин писал:

Полковникам Тулубьеву и Моллеру накануне было предложено вывести за собой Финляндский полк; но они оба не без явного смущения отвечали, что исполнение такого предприятия было невозможно и оно решительно было им не по силам [Записки... Якушкина, с. 154].

Позднее Екатерина Николаевна Моллер, доказывая преданность своего мужа монарху, утверждала, что А. Ф. Моллер пресек попытку мятежников «сменить внутренний караул в царских комнатах», за что на следующий день его публично хвалил государь [14 декабря 1825 года, с. 451]. В делах следствия сведений о такой попытке смены караула нет, что делает семейную легенду сомнительной. Зачислив Моллера в свиту 15 декабря, Николай более не желал менять отношения к отличившемуся и отмеченному офицеру: «Сперва улики против него казались важными – в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил» [Междоцарствие, с. 30]. «Высочайшим словесным повелением» Моллер был огражден от допросов, так что доказательств никто и не искал [Ильин, с. 72–74].

Еще упорнее декабристы пытались привлечь на свою сторону командира лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майора Сергея Павловича Шипова. «Я отвечаю за свой полк, я могу заставить своих солдат присягнуть, кому хочу», – говорил С. П. Шипов князю С. П. Трубецкому. И тот соглашался: «Из всех полковых командиров ты, верно, один можешь это сказать; к прочим, кажется, люди не имеют такой доверенности» [Трубецкой, 1983, с. 270]. При этом Шипов командовал не только «коренным» полком русской гвардии, в его подчинении находилась гвардейская бригада, состоявшая из Семеновского и Лейб-гренадерского полков, а также Гвардейского экипажа. Его младший брат Иван Павлович Шипов был полковником лейб-гвардии Преображенского полка. Ранее Шиповы состояли в Союзе спасения и Коренном совете Союза благоденствия. «После ликвидации Союза благоденствия Сергей Шипов не вступил в Северное общество, – пишет Я. А. Гордин. – Но дело было совсем не в том, являлся он формально членом общества или нет. Важно было принципиальное единомыслие» [Гордин, кн. 1, с. 2]. Лидер южных декабристов П. И. Пестель рассчитывал после переворота сделать С. П. Шипова военным министром [Трубецкой, 1983, с. 276–277].

Неудивительно, что Трубецкой поспешил к С. Шипову «по смерти имп. Александра», то есть если не 27 ноября, когда печальная весть достигла столицы, то вскоре. В напряженной обстановке тех дней они встречались дважды. При первом разговоре Шипов сожалел, что с ними не было брата, «который со 2-м Преображенским батальоном стоял вне города», и уверял, что «желает устроить так, чтоб можно было... втроем поговорить». При второй встрече он высказался за Николая и против Константина: «это человек просвещенный, европейский, а тот – злой варвар». Трубецкой сделал вывод, что «Шипов передался совсем на сторону вел. кн. Николая», и констатировал: «Это была для нас большая потеря, потому что Шипов был всегда членом, на которого полагались, и очень дружен с Пестелем» [Там же, с. 269–270]. В другом варианте «Записок» Трубецкой даже предположил, что «Шипов передал великому князю разговор свой с Трубецким» [Трубецкой, 2011, с. 74, 75]. Но, судя по материалам следствия, ни Шипов, ни Трубецкой не проронили ни слова о состоявшихся между ними разговорах.

14 декабря бригадный командир С. П. Шипов последовательно привел к присяге Николаю полки Семеновский и Лейб-гренадерский, но в Гвардейском экипаже встретил сопротивление.

Даже нижние чины тяготились этою присягой и без всяких приготовлений и как один человек отказались присягать вслед за офицерами, которые вышли к генералу Шипову, присланному для приведения присяги экипажа, и отказались присягнуть Николаю,

– вспоминал мичман А. П. Беляев [Беляев, с. 167]. Тогда проявилась, по определению академика М. В. Нечкиной, «особая позиция Сергея Шипова»: он «не смог и, очевидно, не захотел занять с самого начала

позицию властного, приказывающего командира – сторонника Николая I» [Нечкина, с. 306]. Ранее эту позицию Шипова – «убеждать, а не приказывать» – отмечал историк А. Е. Пресняков [Пресняков, с. 113–114], на книгу которого ссылаясь академик. Первым же ее, пожалуй, отметил И. Д. Якушкин:

Шипов, незадолго перед тем ревностный член тайного общества и человек, совершенно преданный Пестелю, нашел в эту минуту для себя удобным разыграть роль посредника перед офицерами Гвардейского экипажа, не желавшими присягать. Он им ничего не приказывал как их начальник, но умолял не сгубить себя и доброе дело, уверял, что безрассудным своим предприятием они отсрочивают на неопределенное время исполнение того, чего можно ожидать от императора Николая Павловича [Записки... Якушкина, с. 149].

Сам Шипов в мемуарах оправдывался тем, что

...послал адъютанта моего, поручика Раевского, привезть ко мне как можно скорее 1-й батальон Семеновского полка... [но] Михаил Павлович остановил его и, присоединив к нему 2-й батальон, повел полки на Петровскую площадь, где собираются мятежники. Поэтому я соединился с полком и вместе с великим князем туда же последовал. По прибытию на сию площадь я увидел, что экипаж уже находится там в толпе мятежников... [Воспоминания... Шипова, с. 182].

Несмотря на нераспорядительность Шипова, допустившего уход экипажа к повстанцам, он в тот же день был пожалован в генерал-адъютанты [Милорадович, с. 23].

Не остался в стороне от событий 14 декабря и Иван Шипов. «Полк под начальством полковника Шипова прибыл в величайшей исправности и стоял у самого моста на канале батальон за батальоном», – отметил Николай I в «Записках» [Междоусарствие, с. 26].

Следствием неудачи объединения «южан» и «северян» стало учреждение в 1823–1824 гг. петербургского филиала Южного общества, членами которого стали более 20 бывших однополчан Павла Пестеля – кавалергардов. На поддержку этих союзников-соперников «северяне» могли лишь надеяться. И. Д. Якушкин констатировал:

В кавалергардах было более офицеров, принадлежавших к тайному обществу, нежели в каком-нибудь другом полку, но и тут присяга не ознаменовалась ни малейшим движением ни между офицерами, ни между солдатами [Записки... Якушкина, с. 155].

«Нерасположение членов Южного общества, очень многочисленных в Петербурге», назвал одной из причин неудачи восстания Д. И. Завалишин [Завалишин, с. 246]. «Никто из нас не участвовал в деле 14 декабря, потому что мы оспаривали своевременность восстания», – подтверждал

фактический лидер филиала П. Н. Свистунов [Свистунов, с. 246]. Впрочем, единственный кавалергард-«северянин» корнет А. М. Муравьев и его однополчанин-«южане» поручик И. А. Анненков и корнет Д. А. Арцыбашев имели иное мнение и еще вечером 13 декабря убеждали Свистунова не покидать столицы. Не вняв им, Свистунов тогда же уехал в Москву.

В результате из всех находившихся 14-го числа в Петербурге декабристов-кавалергардов один поручик А. С. Горожанский не принял присяги вместе с полком и не участвовал в кавалерийской атаке на мятежное каре. Его товарищи И. А. Анненков, Д. А. Арцыбашев, А. Н. Вяземский, Н. Н. Депрерадович и А. М. Муравьев этой участи не избежали. Герой романа А. Дюма «Учитель фехтования» граф Алексей Анненков соскочил с коня и отдал шпагу командиру в момент атаки, пояснив это так: «Потому что я принимал участие в заговоре и рано или поздно буду разоблачен и арестован». Реальный Иван Анненков «вышел на площадь с кавалергардским полком, занимая свое место как офицер 5-го эскадрона» [Анненкова, с. 36]. Декабрист А. Е. Розен писал, что Анненков прикрывал пушки, из которых были расстреляны повстанцы [Розен, с. 75].

Прочие декабристы-кавалергарды также сохранили подчиненность. Арцыбашев:

...Кроме того, что к[нязь] Оболенский проговаривался, что он надеется, что несколько рот не будет присягать, мы распоряжений того дня совершенно не знали до тех пор, пока не приехали с полком на место Петровской площади, где находились мятежники [Восстание декабристов, т. 18, с. 39–40].

Вяземский:

Когда полк вышел, я, быв рапортован больным, остался дома, а выехал и присоединился к полку, когда услышал выстрелы и что несколько генералов убиты [Там же, с. 82].

Депрерадович:

Во время присяги Муравьев подходил ко мне и говорил, что теперь минута, где мы должны солдат уговаривать, на что я отвечал, что на сие не согласен, что я остаюсь при своем месте и что, напротив, буду солдат удерживать. После сего все время был во фронте пред своим взводом [Там же, с. 280].

Развязку этой драмы описал сын декабриста Е. И. Якушкин:

Анненков, Александр Муравьев (кажется, тоже и Арцыбашев) стояли с Кавалергардским полком на площади против своих товарищей. Впрочем, это не спасло их. Через 5 дней они были арестованы своим полковым командиром Апраксиным и привезены во дворец [Якушкин, с. 289–290].

Анненкова и Муравьева осудили на каторгу, Арцыбашева и Вяземского перевели из гвардии в армию после полугодового заточения в крепости, Депрерадовича – сразу.

Корнет лейб-гвардии Конного полка светлейший князь Александр Аркадьевич Италийский, граф Суворов-Рымникский, также принял участие в атаке повстанцев, о чем не без гордости вспоминал на закате жизни:

Мы поскакали вперед во весь дух. Мне... пришлось перескочить через целую грудку и людей, и лошадей пионерного эскадрона! Лошади упали, но были, кажется, и убитые; я помню, что вахмистр пионерного эскадрона лежал под лошадьми! [Суворов, с. 208].

Вскоре выяснилась причастность корнета сразу к двум обществам – Северному и Южному, но судьба его сложилась иначе, чем у декабристов-кавалергардов. Ночь с 22 на 23 декабря князь провел под арестом и утром был допрошен в присутствии монарха. Обстоятельства допроса передавались современниками почти без разночтений. Так, маршал Огюст де Мармон, представлявший Францию на коронации Николая I, писал:

Внук Суворова был сильно скомпрометирован. Император пожелал допросить его лично с целью дать молодому человеку средство оправдаться. На его первые слова он отвечал: «Я был уверен, что носящий имя Суворова не может быть сообщником в столь грязном деле!» – и так продолжал в течение всего допроса [цит. по: Ансело, с. 268].

Князь П. В. Долгоруков писал об А. А. Суворове:

Замешанный в заговоре 14 декабря 1825 года, он был обязан сперва помилованием, а потом быстрой карьерой тому восхищению, которое император Николай питал к памяти знаменитого Суворова [Долгоруков, с. 453].

Суворов-внук даже не получал оправдательного аттестата, как порой утверждается в литературе [Федоров, с. 66], а был прощен до открытия регулярных заседаний следственной комиссии [Ильин, с. 138]. Уже 14 декабря 1825 г. он был произведен в эстандарт-юнкеры, а 1 января 1826 г. – в корнеты. Князь принял участие в похоронах Александра I и в коронационных торжествах Николая I [ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2964. Л. 17 об. –18]. Лишь затем, по словам А. Е. Розена, «граф А. А. Суворов-Рымникский, князь Италийский был удален на Кавказ после 14 декабря» [Розен, с. 341].

Итак, члены тайных обществ оказались в рядах противников повстанцев 14 декабря 1825 г. по различным причинам. Участники, покинувшие движение до 1821 г., могли искренне не видеть тут проблемы выбора: «Законоположение» Союза благоденствия звало их «споспешествовать правительству», а не участвовать в военном мятеже. Подобным образом могли воспринимать происходившие события В. А. Перовский, А. А. Кавелин, Н. П. Годеин, П. К. Хвоцинский. Все участники движения понимали необходимость преобразований в стране, но одни уповали на инициативы снизу и реформы сверху, другие пришли к мысли о допустимости революционного насилия.

Некоторые выбирали сторону по мере развития противостояния: это С. П. Шипов, А. Ф. Моллер, А. Н. Тулубьев. Князь С. П. Трубецкой рассуждал:

Ныне предстояло действие решительное, не представлявшее в случае успеха ни богатства, ни почестей, ни власти; и которое в случае неуспеха угрожало гибелью. Вернее было предаться на сторону силы, нежели подвергнуть себя, может быть, беславию и бесславной смерти. Таким образом, общество увидело себя ослабленным чрез отступление таких членов, которые должны были сделать значительный перевес, по власти, которую чины их предоставляли им в рядах гвардии [Трубецкой, 2011, с. 73].

Члены петербургского филиала Южного общества оказались заложниками несогласованности действий «южан» и «северян». После отъезда П. Н. Свистунова, не видя над собой руководства со стороны заговорщиков и состоя в невысоких чинах, они подчинились привычной гвардейской субординации, вышли на площадь со своими полками.

Индивидуальные роли в подавлении восстания также были различны, но в целом вклад получился вполне весомый: члены общества собирали верные полки, выполняли особые монаршие поручения, командовали воинскими формированиями. Согласно мемуарным свидетельствам, членом тайного общества был и подпоручик лейб-гвардии Пешей артиллерии князь Александр Голицын, пушки которого стреляли в повстанцев [Воспоминания Бестужевых, с. 77; Записки... Якушкина, с. 150; Завалишин, с. 263–263]. Едва вступив на престол и опасаясь, что не все тайные общества разоблачены, Николай I решил не выяснять былую степень причастности к ним старших офицеров, доказавших свою верность 14 декабря. Закрыв он глаза и на прегрешения А. А. Суворова, очевидно, сравнив незначительную на тот момент фигуру молодого офицера с возможной негативной реакцией общества и армии на арест внука прославленного полководца. Корнеты и поручики-кавалергарды, несмотря на участие в атаке на мятежное каре, высочайшего прощенья не заслужили.

Оправдание Суворова было воспринято осужденными как доказательство того, что «ни в арестах, ни в присуждении наказаний

1. А. А. Суворов. Портрет художника Ф. Крюгера. 1851. Государственный Эрмитаж

A. A. Suvorov. Portrait by F. Krüger. 1851. State Hermitage Museum

2. С. П. Шипов. Литография
И. Беггрова. Государственный
исторический музей

S. P. Shipov. Lithography by I. Beggrov.
State Historical Museum

или освобождении от них не было справедливости» [Завалишин, с. 266]. Но негодование вызывали не А. А. Суворов и С. П. Шипов, а император: «как хладнокровно он мог рассуждать и поступать при разборе нашего дела и в применении правосудия к лицам, участвовавшим в тайном обществе» [Басаргин, с. 84]. В ссыльнокааторжной Сибири декабристы сумели сохранить единство, наложив вето на порицание товарищей за поведение 14 декабря и на допросах. Участие в кавалергардской атаке не сделало И. А. Анненкова и А. М. Муравьева изгоями в среде каторжан. Отношение же неосужденных сочленов не в последнюю очередь зависело от личных обстоя-

тельств. Выше приводились негативные отзывы М. Бестужева о Хвощинском, которого они с братом безуспешно звали возглавить восстание. Трубецкой, полемически рассуждая о том, что «тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей, когда многие из бывших его членов продолжали занимать... высокие должности», в числе прочих приводил в пример Кавелина и Годеина [Трубецкой, 2011, с. 81–82]. Однако в другом варианте того же списка он упомянул Шипова и Моллера (одного из которых агитировал сам, другого – Н. Бестужев) как «изменивших обществу» [Трубецкой, 1983, с. 245].

В предисловии к роману «Смерть Вазир-Мухтара» Юрий Тынянов писал: «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восьмисот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов» [Тынянов, с. 9]. В решающий момент, когда «время вдруг переломилось», герои этой статьи оказались вынуждены закладывать первые камни в фундаменты новых жизненных стратегий. Немногие затем ушли в отставку, в частную жизнь, большинство же продолжило служить, пытаясь найти компромисс между своими былыми идеалами и все более жесткими реалиями Николаевского правления.

Библиографические ссылки

- 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев / сост. П. В. Ильин при участ. А. А. Кононова. СПб. : Академ. проект, 1999. 750 с.
- Анненкова П.* Воспоминания. М. : Захаров, 2003. 384 с.
- Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 288 с.
- Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1988. 544 с.
- Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805–1850. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1882. 4, 507 с.

- Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М. : Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. Репринт. воспр. изд. 1951 г. СПб. : Наука, 2005. 892 с.
- Воспоминания Сергея Павловича Шипова // Рус. архив. 1878. Вып. 5–8. С. 144–202.
- Восстание декабристов : [в 23 т.]. М. ; Л. : Гос. изд-во : Наука, 1925–. Т. 1. 540 с. Т. 16. 400 с. Т. 18. 368 с.
- Высочков Л. В.* Император Николай I. Человек и государь. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 644 с.
- Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов : [в 2 кн.]. СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 2006. Кн. 1. 288 с. Кн. 2. 224 с.
- Дмитриев М. М.* Краткая история лейб-гвардии Московского полка с 1811 г. по 1883 год. СПб. : Типолит. П. И. Шмидта, 1883. 14 с.
- Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта: 1860–1867. М. : Новости, 1992. 560 с.
- Завалишин Д.* Воспоминания. М. : Захаров, 2003. 608 с.
- Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа / вступ. ст., публ. и коммент. Т. В. Андреевой и Т. Н. Жуковской // 14 декабря 1825 года : Источники, исследования, историография, библиография : [в 8 вып.]. СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2000. Вып. 3. С. 9–59.
- Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа / вступ. ст. и подг. текста Т. В. Андреевой и П. В. Ильина // 14 декабря 1825 года : Источники, исследования, историография, библиография : [в 8 вып.]. СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2001. Вып. 4. С. 93–181.
- Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / ред. и коммент. С. Я. Штрайха. Репринт. воспр. изд. 1951 г. СПб. : Наука, 2007. 740 с.
- Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб. : Нестор-История, 2004. 664 с.
- Киянская О. И.* Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 г. – 3 января 1826 г.). М. : РГГУ, 1997. 190 с.
- Корф М. А.* Записки. М. : Захаров, 2003. 720 с.
- Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В.* Белые пятна красного цвета : Декабристы : [в 2 кн.]. М. : ТЕРРА – Книж. клуб, 2001. Кн. 1. 400 с.
- Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / подг. к печати Б. Е. Сыроечковский. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 248 с.
- Милорадович Г. А.* Список лиц Свиты Их Величеств с царствования Императора Петра I по 1886 г. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1886. 208 с.
- Нечкина М. В.* Движение декабристов : [в 2 т.]. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 2. 507 с.
- ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2964.
- Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года; с приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 225 с.
- Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 660 с.
- Свистунов П. Н.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск : Мемориальный музей декабристов, 2002. 416 с.
- Суворов А. А.* Лейб-гвардии Конный полк 14-го декабря 1825 года // Рус. старина. 1881. Т. 30, вып. 1. С. 205–210.
- Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности : [в 2 т.]. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1983. Т. 1. 416 с.
- Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. Т. В. Андреевой и П. В. Ильина. СПб. : Лики России, 2011. 384 с.
- Тынянов Ю. Н.* Смерть Вазир-Мухтара // Тынянов Ю. Н. Соч. : [в 3 т.]. М. ; Л. : Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 5–458.

- Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...». М. : Мысль, 1988. 298 с.
- Фишер К. И. Записки сенатора. М. : Захаров, 2008. 368 с.
- Эрлих С. Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929–1994) // 14 декабря 1825 года : источники, исслед., историография, библиогр. : [в 8 вып.]. СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2000. Вып. 3. С. 259–282.
- Якушкин Е. И. Замечания на записки (Моп Journal) А. Муравьева // Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1999. С. 284–291.

References

- Annenkova, P. (2003). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Zakharov. 384 p.
- Anselo, F. (2001). *Shest' mesyatsev v Rossii* [Six Months in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p.
- Azadovsky, M. K. (2005). *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. St Petersburg, Nauka. 892 p.
- Basargin, N. V. (1988). *Vospominaniya, rasskazy, stat'i* [Memoirs, Stories, Articles]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 544 p.
- Belyaev, A. P. (1882). *Vospominaniya dekabristsa o perezhitom i perechuvstvovannom, 1805–1850* [Memoirs of a Decembrist about What He Experienced and Felt, 1805–1850]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 4, 507 p.
- Bokova, V. M. (2003). *Epokha tainykh obshchestv* [The Era of Secret Societies]. Moscow, Reali-Press. 656 p.
- Dmitriev, M. M. (1883). *Kratkaya istoriya leib-gvardii Moskovskogo polka s 1811 g. po 1883 god* [A Brief History of the Life Guards of the Moscow Regiment from 1811 to 1883]. St Petersburg, Tipolitografiya P. I. Shmidta. 14 p.
- Dolgorukov, P. V. (1992). *Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta: 1860–1867* [Petersburg Essays: Pamphlets of an Emigrant: 1860–1867]. Moscow, Novosti. 560 p.
- Ehrlich, S. E. (2000). Kogo schitat' dekabristom? Otvet sovetskogo dekabristovedeniya (po materialam bibliograficheskikh ukazatelei 1929–1994) [Who Should be Considered a Decembrist? The Answer of the Soviet Decembrist Studies (Based on the Materials of Bibliographic Indexes 1929–1994)]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya v 8 vyp.* St Petersburg, Chisinau, Nestor-Historia. Iss. 3, pp. 259–282.
- Fedorov, V. A. (1988). "Svoei sud'boi gordimsya my..." ["We are Proud of our Destiny..."]. Moscow, Mysl'. 298 p.
- Fisher, K. I. (2008). *Zapiski senatora* [Senator's Memoirs]. Moscow, Zakharov. 368 p.
- Gordin, Ya. A. (2006). *Myatezh reformatorov v 2 kn.* [Revolt of the Reformers. 2 Books]. St Petersburg, Izdatel'stvo "Pushkinskogo fonda". Book 1. 288 p. Book 2. 224 p.
- Il'in, P. V. (2004). *Novoe o dekabristakh. Proshchennyye, opravdannyye i neobnaruzhennyye uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg.* [The New about Decembrists: Pardoned, Acquitted, and Undiscovered Participants of Secret Societies and Military Actions of 1825–1826]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 664 p.
- Il'in, P. V., Kononov, A. A. (Eds.). (1999). *14 dekabrya 1825 goda. Vospominaniya ochevidtsev* [December 14, 1825. Eyewitnesses' Memories]. St Petersburg, Akademicheskii projekt. 750 p.
- Kiyanskaya, O. I. (1997). *Yuzhnyi bunt. Vosstanie Chernigovskogo pekhotnogo polka (29 dekabrya 1825 g. – 3 yanvarya 1826 g.)* [The Southern Revolt: The Uprising of the Chernigov Infantry Regiment (December 29, 1825 – January 3, 1826)]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 190 p.
- Korf, M. A. (2003). *Zapiski* [Memoirs]. Moscow, Zakharov. 720 p.
- Krutov, V. V., Shvetsova-Krutova, L. V. (2001). *Belye pyatna krasnogo tsveta. Dekabristy v 2 kn.* [White Spots of Red. Decembrists. 2 Books]. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub. Book 1. 400 p.
- Miloradovich, G. A. (1886). *Spisok lits Svity Ikh Velichestv s tsarstvovaniya Imperatora Petra I po 1886 g.* [List of Persons of Their Majesties' Retinue from the Reign of Emperor Peter I to 1886]. Kiev, Tipografiya S. V. Kul'zhenko. 208 p.

Nechkina, M. V. (1955). *Dvizhenie dekabristov v 2 t.* [The Decembrist Movement. 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2. 507 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 608. List 1. Dos. 2964.

Presnyakov, A. E. (1926). *14 dekabrya 1825 goda; s prilozheniem voenno-istoricheskoi spravki G. S. Gabaeva "Gvardiya v dekabr'skie dni 1825 goda"* [December 14, 1825; with the Appendix of the Military Historical Reference of G. S. Gabaev "The Guard in the December Days of 1825"]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 225 p.

Rozen, A. E. (2008). *Zapiski dekabrista* [Memoirs of a Decembrist]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 660 p.

Streich, S. Ya. (Ed.). (2007). *Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina* [Memoirs, Articles, Letters of the Decembrist I. D. Yakushkin]. 1951 Reprint Ed. St Petersburg, Nauka. 740 p.

Suvorov, A. A. (1881). Leib-gvardii Konnyi polk 14-go dekabrya 1825 goda [Guards Cavalry Regiment on December 14, 1825]. In *Russkaya starina*. Vol. 30. Iss. 1, pp. 205–210.

Svistunov, P. N. (2002). *Sochineniia i pis'ma* [Writings and Letters]. Vol. 1. Irkutsk, Memorial'nyi muzei dekabristov. 416 p.

Syroechkovskii, B. E. (Ed.). (1926). *Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem'i* [The Interregnum of 1825 and the Decembrist Uprising in Correspondence and Memoirs of Members of the Royal Family]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 248 p.

Trubetskoi, S. P. (1983). *Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti v 2 t.* [Materials about Life and Revolutionary Activities. 2 Vols.]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 416 p.

Trubetskoi, S. P. (2011). *Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg.* [Memoirs. Letters to I. N. Tolstoy 1818–1823] / publ. by T. V. Andreeva, P. V. Il'in. St Petersburg, Liki Rossii. 384 p.

Tynyanov Yu. N. (1959). Smert' Vazir-Mukhtara [Death of Vazir-Mukhtar]. In Tynyanov, Yu. N. *Sochineniia v 3 t.* Moscow, Leningrad, Goslitizdat. Vol. 2, pp. 5–458.

Vospominaniya Sergeya Pavlovicha Shipova [Memoirs of Sergei Pavlovich Shipov]. (1878). In *Russkii arkhiv*. Iss. 5–8, pp. 144–202.

Vosstanie dekabristov v 23 t. [The Decembrist Revolt. 23 Vols.]. (1925–). Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 1. 540 p. Vol. 16. 400 p. Vol. 18. 368 p.

Vyskochkov, L. V. (2001). *Imperator Nikolai I. Chelovek i gosudar'* [Emperor Nicholas I. A Man and a Sovereign]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 644 p.

Yakushkin, E. I. (1999). Zamechaniya na zapiski (Mon Journal) A. Murav'eva [Comments on the Memoirs (*Mon Journal*) by A. Muravyov]. In Murav'ev, A. M. *Zapiski i pis'ma*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 284–291.

Zapiski ochevidtsev 14 dekabrya 1825 goda. Iz arkhiva M. A. Korfa [Eyewitness Memoirs on December 14, 1825. From the Archive of M. A. Korf] / publ. by T. V. Andreeva, T. N. Zhukovskaya. (2000). In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya v 8 vyp.* St Petersburg, Kishinev, Nestor-Historia. Iss. 3, pp. 9–59.

Zapiski ochevidtsev 14 dekabrya 1825 goda. Iz arkhiva M. A. Korfa [Eyewitness Memoirs on December 14, 1825. From the Archive of M. A. Korf] / publ. by T. V. Andreeva, P. V. Il'in. (2001). In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya v 8 vyp.* St Petersburg, Kishinev, Nestor-Historia. Iss. 4, pp. 93–181.

Zavalishin, D. (2003). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Zakharov. 608 p.

The article was submitted on 24.01.2023

**Новые персоналии участников тайных обществ
1810–1820-х годов: штрихи к традиционной картине
движения декабристов***

Павел Ильин

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**New Personalities of Participants of the Russian Secret Societies
of the 1810s–1820s: Touches to the Traditional Picture
of the Decembrist Movement**

Pavel Ilyin

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article presents the results of the study of the composition of secret societies and the military conspiracy of the Decembrists conducted by the author over 20 years. One of the main tasks of this work was to identify the unknown Decembrists who remained unnoticed during the government investigation and, for the most part, in historiography. The article considers members of secret societies and participants of the military uprisings of 1825–1826, little-known in literature and never previously identified. The relevance and academic significance of the reconstruction based on the extant source data consists in the development of existing ideas about the Decembrist movement. The author clarifies insufficiently studied specific episodes of the history of secret societies, adjusting the biographies of identified participants, including those known in a general historical context. The article examines the personalities of the newly identified members of secret societies (K. M. Poltoratsky, S. S. Lansky, I. M. Lyubovsky, P. A. Nabokov, F. S. Panyutin). The affiliation of the personalities considered to conspiratorial unions is associated with issues little-studied in the history of Decembrism: the

* *Citation*: Ilyin, P. (2023). New Personalities of Participants of the Russian Secret Societies of the 1810s–1820s: Touches to the Traditional Picture of the Decembrist Movement. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 440–456. DOI 10.15826/qr.2023.2.798.

Цитирование: Ильин П. Новые персоналии участников тайных обществ 1810–1820-х годов: штрихи к традиционной картине движения декабристов // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 440–456. DOI 10.15826/qr.2023.2.798.

involvement of persons endowed with high official status and public authority in the movement, the spread of the Decembrist society among provincial officials, the involvement in the movement of regimental commanders, who the initiators of the “southern uprising” (Chernigov regiment) relied on in their plans. Other cases discussed in the article explore the participation in Decembrist unions of representatives of the capital’s merchants, and naval officers, unnoticed by the investigation of the participants in the St Petersburg conspiracy of 1825. Special attention is paid to the evidence base; the author evaluates the reliability of documentary indications, verifies them against other evidence, and reveals the channels for obtaining information to the authors of the evidence, which makes it possible to conclude that the affiliation of identified persons with the Decembrist societies is substantiated by documents.

Keywords: Decembrist movement, secret societies, unknown participants, reliability of documentary evidence

В статье представлены итоги изучения персонального состава конспиративных союзов и военного заговора декабристов, которое велось автором на протяжении 20 лет. Одной из задач работы было выявление неизвестных участников движения декабристов, оказавшихся неустановленными в ходе правительственного расследования, а затем в большинстве случаев и в историографии. Речь идет о малоизвестных в исторической литературе или впервые идентифицированных участниках тайных союзов и военных выступлений 1825–1826 гг. Актуальность и научная значимость реконструкции полного состава декабристских обществ на основе сохранившихся источниковых данных состоят в развитии существующих представлений, прояснении недостаточно изученных событий, во внесении корректив в биографии установленных участников, в том числе известных в общеисторическом контексте. Рассматриваются персоналии выявленных деятелей тайных обществ (К. М. Полторацкого, С. С. Ланского, И. М. Любовского, П. А. Набокова, Ф. С. Панютина). Принадлежность их к конспиративным союзам связана с малоизученными вопросами истории декабризма: привлечением к движению лиц, наделенных высоким служебным статусом и общественным авторитетом, распространением декабристского общества среди губернских чиновников, вовлечением в движение полковых командиров, на которых опирались в своих планах инициаторы восстания Черниговского полка. Затрагиваются имена представителей столичного купечества, флотских офицеров, других не замеченных следствием деятелей петербургского заговора 1825 г. Особое внимание уделено доказательной базе, опирающейся на сохранившиеся документальные свидетельства: автор оценивает их достоверность, верифицирует данными других источников, показывает каналы поступления информации к авторам свидетельств, что позволяет говорить о документальной обоснованности принадлежности к декабристским обществам вновь выявленных участников событий.

Ключевые слова: движение декабристов, тайные общества, имена декабристов, следствие, доносы, мемуары

Изучение персонального состава декабристских обществ, направленное на выявление и критическую проверку данных о малоизвестных и неизвестных участниках дворянского оппозиционного движения эпохи Александра I, дает возможность дополнить информацию, отраженную в итоговом документе следствия «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу...», составленном делопроизводителем Следственного комитета А. Д. Боровковым [Алфавит, с. 215–345].

В биографическом справочнике «Декабристы», подготовленном коллективом историков во главе с С. В. Мироненко, особый раздел отведен персоналиям, не включенным в «Алфавит» и выявленным по другим источникам [Декабристы, с. 211–214]. Его составители считали выявление ранее неизвестных декабристов принципиально важной задачей, заслуживающей внимания исследователей [Мироненко, с. 383].

Источниковая база для установления и проверки принадлежности к декабристским обществам ограничена в основном документами следствия (главным образом показаниями, не учтенными А. Д. Боровковым при составлении «Алфавита»), материалами проведенной в 1826 г. подписки о неучастии в тайных обществах и мемуарными текстами. Всего в указанный раздел справочника «Декабристы» вошли 20 персоналий.

Наши работы начиная с 2000–2001 гг., как и труды других авторов, находились в русле этого направления [Шешин, 1979; Семенова; Леонтьев; Ильин, 2001; Ильин, 2002; Ильин, 2004; Ильин, 2009а; Ильин, 2013 и др.]. В результате разысканий прибавлено 42 имени вновь установленных участников декабристского движения. Принадлежность этих лиц к тайным обществам и заговору 1825 г. установлена на основе того же круга источников. В качестве документальной базы привлечены ранее не издававшиеся следственные показания, существенно пополненные в последние годы благодаря публикации новых следственных дел в серии «Восстание декабристов», неучтенные показания, материалы подписки 1826 г., мемуарные свидетельства (новонайденные записки С. П. Трубецкого, воспоминания А. Ф. Багговута, М. А. Бестужева, В. Ф. Раевского, В. С. Толстого, Н. И. Тургенева и др.), а также доносы на декабристские общества, принадлежавшие состоявшим в них лицам. Часть установленных персоналий упоминалась в историографии движения, но эти указания не вошли в научный обиход (формальный критерий – отсутствие имен в справочнике «Декабристы»).

Обращение к корпусу показаний обнаруживает, что не все прозвучавшие на допросах имена обратили на себя внимание следствия и были учтены «Алфавите» Боровкова¹. Показания, опубликованные

¹ «Пропущенные» показания стали основой для установления неизвестных ранее участников тайных обществ полковника Башмакова (идентифицирован как Д. Е. Башмаков, полковник Кавалергардского полка) [Ильин, 2004, с. 403], лицейского друга А. С. Пушкина адмирала Ф. Ф. Матюшкина, исследователя Полярного севера В. А. Кротова (эти фигуры демонстрируют распространение влияния декабристов во флоте, что было связано, возможно, с планами удаления из России членов императорской фамилии [Шешин, 1979; Шешин, 1989; Шешин, 2014]), а также А. П. Сапожникова – единственного купца, состоявшего в декабристском обществе, участника демарша Я. И. Ростовцева в дни междоусарствия 1825 г. [Ильин, 2004, с. 522–525].

в последнее время, также содержат свидетельства об участии в декабристских обществах новых лиц². Другие источники (доносы, материалы подписки 1826 г.) добавляют к персоналиям, не отраженным в итоговых документах следствия, тех, кто вообще не были названы в ходе процесса³. Благодаря свидетельствам недавно введенных в научный оборот воспоминаний С. П. Трубецкого дополнен состав участников раннедекабристского кружка «Орден русских рыцарей». Впервые на основе мемуаров удалось разрешить историографический спор о том, кто фигурирует в качестве участника «Ордена» под криптонимом «г-н Б.» в книге Н. И. Тургенева «Россия и русские» [Тургенев, с. 101]. «Спор» историков (В. И. Семевского, М. В. Нечкиной, А. Н. Шебунина, Ю. М. Лотмана), предлагавших кандидатуры А. Х. Бенкендорфа, И. М. Бибикова, Д. П. Бутурлина, разрешился в пользу последней: верной оказалась точка зрения А. Н. Шебунина [Трубецкой, с. 37–38, 60]. Благодаря мемуарным указаниям также стало известным участие в тайных обществах и выступлениях декабристов еще ряда персоналий⁴.

К числу не замеченных в ходе следствия свидетельств относятся показания М. И. Муравьева-Апостола о принадлежности к Союзу благоденствия генерал-майора *Константина Марковича Полторацкого*. На допросе в штабе 1-й армии в Могилеве Матвей Муравьев-Апостол, отвечая на вопрос о том, что среди бывших членов Союза благоденствия ко времени начала следствия должны быть лица в генеральском чине, сообщил: «Были бы, но оные отреклись, например, Константин Маркович Полторацкий и прочие...» [Восстание декабристов, т. 9, с. 186]. Слова Муравьева-Апостола об «отречении» офицеров в высоких чинах следует понимать как утверждение об отходе этих лиц от декабристского общества задолго до допроса. Эти показания не вызвали реакции у следователей, в отношении Полторацкого не последовало запросов другим арестованным, данные о нем не были включены в итоговые документы.

Близость Полторацкого к декабристским кругам явствует из его служебных и родственных связей. Факт знакомства с М. Муравьевым-Апостолом не вызывает сомнений; оно возникло еще до 1812 г., когда последний поступил в Семеновский полк [Декабристы, с. 121], в ко-

² Члены Союза благоденствия *И. И. Логинов*, Павел Голицын (идентифицирован как офицер Преображенского полка *Павел Борисович Голицын*, избежавший ареста из-за ошибки следствия [Ильин, 2009b]), подполковник *Лишин*, подпоручик *Семинычевич* [Ильин, 2004, с. 526], участник Южного общества, в будущем военносудебный деятель, публицист и мемуарист *Г. В. Новицкий* [Ильин, 2013].

³ Донос М. К. Грибовского дает основание для установления членов тайных обществ *Прижевского* и *Реада* (идентифицирован как один из братьев Реадов, Евгений или Николай Андреевич) [Грибовский, с. 184].

⁴ Членство в Союзе благоденствия полковника *Г. И. Ефимовича*, установленное благодаря мемуарам В. С. Толстого, позволяет полнее представить состав декабристской ячейки в Семеновском полку в канун «Семеновской истории» 1820 г. [Ильин, 2004, с. 432–434]. Собственные мемуары, а также рассказы М. А. Бестужева обнаруживают участие в событиях 14 декабря прапорщика, впоследствии генерала от кавалерии *А. Ф. Багговута* [Там же, с. 443–446].

тором Полторацкий к тому времени служил десять лет. Знакомство продолжилось в салоне и на загородных приемах А. Н. и Е. М. Олениных, постоянным участником которых был брат хозяйки К. М. Полторацкий, а частыми гостями с юных лет – братья М. и С. Муравьевы-Апостолы, состоявшие с Полторацкими в родстве. Поэтому М. Муравьев-Апостол, называя на следствии Полторацкого, хорошо понимал, о ком говорит. Встречи Полторацкого с Н. М. Муравьевым и другими родственниками из семейств Муравьевых отражены в переписке Никиты Муравьева 1817–1818 гг. [Муравьев, с. 247; Тимофеев, с. 46, 130]. В 1817 г. Полторацкий вернулся в Россию из находившегося во Франции корпуса М. С. Воронцова, оказался в Москве в момент образования Союза благоденствия, когда в него активно набирали участников. Видимо, вступление Полторацкого относится к этому времени, тогда же к обществу присоединился представитель родственной семьи Олениных – один из сыновей А. Н. Оленина Алексей [Декабристы, с. 133].

Вступление в тайное общество выделяющегося своим возрастом среди молодых членов союза заслуженного боевого генерала (в 1817 г. ему было 35 лет) могло состояться, если он был принят близкими знакомыми или родственниками. Несомненно, Полторацкий фигурирует как «генерал П.» в книге Н. И. Тургенева «Россия и русские»:

Вспоминаю, что, спросив однажды у самого Н[икиты] Муравьева, сколько членов примкнуло к обществу, получил ответ, что почти 200, но некоторые отошли от него, и среди прочих генерал П., с которым я был знаком. Шутя, он прибавил, что и сам он, и другие, получившие подпись генерала, иногда забавлялись, пугая его. Когда же тот захотел взять свою подпись назад, они ответили ему, что устав Союза запрещает это, одновременно дав ему понять, что общество по-прежнему преуспевает, расширяется... генерал был вдвойне напуган [Тургенев, с. 112–113].

(«Генерал П.» не идентифицирован комментатором тома А. Р. Курилкиным).

Тот факт, что среди «получивших подпись» оказался Н. М. Муравьев, бывший своим в петербургском доме Олениных – Полторацких, подкрепляет достоверность показаний Муравьева-Апостола. Предположение о том, что Полторацкий был принят при участии Никиты Муравьева и Муравьевых-Апостолов, видится правдоподобным. В свидетельстве Тургенева обращает на себя внимание то, что через некоторое время после вступления Полторацкий пожелал выйти из общества (случай не единичный: А. Н. Муравьев покинул ряды основанного при его ближайшем участии Союза благоденствия), но мы не знаем, какой период времени Полторацкий в нем состоял.

Генерал, принятый в тайное общество, был колоритной личностью в составе союза. Представитель старшего поколения, он выделялся своим военным и жизненным опытом. Очевидно, взгляды, выраженные младшими родственниками и друзьями, нашли отклик

у Полторацкого – участника антидеспотического заговора против Павла I [Эйдельман, с. 170, 263, 313, 319], и оказались убедительными при принятии решения о присоединении к конспиративному союзу.

Историку декабризма не обойти вниманием признание в принадлежности к Союзу благоденствия *Сергея Степановича Ланского*, переданное в воспоминаниях сенатора Я. А. Соловьева. Мемуарист – ближайший помощник С. С. Ланского, занимавшего пост министра внутренних дел во время подготовки крестьянской реформы 1861 г. и выступившего в роли одного из ее «двигателей». Соловьев свидетельствует:

[Ланской] в молодости... был масоном и членом «Союза благоденствия», куда, как он мне сам рассказывал, ввел его Александр Николаевич Муравьев, но Сергей Степанович вышел из «Союза благоденствия» и вывел оттуда Муравьева задолго до 14 декабря 1825 года [Соловьев, с. 237].

Благодаря этому Ланской избежал привлечения к следствию, но, согласно мемуаристу, передающему слова Ланского, последний был обязан императрице Марии Федоровне тем, что не пострадал «вместе с декабристами»; Николай I не раз повторял, что «либерала Ланского наставил на путь истинный». Но едва ли это удалось: в новую эпоху Ланской оказался человеком, «преданным крестьянскому делу» и чуждым «сословным предрассудкам» [Там же, с. 238, 231].

Сообщение о вступлении в декабристский союз, источником которого выступил сам Ланской, представляется достоверным. Воспоминания Я. А. Соловьева (датируются 1875 г.) доказывают наличие доверительных отношений, сложившихся между ним и Ланским. «Самопризнание» Ланского следует отнести к 1856–1858 гг., когда в начале царствования Александра II состоялась амнистия осужденных декабристов, а участие в либерально-просветительском Союзе благоденствия не подвергалось осуждению в условиях «оттепели» 1860-х гг. Признание носит смягченный характер, поскольку указывает на недолгое пребывание в Союзе; факт вступления оговаривается тем, что Ланской сделал это ради «спасения» друга, а затем убедил его выйти из общества.

Приверженность масонским занятиям, глубокий интерес к духовным религиозным вопросам сближали А. Н. Муравьева и С. С. Ланского. Один из видных масонов 1810-х гг., Ланской имел влияние на основателя первых декабристских организаций [см. об этом: Серков, с. 24, 154, 157–158, 231]. Близость содержания устава союза к масонской программе практической деятельности («распространение нравственности», просветительство, благотворительность) могла вызвать у Муравьева потребность вовлечь друга в политическое тайное общество. Трудно представить, как Ланской мог критиковать близкую к масонству программу деятельности союза благотворительного и просветительского характера, стараясь вывести Муравьева

из состава общества, если он не знал потаенных политических целей. Это обстоятельство свидетельствует о существенной осведомленности Ланского в делах союза, что вряд ли стало бы возможным без его поступления в состав членов.

В историографии участие Ланского в союзе не оспаривается, но ему не придается надлежащего значения. Ю. И. Герасимова и С. В. Думин отмечают: «После создания Союза благоденствия Муравьев вовлек в него и Ланского. Муравьев настолько доверял своему другу, что разрешил ему скопировать устав организации, иметь который, как правило, могли только члены Коренного совета» (экземпляр устава сохранился в бумагах Ланского). Возможно, «руководители Союза... хотели доверить Ланскому вербовку новых членов, которых при приеме было принято знакомить с уставом» [Герасимова, Думин, с. 28]. Можно выдвинуть и другое объяснение, которое усиливает роль Ланского в декабристском движении: близкий друг одного из учредителей союза получил экземпляр устава для обсуждения положений «Зеленой книги» с целью последующей работы над программой тайного общества. Тем не менее, имя Ланского как участника союза не утвердилось в литературе, о чем говорит отсутствие данных о нем в справочнике «Декабристы».

Итак, среди выявленных членов Союза благоденствия выделяются крупный чиновник, масон, будущий министр внутренних дел С. С. Ланской и военно-административный деятель генерал К. М. Полторацкий. Участие их в тайном обществе показывает интерес декабристов к представителям старшего поколения, имевшим вес в административном и общественном отношениях. Очевидно, учредителям союза казалось важным присутствие среди его членов заслуженных офицеров и влиятельных чиновников. Привлечение лиц этой категории в декабристский союз связано с необходимостью придания объединению сторонников преобразований большого общественного значения с целью воздействия на власть, укрепления авторитета союза в среде его участников.

Членство в Союзе благоденствия *Ивана Моисеевича Любовского*, служившего по ведомству «питейного сбора» в казенной палате Воронежской губернии, обнаружилось в его собственном признании при подписке 1826 г. [Ильин, 2004, с. 394–395]. Принятие рядового провинциального чиновника в тайный союз демонстрирует другую тенденцию – стремление декабристов распространить свое влияние на провинциальную дворянскую и чиновную среду. Это стремление было связано с намерением охватить своей деятельностью губернские города. Случай Любовского не был единичным: отраженные в биографическом справочнике персоналии Д. И. Альбицкого и С. Д. Нечаева служат тому подтверждением [Декабристы, с. 211, 213; Ильин, 2004, с. 392, 395]. Результаты исследований А. В. Семеновой, Я. В. Лонтъева, А. Н. Лушина, В. А. Шкерина показывают наличие управ декабристского союза в Киевской, Полтавской, Смоленской, Нижегородской, Тульской, Пензенской губерниях [Семенова, с. 15–19; Ле-

онтьев, с. 72–80; Лушин; Шкерин]. Историки еще недостаточно знают о работе декабристского союза в среде губернского чиновничества.

В записках И. И. Горбачевского содержатся данные о причастности к Южному обществу полковника *Петра Александровича Набокова* (двоюродного прадеда писателя В. В. Набокова). Его имя было названо М. П. Бестужевым-Рюминым членам Общества соединенных славян на одном из совещаний в Лещинском лагере (август 1825 г.) в числе участников заговора наряду с П. Д. Киселевым, генералом Н. Н. Раевским, М. Ф. Орловым, С. Г. Волконским, С. П. Трубецким, П. И. Пестелем, Артамоном и Александром Муравьевыми и др. [Горбачевский, с. 10]. Вместе с установленными следствием членами тайных обществ были названы те, кто не состояли в них, но имели служебные и дружеские связи с заговорщиками (П. Д. Киселев, Н. Н. Раевский). Речь шла о тех, на кого декабристы оказывали влияние или надеялись повлиять в решающий момент. Появление в этом ряду командира Кременчугского полка П. А. Набокова, старого товарища и однополчанина братьев Муравьевых-Апостолов военной поры 1813–1814 гг., перешедшего из Семеновского полка в армию в 1819 г., обращает на себя внимание.

Следствие получило данные о том, что осенью 1825 г. Набоков посещал киевскую квартиру С. П. Трубецкого, еще одного бывшего товарища по Семеновскому полку, где слышал разговоры С. Муравьева-Апостола о преимуществах конституционного правления, что стало известно из показаний подполковника М. М. Гротенгельма [Восстание декабристов, т. 4, с. 238]. Выяснилось, что перед началом мятежа Черниговского полка к Набокову заезжали С. и М. Муравьевы-Апостолы. Узнав о событиях 14 декабря 1825 г. в корпусном штабе в Житомире, они 25–27 декабря совершили объезд нескольких частей, посетив Троянов (штаб Александрийского полка во главе с Александром З. Муравьевым), Любар (штаб Ахтырского полка во главе с Артамоном З. Муравьевым), но первым пунктом поездки был Брусилов (штаб Кременчугского полка). В нашем распоряжении есть показания В. Н. Соловьева, данные Комиссии суда при штабе 1-й армии, согласно которым С. Муравьев-Апостол «под предлогом отпуска поехал в корпусную квартиру для того, чтобы известить всех сообщников о времени начала действий». Кроме родственников Артамона и Александра Муравьевых, он собирался побывать в Брусилове у Набокова [Рапорт Комиссии; Нечкина, с. 487]. На следствии С. Муравьев-Апостол заявил, что не застал Набокова; это утверждал и М. Муравьев-Апостол в воспоминаниях о выступлении черниговцев [Муравьев-Апостол, с. 191]. Если это было так (ниже говорится о свидетельствах, которые доказывают, что встреча состоялась), сам факт надежд лидеров заговора на командира Кременчугского полка в контексте привлечения военной силы для восстания крайне важен; его значение не ослабляется тем, что одна из встреч с Набоковым, возможно, не состоялась.

Набоков фигурирует в очерке Ф. Ф. Вадковского, собиравшего сведения о восстании Черниговского полка от участников событий. Он опирался на рассказы В. Н. Соловьева, А. А. Быстрицкого, А. Е. Мозалевского; из числа «южан» источниками могли служить А. З. Муравьев и И. С. Повало-Швейковский. Согласно данным Вадковского, Набоков если и не был членом тайного общества, то знал о его существовании и целях. Вадковский утверждает, что С. Муравьев-Апостол застал Набокова на его квартире и говорил с ним: «На пути через местечко Брусиллов Сергей Муравьев заехал к полковнику Набокову... разговор их или, лучше сказать, ответ Набокова неизвестен» [Вадковский, с. 192]. В примечаниях к очерку свидетель встречи М. Муравьев-Апостол писал:

Полковник Набоков... служил прежде в Семеновском полку и был очень знаком с Сергеем Муравьевым, можно было рассчитывать, что в решительную минуту Набоков не откажется вместе с своим полком содействовать в деле, не совсем ему чуждом.

В этом свидетельстве М. Муравьев-Апостол не отрицал факт встречи. Отношение Набокова к тайному обществу мемуарист передает так: «Не бывши членом тайного общества, он знал о существовании и цели этого общества» [Там же, с. 200]. Осторожные формулировки М. Муравьева-Апостола, отрицание им членства Набокова не заслоняют того, что полковник был осведомлен о существовании и намерениях декабристского общества. Отношения заговорщиков и командира Кременчугского полка были такого рода, что на Набокова можно было рассчитывать «в решительную минуту». Другим важным свидетельством является указание на то, что «дело» тайного общества было Набокову «не совсем чуждым»: очевидно, о нем он имел ясное представление. Из этого следует другой вывод: контакты с Набоковым не ограничивались встречей накануне событий. Расчеты на участие в выступлении офицера в чине полковника говорят о том, что эти контакты отличались особым характером. Значительная степень осведомленности в «делах» тайного союза подразумевала участие в нем.

Руководители заговора на юге, планируя выступление, рассчитывали на присоединение к черниговцам соседних полков. В этом свете посещение Муравьевыми-Апостолами старого сослуживца представляется неслучайным. Суть переговоров поддается лишь общей интерпретации: на следствии предпочитали об этом умалчивать. Предложение присоединиться к выступлению, сопровождаемое вестью о подавлении «бунта» 14 декабря, вероятно, не нашло отклика у полковых командиров Александра и Артамона Муравьевых и Набокова: они предпочли занять выжидательную позицию. По мнению Ю. Г. Оксмана, «свидание» между Набоковым и Муравьевым-Апостолом «хотя и состоялось, но не привело к положительным результатам» [Восстание Черниговского полка, с. 9].

На этом усилия инициаторов «южного восстания» привлечь командиров соседних полков не закончились. По данным Вадковского, 29 декабря, в день начала выступления, в Брусилове у Набокова и в Радомысле у Повало-Швейковского побывал Бестужев-Рюмин. Он совершил поездку, «чтобы возмутить полки Кременчугский и Алексопольский», но «безуспешно виделся с полковником Набоковым» [Вадковский, с. 193]. Согласно запискам Горбачевского, Бестужев-Рюмин побывал только у Повало-Швейковского, но, по мнению мемуариста, «вероятно, он был и у других полковых командиров». Горбачевский замечает: «Положительно неизвестно, где он был, но, вероятно, сколько можно догадываться по обстоятельствам, он ездил в ближайшие полки и приглашал к действию командиров оных» [Горбачевский, с. 66, 316]. Мемуарист называет командиров и офицеров соседних частей, на участие которых рассчитывали, членами тайного общества.

В ходе следствия Бестужев-Рюмин замалчивал цель поездки, утверждая, что ни с кем не встречался [Восстание декабристов, т. 4, с. 286; т. 9, с. 47]. Представляется, что он отправился к полковым командирам, чтобы получить ответ на вопрос, можно ли рассчитывать на их поддержку начинающегося выступления. В тот же день 29 декабря сначала в Радомысле у Повало-Швейковского, а затем в Любаре у А. З. Муравьева появляется участник Общества соединенных славян Я. М. Андреевич. Он привез с собой записку от участника заговора Ф. М. Башмакова, в которой говорилось о начале выступления. «Приглашая действовать», Андреевич, по показаниям Муравьева, передал сообщение: «Кременчугский полк и артиллерия готовы» [Восстание декабристов, т. 11, с. 110–111]. Полк, возглавлявшийся Набоковым, входил в сферу влияния заговорщиков, выступал в качестве средства агитации как подготовленный к участию в выступлении.

В отношении Набокова и Повало-Швейковского Вадковский отмечает: «бывшие пылками на словах, члены общества отказались вывести полки» [Вадковский, с. 193]. Причина «пылкости» Повало-Швейковского была выяснена на следствии: 31 августа 1825 г. его лишили командования Алексопольским полком и перевели в Саратовский; оскорбленный этим, он хотел «начать действия» [Восстание декабристов, т. 11, с. 168–169, 183–185; Нечкина, с. 356]. О «пылкости» Набокова ничего не известно. Сообщение Вадковского подводит к мысли, что Набоков первоначально согласился участвовать в восстании, поэтому Муравьев-Апостол мог рассчитывать на слово старого товарища, но в сложной ситуации после поражения восстания 14 декабря полковник, как и другие командиры, отказался от прежних обещаний.

Не приходится сомневаться в том, что Набоков знал о существовании и планах тайного союза; наконец, Вадковский прямо называет его «членом общества». Не так важно, что лежало в основе расчетов на участие Набокова в выступлении – давние дружеские отношения или идейные убеждения, но планы и цели военного выступления,

очевидно, ему были известны. Муравьев-Апостол, несомненно, рассчитывал на поддержку старого товарища; он же, видимо, и принял Набокова в Южное общество; Набоков обещал содействие. На следствии Муравьев-Апостол приложил все усилия, чтобы скрыть связи с командиром Кременчугского полка. К этим выводам добавим важное обстоятельство, выясненное на следствии, – Муравьев-Апостол планировал объединение восставших частей именно в Брусилове: он фигурировал в показаниях как «сборный пункт», где должны были собраться гусарские Ахтырский и Александрийский, пехотные Черниговский и Алексопольский полки [Восстание декабристов, т. 4, с. 249; т. 6, с. 21; Горбачевский, с. 74, 83]⁵.

Несмотря на полученные данные о связях Набокова с руководителями мятежа, следствие в 1-й армии коснулось его лишь слегка (после первого допроса был отпущен). Руководство армии не стало направлять внимание следствия в его сторону. Раскрытие присутствия в заговоре группы полковых командиров вряд ли соответствовало интересам командования: заговор в подчиненных войсках приобретал еще больший масштаб. Это имели в виду и декабристы: С. Муравьев-Апостол скрыл на следствии обстоятельства поездки в Брусилов, Любар и Троянов. Расчеты на содействие гусарских полков он объяснял тем, что говорил это «для ободрения солдат» [Восстание декабристов, т. 4, с. 259, 285]. Становится понятным, по каким причинам Набоков и другие полковые командиры остались в тени расследования. В случае с Набоковым ситуация усугубляется тем, что его старший брат генерал-майор И. А. Набоков занимал должность начальника 3-й пехотной дивизии. Влияние, каким он пользовался в 1-й армии, было значительным, не случайно он был назначен председателем военносудной комиссии по делу тайных обществ, созданной при главной квартире; положение брата повлияло на исключение Набокова из сферы расследования.

Участие Набокова в декабристском союзе становится окончательно установленным благодаря мемуарам С. П. Трубецкого. В его новонайденных записках среди избежавших наказания членов общества присутствует и Набоков [Трубецкой, с. 82]. Трудно сомневаться в осведомленности мемуариста в этом вопросе: находясь в Киеве как дежурный офицер штаба 4-го пехотного корпуса с начала по осень 1825 г., Трубецкой был в постоянном контакте с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, встречался с другими членами Васильковской управы (показания Трубецкого, С. Муравьева-Апостола, М. Ф. Орлова см.: [Восстание декабристов, т. 1, с. 35; т. 4, с. 284; т. 20, с. 173]). Уже приводилось свидетельство о посещении Набоковым квартиры Трубецкого в Киеве – будучи давним товарищем, Набоков входил в круг общения мемуариста, сведения о членстве поступили к Трубецкому из первых рук. Участие Набокова в декабрист-

⁵ Подробнее об этом см. в нашей работе: [Ильин, 2009а, с. 47–54].

ском союзе, удостоверенное Трубецким, подкрепляется данными очерка Вадковского и записок Горбачевского. Свидетельство Трубецкого придает определенный акцент «полупризнаниям» мемуариста М. Муравьева-Апостола, которые звучат противоречиво в отношении принадлежности Набокова к обществу.

Традиционная оценка причастности Набокова к декабристскому движению (дружеская связь с лидерами «южного восстания»), констатируя очевидное, скользит по поверхности. Историки долгое время придерживались мнения, что Набоков – человек, «несомненно, близкий им [декабристам] по взглядам, хотя формально и не связанный с тайным обществом» (оценка Ю. Г. Оксмана: [Восстание Черниговского полка, с. 8]). Отрицание членства Набокова, утвердившееся в литературе, может быть оспорено. Документальные свидетельства подтверждают, что Набоков был принят в тайную организацию.

Участник Южного общества полковник В. И. Враницкий открыл в показаниях принадлежность к декабристскому союзу офицера 1-й армии Панютина:

Мне известные члены тайного общества суть следующие: 3 пехотного корпуса Муравьев-Апостол, Швейковский, Бестужев-Рюмин, Тизенгаузен, Артамон Муравьев, Пыхачев, Врангель, Панютин... [Восстание декабристов, т. 11, с. 331].

Последняя фамилия в показаниях более не встречается. Перечисленные лица (кроме Ф. Е. Врангеля, сумевшего оправдаться) были признаны следствием членами общества. Враницкий – осведомленный участник декабристского союза, принятый в него в ноябре-декабре 1824 г., был дружен с членами Васильковской управы Повало-Швейковским и Тизенгаузенем, знаком с руководителями управы Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым [Там же, с. 343–344]. Исходя из этого показания Враницкого следует признать авторитетными. Контекст, в котором упоминается офицер 3-го пехотного корпуса Панютин, говорит о принадлежности его Васильковской управе (август-сентябрь 1825 г.).

В 1-й армии в 1825 г. служили два брата Панютина – Федор и Николай Сергеевичи, оба в чине полковника. Отметим немаловажный факт, который идет навстречу выводу об участии Панютиных в тайном союзе: оба брата были бывшими семеновцами. Известно, что Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин вовлекали в заговор бывших однополчан, оказавшихся в 1-й армии; нельзя не учитывать и недовольства бывших гвардейцев нарушенным ходом военной карьеры; в тайное общество вошли бывшие семеновцы А. И. Тютчев, А. А. Рачинский, А. Ф. Вадковский, Д. А. Молчанов [Декабристы, с. 34, 115, 155, 181]; как мы видели, в этом ряду находится Набоков. Один из братьев (Николай) числился в Кременчугском полку, на который, как уже говорилось, рассчитывали заговорщики. Это говорит как

будто в пользу участия в тайном обществе Н. С. Панютина; его старший брат Ф. С. Панютин в 1825 г. являлся командиром Севского полка [Ильин, 2002, с. 201].

В случае с Панютиным окончательную ясность также вносят вновь найденные записки Трубецкого: в числе избежавших наказания членов общества мемуарист указывает и Панютина [Трубецкой, с. 82]. На протяжении 1825 г. Трубецкий находился в Киеве, где вошел в постоянный контакт с руководителями Васильковской управы, встречался с членами управы, офицерами 3-го и 4-го пехотных корпусов. Таким образом, канал информации, ставший источником сведений о членстве Панютина, выясняется определенно. Авторитетное свидетельство одного из наиболее осведомленных деятелей декабристской конспирации подкрепляет показания Враницкого. Появляется возможность идентификации личности Панютина. В записках Трубецкого, датируемых 1849–1855 гг., сообщается, что на момент их написания бывший член тайного общества Панютин командует дивизией [Там же]. Это обстоятельство доказывает принадлежность к декабристам видного военачальника *Федора Сергеевича Панютина*, поскольку его брат Николай с конца 1820-х гг. не состоял на службе [Ильин, 2002, с. 201]. На основе указаний Трубецкого Ф. С. Панютина следует считать вновь обнаруженным участником движения, избежавшим расследования и наказания.

Выявленное участие Панютина и Набокова в тайном союзе проливает свет на важный вопрос о военной поддержке «южного восстания». До сих пор историки мало знают о тех силах, на которые рассчитывал С. Муравьев-Апостол, о круге лиц, связанных с заговором в 1-й армии и ускользнувших от следствия. Как отмечал Ю. Г. Оксман, «дело возмущения представлялось вождям восстания делом соответствующих командиров» [Восстание Черниговского полка, с. 9]. Надежды на офицеров, состоявших в высоких чинах, которые могли поддержать выступление черниговцев, не афишировались на следствии. От него были укрыты контакты лидеров «южного восстания» с полковыми командирами, которые не только были в курсе планов тайного общества, но и состояли в его рядах. В их числе, как теперь установлено, были полковники П. А. Набоков и Ф. С. Панютин.

Подводя итог, нужно сказать, что состав обществ декабристов до сих пор установлен не полностью. Сведения об участии новых лиц в декабристских союзах изменяют традиционную картину истории тайных обществ, дополняют ее новыми, порой весьма значимыми чертами. Выяснение участия неизвестных ранее персоналий в политической конспирации способствует обогащению представлений о деятельности «Ордена русских рыцарей», управ Союза благоденствия в Петербурге, Москве и ряде губерний, «морской управы» Северного общества, южных «гнезд» конспираторов, связанных с восстанием Черниговского полка. Дополняются и корректируются данные о военных выступлениях 1825–1826 гг., о вовлечении в сферу

влияния декабристов офицеров гвардии, представителей петербургского купечества. Обнаруживается участие в движении видных в будущем государственных и военных деятелей. Картина декабристской конспирации, формирующаяся на основе итоговых документов следствия, нуждается в дополнении и уточнении, поскольку далеко не все было выяснено в ходе официального расследования.

Библиографические ссылки

«Алфавит...» [А. Д. Боровкова] // Декабристы : биограф. справ. М. : Наука, 1988. С. 215–345.

Вадковский Ф. Ф. Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов : в 2 т. М. : Изд-во политкаторжан, 1931. Т. 1. С. 192–201.

Восстание декабристов : документы : [в 23 т.]. М. : Госиздат : Госполитиздат : РОССПЭН, 1925–2016.

Восстание Черниговского полка (новые материалы) // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925. С. 5–36.

Герасимова Ю. И., Думин С. В. Декабрист Александр Николаевич Муравьев // Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. изд-во, 1986. С. 3–64.

Горбачевский И. И. Записки. Письма. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 354 с.

[*Грибовский М. К.*] Записка о Союзе благоденствия, представленная Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников. М. : МГУ, 1988. С. 181–187.

Декабристы : биограф. справ. М. : Наука, 1988. 448 с.

Ильин П. В. Безвестные декабристы. О лицах, не вошедших в «Алфавит» А. Д. Боровкова // 14 декабря 1825 г. : Источники, исследования, историография, библиография. СПб. ; Кишинев : Нестор, 2001. Вып. 4. С. 363–468.

Ильин П. В. Предполагаемые декабристы : Обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. // 14 декабря 1825 г. : Источники, исследования, историография, библиография. СПб. ; Кишинев : Нестор, 2002. Вып. 5. С. 95–213.

Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб. : Нестор-История, 2004. 668 с.

Ильин П. В. П. А. Набоков и Ф. С. Панютин – неизвестные члены Васильковской управы Южного общества // Декабристы в Україні. Дослідження й матеріали : в 7 т. Київ : СПД Цимбаленко Є. С., 2009а. Т. 6. С. 42–65.

Ильин П. В. Незамеченный участник Союза благоденствия: князь П. Б. Голицын // Декабристы в Петербурге. Новые материалы и исследования. СПб. : ДНК, 2009б. С. 354–382.

Ильин П. В. Г. В. Новицкий – незамеченный участник Южного общества // Декабристы в Україні. Дослідження й матеріали : в 7 т. Київ : УкрСІЧ, 2012. Т. 7. С. 128–155.

Леонтьев Я. В. Смоленские вольнодумцы 1820-х гг. // Освободительное движение в России : межвуз. науч. сб. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. Вып. 14. С. 67–90.

Лушин А. Н. В. И. Белавин и нижегородская управа Союза благоденствия // 170 лет назад. Декабристские чтения 1995 г. М. : Ред.-изд. центр Гос. ист. музея, 1999. С. 96–102.

Мироненко С. В. Биографический справочник «Декабристы». Принципы издания // Декабристы : биограф. справ. М. : Наука, 1988. С. 376–398.

Муравьев Н. М. Письма декабриста 1813–1826 гг. М. : Памятники ист. мысли, 2001. 310 с.

Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма // Мемуары декабристов. Южное общество. М. : МГУ, 1982. С. 163–225.

- Нечкина М. В. Движение декабристов : в 2 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 2. 508 с.
- Рапорт Комиссии военного суда при Главной квартире 1-й армии // Рус. архив. 1902. № 6. С. 287–288.
- Семенова А. В. Тайное общество декабристов Союз благоденствия : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М. : [Б. и.], 1990. 24 с.
- Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб. : Изд-во Н. И. Новикова, 2000. 400 с.
- Соловьев Я. А. Записки сенатора о крестьянском деле // Рус. старина. 1882. Т. 33. № 1. С. 227–258.
- Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: дом А. Н. Оленина. Л. : Лениздат, 1983. 288 с.
- Трубцежкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому. СПб. : Лики России, 2011. 384 с.
- Тургенев Н. И. Россия и русские. М. : ОГИ, 2001. 744 с.
- Шешин А. Б. Морская управа Северного общества // Вопр. истории. 1979. № 2. С. 115–128.
- Шешин А. Б. Друг Пушкина Ф. Ф. Матюшкин – декабрист // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. 1989. С. 161–166.
- Шешин А. Б. Выполнил ли К. Ф. Рылеев поручения А. Н. Голицына и намеревался ли он вывезти императорскую фамилию в Форт-Росс в Калифорнию? // Декабристы. Актуальные направления исследований. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 410–466.
- Шкерин В. А. Полтавское пополнение Союза благоденствия // Декабристи в Україні: дослідження й матеріали : в 7 т. Київ : УкрСІЧ, 2012. Т. 7. С. 231–239.
- Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX в. М. : Мысль, 1982. 368 с.

References

- “Alfavit...” A. D. Borovkova [*Alphabet...* of A. D. Borovkov]. (1988). In *Dekabristy. Biograficheskii spravochnik*. Moscow, Nauka, pp. 215–345.
- Dekabristy. Biograficheskii spravochnik* [Decembrists. Biographical Directory]. (1988). Moscow, Nauka. 448 p.
- Eidelman, N. Ya. (1982). *Gran' vekov. Politicheskaya bor'ba v Rossii, konets XVIII – nachalo XIX v.* [The Edge of Centuries. Political Struggle in Russia, Late 18th – Early 19th Centuries]. Moscow, Mysl'. 368 p.
- Gerasimova, Yu. I., Dumin, S. V. (1986). Dekabrist Aleksandr Nikolaevich Murav'ev [Decembrist Alexander Nikolaevich Muravyov]. In Murav'ev, A. N. *Sochineniya i pis'ma*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe izdatel'stvo, pp. 3–64.
- Gorbachevskii, I. I. (1963). *Zapiski. Pis'ma* [Memoirs, Letters]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 354 p.
- Gribovskii, M. K. (1988). Zapiska o Soyuze blagodenstviya, predstavlenaya Aleksandru I v mae 1821 g. [Note on the Union of Welfare Presented to Alexander I in May 1821]. In *Dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov*. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 181–187.
- Il'in, P. V. (2001). Bezvestnye dekabristy. O litsakh, ne voshedshikh v “Alfavit” A. D. Borovkova [Unknown Decembrists. On Persons not Included in A. D. Borovkov's *Alphabet*]. In *14 dekabrya 1825 g. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. St Petersburg, Kishinev, Nestor. Iss. 4, pp. 363–468.
- Il'in, P. V. (2002). Predpolagaemye dekabristy: Obzor ukazanii istochnikov o vozmozhnykh uchastnikakh tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg. [Alleged Decembrists: A Review of Source Indications on Possible Participants in Secret Societies and Military Actions 1825–1826]. In *14 dekabrya 1825 g. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya*. St Petersburg, Chisinau, Nestor. Iss. 5, pp. 95–213.
- Il'in, P. V. (2004). *Novoe o dekabristakh. Proshchennyye, opravdannyye i neobnaruzhennyye sledstviem uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg.* [The New

about the Decembrists. Pardoned, Acquitted, and Undiscovered Members of the Secret Societies and Military Uprisings of 1825–1826.]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 668 p.

Il'in, P. V. (2009a). P. A. Nabokov i F. S. Panyutin – neizvestnye chleny Vasil'kovskoi upravly Yuzhnogo obshchestva [P. A. Nabokov and F. S. Panyutin – Unknown Members of the Vasilkovsky Board of the Southern Society]. In *Dekabristy v Ukraïni. Doslidzhennya i materialy v 7 t.* Kiïv, SPD Tsimbalenko С. S. Vol. 6, pp. 42–65.

Il'in, P. V. (2009b). Nezamechennyi uchastnik Soyuza blagodenstviya: knyaz' P. B. Golitsyn [Unnoticed Member of the Welfare Union: Prince P. B. Golitsyn]. In *Dekabristy v Peterburge. Novye materialy i issledovaniya.* St Petersburg, DNK, pp. 354–382.

Il'in, P. V. (2013). G. V. Novitskii – nezamechennyi uchastnik Yuzhnogo obshchestva [G. V. Novitsky – an Unnoticed Member of the Southern Society]. In *Dekabristy v Ukraïni. Doslidzhennya i materialy v 7 t.* Kiïv, UkrSICH. Vol. 7, pp. 128–155.

Leont'ev, Ya. V. (1991). Smolenskie vol'nodumtsy 1820-kh gg. [Smolensk Freethinkers of the 1820s]. In *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Mezhdvuzovskii nauchnyi sbornik.* Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. Iss. 14, pp. 67–90.

Lushin, A. N. (1999). V. I. Belavin i nizhegorodskaya uprava Soyuza blagodenstviya [V. I. Belavin and the Nizhny Novgorod Board of the Welfare Union]. In *170 let nazad. Dekabristskie chteniya 1995 g.* Moscow, Redaktsionno-izdatel'skii tsentr Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, pp. 96–102.

Mironenko, S. V. (1988). Biograficheskii spravochnik “Dekabristy”. Printsipy izdaniya [The Decembrists, a Biographical Directory. Principles of Publication]. In *Dekabristy. Biograficheskii spravochnik.* Moscow, Nauka, pp. 376–398.

Murav'ev, N. M. (2001). *Pis'ma dekabristsa 1813–1826 gg.* [Letters of a Decembrist, 1813–1826]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 310 p.

Murav'ev-Apostol, M. I. (1982). Vospominaniya i pis'ma [Memoirs and Letters]. In *Memuary dekabristov. Yuzhnoe obshchestvo.* Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 163–225.

Nechkina, M. V. (1955). *Dvizhenie dekabristov v 2 t.* [Decembrist Movement. 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk USSR. Vol. 2. 508 p.

Raport Komissii voennogo suda pri Glavnoi kvartire 1-i armii [Report of the Military Court Commission at the Headquarters of the 1st Army]. (1902). In *Russkii arkhiv.* No. 6, pp. 287–288.

Semyonova, A. V. (1990). *Tainoe obshchestvo dekabristov Soyuz blagodenstviya* [Secret Society of the Decembrist Union of Welfare]. Avtoref. ... dis. dokt. ist. nauk. Moscow, S. n. 24 p.

Serkov, A. I. (2000). *Istoriya russkogo masonstva XIX veka* [The History of Russian Freemasonry of the 19th Century]. St Petersburg, Izdatel'stvo N. I. Novikova. 400 p.

Sheshin, A. B. (1979). Morskaya uprava Severnogo obshchestva [Maritime Board of the Northern Society]. In *Voprosy istorii.* No. 2, pp. 115–128.

Sheshin, A. B. (1989). Drug Pushkina F. F. Matyushkin – dekabrist [Pushkin's Friend F. F. Matyushkin, a Decembrist]. In *Vremennik Pushkinskoi komissii.* Iss. 23, pp. 161–166.

Sheshin, A. B. (2014). Vypolnyal li K. F. Ryleev porucheniya A. N. Golitsyna i namerevalysya li on vyvezti imperatorskuyu familiyu v Fort-Ross v Kaliforniyu? [Did K. F. Ryleev Carry out the Instructions of A. N. Golitsyn and Did He Intend to Take the Imperial Family to Fort Ross in California?]. In *Dekabristy. Aktual'nye napravleniya issledovaniya,* St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 410–466.

Shkerin, V. A. (2013). Poltavskoe popolnenie Soyuza blagodenstviya [Poltava Replenishment of the Welfare Union]. In *Dekabristy v Ukraïni: doslidzhennya i materialy.* Kiïv, UkrSICH. Vol. 7, pp. 231–239.

Solov'ev, Ya. A. (1882). Zapiski senatora o krest'yanskom dele [Senator's Notes on Peasant Affairs]. In *Russkaya starina.* Vol. 33. No. 1, pp. 227–258.

Timofeev, L. V. (1983). *V krugu druzei i muz: dom A. N. Olenina* [In the Circle of Friends and Muses: The House of A. N. Olenin]. Leningrad, Lenizdat. 288 p.

Trubetskoi, S. P. (2011). *Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu* [Memoirs. Letters to I. N. Tolstoy]. St Petersburg, Liki Rossii. 384 p.

- Turgenev, N. I. (2001). *Rossiya i russkie* [Russia and Russians]. Moscow, OGI. 744 p.
- Vadkovskii, F. F. (1931). Belaya Tserkov' [White Church]. In *Vospominaniya i rasskazy deyatelei tainykh obshchestv 1820-kh godov v 2 t.* Moscow, Izdatel'stvo politkatorzhan. Vol. 1, pp. 192–201.
- Vosstanie Chernigovskogo polka (novye materialy) [Uprising of the Chernigov Regiment (New Materials)]. (1925). In *Dekabristy. Neizdannye materialy i stat'i.* Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo obshchestva byvshikh politkatorzhan i ssyl'noposelentsev, pp. 5–36.
- Vosstanie dekabristov. Dokumenty v 23 t.* [Decembrist Uprising. Documents. 23 Vols.]. (1925–2016). Moscow, Gosizdat, Gospolitizdat, ROSSPEN.

The article was submitted on 14.12.2022

DOI 10.15826/qr.2023.2.799

УДК 94(470–25) + 929Александр(470)*³ + 929.52НиколайАлександрович +
+ 930.2

Москва в восприятии старших сыновей Александра Второго*

Федор Мелентьев

Государственный архив Российской Федерации;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Moscow as Perceived by Alexander II's Elder Sons**

Fedor Melentev

State Archives of the Russian Federation;
HSE University,
Moscow, Russia

This article examines the attitude to Moscow of Grand Princes Nicholas Alexandrovich and Alexander Alexandrovich; the latter became Emperor Alexander III afterwards. The opinion has taken root in historiography and become self-evident that the peacemaker tsar loved the ancient capital like no other ruler of the Russian Empire. The article aims to reconstruct the attitude of Alexander III and his elder brother to Moscow and understand why it arose and how it changed over time. The research methodology considers the achievements of the new political history, the history of everyday life, and the history of emotions. The article refers to unpublished letters, diaries, and memoirs of contemporaries, the grand princes' diaries, and their correspondence with Alexander II, Empress Maria Alexandrovna, Grand Princes Mikhail Nikolaevich, and Vladimir Alexandrovich, which have not been introduced into scholarly circulation previously. The analysis makes it possible to assert that warm feelings for Mother See did not arise in the tsar-liberator's eldest sons immediately. The formation of their attitude toward the ancient capital was influenced by professors of Moscow University invited to teach the Grand

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

** Citation: Melentev, F. (2023). Moscow as Perceived by Alexander II's Elder Sons. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 457–472. DOI 10.15826/qr.2023.2.799.

Цитирование: Melentev F. Moscow as Perceived by Alexander II's Elder Sons // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 457–472. DOI 10.15826/qr.2023.2.799 / Мелентьев Ф. Москва в восприятии старших сыновей Александра Второго // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 457–472. DOI 10.15826/qr.2023.2.799.

Princes, such as statistician I. K. Babst, lawyer K. P. Pobedonostsev, and historian S. M. Solovyov. Also, the princes were influenced by the conservative Moscow periodicals they read and Empress Maria Alexandrovna. Unlike the Tsarina, Alexander II was suspicious of the Moscow public, which seemed insufficiently loyal to him. Therefore, his sons' positive attitude towards Moscow and its society was not something taken for granted. At the same time, attempts to influence the sympathies of the grand princes to the ancient capital pursued the goal not so much to stimulate the tsarevichs' interest in Moscow antiquities as to make them supporters of "people's autocracy", as well as adherents of the "national policy". In conclusion, the author analyzes the phrase attributed to Alexander III that "Moscow is the temple of Russia, and the Kremlin is its altar" providing arguments about the doubtfulness of its authorship.

Keywords: Moscow, Alexander III, Tsarevich Nicholas Alexandrovich, K. P. Pobedonostsev

Исследуется отношение к Москве великих князей Николая и Александра (будущего императора Александра III). В историографии укоренилось мнение о том, что царь-миротворец как никто из правителей Российской империи любил древнюю столицу. Цель статьи – реконструировать отношение Александра III и его старшего брата к Москве, понять, почему оно возникло и как менялось с течением времени. Методология исследования учитывает разработки новой политической истории, истории повседневности и истории эмоций. Анализ неопубликованных писем, дневников и мемуаров современников, а также не введенных в научный оборот дневников великих князей и их переписки с Александром II, императрицей Марией Александровной, великими князьями Михаилом Николаевичем и Владимиром Александровичем позволяет утверждать, что теплые чувства к первопрестольной появились у старших сыновей царя-освободителя далеко не сразу. На формирование их отношения к древней столице повлияли приглашенные преподавать великим князьям профессора Московского университета (И. К. Бабст, К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев), чтение московских консервативных периодических изданий, а также императрица Мария Александровна. В отличие от царицы, Александр II с подозрением относился к московской общественности, которая казалась ему недостаточно лояльной, и положительное отношение его сыновей к Москве не было чем-то самим собой разумеющимся. Попытки повлиять на симпатии великих князей к древней столице преследовали цель не столько стимулировать у цесаревичей интерес к московским древностям, сколько сделать их сторонниками «народного самодержавия», а также приверженцами «национальной политики». Приписываемая Александру III фраза, что «Москва – храм России, а Кремль – ее алтарь» вызывает справедливые сомнения в авторстве самодержца.

Ключевые слова: Москва, Александр III, цесаревич Николай Александрович, К. П. Победоносцев

К устоявшимся представлениям об Александре III относится мнение о его любви к Москве, будто бы не характерной для других российских императоров (за исключением Николая II). Причины такого отношения царя-миротворца к древней столице связывают с его интересом к допетровской эпохе, консервативным мировоззрением и религиозностью [Громова]. Взгляды самодержца на первопрестольную рассматриваются в историографии сквозь призму символики Московской Руси [Уортман, с. 293–321; Лескинен, с. 55–58], которая активно использовалась в правление Александра III и особенно проявилась в храмовой архитектуре [Савельев].

Непосредственное же отношение императора к Москве в лучшем случае характеризуют при помощи пары цитат из мемуарной литературы и его писем. Учитывая, что эпистолярные послания и поденные записи, сделанные Александром III в бытность императором, действительно скудны, представляется необходимым обратиться к дневникам и письмам, которые он писал, будучи великим князем. Их анализ позволяет не только увидеть отношение Александра Александровича к древней столице, но и понять, почему оно возникло и как менялось с течением времени.

Тема «Романовы и Москва» до сих пор не нашла монографического раскрытия (хотя имеется литература, предназначенная для массового читателя [Васькин], и каталоги выставочных проектов [Елизавета Петровна; Москва – Святая Земля]). Изучение московского и петербургского текстов русской культуры практически не предполагало обращения к восприятию древней столицы членами династии [Люсьи; Топоров], несмотря на то, что образ Москвы в их представлениях был весьма противоречивым [Шевырев, 2018; Шевырев, 2019]. Неоднозначным было отношение к древней столице у Александра II, чье рождение в Москве нередко упоминалось в императорских рескриптах в знак особых чувств царя к своей «колыбели» [Барсуков, с. 16–17]. Но хотя именно в Москве 30 марта 1856 г. он объявил, что рано или поздно крепостное право должно быть упразднено, московское дворянство не сразу и не безусловно выразило готовность открыть губернский комитет по крестьянскому делу [Захарова, с. 142]. Александр II чувствовал оппозиционность московского общественного мнения, что наложило отпечаток на его отношение к первопрестольной. Тем не менее в пореформенный период Москва продолжала вызывать интерес у членов императорской фамилии. Особое значение имело отношение к первопрестольной старших сыновей Александра II – великих князей Николая Александровича (1843–1865) и Александра Александровича (1845–1894), которые рассматривались как будущие правители.

В обществе считали, что цесаревич Николай Александрович должен был обучаться в Московском университете, являвшемся символом свободы мысли. В 1856 г. наставник великих князей В. П. Титов, обсуждая с императором образование наследника престола, объяснял, «почему в Московском университете следует учиться ему,

а не в Петербургском» [Записки князя, с. 133]. «Многие думали даже, – писал А. И. Герцен императрице Марии Александровне 1 ноября 1858 г., – что увидят вашего сына на лавках Московского университета» [Герцен, с. 354]. Переезд в Москву наследника престола должен был помочь ему избавиться от придворного влияния и по-настоящему полюбить Россию. Планы, связанные с обучением цесаревича Николая Александровича в университете, не реализовались, но во дворце ему читали лекции профессора как столичного, так и Московского университета (И. К. Бабст, Ф. И. Буслаев, К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин). У наследника престола и московских профессоров сложились теплые взаимоотношения [Мелентьев].

О «московском векторе» в подготовке будущего императора могло свидетельствовать предложение новоназначенного министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, который 28 апреля 1856 г. советовал, чтобы в возрасте 19–21 года на цесаревича Николая Александровича было возложено «управление какой-либо губернией без исполнительной ответственности» (замысел не был воплощен в жизнь) [ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2487. Л. 7] (в подлиннике по-французски. – Ф. М.). Историк С. С. Татищев вольно перевел этот фрагмент таким образом: «Управление какою-либо административною отраслью, как, например, отдельною областью империи в звании генерал-губернатора, хотя и без исполнительной ответственности» [Татищев, с. 109]. Если допустить осведомленность Татищева в деталях, не изложенных в его книге, то напрашивается гипотеза о том, что Горчаков предлагал вверить наследнику престола управление московским генерал-губернаторством (которое в 1891 г. по повелению Александра III возглавил великий князь Сергей Александрович).

Касаясь вопроса об истоках особого отношения Александра III к Москве, С. С. Татищев указывал на первую поездку великих князей Николая и Александра Александровичей в древнюю столицу в 1851 г. «Могучее и живое проявление таинственной и неразрывной духовной связи самодержавного русского царя (Николая I. – Ф. М.) с его народом не могло не произвести на юные умы Николая и Александра Александровичей глубокого и неизгладимого впечатления», – утверждал историк, хотя употребленная им модальная конструкция «не могло не» указывала на субъективность его рассуждений [Татищев, с. 66].

Между тем великие князья не сразу полюбили Москву. Еще в 1861 г. И. Е. Андреевский, преподававший цесаревичу Николаю Александровичу энциклопедию права, «в своих уроках выставлял ему П[етер]бург, будто весь свет оттуда, а в Москве тьма!» (о чем великий князь рассказал Победоносцеву 4 декабря 1862 г.). 29 августа 1862 г. Победоносцев писал в дневнике о беседе с наследником: «Я сам прежде, – сказал он (цесаревич Николай Александрович. – Ф. М.), – смеялся над любовью к Москве – думал, это квасной патриотизм, а теперь вижу, что в М[оскве] много хорошего» [РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 об., 20 об.]. А князь В. П. Мещерский, входивший в ближайшее

окружение старших сыновей Александра II, 18 августа 1865 г. упрекал цесаревича Александра Александровича в пристрастной любви к Петербургу и предпочтении его Москве [Мещерский, с. 148]. В любом случае детские впечатления великих князей не были настолько однозначными, как это представлено в дореволюционной и апологетической историографии.

Одним из решающих факторов, сказавшихся на восприятии древней столицы наследниками престола, было влияние представителей московской университетской среды в великокняжеском окружении. В частности, цесаревичу Николаю Александровичу хорошо запомнилась оживленная четырехчасовая беседа, которую вели его попечитель граф С. Г. Строганов (в прошлом – попечитель Московского учебного округа), Победоносцев и Бабст (ученик Т. Н. Грановского), готовя его к посещению Москвы. «Наш разговор, – писал наследник в дневнике 11 октября 1863 г., – шел об университетах, кафедрах, профессорах, Герцене, прошлом направлении, о Москве и ее обществе, о Грановском и его кружке и т. д.» [ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 32]. Университет был одним из центров общественной жизни николаевской России, а университетское сообщество, членом которого цесаревич Николай Александрович хотел себя ощущать, представляло значимую часть московского общества. При этом Мещерский уверял цесаревича Александра Александровича в марте 1868 г., что тому удалось избавиться от «ужасного влияния» Петербурга во многом благодаря «московским профессорам» [Мещерский, с. 441].

Другим фактором стало чтение московских периодических изданий, таких как «Московские ведомости» и «Русский вестник» М. Н. Каткова, «День» и «Москва» И. С. Аксакова. Хотя великие князья Николай и Александр Александровичи были подписаны на ведущие общественно-литературные периодические издания, сохранились их упоминания именно о московских газетах и журналах. В историографии уже приводились сочувственные отзывы цесаревича Александра Александровича о «Москве», отражавшие его переживания по поводу цензурных преследований этой газеты [Астанков, с. 67, 81–83, 87, 111]. Менее известны оценки его старшего брата. 29 июня 1863 г. цесаревич Николай Александрович писал императрице Марии Александровне: «Мы читали весьма любопытные статьи в “Моск[овских] ведомостях” и “Дне”», имея в виду прежде всего передовицы Каткова и Аксакова, посвященные польскому вопросу [ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 38]. А писательница Н. С. Соханская сообщала И. С. Аксакову 5 июля 1862 г., что наследник сетовал на цензурные репрессии в отношении «Дня» и называл эту газету «единственно честным живым органом, который мог ознакомить со многим и дельным» [Семья Аксаковых и Н. С. Соханская, с. 174]. Особые симпатии великих князей к московской консервативной прессе были вызваны не только публикациями, но и цензурными препятствиями, отражавшими негативное отношение императора к этим изданиям.

Значимую роль в формировании взглядов наследников престола сыграла императрица Мария Александровна. Бывшая гессенская принцесса, стремившаяся подчеркнуть, что она стала русской императрицей, очень тепло относилась к Москве. «Матушка дорогая белокаменная!» – выводила она по-русски в письме 23 ноября 1862 г. к старшему сыну, которому обычно писала по-французски [ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 52 об.]. Императрица хотела привить любовь к древней столице не только сыновьям, но и цесаревне Марии Федоровне. После перехода своей невестки в православие императрица попросила Победоносцева «приготовить» цесаревну «к Москве, чтобы она полюбила Москву», о чем тот сообщал Е. Ф. Тютчевой 2 декабря 1866 г. По словам императрицы, именно здесь, в «сердце России», можно было ощутить силу «национального чувства и смысл русской истории». Царице хотелось, «чтобы цесаревна въехала в Москву приготовленная и с живым чувством интереса» «к ее древностям и святыням». Победоносцев одобрял эту мысль, считая, что «надо всячески поддерживать связь» цесаревича и цесаревны «с Москвою, и через Москву – с народом и историей» [ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Д. 1. Л. 7 об. –8; Полунов, с. 145–146].

Поездка Александра II и великокняжеской четы в древнюю столицу в апреле 1867 г. должна была стать своего рода испытанием и даже «инициацией» для молодой супруги наследника престола. Московское общество сочувствовало цесаревне Марии Федоровне еще в бытность датской принцессой, когда 12 апреля 1865 г. умер ее жених цесаревич Николай Александрович. Теперь же цесаревне, которую в царской семье звали «Мин(н)и», предстояло оправдать доверие москвичей и показать себя достойной титула русской великой княгини. В славянофильском окружении императрицы Марии Александровны обсуждали готовящуюся поездку и ее значение. «Вечером был у Мама, – писал великий князь Алексей Александрович 6 апреля 1867 г., – где была К. Ф. Тютчева (имелась в виду Е. Ф. Тютчева. – Ф. М.), и мы разговаривали о встрече, которую сделают в Москве Саше и Минни» [ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83. Л. 123 об.] (здесь и далее выделено в подлиннике. – Ф. М.). Общение цесаревны Марии Федоровны с московской знатью было настолько важным событием, что цесаревич Александр Александрович упомянул о нем в нескольких письмах к родным. 22 апреля 1867 г. он написал своему дяде великому князю Михаилу Николаевичу: «Сегодня было большое поздравление, и Минни пришлось много говорить с московскими дамами, что она исполнила очень хорошо» [ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743 а. Л. 19], а через два дня с облегчением сообщал в письме к матери: «Представление дам сошло благополучно, и Минни говорила много и почти со всеми дамами, так что я сам удивился» [Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 64]. Цесаревна выдержала «экзамен».

Между тем сам Александр Александрович во время посещений Москвы испытывал досаду. Уже в бытность императором он «скор-

бел о том, что никогда не приходилось ему “спокойно” жить в Москве, без торопливости и суеты, без приемов и вечного представительства. Он дорожил другою Москвою – не парадною, не официальною, и этой другою Москвою ему не давали» [Мемуары графа С. Д. Шереметева, с. 457]. Наблюдения графа С. Д. Шереметева вполне согласуются с записью в дневнике наследника от 30 апреля 1867 г.: «Итак, это предпоследний день в Москве. Порядочно мы потаскались в эти 10 дней, и все довольны уехать домой. Мне становится скучно и нестерпимо здесь, так хочется подышать свободой» [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. Л. 94]. Более строгая регламентация участия членов императорской фамилии в церемониальной жизни Москвы лишней раз свидетельствует о напряженном внимании, оказывавшемся самодержцем древней столице, а также о повышенных требованиях Александра II к цесаревичу.

Анализируя вырвавшееся у наследника престола сетование на скучное времяпрепровождение в Москве в 1867 г., следует иметь в виду, что для дневника и писем цесаревича Александра Александровича в целом были менее характерны эмоциональные оценки происходящего, нежели рутинные описания последовательности событий. Зато цесаревич Николай Александрович в письме к матери 18 мая 1861 г. отзывался о Москве как о «коренном русском городе» [Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 3], а в послании к отцу 22 мая 1861 г. называл ее «наша добрая, чисто русская Москва» [Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 18]. Конечно, такие клишированные отзывы могли и не отражать собственного отношения наследника престола к древней столице (в первой цитате, например, можно увидеть переключку со строкой «коренной России град» из стихотворения Ф. Н. Глинки «Москва» 1840 г. [Глинка, с. 438]). Однако характерно, что эти письма были посланы великим князем через несколько месяцев после отмены крепостного права, когда Александр II не был до конца уверен в преданности московского дворянства.

О том, что цесаревич Николай Александрович понимал непростую ситуацию, сложившуюся в то время, свидетельствует его письмо к императрице Марии Александровне 4 июня 1861 г. «Трудно сидеть в Царском (Селе. – Ф. М.) и не интересоваться тем, что Вы не только делаете, но чувствуете в Москве», – писал цесаревич матери во время пребывания там царской четы. «Какое впечатление произвела на Тебя Москва, – интересовался он у императрицы, – как Ты нашла тамошнее начальство: митрополита Филарета, ген[ерал-]губ[ернатора] Тучкова, Исакова (попечителя Московского учебного округа. – Ф. М.) и т. д., вообще как показался Тебе дух московского общества, московского дворянства в особенности. Вот вещи, которые мне очень любопытно было бы услышать от Тебя» [ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 9–9 об.]. Настроения москвичей волновали не только Александра II, но и его старшего сына, писавшего: «Я слышал с разных сторон рассказы о Вашем пребывании в Москве и не имею средств поверить эти, часто, вероятно, искаженные слухи» [Там же. Л. 9 об.]. Можно предположить, что они касались того,

как Москва приняла императорскую чету (по крайней мере, И. С. Аксаков в письме Ю. Ф. Самарину 28 июля 1862 г. сетовал на прохладный прием царской семьи «в прошлом году нашим глуповатым дворянством в Москве» [Переписка И. С. Аксакова, с. 155]).

Особую роль во взаимоотношениях членов царской семьи и населения Москвы играли выражения вернопреданности, проявившиеся во время приезда августейших особ в древнюю столицу [Куприянов, с. 191–202]. «Обожание к царю», по словам адвоката С. А. Андреевского, «довольно упорно держалось в толпе почти во все царствование Александра II», особенно в Москве [Андреевский, с. 183]. С точки зрения императора, поддержка самодержавия должна была выражаться в подобных формах, однако если в непритворности излияний народных чувств царь был уверен, то порой он имел поводы сомневаться в искренности эмоций, выразившихся знатью.

В частности, 19 ноября 1862 г. в письме к цесаревичу Николаю Александровичу Александр II описывал реакцию дворянства Московской губернии на его речь, произнесенную накануне. Обращаясь к ним, император признался в теплых чувствах к «древней столице» (по словам царя, она была «вдвойне дорога» ему как собственная «колыбель») и в симпатии к московскому дворянству, принадлежать к которому в качестве помещика Московской губернии Александр II назвал особой честью. Он заключил свою речь благодарностью дворянам «за радушный прием», который, по словам императора, он умел ценить. «Они отвечали громким и, надеюсь, непритворным ура», – писал Александр II сыну [ГАРФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 33–34, 31 об.], будто бы не до конца доверяя чувствам московской знати, что и понятно, учитывая активизацию оппозиционной политической деятельности московского дворянства в 1861–1862 гг. [Христофоров, с. 145–150]. Для императора эта речь была настолько важна, что он послал ее список цесаревичу.

Неверие царя в искренность эмоций московского дворянства, как представляется, подтверждает мнение Шереметева, что Александр II был «совершенно чужд Москвы» и «не любил, когда ему напоминали, что он в ней родился» [Мемуары графа С. Д. Шереметева, с. 457]. Казалось бы, слова Шереметева противоречат заверениям царя-освободителя в теплых чувствах к древней столице, однако нарочитые напоминания Александру II о необходимости особым образом относиться к Москве походили скорее на психологическую манипуляцию, в то время как указывать на то, что он «москвич», имел право лишь сам император, не забывавший об оппозиционности московского дворянства.

Поэтому удивительно, что цесаревич Николай Александрович, зная о взглядах отца, высказывал симпатии по отношению к Москве (то есть фактически в адрес московского общества). Например, 4 декабря 1862 г., согласно дневнику Победоносцева, наследник в откровенной беседе говорил тому «о Москве, о преимуществах ее пред П[етер]бургом». Преподаватель цесаревича объяснял слова ученика

тем, что «Москва у них теперь в моде», вероятно, имея в виду славянофильские симпатии не названных им членов императорской фамилии [РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 об.]. Возможно, речь шла об императрице Марии Александровне, тем более что осенью 1864 г. до Победоносцева дошли смутные слухи, будто свадьбу цесаревича Николая Александровича с принцессой Дагмар «хотят устроить в Москве». «Это было бы очень кстати, – писал Победоносцев фрейлине А. Ф. Тютчевой 8 ноября 1864 г., – да вряд ли это правда» [«...Пишу только для вас...», с. 203].

Свадьба не состоялась из-за смерти цесаревича, о котором Тютчева, ставшая женой И. С. Аксакова, сообщала генералу А. А. Кирееву 15 декабря 1884 г., будто тот «был славянофильского направления и говорил, что если он будет царствовать, то переедет в Москву» [ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10. Л. 64 об.]. Такого рода высказывания наследника престола неизбежно воспринимались как его дистанцирование от позиции императора. Поэтому неслучайно Победоносцев признавался А. Ф. Тютчевой 12 апреля 1865 г., что консервативные силы надеялись на скончавшегося цесаревича: «Мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса» [«...Пишу я только для вас...», с. 205]. После объявления наследником великого князя Александра Александровича такие надежды были возложены уже на него.

Консервативно настроенное ближайшее окружение нового цесаревича считало, что ему следовало соответствовать ожиданиям московского общественного мнения. Мещерский в письме из Москвы 26 июля 1865 г. так передавал наследнику престола содержание своей беседы с Бабстом: «Независимо от многих глупых сплетен, повторяемых Москвою вслед за Петербургом, здесь относятся к Вам с теплым участием и любовью». Именно поэтому наследник, оказавшись в первопрестольной, должен был «оправдать эту молву более чем где-либо, ибо Москва гораздо более Россия, чем Петербург, Москва любит искреннее, уважает искреннее, молится искреннее, но и судит строже» [Мещерский, с. 142].

Уже 14–20 августа того же года цесаревич Александр Александрович побывал в Москве вместе с отцом. Поначалу дневниковые записи цесаревича представляли собой описание распорядка дня и перечисление тех учреждений, в которых он побывал. Однако 17 августа 1865 г. наследник написал в дневнике (который он в то время имел обыкновение обсуждать с одним из своих друзей):

К[нязь] Мещерский все-таки будет недоволен мною, потому что я мало пишу размышлений, но это оттого, что у меня теперь мало времени, а я хочу написать непременно все, что я делал, и все, что я видел в Москве [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 57–57 об.].

Письма князя должны были стать образцом для размышлений цесаревича. Например, Мещерский писал наследнику престола о кремлевских соборах 26 июля 1865 г.:

Не могу выразить Вам, с каким особенным чувством благоговения я обходил эти святыни и молился в них долго и усердно. Сознание, что стоишь и молишься в том храме, где веет русскою стариною, где невидимо присутствуют столько веков, где под сводами таится отголосок стольких молитв и на камне хранится след стольких перебивавших поколений, все это таинственно вдохновляет к молитве [Мещерский, с. 141].

Цесаревич Александр Александрович пытался подражать Мещерскому, но его «размышления», записанные 17 августа 1865 г., оказывались слишком косноязычными и клишированными:

Народ московский совершенно так же принимает своего царя, как и прежде, если не еще с большим энтузиазмом. Когда я иду или еду с Папа, то почти все время из толпы слышится: «Вот наследник!» Вообще Москва радуется всех истинно русских приемом, которым она встречает государя и всю царскую фамилию. Дай Бог, чтобы это продолжалось и укреплялось в русском народе [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 57 об.].

Так или иначе, цесаревич Александр Александрович воспринимал первопрестольную как пространство, открытое для выражения народной любви к царской семье.

Попытки ближайшего окружения повлиять на отношение цесаревичей к древней столице преследовали цель не столько стимулировать у них интерес к московским древностям, сколько сделать их сторонниками «народного самодержавия» (то есть непосредственного единения царя с народом, воспевавшегося славянофилами и консервативными публицистами), а также приверженцами «национальной политики». Вот как излагал ее суть Мещерский в письме из Москвы к цесаревичу Александру Александровичу 24 марта 1871 г.:

Национальная политика весьма проста. Ее основа – объединение государя с народом, отрицание сословных политических прав, а признание сословий только как частей земства, невмешательство в дела Европы и твердое запрещение Европе вмешиваться в наши дела, развитие земства и неуклонное распространение всех законов и учреждений на все окраины государства [Мещерский, с. 354].

Уроки Мещерского, очевидно, не прошли даром, и уже 25 апреля 1881 г. Александр III утверждал: «Никакой другой политики не может быть у нас, как *чисто русская национальная*; никакой другой политики быть не *может* и не *должно*» [Александр III, с. 313].

Отношение Александра III к Москве приобретало программное значение [Грингмут]. В восприятии же самого императора первопрестольная представляла в качестве оплота нравственности и спокойствия. Спустя год после коронации Александр III в письме к императрице Марии Федоровне 16 мая 1884 г. вспоминал о значении этой церемонии.

Вчерашний день, 15 мая, счастливейший день по воспоминаниям о том, что было в Москве год тому назад, и вечное благодарение Господу, благословившему этот священный день для нас и всей России, которая с таким трогательным участием и вниманием ждала и встретила это великое событие для нас и доказала всей изумленной и испорченной нравственно Европе, что Россия – самая святая, православная Россия, которой она была и при царях московских и каковой дай Бог ей остаться вечно!» [Император Александр III и императрица Мария Федоровна, с. 95].

В этом письме можно увидеть не только вздох облегчения Александра III, на которого не посмели или не смогли совершить покушение во время пребывания в Москве, но также противопоставление России, благоговевшей перед своим царем, и развращенного Запада, терзаемого революциями [ср.: Мартин, с. 347]. Запомнившиеся Александру III выражения народной любви приобретали в его представлении сакральное значение. Император вспоминал: «Да, хорошее и отрадное это было время в Москве» [Там же]; он на протяжении всего царствования мечтал о поездке в первопрестольную, которую можно было бы приурочить к Страстной седмице, чтобы без суеты «поговеть и встретить Пасху в Кремле» [Мемуары графа С. Д. Шереметева, с. 457]. Однако подобное путешествие так и не состоялось.

Анализируя отношение Александра III к древней столице, нельзя не вспомнить приписываемую ему фразу: «Москва – храм России, а Кремль – ее алтарь». Цитируя это высказывание, Татищев восклицал: «Никто выразительнее не определял впоследствии выдающегося значения первопрестольной столицы в исторической жизни русского государства и народа, как государь Александр Александрович в словах, которые неоднократно повторял он в зрелых своих летах», причем историк добавил в примечании, что основывается на сообщении издателя журнала «Русский архив» П. И. Бартенева [Татищев, с. 67]. Уже в год смерти Александра III один из священнослужителей вспоминал как об известном факте, что царь произнес эту формулировку, «любясь в последний раз своею первопрестольною столицей» [Из статьи г. Ю. Николаева, с. 383]. А в проповеди, опубликованной в 1896 г. и посвященной коронации Николая II, неназванный оратор уточнял, что фразу «люблю смотреть на Москву: Москва – это храм России, а кремлевские соборы – это алтарь ее» Александр III сказал «в последний свой приезд в первопрестольную столицу, стоя на галерее дворца своего и смотря на раскинувшуюся пред ним белокаменную, златоглавую» [Священный день России, с. 692] (имелось в виду пребывание царской семьи в Москве 12–16 мая 1893 г.).

Сравнение Кремля с алтарем было одним из общих мест в русской общественной мысли XIX в. Алтарем России назвал Кремль в 1834 г. 20-летний М. Ю. Лермонтов в ученическом сочинении «Панорама Москвы» (впервые опубликованном в 1891 г.) [Лермонтов, с. 145]. «Твой Кремль – алтарь наш и твердыня», – восклицал в 1858 г. князь

П. А. Вяземский, автор стихотворения «Очерки Москвы» [Вяземский, с. 273]. Между тем сама древняя столица традиционно уподоблялась «сердцу» России [Горизонтов, с. 204–205], а не ее «храму». В частности, составитель «обозрения расположения умов и различных частей государственного управления в 1833 году» упоминал «Москву, сие сердце, так сказать, России» [«Россия под надзором», с. 99], а в «Русской элементарной книге для чтения», изданной в 1890 г., безапелляционно утверждалось: «Москва – сердце России. Кремль – сердце Москвы» [Манделькern, с. 91].

Именованье первопрестольной храмом России было своего рода новацией, автором которой считался Александр III. Между тем устные воспоминания Бартенева подчас неточны [Бартенев], а ни одного свидетельства очевидца о произнесении императором этой фразы не обнаружено. Разумеется, нет упоминаний о ней и в памятных книжках самого царя [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 294. Л. 5 об.; Д. 293. С. 45–47]. Таким образом, слова о храме России следует отнести к той же категории текстов и афоризмов, приписываемых Александру III, как лозунг «Россия для русских» и «политическое завещание», будто бы адресованное наследнику цесаревичу [Андреев; Иванов].

Подводя итог изучению образа Москвы в восприятии старших сыновей Александра II, необходимо отметить, что переосмысление отношения членов императорской фамилии к древней столице пришлось на эпоху Великих реформ. Если Александр II воспринимал московскую общественность не без опасений, то великие князья Николай и Александр Александровичи с более теплыми чувствами относились к первопрестольной. В то же время симпатии августейших особ к Москве были важны для их приближенных не сами по себе, а как признак расположения к «народному самодержавию», символом которого как раз и являлась древняя столица. Успешное влияние на соответствующее отношение к первопрестольной продолжилось и в царствование Николая II.

Библиографические ссылки

- Александр III. Русский государь. М. : Гос. ист. музей, 2020. 340 с.
- Андреев Д. А. Было ли «политическое завещание» императора Александра III наследнику цесаревичу Николаю Александровичу? К постановке проблемы // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской православной церкви. 2019. № 89. С. 97–114. DOI 10.15382/sturI201989.97-114.
- Андреевский С. А. Книга о смерти. М. : Наука, 2005. 670 с.
- Астанков В. А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2014. 188 с.
- Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 кн. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. Кн. 14. 641 с.
- Бартенев П. И. Воспоминания // Рос. архив. Вып. 1. М. : Рос. архив, 1991. С. 47–95.
- Васькин А. А. Москва при Романовых. К 400-летию царской династии Романовых. М. : Спутник+, 2013. 320 с.
- Вяземский П. А. Очерки Москвы // Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского : в 12 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. Т. 11. С. 273–277.

ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33, 115; Ф. 652. Оп. 1. Д. 620; Ф. 665. Оп. 1. Д. 13; Ф. 677. Оп. 1. Д. 293, 294, 298, 300; Ф. 678. Оп. 1. Д. 814; Ф. 728. Оп. 1. Д. 2487, 2549, 2743а, 3233.

Герцен А. И. Письмо к императрице Марии Александровне // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 13. С. 353–360.

Глинка Ф. Н. Письма к другу. М. : Современник, 1990. 559 с.

Горизонтов Л. Е. Внутренняя Россия на ментальных картах имперского пространства // Культура и пространство. Славянский мир. М. : Логос, 2004. С. 201–216.

Грингмут В. А. Знаменательное десятилетие в истории Москвы // Собрание статей В. А. Грингмута. 1896–1907 : в 4 вып. М. : Университет. тип., 1908. Вып. 1. С. 274–277.

Громова А. В. Визиты императора Александра III в Москву в 1855–1893 гг. // Здесь бывал сам государь. К 175-летию императора Александра III : материалы науч.-практ. конф. из цикла «Императорская Гатчина». Гатчина : [Б. и.], 2021. С. 98–109.

Елизавета Петровна и Москва. М. : Арт-Волхонка, 2010. 218 с.

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб. : Нестор-История, 2005. 502 с.

Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М. : РОССПЭН, 2011. 718 с.

Иванов А. А. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб. : Владимир Даль, 2016. 510 с.

Из статьи г. Ю. Николаева «Литературные заметки. О памятнике императору Александру III» (Московские ведомости. № 323) // Памяти императора Александра III. Сборник «Московских ведомостей» : (Известия, статьи, перепечатки). М. : Университет. тип., 1894. 404 с.

Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М. : Рус. слово, 2007. 349 с.

Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М. : Новый хронограф, 2007. 476 с.

Лермонтов М. Ю. Панорама Москвы // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. : в 10 т. М. : Воскресенье, 2001. Т. 9. С. 140–145.

Лескин М. В. «Слава Богу, мы русские» // Практики и интерпретации. 2019. Т. 4, № 2. С. 54–66. DOI 10.23683/2415-8852-2019-2-54-66.

Люсий А. П. Московский текст : текстологическая концепция русской культуры. М. : Вече, 2013. 317 с.

Манделькern С. Русская элементарная книга для чтения. Лейпциг : Bär & Hermann, 1890. 240 с.

Мартин А. Просвещенный метрополис : созидание имперской Москвы, 1762–1855. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 446 с.

Мелентьев Ф. И. Россия в лекциях для наследников престола (1860-е годы) // Российская история. 2017. № 5. С. 140–153.

Мемуары графа С. Д. Шереметева. М. : Индрик, 2001. 736 с.

Мецкерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 729 с.

Москва – Святая Земля великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны : каталог выставки. М. : Союз Дизайн, 2016. 336 с.

ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10; Ф. 230. К. 4408. Д. 1.

ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83.

Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876). СПб. : Пушкинский Дом, 2016. 712 с.

«...Пишу я только для вас...» : Письма К. П. Победоносцева к сестрам Тютчевым // Новый мир. 1994. № 3. С. 195–223.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М. : РОССПЭН, 2010. 374 с.

РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1.

«Россия под надзором» : отчеты III отделения 1827–1869 : сб. док. М. : Рос. фонд культуры, 2006. 703 с.

- Савельев Ю. П. Искусство историзма и государственный заказ: вторая половина XIX – начало XX века. М. : Совпадение, 2008. 304 с.
- Священный день России // Прибавления к Церковным ведомостям. 1896. № 19–20. С. 689–693.
- Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская) : Переписка (1858–1884). СПб. : Пушкинский Дом, 2018. 600 с.
- Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович : сб. док. М. : Рос. архив, 2002. С. 31–442.
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 612 с.
- Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002–2004. Т. 2. 796 с.
- Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М. : Рус. слово, 2002. 429 с.
- Шевырев А. П. Москва – первопрестольная столица в 1862–1917 гг. // Московская городская Дума. 1862–1917 гг. М. : Моск. гор. дума, 2019. С. 15–29.
- Шевырев А. П. Москва – первопрестольная столица империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Московская городская Дума. 1785–1862 гг. От Екатерины II до Александра II. М. : [Б. и.], 2018. С. 43–53.

References

- Alexander III. *Russkii gosudar'* [Alexander III. Russian Sovereign]. (2020). Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. 340 p.
- Andreev, D. A. (2019). Bylo li “politicheskoe zaveshchanie” imperatora Aleksandra III nasledniku tsesarevichu Nikolayu Aleksandrovichu? K postanovke problemy [Did the “Political Testament” of Emperor Alexander III to Heir Tsesarevich Nikolai Alexandrovich Exist? Articulation of the Issue]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. No. 89, pp. 97–114. DOI 10.15382/sturII201989.97-114.
- Andreevskii, S. A. (2005). *Kniga o smerti* [A Book about Death]. Moscow, Nauka. 670 p.
- Astankov, V. A. (2014). *Gosudarstvennaya deyatel'nost' tsesarevicha Aleksandra Aleksandrovicha i ego vospriyatие pravitel'stvennoi politiki v 1865–1881 gg.* [The State Activity of Tsarevich Alexander Alexandrovich and His Perception of the Government Policy in 1865–1881]: Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 188 p.
- Barsukov, N. P. (1900). *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina v 22 kn.* [The Life and Works of M. P. Pogodin. 22 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 14. 641 p.
- Bartenev, P. I. (1991). Vospominaniya [Memoirs]. In *Rossiiskii arkhiv*. Iss. 1. Moscow, Rossiiskii arkhiv, pp. 47–95.
- Elizaveta Petrovna i Moskva [Elizaveta Petrovna and Moscow]. (2010). Moscow, Art-Volkhonka. 218 p.
- GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 641. List 1. Dos. 33, 115; Stock 652. List 1. Dos. 620; Stock 665. List 1. Dos. 13; Stock 677. List 1. Dos. 293, 294, 298, 300; Stock 678. List 1. Dos. 814; Stock 728. List 1. Dos. 2487, 2549, 2743a, 3233.
- Glinka, F. N. (1990). *Pis'ma k drugu* [Letters to a Friend]. Moscow, Sovremennik. 559 p.
- Gorizontov, L. E. (2004). Vnutrennyaya Rossiya na mental'nykh kartakh imperskogo prostranstva [Inner Russia on the Mental Maps of Imperial Space]. In *Kul'tura i prostranstvo. Slavyanskii mir*. Moscow, Logos, pp. 201–216.
- Gringmut, V. A. (1908). Znamenatel'noe desyatiletie v istorii Moskvy [A Significant Decade in the History of Moscow]. In *Sobranie statei V. A. Gringmuta. 1896–1907 v 4 vyp.* Moscow, Universitetskaya tipografiya. Iss. 1, pp. 274–277.
- Gromova, A. V. (2021). Vizity imperatora Aleksandra III v Moskvu v 1855–1893 gg. [Visits of Emperor Alexander III to Moscow in 1855–1893]. In *Zdes' byval sam gosudar'. K 175-letiyu imperatora Aleksandra III. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii iz tsikla “Imperatorskaya Gatchina”*. Gatchina, S. n., pp. 98–109.

Herzen, A. I. (1958). Pis'mo k imperatritse Marii Aleksandrovne [Letter to Empress Maria Alexandrovna]. In Gertsen, A. I. *Sobranie sochinenii v 30 t.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 13, pp. 353–360.

Imperator Aleksandr III i imperatritsa Mariya Fedorovna. Perepiska. 1884–1894 gody [Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna. Correspondence. 1884–1894]. (2007). Moscow, Russkoe slovo. 349 p.

Ivanov, A. A. (2016). *Vyzov natsionalizma: lozung "Rossiya dlya russkikh" v dorevolutsionnoi obshchestvennoi mysli* [The Challenge of Nationalism: The Slogan "Russia for the Russians" in Pre-Revolutionary Social Thought]. St Petersburg, Vladimir Dal'. 510 p.

Iz stat'i "Literaturnye zametki. O pamyatnike imperatoru Aleksandru III" (Moskovskie vedomosti. No. 323) [From the Article "Literary Notes. About the Monument to Emperor Alexander III" (Moskovskie vedomosti. No. 323)]. (1894). In *Pamyati imperatora Aleksandra III. Sbornik "Moskovskikh vedomostei"*. (Izvestiya, stat'i, perepechatki). Moscow, Universitetskaya tipografiya. 404 p.

Khristoforov, I. A. (2002). "Aristokraticeskaya" oppozitsiya Velikim reformam (konets 1850 – sredina 1870-kh gg.) ["Aristocratic" Opposition to the Great Reforms (Late 1850s – Mid-1870s)]. Moscow, Russkoe slovo. 429 p.

Kupriyanov, A. I. (2007). *Gorodskaya kul'tura russkoi provintsii. Konets XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Urban Culture of the Russian Province. Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Novyi khronograf. 476 p.

Lermontov, M. Yu. (2001). Panorama Moskvy [Panorama of Moscow]. In Lermontov, M. Yu. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Voskresen'c. Vol. 9, pp. 140–145.

Leskinen, M. V. (2019). "Slava Bogu, my russkie" ["Bless God! We are Russians"]. In *Praktiki i interpretatsii*. Vol. 4. No. 2, pp. 54–66. DOI 10.23683/2415-8852-2019-2-54-66.

Lyusy, A. P. (2013). *Moskovskii tekst: tekstologicheskaya kontseptsiya russkoi kul'tury* [Moscow Text: Textual Concept of Russian Culture]. Moscow, Veche. 317 p.

Mandelkern, S. (1890). *Russkaya elementarnaya kniga dlya chteniya* [Russian Elementary Book for Reading]. Leipzig, Bär & Hermann. 240 p.

Martin, A. (2015). *Prosveshchennyi metropolis: sozidanie imperskoi Moskvy, 1762–1855* [Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 446 p.

Melentev, F. I. (2017). Rossiya v lektsiyakh dlya naslednikov prestola (1860-e gody) [Russia in the Lectures for the Heirs to the Throne, 1860s]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 140–153.

Memuary grafa S. D. Sheremeteva [Memoirs of Count S. D. Sheremetev]. (2001). Moscow, Indrik. 736 p.

Meshcherskii, V. P. (2011). *Pis'ma k velikomu knyazyu Aleksandru Aleksandrovichu, 1863–1868* [Letters to Grand Prince Alexander Alexandrovich, 1863–1868]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 729 p.

Moskva – Svyataya Zemlya velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha i velikoi knyagini Elizavety Fedorovny. Katalog vystavki [Moscow – The Holy Land of Grand Prince Sergei Alexandrovich and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna. Exhibition Catalog]. (2016). Moscow, Soyuz Dizain. 336 p.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 126. List 1. Dos. 10; Stock 230. Carton 4408. Dos. 1.

OR RNB [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Stock 890. List 1. Dos. 83.

Perepiska I. S. Aksakova i Yu. F. Samarina (1848–1876) [Correspondence of I. S. Aksakov and Yu. F. Samarina (1848–1876)]. (2016). St Petersburg, Pushkinskii Dom. 712 p.

"...Pishu ya tol'ko dlya vas...": Pis'ma K. P. Pobedonostseva k sestram Tyutchevym ["...I Write Only for You...": Letters of K. P. Pobedonostsev to the Tyutchev Sisters]. (1994). In *Novyi mir*. No. 3, pp. 195–223.

Polunov, A. Yu. (2010). *K. P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Rossii* [K. P. Pobedonostsev in the Socio-Political and Spiritual Life of Russia]. Moscow, ROSSPEN. 374 p.

- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1574. List 1. Dos. 1.
- “Rossiya pod nadzorom”: *otchety III otdeleniya 1827–1869. Sbornik dokumentov* [“Russia under Supervision”: Reports of the III Department 1827–1869. Collection of Documents]. (2006). Moscow, Rossiiskii fond kul'tury. 703 p.
- Savel'ev, Yu. R. (2008). *Iskusstvo istorizma i gosudarstvennyi zakon: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* [The Art of Historicism and the State Order: Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Sovpadenie. 304 p.
- Sem'ya Aksakovykh i N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Perepiska (1858–1884)* [The Aksakov Family and N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Correspondence (1858–1884)]. (2018). St Petersburg, Pushkinskii Dom. 600 p.
- Shevyrev, A. P. (2018). Moskva – pervoprestol'naya stolitsa imperii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX v. [Moscow – the Mother See Capital of the Empire in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. In *Moskovskaya gorodskaya Duma. 1785–1862 gg. Ot Ekateriny II do Aleksandra II*. Moscow, S. n., pp. 43–53.
- Shevyrev, A. P. (2019). Moskva – pervoprestol'naya stolitsa v 1862–1917 gg. [Moscow – Mother See in 1862–1917]. In *Moskovskaya gorodskaya Duma. 1862–1917 gg.* Moscow, Moskovskaya gorodskaya дума, pp. 15–29.
- Svyashchennyi den' Rossii [Sacred Day of Russia]. (1896). In *Pribavleniya k Tserkovnym vedomostyam*. No. 19–20, pp. 689–693.
- Tatishchev, S. S. (2002). Detstvo i yunost' velikogo knyazya Aleksandra Aleksandrovicha [Childhood and Youth of Grand Prince Alexander Alexandrovich]. In *Velikii knyaz' Aleksandr Aleksandrovich. Sbornik dokumentov*. Moscow, Rossiiskii arkhiv, pp. 31–442.
- Toporov, V. N. (2003). *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works]. St Petersburg, Iskusstvo-SPb. 612 p.
- Vas'kin, A. A. (2013). *Moskva pri Romanovykh. K 400-letiyu tsarskoi dinastii Romanovykh* [Moscow under the Romanovs. To the 400th Anniversary of the Royal Romanov Dynasty]. Moscow, Sputnik+. 320 p.
- Vyazemskii, P. A. (1887). Ocherki Moskvy [Essays of Moscow]. In *Polnoe sobranie sochinenii knyazya P. A. Vyazemskogo v 12 t.* St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 11, pp. 273–277.
- Wortman, R. S. (2002–2004). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii v 2 t.* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. 2 Vols.]. Moscow, OGI. Vol. 2. 796 p.
- Zakharova, L. G. (2011). *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii* [Alexander II and the Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow, ROSSPEN. 718 p.
- Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo. 1855–1879* [Notes of Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky. 1855–1879]. (2005). St Petersburg, Nestor-Istoriya. 502 p.

The article was submitted on 11.02.2022

Северный морской путь: национальный патриотизм и предпринимательские интересы*

Михаил Агапов

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

The Northern Sea Route: National Patriotism and Business Interests**

Mikhail Agapov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article analyzes a campaign to involve Russian and foreign sailors in discovering a sea route to Siberia. The campaign was launched in the 1860s–1870s by M. K. Sidorov, a Siberian gold miner and public figure (1823–1887). Sidorov's recruiting campaign is a perfect example of an attempt to establish cooperation between segments of the imperial periphery in the realm of a private commercial project while avoiding direct participation of the imperial center. Sidorov acted as a third party in the communication between the imperial authorities and local communities, successfully pitching himself as an independent, albeit not always successful, actor. The window of opportunity for the enterprising Siberian industrialist opened due to the Great Reforms of the 1860s, which launched the process of a dynamic and multifaceted transformation of the Empire. This process was gradually encompassing the most remote borderland territories of the Empire, including those in the North. But, unlike businessmen from different classes who perceived these territories as a source of enrichment (export of timber, graphite, sea-hunting industry, fisheries, etc.), the imperial center treated its vast northern territorial possessions as a burden and did not want to invest in their development. In the 1860s–1870s, the transportation infrastructure

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00868 «Сибирские и дальневосточные порто-франко в истории экономического освоения российской имперской периферии (вторая половина XIX – начало XX вв.)».

** Citation: Agapov, M. (2023). The Northern Sea Route: National Patriotism and Business Interests. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 473–488. DOI 10.15826/qr.2023.2.800.

Цитирование: Агапов М. Северный морской путь: национальный патриотизм и предпринимательские интересы // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 473–488. DOI 10.15826/qr.2023.2.800.

of the northern borderland or the Empire developed largely due to specialists from Great Britain, the United Kingdoms of Sweden and Norway, Finland, the Governorate of Livonia, and Estonia. The northern periphery of the Russian Empire was increasingly falling under foreign influence, which caused concern for private entrepreneurs and government officials. A way to replace foreign sailors was training indigenous peoples of the Russian North in maritime affairs.

Keywords: M. K. Sidorov, Russian Empire, Russian Pomorie, Siberia, Ob, Yenisei, Northern Sea Route

Исследуется кампания по привлечению российских и зарубежных моряков к открытию морского пути в Сибирь, развернутая в 1860–1870-е гг. сибирским золотопромышленником и общественным деятелем М. К. Сидоровым (1823–1887). Рекрутинговая кампания Сидорова является ярким примером попытки налаживания сотрудничества между сегментами имперской периферии в рамках частного коммерческого проекта без непосредственного участия имперского центра. Сидоров выступал в качестве третьей стороны в коммуникации имперских властей и местных сообществ, небезуспешно претендуя на роль самостоятельного, пусть и не всегда удачливого актора. Окно возможностей для предприимчивого промышленника открыли Великие реформы 1860-х гг., запустившие процесс динамичной многоплановой трансформации империи, в который постепенно вовлекались и самые отдаленные окраины. Но если предприниматели из разных сословий воспринимали их как источник обогащения (экспорт леса, графита, морские промыслы и т.п.), то имперский центр относился к обширным северным владениям скорее как к бремени и не вкладывался в их развитие. В 1960–1970-е гг. XIX в. транспортное освоение имперских северных окраин осуществлялось во многом благодаря специалистам из Великобритании, Объединенного Королевства Швеция и Норвегия, Финляндии, Лифляндии и Эстляндии. Северная периферия Российской империи все больше попадала под иностранное влияние, что вызывало тревогу как частных предпринимателей, так и государственных чиновников. В качестве одного из вариантов замещения иностранных моряков рассматривалась возможность обучения морскому делу представителей коренного населения российского севера.

Ключевые слова: М. К. Сидоров, империя, Русское поморье, Сибирь, Обь, Енисей, Северный морской путь

Сибирский золотопромышленник и исследователь севера М. К. Сидоров (1823–1887) 12 июня 1862 г. предложил вице-председателю Императорского русского географического общества (РГО) адмиралу графу Ф. П. Литке принять от него премию в 14 тыс. руб., которую РГО должно было вручить «владельцу первого корабля, который войдет в устье Енисея», за открытие морского пути через Ледовитый океан в Сибирь [РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–3]. Адмирал Литке,

безуспешно пытавшийся в 1821–1824 гг. пройти через Карское море к устью Оби на парусном бриге «Новая Земля», заявил, что установление морского сообщения с Сибирью «принадлежит к числу вещей невозможных» [Отзыв, с. 176]. Однако Сидоров, движимый, по словам современников, «совершенно американском духом предприимчивости» [ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3. Л. 105], не отказался от намерения установить «удобный и дешевый путь к устьям Оби и Енисея через Ледовитый океан» [РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 6. Л. 1]. Мотивы Сидорова были прагматичны: он рассчитывал наладить таким образом сбыт открытого им в Туруханском крае на притоках Енисея графита. Ключевой проблемой проекта Сидорова оказался рекрутинг капитанов и матросов, «желающих пройти морем из Европы в устье Енисея» [Студитский, ч. 1, с. 85].

Сидорова без всякого преувеличения можно считать человеком, придумавшим Северный морской путь, что в известной степени подрывает центристскую версию имперской истории, согласно которой принято, что «элита ядра и созданное ею государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников в их важнейших взаимодействиях и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно» [Мотыль, с. 13]. Исследуемый случай показывает, какую существенную роль в освоении имперской периферии играли горизонтальные связи и выстраивавшиеся на их основе межрегиональные взаимодействия. Сидоров выступал в качестве третьей стороны в коммуникации имперских властей и местных сообществ, небезуспешно претендуя на роль самостоятельного, пусть и не всегда удачливого актора. Решению поставленной задачи способствует теоретико-методологический инструментарий новой истории империи с ее повышенным вниманием к роли окраин в имперской жизни и базовым принципом, согласно которому в имперской системе отношений число акторов всегда больше двух [Миллер, с. 7].

Значительная часть материалов личного архива Сидорова была опубликована в 1882 г. в сборнике «Труды для ознакомления с Севером России» [Сидоров]. В 1883 г. публикацию бумаг Сидорова продолжил его биограф Ф. Д. Студитский [Студитский, ч. 1, 2]. Отдельные документы, касающиеся деятельности Сидорова, отложились в центральных архивах.

Дореволюционные [Студитский ч. 1, 2; Зенов; Жилинский], советские [Визе; Пинхенсон; Фрейдин] и постсоветские [Ламин, Ноздрин; Сергиенко; Комлева] авторы единодушно представляют Сидорова «русским патриотом», «прогрессивным представителем деловых кругов» и ориентированным на «отложенный спрос и общественный интерес» предпринимателем. Такой апологетический подход обеспечивает накопление фактического материала, но вместе с тем и деконтекстуализирует деятельность Сидорова, тем самым обедняя понимание его роли в истории освоения Российской Арктики.

Вынужденное партнерство российского купечества и морской элиты

К середине XIX в. российское Адмиралтейство приступило к систематической описи северного побережья страны и уже накопило определенный опыт в исследованиях Белого, Баренцева и Печорского морей. Морская элита, претендуя на ведущую роль в деле освоения морских окраин Российской империи, вступала в конфликт с предприимчивым купечеством [Ремнев, 2004b, с. 70]. Из-за соперничества за доступ к печорским лесам между П. И. Крузенштерном и купцом В. Н. Латкиным (компаньоном и тестем Сидорова) поданный Латкиным в 1840 г. в Министерство государственных имуществ проект Печорской компании был утвержден лишь 12 лет спустя, когда П. И. Крузенштерн, получивший от Александра II в награду за исследование побережья Белого и Баренцева морей привилегию на вырубку леса на Печоре, но не располагавший средствами для организации ее вывоза, согласился стать партнером Латкина и Сидорова [Санкт-Петербургские ведомости].

В 1862 г. Сидоров заключил с Крузенштерном договор, по условиям которого известный мореплаватель должен был открыть морской путь на Енисей, а Сидоров – предоставить ему в качестве награды 5 тыс. пудов туруханского графита [РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 498. Л. 53]. Крузенштерн добился «высочайшего соизволения» на проведение экспедиции, что должно было обеспечить ей содействие со стороны местных властей [Там же. Д. 487. Л. 8]. Предпринятая в августе – сентябре 1862 г. экспедиция состояла из парусной шхуны «Ермак» и норвежского палубного бота «Эмбрио»¹. Из-за сложных погодных условий и тяжелой ледовой обстановки экспедиции не удалось достичь поставленной цели: бот «Эмбрио» вернулся в деревню Куя на Печоре, откуда корабли отправились в путь, а шхуна «Ермак» вмерзла в льды на подходе к полуострову Ямал. Экипаж был вынужден оставить судно и добираться до берега по дрейфующему льду, а затем благодаря помощи ненецкого оленевода Сейча Сэротэтто – на оленях до Обдорска [Морской сборник, с. 33–60].

11 января 1863 г. Сидоров отправил П. И. Крузенштерну и исполняющему должность енисейского губернатора Н. Г. Родикову записку «О возможности морского пути из Европы в Восточную и Западную Сибирь через устья рек Енисея и Оби». В сопроводительном письме, «не желая дать остыть делу», Сидоров призывал П. И. Крузенштерна просить у президента РГО великого князя Константина Николаевича

¹ В команду «Ермака» входили командир лейтенант П. П. Крузенштерн, вольный штурман Вильгельм Матисен, воспитанник Архангельского шкиперского училища унтер-штурман Черноусов, волонтер студент-биолог барон Алексей Будберг, боцман Панкратов, фельдшер Лычев, 13 матросов, два юнга («оба – крестьяне пустозерского общества») и один повар. В команду «Эмбрио» – командир унтер-офицер И. Короткий, помощник командира мезенский мещанин Михаил Рогачев и три матроса [РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 487. Л. 12].

ча «клипер (паровой и вместе парусный), и в начале лета отправить на нем Павла Павловича на устье Енисея тем самым путем, которым в 1596 году шел Баренц (то есть вокруг Новой Земли. – М. А.)». В возмещение издержек по снаряжению экспедиции Сидоров вновь предлагал 5 тыс. пудов туруханского графита и сверх того пуд золота. С этим же предложением представитель Сидорова золотопромышленник Р. А. Черносвитов ездил к П. И. Крузенштерну в его имение близ Везенберга (Эстляндия). Однако известный мореплаватель потребовал «выдачи вперед полной премии», назначенной Сидоровым за открытие морского пути на Енисей. Сидоров считал это условие неприемлемым и по совету Литке, предсказавшего провал экспедиции «Ермака», переключился на поиск моряков за пределами Российской империи. «Такие [полярные] экспедиции, – уверял Литке Сидорова, – могут быть успешно снаряжаемы только в Англии, где в последние полвека образовались целые поколения пловцов-специалистов для ледяных морей» [Отзыв, с. 176]. Однако попытка Сидорова организовать морскую экспедицию силами Лондонского географического общества провалилась уже на стадии подготовки из-за противодействия яркого англофоба и противника открытия Сибири для международной торговли военного губернатора Красноярска П. Н. Замятнина [Студитский, ч. 1, с. 179].

Рекрутинговая кампания Сидорова на Русском поморье и в Норвегии

В начале 1864 г. Сидоров обратился к архангельскому гражданскому губернатору Н. М. Гартингу с просьбой подыскать поморов для плавания в Енисей:

Имея графитные ломки на р. Нижней Тунгуске и имея в виду вывоз оттуда графита до 500 000 пудов, приглашаю русских, преимущественно приморских жителей Архангельской губернии, к открытию для того водяного пути кругом северо-восточной оконечности Новой Земли, в устье р. Енисея [Студитский, ч. 1, с. 76].

Обращаясь за помощью в реализации своего грандиозного проекта именно к русским мореплавателям, Сидоров тем самым взывал к «патриотическому чувству». Моральная паника относительно «подрыва» целостности Российского государства, порожденная польским восстанием 1863–1864 гг., создала атмосферу, в которой всякий патриотический аргумент получал широкую общественную поддержку. Кроме того, исходя из указанных объемов вывоза графита Сидоров приходил к выводу, что со временем ему потребуются услуги не менее 50 судов. Фактически речь шла о создании «громadного беломорского торгового флота». Таким образом, рекрутинговая кампания Сидорова обретала оттенок «национальной мобилизации» и как таковая – поддержку со стороны активно формирующейся «патриотической» партии [Агапов].

Летом 1864 г. Сидоров побывал на Печоре, откуда ему удалось отправить на зафрахтованном Печорской компанией английском судне партию графита, доставленного из Туруханского края наземным путем. Сидоров посетил Пустозерск, «где в старину славились мореходством жители, чтобы посредством их открыть путь в устье Енисея... но не нашел там ни одного судна такого, которое плавало бы даже и на Новую Землю, так как в тамошнем крае все судоходство и мореплаватели совершенно исчезли». На следующий год в поисках моряков Сидоров вместе с известным исследователем Русского Севера И. А. Богуславом-Беломорским объехал весь Поморский край, но не нашел там «не только пригодных судов для плавания в полярных морях, но и желаня в поморах под ссуду денег строить крепкие суда» [РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 9. Л. 5]. Крайне низкий уровень судостроительных и навигационных навыков поморов отмечали эксперты официального органа российского военно-морского ведомства:

...Суда поморов заключают в себе много дурных качеств и нередко даже опасны в плаваниях... поморы разгуливают по морю на авось почти без всякого понятия о навигации; ни один человек на судне не знает употребления карт и не в состоянии определить часа полной воды; между тем как сильное течение Белого моря имеет более всего влияния на гибель их судов [Морской сборник, с. 95].

Со всех поморских уездов Архангельской губернии на призыв Сидорова откликнулось лишь три добровольца: «купеческие сыновья: сумский – Никитин и кемский – Норкин и коллежский асессор – Оскерко – из города Колы». Впрочем, и они, расценивая проект Сидорова как крайне рискованный, были готовы плыть на Енисей только при соблюдении ряда условий. Так, Никитин в случае гибели его судна требовал возмещения в размере 15 тыс. руб. серебром, а в случае невозможности прохода к Енисею – 5 тыс. руб. серебром «за потерянную навигацию». Даже на таких условиях Сидоров был готов заключить с ними контракт, но к началу навигации 1865 г. Оскерко умер, Норкин уплыл в Норвегию, а Никитин был арестован «по отказу от вступления в брак с девицею» [Студитский, ч. 1, с. 79].

Главной причиной упадка Русского Поморья, где «не осталось и следов русских контор, русского частного кораблестроения, русской биржи, русских заводов, фабрик, солеварен и горного промысла, и даже самое рыболовство и звероловство окончательно переходит в руки норвежцев» [РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 18. Л. 2], Сидоров, активно использовавший патриотический аргумент и сам постоянно добивавшийся льгот и привилегий, считал отказ российских властей от протекционистской политики. Его современники – экономисты и специалисты по морскому делу – утверждали, что поморам не хватало прежде всего «предприимчивости» [Латкин, с. 81], «современных знаний в рыбодобыче» [РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 334. Л. 404 об.]

и «образования, относящегося прямо к содействию успехам в мореходстве и торговле» [Морской сборник, с. 95]. Приверженность поморов традиционным методам природопользования (*moral economy*) исключала саму возможность модернизации их промыслов [Lajus, p. 208–209]. Во второй половине 1860-х гг. Сидоров перенес поиски морских специалистов за границу.

В 1867 г. Сидоров участвовал в Парижской всемирной выставке, где представлял собранные им от границ Якутской области до границ Норвегии и доставленные за собственный счет образцы «естественных произведений севера» – графита, древесины, моржовой кости, железной руды, точильного камня и т.п. [Сидоров, с. 28]. По окончании выставки Сидоров объехал едва ли не все крупные портовые города Германии, Франции, Англии, Шотландии, Дании, Швеции и Норвегии с целью найти моряков для открытия морского пути в Сибирь. На следующий год он решил сосредоточить свои рекрутинговые мероприятия на одной Норвегии. Именно в это время норвежское полярное мореплавание переживало мощный подъем [Беляев, с. 42, 47]. Рекламно-рекрутинговое турне Сидорова по норвежской Лапландии в 1868 г. вызвало живой отклик у норвежских промысловиков. Он общался с российскому генеральному консулу в Христиании Г. А. Мехелину 22 марта 1868 г.:

Во время проезда моего по Норвегии во многих городах, и преимущественно в Вардэ, в Вадзэ, Гаммерфксте, Тромсе, Бергене и Тёнсберге, коммерческие люди желали вступить в торговлю с Сибирью, особенно заниматься морскими звериными промыслами [Студитский, ч. 1, с. 100].

Опубликованная в газете «Finmarks posten» 6 декабря 1868 г. статья «О возможности учредить сообщение из Финмаркена в Китай в 25 дней, по мнению М. Сидорова» породила в норвежских деловых кругах настоящий ажиотаж. На призыв золотопромышленника «учредить сообщение Европы по Северному океану с устьями р.р. Оби и Енисея для доставки произведений Сибири на европейские рынки» откликнулись десятки норвежских предпринимателей и моряков. Сидоров вел переговоры об организации морской экспедиции в Сибирь с известными китобоями Свенном Фойном и Эллином Карлсенем. Фирма Холмсен и К° предлагала Сидорову незамедлительно создать акционерное общество для плавания в Сибирь [Там же, с. 95–98, 100, 128].

Если Сидорова по-прежнему интересовала прежде всего «перевозка [туруханского] графита в Англию и Пруссию в громадных размерах», то целью норвежцев в первую очередь было расширение зоны их морских зверобойных промыслов. Камнем преткновения в переговорах Сидорова с норвежскими промышленниками был вопрос о разделе прибыли. Осенью 1868 г. Фойн согласился отправить в следующем году на Енисей свой пароход «Der Eisbaer», на котором он ходил в море Баффина на ловлю китов, если Сидоров уступит ему

часть привилегий, касающихся беспошлинного ввоза иностранных товаров на Обь и Енисей и – главное – рыбной ловли и промысла морских зверей в Карском море и устьях сибирских рек [Студитский, ч. 1, с. 97–98]. Возглавить экспедицию на «Der Eisbaer» должен был шведский полярный исследователь Адольф Эрик Норденшельд, с которым Сидоров познакомился тогда же в Тромсе. Будущей первооткрыватель северо-восточного прохода был ярким представителем образованного класса скандинавской периферии Российской империи с характерными для него интересом к циркумполярному миру и панскандинавскими устремлениями. Еще будучи студентом Гельсингфорсского университета, Норденшельд участвовал в естественнаучных экспедициях по Финляндии и Уралу. В 1857 г. сразу после получения докторской степени он был вынужден покинуть Финляндию под угрозой уголовного преследования за публичные сепаратистские высказывания [Пасецкий, с. 28, 52].

Сидоров был уверен, что ему удалось наконец найти моряков для регулярных плаваний в Сибирь. Он писал Норденшельду в феврале 1869 г.:

Норвежцам не следует упускать из рук этого дела. Они ближайшие соседи по северу с Сибирью! Они имеют отличный и многочисленный торговый флот и нуждаются во многих произведениях Сибири. Они самые честные деятели и опытные моряки и купцы, в чем я убедился, объехавши все порты Норвегии и большую часть Швеции; это такие достоинства, которых не имеют другие нации и какими с избытком природа наградила ваше разумное и деятельное население [цит. по: Студитский, ч. 1, с. 146].

Проблема заключалась в том, что на момент переговоров с Фойном Сидоров еще не обладал никакими привилегиями. 1 мая 1868 г. он представил министру финансов М. Х. Рейтнеру на высочайшее утверждение проект концессии «для открытия пути через Ледовитый океан к р.р. Оби и Енисею и для распространения торговли и промышленности в северных окраинах Сибири», предусматривавший предоставление концессионерам целого ряда привилегий, однако ответ из министерства не приходил, и в марте 1869 г. Фойн ушел на «Der Eisbaer» на промысел в Северную Атлантику. Почти сразу вслед за тем 10 марта 1869 г. Государственный совет высочайше утвердил по представлению министерства финансов ряд запрошенных Сидоровым привилегий. В частности, ему разрешалось в течение пяти лет со дня высочайшего утверждения снаряжать морские экспедиции для открытия пути через Ледовитый океан в устья Оби и Енисея, а в течение года со дня прихода в устье одной из упомянутых рек первого судна образовать товарищество на паях для промышленных и торговых предприятий. Предоставленная Сидорову зона действия привилегий простиралась «от Карских ворот до устьев Енисея включи-

тельно и в Карском море» [Высочайше утвержденное мнение]. Теперь Сидоров мог сам диктовать условия. 22 марта 1869 г. он сообщил через консула Мехелина Холмсену и Фойну, что поделится частью своих привилегий с тем из них, кто первым «в лето настоящего года придет в устье Оби хотя только до Обдорска или до Березово». В Обдорске для отгрузки за границу было приготовлено около 3 тыс. пудов туруханского графита, а также хлеба и спирта, «сколько пароход может увезти с собой». К ввозу в Сибирь были разрешены традиционные «колониальные» товары: соль, сахар и кофе. Для налаживания регулярных рейсов через Карское море требовались надежные сведения об условиях навигации. Поэтому с каждым судном, идущим к устьям сибирских рек, Сидоров намеревался отправлять за свой счет «лицо для ученых наблюдений» [Студитский, ч. 1, с. 100–102].

Летом 1869 в Карское море отправилось до 70 норвежских судов. Владельцы многих из них запаслись на всякий случай «верящими письмами» от Сидорова [Там же, с. 101], но никто не отправился за сибирскими товарами в устья Оби или Енисея. Научных наблюдений также не проводилось. По данным известного картографа арктических морей А. Петермана, в начале 1870-х гг. норвежские промышленники неоднократно достигали Оби, но не заходили в нее, так как их целью был только бой морских зверей [Johnson, p. 23]. Сидоров буквально упрашивал норвежских моряков плыть в Сибирь, предлагая им различные «уступки». Однако норвежские промышленники не желали отвлекаться от зверодобычи, которая приносила им огромные прибыли [Petermanns Geographische Mitteilungen, p. 241–246].

Северный морской путь: кадровые проблемы и решения

В 1870-е гг. возможность соединения Европы и Сибири морским путем была доказана иностранными мореплавателями. В 1874 г. английский капитан и предприниматель Дж. Виггинс прошел через Карское море на пароходе «Диана» в Обскую губу и далее до меридиана Енисейского залива. В 1875 г. на судне «Превен» (капитан И. Исаксен) А. Норденшельд впервые достиг устья Енисея. На следующий год туда пришли уже два корабля: «Имер» Норденшельда (капитан И. Эриксон) и зафрахтованная сибирским купцом А. М. Сибиряковым английская паровая шхуна «Темза» (капитан Д. Виггинс).

В 1874 г. истек срок предоставленных Сидорову привилегий. Ходатайство золотопромышленника об их продлении было проигнорировано. Государство брало дело развития арктического мореплавания в свои руки. Важно подчеркнуть, что в 1870-е гг. это был международный проект. Так, шведская корона выступила в качестве основного спонсора енисейских экспедиций Норденшельда 1875–1876 гг., а российское правительство – их «попечителя». Генерал-губернатору Восточной Сибири барону П. А. Фредериксу было поручено оказывать шведской экспедиции все необходимое содействие. Кроме того, российское министерство финансов разрешило Норденшельду сбывать

товары без взыскания таможенных пошлин и иных сборов. Все это свидетельствовало о серьезности намерений Санкт-Петербурга в отношении установления морского пути на Енисей [Гончаров].

Сибирское купечество в лице Сидорова, Сибирякова, Трапезникова и др. оказывало спонсорскую, экспертную и организационную поддержку Виггинсу и Норденшельду, приветствовало открытие ими морского пути в Сибирь, но вместе с тем все более опасалось, что иностранцы будут плавать теперь в Сибирь на своих кораблях. Как показал опыт Печорской компании, главными бенефициарами северной торговли были перевозчики [Латкин]. Помимо фрахта, экспортеры сибирской продукции должны были принимать на себя значительные страховые издержки и доплачивать капитанам за судовождение в условиях повышенного риска, что значительно снижало доходы от внешнеторговых операций. В 1877 г., выступая в Санкт-Петербургском отделении Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, Сидоров сказал:

Нам нужны шкипера, которые могли бы доставлять из устьев сибирских рек товары в Европу; они должны знать, кроме русского, английский и немецкий языки; они должны быть отчасти знакомы с торговыми обычаями той страны, в которую идет судно, законами и проч. При этих условиях нам нужны такие шкипера, которых требования не превышали бы платы за труд иностранным, иначе дело должно будет приносить убыток. Иностранные шкиперы на судне в 400 т получают жалованья только 300 руб. в год и 5 % с фрахта. Наш, можно сказать, единственный в полярном море русский шкипер Матизен, плавая на моем корабле «Ломоносов» в 400 т пять лет из Печоры в С.-Петербург, Кадикс и другие порты, получал 300 руб. и 6 % и находил эту плату достаточной [цит. по: Студитский, ч. 2, с. 128].

Сидоров мог покупать и строить корабли для полярных плаваний, но не мог собрать команды. В 1877 г. на его призыв идти на принадлежавшем ему пароходе «Феникс» с Печоры на Енисей откликнулось лишь «три шкипера – двое немцев из Виндавы (Гампер и Удам) и один финляндец (Линдхольм) – и двое морских офицеров – лейтенант Палицын и мичман Луцкий». При этом никто из них не имел опыта плавания в северных морях, Гампер и Линдхольм не знали русского языка, а последний даже не мог указать на карте устье Оби и Енисея. Удам был опытным капитаном, «несколько знакомым с русским языком», но «уже очень стар». Палицын и Луцкий за недостатком морской практики пока еще не могли быть судовой командой [Там же, с. 125–126]. В Императорском обществе для содействия русскому торговому мореходству было только два шкипера, имевших опыт плавания в северных морях: «г. [Василий Федорович] Матизен из Ростка и г. [Давид Иванович] Шваненберг из Ревеля». Сидоров характеризовал их как «замечательных русских деятелей и русских подданных,

хотя и с немецкими фамилиями... из коих последний [Шваненберг] даже православной веры» [Студитский, ч. 2, с. 86]. Однако «даже и пяти человек опытных русских матросов, которые могли бы идти на судне из Печоры в Енисей», найти было невозможно, а иностранные матросы отказывались выходить в Ледовитое море «на русском судне и с русским шкипером» [Жилинский, с. 64].

Для плавания на построенной в Енисейске по заказу Сидорова шхуне «Северное сияние» капитан Д. И. Шваненберг «едва нашел двоих из [остзейских] немцев: одного – на острове Даго [Кузика], а другого – в г. Пернау... и только с этими двумя отправился в путь, и то один из них едва не ускользнул» [Студитский, ч. 2, с. 126]. Осенью 1876 г. шхуна «Северное сияние» потерпела крушение в дельте Енисея. На следующий год Шваненберг приобрел у Виггинса парусную шхуну местной постройки «Ибис», переименовал ее в «Утреннюю зарю» и впервые в истории арктического мореходства прошел на ней из устья Енисея в Санкт-Петербург. Таким образом, «Утренняя заря» «положила начало соединению Сибири прямым морским путем с русскими портами в Балтике» [АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 8. Л. 35]. Экипаж шхуны состоял из капитана Шваненберга, штурманов Густава Адольфа Нуммелина и Мейвальда, матросов Кузика и Андрея Ивановича Цыбуленко. Завербованный Шваненбергом на Енисее, по прибытии судна в Кронштадт Цыбуленко был арестован как беглец из сибирской ссылки [Студитский, ч. 2, с. 154–155].

В те же годы был открыт морской путь в устье Оби. Капитан Виггинс считал вполне возможным проход морских кораблей по Оби вплоть до Тюмени [Johnson, p. 130]. С целью изыскания такого прохода в 1876 г. Императорское общество для содействия русскому торговому мореходству организовало экспедицию для изучения дельты Оби на специально построенной для этого в Тюмени парусной шхуне «Москва». По рекомендации основателя общества и видного младолатыша Кристиана Валдемарса возглавить экспедицию было предложено старшему учителю навигации Айнажской мореходной школы (Лифляндская губерния) капитану Кристиану Иоганну Далю. Айнажская школа была первой из примерно 40 мореходных школ нового типа, созданных по инициативе Валдемарса на рубеже 1860–1870-х гг. (примерно четверть новых мореходных школ была открыта в Остзейском крае) [Вальдемар]. Даль обязался исследовать устье Оби, доставить туда иностранные товары и вывезти сибирские в Европу при жаловании 100 руб. в месяц без всяких процентов и других наград [Студитский, ч. 2, с. 128]. Как отмечалось в отчете Западно-Сибирского отдела РГО, благодаря «дознанной возможности беспрепятственного плавания большим судам по существующим в [Обской] губе глубоким, но малоизвестным полосам воды» в 1877 г. было открыто «пароходное сообщение из Европы в Обскую губу и далее по Оби и Иртышу в земледельческую полосу Западной Сибири» [Записки, с. 8, 16].

В отчете об экспедиции Даль отмечал низкую квалификацию матросов, которые к тому же «то и дело порывались уйти». По мнению капитана, «самыми пригодными были бы матросы из тамошних рыбаков», однако бюджет экспедиции позволял нанять только матросов-чернорабочих [Даль, с. 18]. Мысли о рекрутинге матросов среди индигенного населения высказывалась и раньше. Отправленный Сидоровым в 1864 г. на шхуне «Газ» на отыскание водного пути, соединяющего системы рек Оби и Печоры, Ю. И. Кушелевский писал в отчете:

Остяки, встречавшиеся нам по дороге, не только с полной готовностью услужить указывали нам фарватер, но даже добровольно принимались за матросские работы. Их очень забавляла моя шхуна, конструкцию которой они видели едва ли не в первый раз. Они лазали на вершину мачты и спускались оттуда по канату с довольно большой ловкостью. Эта ловкость остяков поселила во мне убеждение, что из них можно образовать отличных моряков. Убеждение это укреплялось во мне еще более, когда остяки и самоеды, бывшие в рабочих на маленьком моем судне, переходили на большое и принимались за матросские работы. Они были гораздо дельнее и проворнее русских; сметливость их удивляла меня так же, как и любознательность. Я познакомил их с компасом, подзорной трубой, термометром, барометром, секстантом и проч. Все слышанное от меня они очень скоро усвоили и хорошо помнили [Кушелевский, с. 26–27].

Многие исследователи Севера предлагали организовывать мореходные классы для коренного населения. По мнению Кушелевского, «морское образование» не только обогатило бы «инородцев» за счет занятия морскими промыслами, но и «привязало бы их к родине и не заставляло бы чуждаться ее, как это заметно теперь в каждом сколько-нибудь учившемся инородце» [Кушелевский, с. 27]. В 1863 г. по инициативе Сидорова и на его средства при Туруханском Свято-Троицком монастыре была открыта «бесплатная школа с готовыми квартирами, пищей, одеждой и книгами для всех инородцев и туземцев Туруханского края» [РГИА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 5. Л. 5]. В своем завещании Сидоров выделял значительные средства «для поощрения всех из русских и инородцев смелых и предприимчивых мореходцев в Северном море, особенно тех, кто откроет водный приход из Северного моря в устьях сибирских рек». Отдельно прописывались расходы «на образование мореходов и ремесленников между самоедами, долганами, якутами, лопарями» [Фрейдин, с. 262].

Проанализировав отношения ядра и периферии в империи как особой политической системе, А. Мотыль уподобил имперскую конструкцию «несовершенному колесу, у которого есть ось и спицы, но нет обода» [Мотыль, с. 33–34, 35]. Рекрутинговая компания Сидорова по привлечению специалистов к открытию морского пути в Сибирь является ярким примером попытки налаживания сотрудничества между сегментами имперской и трансимперской периферии в рамках

частного коммерческого проекта без непосредственного участия ядра. Предпринятые Сидоровым в этом направлении разнообразные мероприятия позволили включить северную периферию Российской империи в обод арктического средиземноморского колеса, что вызвало тревогу как частных предпринимателей – конкурентов Сидорова, так и государственных чиновников, опасавшихся ущерба государственному суверенитету. Уже в конце 70-х гг. XIX в. в рамках русского националистического проекта консолидации нации и «русской национальной территории» внутри империи [Ремнев, 2004а; Миллер; Bassin] отношение центра к северным окраинам стало постепенно меняться в сторону их закрепления под властью российской короны, в первую очередь посредством «национализации» морского пути в Сибирь. Этот поворот произошел во многом благодаря масштабной деятельности Сидорова, практически в одиночку привлечшего к транспортному освоению севера России все имевшиеся на тот момент времени внутри и за пределами страны человеческие ресурсы и положившего начало систематическому формированию кадров для отечественного полярного мореплавания. Важно подчеркнуть, что при этом М. К. Сидоров проявил себя в качестве не только крупного предпринимателя и организатора, но и яркого общественного деятеля, внесшего весомый вклад в формирование национальной северной повестки.

Библиографические ссылки

- АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 8.
- Агапов М. Г. «Заговор» против Севера России: национализация предпринимательского дискурса в 60-е гг. XIX в. // *Ab Imperio*. 2019. № 4. С. 73–96. DOI 10.1353/imp.2019.0113.
- Беляев Д. П. Архипелаги акватории Баренцева моря: история освоения и изучения (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Мурманск : МГПУ, 2010. 163 с.
- Вальдемар Х. М. Защита настоящей системы наших мореходных школ. М. : Тип. Н. И. Куманина, 1877. 24 с.
- Визе В. Ю. История исследования советской Арктики. Архангельск : Северное изд-во, 1932. 212 с.
- Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета : О предоставлении товариществу для промышленных и торговых предприятий по рекам Оби и Енисею и по берегам Ледовитого океана некоторых льгот и привилегий. № 46837. 10 марта 1869 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 44. С. 219–220.
- Гончаров А. Е. О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г // Изв. Томск. политех. ун-та. 2014. № 6. С. 74–86.
- Даль Х. Описание двух экспедиций в реку Обь в 1876 и 1877 годах. М. : Тип. Н. И. Куманина, 1877. 117 с.
- Жилинский А. А. Россия на Севере : (К описанию жизни и деятельности М. К. Сидорова). Архангельск : Изд. комиссия по увековечиванию памяти М. К. Сидорова, 1918. 153 с.
- Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск : Тип. Окружного штаба, 1879. 244 с.
- Зенов П. М. Памяти архангельского гражданина Михаила Константиновича Сидорова, стража интересов Севера России. Пг. : Тип. Морского м-ва, 1916. 16 с.
- Комлева Е. В. Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца Михаила Константиновича Сидорова в отражении материалов Российского

государственного исторического архива // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2022. № 75. С. 45–52. DOI 10.17223/19988613/75/6.

Кушелевский Ю. И. Путевые записки, веденные во время экспедиций 1862, 1863 и 1864 г., предпринятых для открытия сухопутного и водяного сообщения на севере Сибири от реки Енисея через Уральский хребет до р. Печоры Ю. И. Кушелевским. Тобольск : Тип. Губ. правления, 1864. 66 с.

Ламин В. А., Ноздрин Г. А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск : Сова, 2007. С. 113–123.

Латкин В. Н. О наших промышленных делах. СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. 98 с.

Миллер А. Империя Романовых и национализм. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 316 с.

Морской сборник. 1863. № 2.

Мотыль А. Пути империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств. М. : Моск. школа полит. исслед., 2004. 248 с.

ОР РГБ. Ф. 120. Папка 25. Ед. хр. 3.

Отзыв о записке г. Сидорова Ф. П. Литке // Тр. Имп. вольного экон. об-ва. 1863. Т. 2. С. 176–177.

Пасецкий В. М. Нильс Адольф Эрик Норденшельд. М. : Наука, 1979. 296 с.

Пинхенсон Д. М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л. : Морской транспорт, 1962. 765 с.

РГА ВМФ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 487, 498.

РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 334; Ф. 1050. Оп. 1. Д. 5, 6, 9.

Ремнев А. В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX века // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004а. С. 112–146.

Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004b. 552 с.

Санкт-Петербургские ведомости. 1867. 9 февр.

Сергиенко Т. Ю. Михаил Константинович Сидоров и Туруханский край // Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2017. М. : Паулсен, 2018. С. 251–259.

Сидоров М. К. Труды для ознакомления с Севером России. СПб. : Тип. и лит. Д. И. Шеметкина, 1882. 343 с.

Студитский Ф. Д. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива : в 2 ч. СПб. : Тип. Д. И. Шеметкина, 1883. Ч. 1. 320 с. Ч. 2. 288 с.

Фрейдун И. Л. Михаил Константинович Сидоров // Летопись Севера. 1971. Т. 5. С. 248–264.

Bassin M. Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. 322 p.

Johnson H. The Life and Voyages of Joseph Wiggins, F. R. G. S.: Modern Discoverer of the Kara Sea Route to Siberia Based on His Journals and Letters. L. : John Murray, 1907. 396 p.

Lajus J. Experts on Unknown Waters. Environmental Risk, Fisheries Science and Local Knowledge in the Russian North // Eurasian Environments. Nature and Ecology in Imperial Russian and Soviet History. Pittsburgh : Univ. of Pittsburgh Press, 2018. 401 p.

Petermanns Geographische Mitteilungen. 1873. № 19.

References

Agapov, M. G. (2019). “Zagovor” protiv Severa Rossii: natsionalizatsiya predprinimatel’skogo diskursa v 60-e gg. XIX v. [A “Plot” against the Russian North: Nationalizing the Discourse of Entrepreneurs in the 1860s]. In *Ab Imperio*. No. 4, pp. 73–96. DOI 10.1353/imp.2019.0113.

AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 155. List 445. Dos. 8.

Bassin, M. (1999). *Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 322 p.

Belyaev, D. P. (2010). *Arhipelagi akvatorii Barentseva morya: istoriya osvoeniya i izucheniya (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX v.)* [The Barents Sea Archipelagos: The History of the Exploration and Development in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries]. Murmansk, Murmanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 163 p.

Dahl, Ch. (1876). *Opisanie dvukh ekspeditsii v reku Ob' v 1876 i 1877 godakh* [About Two Expeditions to the Ob in 1876 and 1877]. Moscow, Tipografiya N. I. Kumanina. 117 p.

Freidin, I. L. (1971). Mikhail Konstantinovich Sidorov [Mikhail Konstantinovich Sidorov]. In *Letopis' Severa*. Vol. 5, pp. 248–264.

Goncharov, A. E. (2014). O shvedskoi ekspeditsii na Enisei v 1876 g [The 1876 Swedish Expedition to the Yenisei]. In *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 74–86.

Johnson, H. (1907). *The Life and Voyages of Joseph Wiggins, F. R. G. S.: Modern Discoverer of the Kara Sea Route to Siberia Based on His Journals and Letters*. L., John Murray. 396 p.

Komleva, E. V. (2022). Predprinimatel'skaya i obshchestvennaya deyatel'nost' krasnoyarskogo kuptsa Mikhaila Konstantinovicha Sidorova v otrazhenii materialov Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva [Entrepreneurial and Social Activity of the Krasnoyarsk Merchant Mikhail K. Sidorov in the Reflection of the Materials of the Russian State Historical Archive]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 75, pp. 45–52. DOI 10.17223/19988613/75/6.

Kushelevskii, Yu. I. (1864). *Putevye zapiski, vedennye vo vremya ekspeditsii 1862, 1863 i 1864 g., predprinatykh dlya otkrytiya sukhoputnogo i vodyanogo soobshcheniya na severe Sibiri ot reki Eniseya cherez Ural'skii khrebet do reki Pechory Yu. I. Kushelevskim* [The Travel Diaries of the 1862, 1863, and 1864 Expedition of Kushelevskii for the Opening of Water and Land Transport Routes in the North of Siberia from the Yenisei River to the Pechora River]. Tobolsk, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 66 p.

Lajus, J. (2018). Experts on Unknown Waters. Environmental Risk, Fisheries Science and Local Knowledge in the Russian North. In *Eurasian Environments. Nature and Ecology in Imperial Russian and Soviet History*. Pittsburgh, Univ. of Pittsburgh Press. 401 p.

Lamin, V. A., Nozdrin, G. A. (2007). Sibirskii kupets Mikhail Konstantinovich Sidorov [Siberian Merchant Mikhail Konstantinovich Sidorov]. In *Lichnost' v istorii Sibiri XVIII–XX vekov*. Novosibirsk, Sova. pp. 113–123.

Latkin, V. N. (1866). *O nashikh promyshlennykh delakh* [Our Industrial Business]. St Petersburg, Tipografiya F. S. Sushchinskogo. 98 p.

Miller, A. (2004). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [Romanovs' Empire and Nationalism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 316 p.

Morskoi sbornik [Morskoi Sbornik]. (1863). No. 2.

Motyl', A. (2004). *Puti imperii. Upadok, krakh i vrozozhdenie imperskikh gosudarstv* [Paths of the Empire. The Decay, Collapse, and Revival of Empires]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 248 p.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 120. Folder 25. No. 3.

Otzyv o zapiske g. Sidorova F. P. Litke [Review of Mr. Sidorov's Note from F. P. Litke]. (1863). In *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. Vol. 2, pp. 176–177.

Pasetskii, V. M. (1979). *Nil's Adol'f Erik Nordenshel'd* [Nils Adolf Erik Nordenskiöld]. Moscow, Nauka. 296 p.

Petermanns Geographische Mitteilungen. (1873). No. 19.

Pinkhenson, D. M. (1962). *Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma* [Problems of the Northern Sea Route in an Age of Capitalism]. Leningrad, Morskoi transport. 765 p.

Remnev, A. V. (2004a). Koloniya ili okraina? Sibir' v imperskom diskurse XIX veka [Colony or Outskirts? Siberia in the Imperial Discourse of the 19th Century]. In *Rossiiskaya imperiya: strategii stabilizatsii i opyty obnovleniya*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 112–146.

Remnev, A. V. (2004b). *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX v.* [Far Eastern Russia. Imperial Geography of Authority in the 19th and Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 552 p.

RGA VMF [Russian State Archives of the Navy]. Stock 14. List 1. Dos. 487, 498.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 91. List 1. Dos. 334; Stock 1050. List 1. Dos. 5, 6, 9.

Sankt-Peterburgskie vedomosti [*Sankt-Peterburgskie Vedomosti*]. (1867). February 9.

Sergienko, T. Yu. (2018). Mikhail Konstantinovich Sidorov i Turukhanskii krai [Mikhail Konstantinovich Sidorov and Turukhansk Krai]. In *Polyarnye chteniya na ledokole "Krasin" – 2017*. Moscow, Paulsen, pp. 251–259.

Sidorov, M. K. (1882). *Trudy dlya oznakomleniya s Severom Rossii* [Works on the North of Russia]. St Petersburg, Tipografiya i litografiya D. I. Shemetkina. 343 p.

Studitskii, F. D. (1883 a). *Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva v 2 ch.* [The History of the Discovery of the Sea Route from Europe to the Siberian Rivers and the Bering Strait. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya D. I. Shemetkina. Part 1. 320 p. Part 2. 288 p.

Valdemārs, K. M. (1877). *Zashchita nastoiashchei sistemy nashikh morekhodnykh shkol* [Defending Our System of Marine Schools]. Moscow, Tipografiya N. I. Kumanina. 24 p.

Vize, V. Yu. (1932). *Istoriya issledovaniya sovetsoi Arktiki* [The History of the Research of the Soviet Arctic]. Arkhangel'sk, Severnoe izdatel'stvo. 212 p.

Vysochaishe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta. O predostavlenii tovarishchestvu dlya promyshlennykh i torgovykh predpriyatii po rekam Obi i Eniseyu i po beregam Ledovitogo okeana nekotorykh l'got i privilegii. No. 46837. 10 marta 1869 g. [The Opinion of the State Council, Approved by the Highest Degree: On Granting the Partnership for Industrial and Commercial Enterprises on the Rivers Ob and Yenisei and on the Shores of the Arctic Ocean Certain Privileges and Preferences. No. 46837. 10 March 1869]. (1873). In *PSZ*. Coll. 2. Vol. 44, pp. 219–220.

Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Correspondence of the West Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. (1879). Omsk, Tipografiya Okruzhnogo shtaba. 244 p.

Zenov, P. M. (1916). *Pamyati arkhangel'skogo grazhdanina Mikhaila Konstantinovicha Sidorova, strazha interesov Severa Rossii* [To the Memory of Arkhangel'sk Citizen Mikhail Konstantinovich Sidorov, Guardian of the Interests of the North of Russia]. Petrograd, Tipografiya Morskogo ministerstva. 16 p.

Zhilinskii, A. A. (1918). *Rossiya na Severe. (K opisaniyu zhizni i deyatel'nosti M. K. Sidorova)* [Russia in the North (The Life and Work of M. K. Sidorov)]. Arkhangel'sk, Izdatel'skaya komissiya po uvekovechivaniyu pamyati M. K. Sidorova. 153 p.

The article was submitted on 25.02.2022

HISTORY OF MEDICINE: ACTORS AND STATISTICS

DOI 10.15826/qr.2023.2.801

УДК 614(09) + 32.019.5 + 321:57 + 573.01 + 94(470)"18" + 94(430–21)"18"

“Her Language Must Be the Language of Figures”. Medical Statistics of the Russian Empire and the Kingdom of Prussia: A Comparative Perspective*

Ruslan Mitrofanov

Ludwig-Maximilian University,
Munich, Germany

This article examines the history of the establishment of departmental medical statistics in the Russian Empire and the Kingdom of Prussia in the first half of the nineteenth century. Starting from M. Foucault's concepts of biopolitics and governmentality, historians have studied the medical and statistical mechanisms for representing “public health” in England, France, and other West European countries in some detail. The case of the Russian Empire remains unexplored in this respect. Researchers have predominantly turned to hygienic statistics and data on mortality and fertility in Russian cities of the late imperial period, while the early period has long remained untouched. Moreover, these data have been analyzed apart from the transnational context of their creation. This article seeks to fill this gap partially. By comparing the introduction of two key medico-statistical indicators in Prussia and Russia (the nomenclature of diseases and the indicator of causes of death by disease), it has been argued that the Russian authorities, in their governing practices, followed mainly the Prussian path. In addition, both countries came to the same statistical model of representing the “public health” of the nation/empire. However, in the case of the Russian Empire, this transition was stretched over many decades and was carried out haphazardly. The article analyzes the main causes of this uneven implementation. In conclusion, it discusses the advantages and disadvantages of each country's medical and statistical models.

Keywords: medical statistics, biopolitics, Russian Empire, Kingdom of Prussia, L. Krug, K. Arsen'ev

* This research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 19–48–04110) and the German Research Foundation (DFG), Project No. 405969656.

** *Citation:* Mitrofanov R. (2023). “Her Language Must Be the Language of Figures”. Medical Statistics of the Russian Empire and the Kingdom of Prussia: A Comparative Perspective. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 489–505. DOI 10.15826/qr.2023.2.801.

Цитирование: Mitrofanov R. “Her Language Must Be the Language of Figures”. Medical Statistics of the Russian Empire and the Kingdom of Prussia: A Comparative Perspective // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 489–505. DOI 10.15826/qr.2023.2.801.

Статья посвящена становлению ведомственной медицинской статистики в Российской империи и Прусском Королевстве в первой половине XIX в. Отталкиваясь от концепций биополитики и государственности М. Фуко, историки довольно подробно изучили медико-статистические механизмы репрезентации «общественного здоровья» в Англии, Франции и других западноевропейских странах. Случай Российской империи все еще остается недостаточно изученным, так как исследователи преимущественно обращались к гигиенической статистике, данным по смертности и рождаемости в российских городах позднего имперского периода, тогда как ранний период долгое время оставался незатронутым. Кроме того, эти данные анализировались в отрыве от транснационального контекста их создания. Автор ставит задачу частично восполнить этот пробел. В рамках сравнительной истории внедрения двух ключевых медико-статистических показателей (номенклатура болезней и индикатор причин смертей по болезням) в Пруссии и Российской империи доказывается, что российские власти в своей управленческой практике во многом опирались на прусский путь. Обе страны пришли к единой статистической модели репрезентации «общественного здоровья» нации/империи. Однако в случае Российской империи этот переход осуществлялся неравномерно, причины чего анализируются в статье. Показаны преимущества и недостатки медико-статистических моделей обеих стран.

Ключевые слова: медицинская статистика, биополитика, Российская империя, Королевство Пруссия, Л. Круг, К. Арсеньев

The main trends in the historiography of medical statistics

In 1841, the Russian *Voенно-meditsinsky Zhurnal (Military Medical Journal)* issued a critical review of the “General Principles of Medical Statistics” published by the French physician Louis Gavarret (1809–1890) a year earlier. Following Gavarret, the anonymous author of the article placed great emphasis on using average rates to reveal “invisible” statistical patterns in clinical observations. It ended with an encouraging remark: “Once more, then, the science of medicine wants facts – comparable facts – numerous facts: well-observed, carefully arranged, minutely classified, and acutely analyzed. Its language must be the language of figures; its test the calculus of probabilities...” [Review, p. 21]. Although the review was published in a Russian scientific journal, it was not a projection of the Russian physician’s thinking but, as often happened, a Russian translation of an English review of a French book¹. This case not only demonstrates one of the possible entangled ways of imparting Western European knowledge to Russia, or what Michel Espagne called the “triangular cultural

¹ The Russian translation has another exciting detail. The English sentence “its language must be the *language of figures*” (italics. – M. R.) was translated verbatim and correspondingly incorrectly as “*iazyk figur.*” However, it would be more appropriate to translate it as *iazyk tsifr.* Dahl’s Explanatory Dictionary does not define *figura* as a synonym for *tsifra* in Russian.

transfer” (*le transfert culturel triangulaire*) [Эспањь, с. 230–232] but also makes it possible to pose the article’s key research questions: How did the ideas and practices of Western European statisticians translate into the ruling policies of Russian medical and statistical services? To what extent did Russian imperial elites correlate their ruling decisions with those of Western bureaucrats and statisticians?

The institutional and intellectual history of medical statistics in Western Europe has been amply studied, but the case of the Russian Empire in this respect has remained unexplored [Greenwood; Porter; Woolf, p. 602–603; Hacking, p. 187; Foucault, p. 255–284; Rosser Matthews, p. 14–86]. In the Russian Empire, officials of the Ministry of Justice and the Ministry of Internal Affairs (hereinafter MIA) made the first attempts to systematize the legislation and history of sanitary statistics as a source for implementing medical reforms [РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 607]. Soviet historians have thoroughly studied various numerical data as a part of other field studies (medical geography, demography, economics, etc.), as well as the sanitary statistics of cities and zemstvos in the late imperial period [Маркузон; Марковин, с. 37–68, Очерки, с. 7–62]. However, these data have often been focused on Russia only and analyzed asynchronously, i.e., in isolation from the historical and transnational context of their creation.

Contemporary researchers have approached the study of Russia’s medical topography, military, and economic statistics as power technologies of Western European states by emphasizing the continuity of Russian and European historical trajectories [Гатина; Holquist; Morrissey; Смит-Петер; Smith-Peter; Вишленкова]. Until recently, the history of medical statistics in this regard has not been sufficiently studied. In a new volume of articles on the history of medical geography in the Russian Empire, Elena Vishlenkova and Sergei Zatravkin revisit the paternalistic views of Soviet historians regarding the concept of “people’s health.” They instead approach sanitary statistics as an imperfect bureaucratic mechanism of epidemic control over vast imperial territories [Вишленкова, Затравкин, с. 235–238].

Research approach

The ongoing research is consistent with the latter study, with more emphasis placed on direct comparative analysis and the thick transnational context that had a significant influence on the institutional development of Russia’s medical and statistical services. This goal is achieved on two key levels. Firstly, the article examines bureaucratic mechanisms of statistical counting of deaths in the work of the Prussian Royal Statistical Bureau. Secondly, it turns to an analysis of similar mechanisms in the Russian Empire compared to the Prussian background to show how ministerial decisions in Russia correspond with it and, on the other hand, to point out the ruptures of the two models in conclusion. Defining this comparative study as “the systematic extension of the field beyond national cleavages” in Espagne’s terms [Espagne, p. 121], the study focuses on the particular history of the adoption of a unified nomenclature of diseases and statistical

indicators of the causes of death by diseases as universal categories for constructing the concept of “public health” in both countries. In contrast to previous historiography that approached the history of medical statistics anachronously, this study employs the synchronous method in terms of Werner and Zimmermann to bind together leading actors, government decisions, and corresponding ideas [Werner, Zimmermann, p. 35].

The rationale for the comparative analysis and sources used

This synchronicity is achieved by contextualizing the origins and development of statistical services in Russia and Prussia, driven by two key factors, institutional and intellectual. While interest in medical statistics grew in France because of research in clinical medicine, its development in the Russian Empire was similar to the institutional development of the Prussian and Bavarian kingdoms. At the highest level in Prussia, there was the *Obercollegium Medicum et Sanitatis*. In the Russian Empire, the same functions were carried out by the Medical Collegium (*Meditsinskaia kollegiia*) since 1763. Followed by the highest institutions, the *Provinzial-Medizinal-Collegium* of Prussia or the Medical Board (*Vrachebnaia uprava*) of the Russian Empire supervised all civil medicine at the provincial level. A local *Physic*, a doctor in the civil service of Bavaria and Prussia, and an *uyezd* doctor in the Russian Empire were at the lowest rung of the bureaucratic ladder. They carried out the orders of the secondary institutions on the spot.

From the intellectual point of view, contemporaries reflected on and referred to the Prussian way as exemplary when they sought to put certain policies into practice. Although some researchers have noted the influence of Adam Smith’s economic ideas on Russian statisticians in the early nineteenth century, Prussian statistical thought was considered no less important, especially in the medical field [Smith-Peter, p. 48–49]. For instance, Carl Hermann (1767–1838), the founder of statistical studies in the Russian Empire, was particularly flattered by the research activities of the two leading Prussian statisticians, Leopold Krug (1770–1843) and Johann Hoffmann (1765–1847), while his successor Konstantin Arsen’ev (1789–1865) wished Russian statistics to reach the “state of perfection” of the Prussian and other German states in this respect [РГИА Ф. 1286. Оп. 2. Д. 168. Л. 8 об.; Арсеньев, 1839, с. II].

Given the above, the article’s sources such as statistical tables and figures of deaths from epidemics or endemics are not intended to reconstruct some “objective picture” of mortality or the “real” state of public health in the two countries, which requires a careful correlation of many indicators over specific periods and is the subject of a special study [Stanziani, p. 1–4]. Instead, they are regarded as projections of power elites in representing and measuring “public health” through historically ingrained administrative practices of statistical counting. The legislative decrees and departmental orders in their comparative perspective serve as another key source for reconstructing the heterogeneous landscape of medical and statistical services in Prussia and the Russian Empire in the first half of the nineteenth century.

The rise of Royal Medical Statistics under Leopold Krug and Johannes Hoffmann

Starting in the late 1780s, medical and topographical descriptions were replaced by structured reports that included statistical data presented in tables. In France, the genre reached its peak in the 1780s and then declined, despite some revivals in the 1820s and during the Second Empire [Fournier, p. 62]. In the UK, medical topography had evolved into regular statistical reporting of the vast British dominions, which was used as an instrument of colonial rule since the 1820s [Jepson, p. 137–138]. In Prussia, such a transition was tied to establishing the Royal Statistical Bureau, which became a structural part of the MIA in 1805. As a strong proponent of cameralism, the first director of the bureau, Leopold Krug, focused on compiling a comprehensive statistical table of human and land resources. Consequently, he compiled an annual historical and statistical report for the year 1804/1805 (known as *Statistisch-historischer Bericht für das Jahr 1804/5*) that comprised eight sections and 24 tables [Boeckh, 1863, p. 20].

The third part of the report focused on medical and statistical information about the population. The first heading under the meteorological section provided data on weather patterns and their impact on public health. The accompanying table included information on low and high temperatures measured with a thermometer, atmospheric pressure measured with a barometer, wind direction, and the number of cold, warm, and moderate days per year. The second section discussed the causes of epidemic and endemic diseases and their connection to temperature variation, air quality, and nutrition. It also contained statistics and tables on livestock diseases. In 1805, the Statistical bureau obliged local authorities to collect meteorological observations, which were later published in government newspapers throughout the Prussian provinces [Ibid., p. 20–21].

Under the leadership of the second director, the cameralist Johann Hoffmann, the bureau pursued the goal of unifying statistical reporting forms. It divided the objects of the statistical survey into two rigid categories: lands and people. Based on this, Hoffmann developed the so-called “population list” (*Bevölkerungsliste*) that included yearly statistics on births, marriages, deaths, and their causes, including causes of deaths due to illnesses or epidemics [Engel, 1860, p. 4–5]. The data was provided to the bureau by the *Obercollegium Medicum et Sanitatis* and later the *Deputation für das Medizinalwesen*, which in turn gathered it through the *Provinzial-Medizinal-Collegium* and local physicians. Unlike the first director, Hoffmann employed state doctors more decisively. The *Deputation* was to develop a uniform nomenclature of diseases in the kingdom. With its help, officials were about to adopt a register of causes of death due to diseases (supplemented by suicides and accidental deaths). In 1810, the deputation presented Hoffmann with a list of one hundred and seventeen diseases. The State Council reduced this list to thirty-eight and it was approved in this form by the MIA. As a result, a table of causes of death (*Tabelle der Todesursachen*) was developed with a breakdown of the text into rows

(thirty-eight diseases) and columns (men, women, provinces). This table showed the absolute numbers of deaths by year for each combination of disease and demographic category [Boeckh, 1863, p. 36–37].

However, the central government soon realized that the nomenclature was too complex and indigestible for local authorities to accurately determine the cause of death. Only physicians could distinguish between the “intermittent,” “spotted,” or other dozen fevers given in it, but they were lacking in all the provinces. Therefore, as early as 1815, the governors (*Oberpräsidenten*) of the regained western provinces protested against this order. Eventually, the nomenclature was reduced to 12 entries (death by old age, suicide, accident, stillbirth, infant bed, smallpox, rabies, internal disease, divided into subgroups of acute (labeled as “rapid”) and chronic (“lingering”) disease, asthma, stroke, internal bleeding (as a single heading), external disease, unknown disease) and arranged in a new simplified form (by male and female in separate columns). Instead of dozens of “fevers” unknown to laypeople, it presented a shortlist of “folk” maladies such as easily recognizable smallpox, rabies, etc. At the same time, it contained the headings of approximate morbid conditions (internal, external, acute, chronic) in which the patient had been found at or near the time of death [Engel, 1861, p. 324; Engel, 1862a, p. 66–68]. This classification remained in use until the 1860s, but special notes were added to the table for cholera. Hoffmann’s circular of October 8, 1831 required the provinces to provide information about the beginning and end of the epidemic, as well as the number of the sick and the dead. In addition, a special heading, “deaths from cholera” by sex and age, appeared in the people’s lists since the early 1830s [Boeckh, 1863, p. 74].

Thus, the first attempts to link causes of death with specific diseases made by the statistician Krug as early as 1804 were finally established at the state level in 1815. Apparently, from that time onwards, the nomenclature became an invisible tool of epidemic control and a mechanism for (re)producing normative knowledge about the state of public health in the kingdom. The bureau could send it to the *Provinzial-Medizinal-Collegium*, which, in turn, could forward it through the district doctors (*Kreisphysicus*) and the local self-governments (*Landrat*) to the parishes to record deaths due to illness in the church registers [Engel, 1862b, p. 219]. At least similar attempts had been made earlier by Krug. Still, the kingdom’s highest physicians opposed allowing priests to record deaths because they were unwilling to delegate their professional duties [Boeckh, 1863, p. 20–21]. However, an introduction of the simplified nomenclature turned the tide. Local officials and priests became a crucial link in the supply chain and production of statistical information for “the metropole”. Based on their records, the bureau’s statisticians kept annual tables for causes of death and population lists at the national level. Since the late 1820s, they gathered, systematized, and packed this information in the form of statistical reporting. By consistently accumulating and dynamically constructing a statistical picture of each province and even the smallest settlements, the Prussian Statistical Bureau began to work as a fine-tuned panopticon.

The establishment of departmental medical statistics in the Russian Empire

In the Russian Empire, August Schlözer (1735–1809) was perhaps one of the first to point out the need for a statistical body (*russischen TebellenCointoir*) as early as 1764. He petitioned the Russian Academy of Sciences to create a statistical office modeled on the Swedish *Tabellverket* because Russia, as a “great power,” could gain from it many findings on climate, religion, and customs and become “the third state in the civilized world” after Prussia and Sweden to adopt such an establishment [Schlözer, 1802, p. 155]. In conjunction with the Medical Collegium, this office was supposed to collect numbers of births, marriages, and deaths due to disease through local priests and doctors, which a few years earlier had been achieved by a pioneer of statistical surveys in Sweden, Pehr Wilhelm Wargentin (1717–1783) [Teare, Gino, p. 2293].

Schlözer’s plan did not take long. In the same year, the Senate issued a decree that required priests in St Petersburg to make monthly tables of deaths and transfer them to the Synod [ПСЗ-1, т. 16, № 12061]. Schlözer obtained the idea for the table from Wargentin during his study of statistics in Sweden [Schlözer, 1802, p. 148]. The table comprised a breakdown by sex and age from 0 to 90 years (top heading) and a nomenclature of 21 deprecated “fevers” including smallpox, epilepsy, and madness (presented line by line on the left bar of the table). By introducing the age variable, its compiler assumed to collect data on higher or lower age mortality in the long run. This was a significant improvement over the first Prussian tables, which did not include such a breakdown. Schlözer claimed to be the author of the table, but this is unlikely [ПTRYXА, с. 319]. Although Schlözer’s book on smallpox in Russia was published around the same time as the decree, a group of diseases and their numbers in “his” nomenclature differed from the enacted [Schlözer, 1768, p. 10, 12]. Of course, it could have been revised by members of the Medical Collegium before it passed to the Senate for approval.

The key difference, however, is that, unlike Prussia, the Russian nomenclature did not become the state’s unified register of deaths by diseases. Indeed, while the decree also obliged provincial offices (*gubernskie kantseliarii*) to provide the Senate with tables on the number of peasants and landlords, monthly tables on the number of deaths caused by illnesses applied only to St Petersburg and the parishes of Estonia and Livonia. Thus, it covered only selected parts of the Empire and only those provinces where such statistical work could be accomplished through a dense network of German parishes or had already been voluntarily conducted by local pastors. Besides, it did not provide simplified instructions for St Petersburg priests to determine death from a specific disease. Assuming that Russia introduced this power technology earlier than Austria (1784), Prussia (1811), or Bavaria (1839), its practical implementation throughout the empire was still not feasible due to the lack of trained intermediaries among local officials, parishes, and doctors [Журавский, с. 154–155].

Although the decree played a tremendous role in the development of medical and statistical surveys of Russia, it is hard to judge to what extent it became a working administrative technology for constant monitoring and safeguarding of public health in St Petersburg. However, enlightened bureaucrats proceeded from the very biopolitical idea of controlling and improving the “public” and its “health” through properly placed statistical work. Based on figures obtained from St Petersburg parishes, an academician Wolfgang Krafft (1743–1814), compiled a summary table of deaths from a particular illness to the total death rate of males and females (per 1000 deaths). He defined this ratio as “a measure of the public health and the strength of disease” (*est la mesure du degré de la santé publique & de la force des maladies*) and explained its significance for state interventionism as follows:

These measures show not only the diseases which affect the population the most... but also indicate the locations which are more affected by these diseases, and which are more in need of government assistance. Thus, by preventing disease, an enlightened government acts to preserve the lives of citizens more vigorously than medicine itself does to cure them [Krafft, p. 14–15].

The Statistical Department of which Schlözer dreamed was finally created under the auspices of the Ministry of Police in 1811. At the same time, the pioneering ideas of Kraft did not appear under the radar of the newfound state body. Although its head Carl Hermann tried to expand surveys and revamp statistical work based on the Prussian model, the ministry defined the department’s priorities as collecting data on land and space, population (excluding statistics on deaths by disease), and industry [Варадинов, с. 314–315]. The “Rules” of 1834 on establishing provincial statistical committees enshrined this order. According to them, the committees were required to compile “detailed and accurate descriptions of the Governorate... [its] economy, industry, and trade”, while there was no explicit requirement to keep records of deaths or mortality by disease [ИЦЗ-2, т. 9, № 7684]. The situation got off the ground when Konstantin Arsenëv was appointed head of the department. Nicholas I ordered the MIA to provide him with quantitative data for the statistics course, which Arsenëv read to the heir [Ирыха, с. 362].

As a part of this curriculum, he published a thorough “Plan of Studies of the Statistical Department” (1835). It contained well-structured sections on “Public Welfare” (*ob obshtyestvyennom prizryenii*) and “Public Healthcare” (*o sokhranyenii narodnogo zdравиya*) which was an equivalent of the Prussian term “*Gesundheitspflege*” [Engel, 1861, p. 332]. Arsenëv’s study plan, at least in its medical-statal part, resembled the survey program of the Prussian Statistician Bureau in the 1830s. According to it, the department was not only to accumulate statistics on hospital mortality and deaths from endemic diseases but also to process the data received from the provincial statistical committees, summarize the total figures, find averages, such as the ratio of treated persons to the total number of citizens of some

province, or to calculate mortality rates in public and private hospitals [Апсеньев, 1835, с. 20, 33–35].

Unfortunately, these ideas remained on paper. The clerks of the provincial statistical committees, already burdened with paperwork from other departments, did not have to collect additional data not required by the “Rules” of 1834. Still, the statistical committees could have obtained medical and statistical data because inspectors of the Medical Boards, who were appointed as their members, had access to this information [ПСЗ-2, т. 9, № 7684]. Based on a study of archival sources, it became clear that the inspectors did not necessarily collaborate with the committees. For example, in the annual report to the Kherson governor, a member of the statistical committee, landlord Vasiliï Fugarov (?–?), very vaguely mentioned that “in the city itself up to 100 people were ill [with cholera], and only 7 of them died” [РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 16. Л. 12]. Thus, the government’s priorities on economic and land resources set the pattern for the department’s statistical surveys up to the early 1860s. While in Prussia, the bureaucratic machinery of registering deaths due to illness became an integral part of the Statistical bureau’s work at an early stage, in the Russian Empire, it was still limited to St Petersburg.

Haphazardness of bureaucratic workflow and the failure of medical and statistical counting

Why did the Russian Statistical Department not become a key center for accumulating and analyzing medicinal and statistical data? Why was the requirement for a mandatory and empire-wide registry of deaths by disease not in the optics of Russian officials from the very beginning, as it was in the work of the Prussian Statistical Bureau? Two lines of reasoning seem possible here. The first concerns the department’s lack of autonomy in terms of study scope. Alexander Balashov’s plan (1770–1837) for an independent statistical body with a director at its head was not supported by Alexander I [Елисеева, Дмитриев, с. 22–23]. Hermann and Arsenëv were constrained by the strict rulings of the MIA, which prioritized economic statistics and had remained largely unchanged since 1804 [Птуха, с. 220–221]. On the contrary, the Prussian Statistical Bureau gained greater institutional autonomy, which Hermann described as “...the right to demand from all government bodies any information that the director [deemed] necessary for the conduct of his affairs.” [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 168. Л. 24]. He wished Russia to follow the Prussian bureaucratic model in this respect, but this was not achieved.

The second is related to the origins of medical management in Russia. Since the disbandment of the Medical Collegium in 1804, the Medical Department had been “wandering” from one ministry to another until it “settled” in the MIA in 1829 [Вишленкова, с. 64]. Due to such scattered management, the quality of work between the center (ministries) and the periphery (the provincial Medical Boards) was severely affected. Starting

in 1800, the Medical Department instructed inspectors of the Medical Boards to compile yearly tables called “medical and physical lists” (*mediko-fizicheskiye vyedomosti*). These lists contained specific figures regarding the number of deaths and illnesses resulting from epidemics or endemics, categorized by sex and age. The tables were based on an exemplary one created by Jacob Fries (1749–1801), a German physician and inspector of the Vologda Medical Board [РГИА. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 2, 9].

However, the Medical Department immediately encountered resentment from local doctors, who did not fully understand how to complete the forms [Там же. Ф. 1299. Оп. 1. Д. 265. Л. 41]. Instead of exact figures, physicians wrote lengthy paragraphs in the columns and provided unclear descriptions of the local soil, air quality, hazards of endemic diseases, etc. Furthermore, there were various versions of these tables [Там же. Ф. 1294. Оп. 1SV (XLIX). Д. 36. Л. 6–8]. The structure and content of the tables were revised over several years (at least during the years 1806, 1808, and 1812), which created terminological confusion and hindered bureaucratic workflow between higher and lower officials [Гатина, с. 119, 120, 127]. In addition to the omnipresent shortage of medical personnel, there was simply no one to take on this task. In some regions, like Tver', this was due to the unfortunate circumstance of the operator falling ill and the new inspector arriving too late to take up the duty [РГИА. Ф. 1299. Оп. 1. Д. 265. Л. 64]. Over time, the Medical Boards failed to collect yearly tables as required by the MIA, in contrast to Prussia, where the bureau had been consistently gathering such tables from local administrations since 1816 [Там же. Оп. 13. Д. 1184. Л. 10].

The devastating aftermath of the cholera epidemic (1830–1831) highlighted the failure of the MIA in statistical accounting as a time-proven tool to localize the infection in its early spread. It forced the authorities to issue decrees of 1837 and 1839, which obliged the civil governors to submit weekly tables of the dead and sick from contagious and venereal diseases to the emperor [РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 607. Л. 2]. This measure, albeit belated, was borrowed from Hoffmann's circular (1831) on reporting figures for the dead and sick due to cholera in Prussia. The governorates enforced the requirement poorly, so an additional decree followed in 1842. Since the data in the governors' reports were often inaccurate, “and the simplest numerical entries... [were] shown indefinitely or even erroneously,” the Decree of October 14, 1842, obliged governors to submit annual reports according to an exemplary one provided by the MIA [ПСЗ-2, т. 7, № 16084a]. It consisted of 30 tables. For the first time, the “Table of unusual occurrences for some province” included the column “sudden deaths from morbid seizures” (*vnyezapniye smyertniye sluchai ot bolyeznyennikh pripadkov*), but it did not specify the kind of seizures it was referring to. The decree did not offer a full-fledged table with a breakdown by disease and sex, rendering this column useless for senior officials trying to deduce the total number of deaths or empire-wide mortality rates.

Until the mid-1850s, the Statistical Department and Medical Department of the MIA showed little interest in organizing, analyzing, and summarizing data on deaths from diseases. In 1856, the Medical Department published a comprehensive “Report on the State of Public Health in the Empire,” which provided summary tables of deaths by 80 diseases and morbidity rates of ill patients (per 1000 people) in 54 provinces. However, no publications were released from 1860 to 1875. It is also puzzling that the first such report was compiled in 1854 but remained unpublished [Отчет, с. 146]. Although the statistics on the diseased were provided by the Medical Boards from 1843 (according to the decree of 22 July 1842), the MIA did not start to publish them since 1844 [ИЦЗ-2, т. 17, № 15880]. The reason could be that the department had not yet developed a unified nomenclature of diseases. Inspectors of the Medical Boards prepared annual reports based on several nomenclatures in use, which caused the final numbers of the ill and deceased submitted to the MIA to be inaccurate. Processing the same information in different forms often slowed down inspectors’ work and, more importantly, affected the reliability of the data sent to higher authorities [РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 61. Л. 1, 47].

Nevertheless, for the first time, the report allowed medical officials to invent the “public health” (*obshchestvennoe zdravie*) of the heterogeneous empire. The statistics of deaths and morbidity immediately revealed “sick” or “healthy” areas. It allowed the officials to construct and, at the same time, link together absolutely diverse imperial spaces. Representing the empire through the geography of its diseases, the Director of the MIA Fyedor Otsolig (1798–1863) took broad strokes: “...In the southern strip (Kherson, Astrakhan, Bessarabia, etc. – R. M.) pertussis was stronger than in other places of the Empire,” but “catarrhal fever, with exceptional lesions of the respiratory tracts, occupied mainly the northern and eastern strips of the Empire (Moscow, Kazan, Tambov, etc. – R. M.)” [Отчет, с. 51, 55, 90, 96, 221]. A similar transformation occurred in the optics and discourse of Prussian officials, who, from the early 1840s, introduced the term “state of health” (*Gesundheitszustand*), which was connected to or defined by statistics of mortality (*Gesundheits- und Sterblichkeitsverhältnisse*). In other words, the statistics of causes of death by diseases became a barometer of public health in the kingdom. As for Russia, this cannot be claimed with certainty. While the Prussian physicians and bureau closely monitored the aforementioned MIA reports to assess the threat of impending epidemics from the “eastern neighbor,” the Russian authorities had only to find mechanisms for systematic statistical counting [Engel, 1879, p. 877; Niemeyer, p. 360].

* * *

Despite some historical and institutional continuity, the Russian Empire and the Kingdom of Prussia had their fundamental distinctions. By introducing a simplified nomenclature of diseases, Prussian bureaucrats succeeded in implementing an ideal mechanism of statistical counting

in terms of its accessibility and ability to cover the most population since deaths were registered not only by physicians but also by priests and local officials. Russian pattern lacked a unified nomenclature of diseases, but it was more accurate since deaths were registered by doctors. However, it reflected only hospital statistics, i.e., the ones bureaucrats wished to see, while most deaths remained out of sight.

Although Russian officials justifiably considered the Prussian statistical model superior to the others, it was still far from being perfect. As in all modernizing states of that time, statisticians carried out population counts erroneously or repeatedly. The Prussian local authorities, as Herzen aptly put it for Russia, similarly “looked upon [statistics]... as a useless luxury, as a caprice of the ministry” and filled out reports with reluctance or delay [Herzen, p. 179; Boeckh, 1861, p. 308]. Hermann and Arsenëv were aware of these flaws [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 168. Л. 9 об., 10]. However, they were rather breaches in the systematic approach of the bureau, which were corrected by the circulars of 1838 and 1859 [Engel, 1862c, p. 166–167]. An establishment in the Russian Empire of a statistical mechanism similar to the Prussian one, given its great distances, ethnical diversity, and, most importantly, the lack of a dense and evenly distributed network of local officials, physicians, and priests, could only be possible gradually and on a pilot basis.

Mandatory registration of death by a doctor was introduced in St Petersburg in 1867 and in Warsaw in 1881. In 1902, it was introduced in the cities of the Kingdom of Poland, and in other cities where the local authorities found it possible. In those towns and districts (*uyezds*) where this was impracticable, the MIA eventually introduced registration of deaths through local parishes. The provincial Medical Sections, which replaced the Medical Boards in 1865, prepared special forms for priests to enter the numbers of the deceased from one or another disease every month. This measure, first as a temporary and then as a permanent one, was adopted in 1890 for all the district dioceses, except for those in Siberia, Turkestan, Arkhangelsk, and a few other dioceses [РГИА. Ф. 1405. Оп. 532. Д. 607. Л. 2 об., 3]. The Medical Department raised the question of creating a unified nomenclature of diseases in 1896 only. After six years of discussions, it was adopted in two versions: the short one served as a single form of reporting for all governmental bodies of the empire, while the extended one was designed to clarify diseases not included in the first version [Там же. Ф. 733. Оп. 195. Д. 61]. Thus, it was only in the early twentieth century that Russia's system of medical statistical reporting was finally brought into line with the desired Prussian model, albeit with its peculiarities.

Библиографические ссылки

Арсеньев К. И. План занятий статистического отделения Совета Министерства внутренних дел. СПб. : [Б. и.], 1835. 37 с.

Арсеньев К. И. Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел: в 2. ч. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1839. Ч. 1. 690 с.

Варадинов Н. В. История Министерства внутренних дел: в 3 ч. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1862. Ч. 2, кн. 2. 604 с.

Вишленкова Е. А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (Россия, первая половина XIX века) // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 47–79. DOI 10.1353/imp.2011.0049.

Вишленкова Е. А., Затравкин С. Н. Медицинская статистика и карты // История медицины и медицинской географии в Российской империи : сб. ст. / под ред. Е. А. Вишленковой, А. Реннера. М. : Шико, 2021. С. 216–254.

Гатина З. С. Врачебная экспертиза в системе управления Российской империи первой половины XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2017. 240 с.

Елисеева И. И., Дмитриев А. Л. Очерки по истории государственной статистики России. СПб. : Росток, 2016. 288 с.

Журавский Д. П. Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев : Тип. Вальнера, 1846. 210 с.

Марковин А. П. Развитие медицинской географии в России. СПб. : Наука, 1993. 176 с.

Маркузон Ф. Д. Санитарная статистика в городах предреволюционной России // Очерки по истории статистики СССР : сб. ст. / под ред. М. В. Птуха. М. : Госстатиздат, 1955. С. 121–162.

Отчет о состоянии общественного здоровья и деятельности больниц гражданского ведомства в империи за 1857 год / сост. Ф. М. Отсолиг. СПб. : Тип. Б-ки мед. наук д-ра М. Хана, 1859. 358 с.

Очерки истории отечественной санитарной статистики / под ред. А. М. Меркова. М. : Медицина, 1966. 286 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 16; Собр. 2. Т. 7, 9, 17.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР: в 2 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 1. 239 с. Т. 2. 476 с.

РГИА. Ф. 733. Оп. 195. Д. 61; Ф. 1286. Оп. 2. Д. 168; Ф. 1290. Оп. 4. Д. 16; Ф. 1294. Оп. 1. Д. 2, 9; Оп. 1SV. Д. 36; Ф. 1299. Оп. 1. Д. 265; Оп. 13. Д. 1184; Ф. 1405. Оп. 532. Д. 607.

Смит-Петер С. Русская статистика первой половины XIX в. в общеевропейском контексте // Вопросы истории, естествознания и техники. 2005. № 4. С. 125–136.

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 816 с.

Boeckh R. Die Bearbeitung von Kreisstatistiken durch die königlichen Landräthe in Folge des Ministerialrescripts vom 11. April 1859 // *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. 1861. № 12. S. 307–320.

Boeckh R. Die geschichtliche Entwicklung der amtlichen Statistik des Preußischen Staates. Berlin : R. Decker, 1863. 105 S.

Engel E. Zur Geschichte des königlich preußischen statistischen Bureaus. Eine Erinnerungsfeier seiner Errichtung // *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. 1860. № 1. S. 3–8.

Engel E. Die Sterblichkeit und die Lebenserwartung im preußischen Staate und besonders in Berlin. I. Hauptabschnitt und II. Hauptabschnitt 1–3 // *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. 1861. № 13, 14, 15. S. 321–352.

Engel E. Die Sterblichkeit und die Lebenserwartung im preußischen Staate und besonders in Berlin. Fortsetzung. I. 4. Die Absterbeordnung und die Lebenserwartung. I. 5. Die Sterbefälle in der Zeit von 1816 bis 1860 nach den Todesursachen // *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. 1862a. № 3. S. 50–68.

Engel E. Die Sterblichkeit und die Lebenserwartung im preußischen Staate und besonders in Berlin, Schluss // *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. 1862b. № 10. S. 217–243.

Engel E. Über die neuesten Fortschritte in der Organisation der amtlichen Statistik in Preußen // *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. 1862c. № 7, 8. S. 161–176.

Engel E. Katalog der Bibliothek des Königlichen Statistischen Bureaus zu Berlin. Berlin : Verlag des Königlichen Statistischen Bureaus, 1879. Abt. 2. 732 S.

Espagne M. Sur les limites du comparatisme en histoire culturelle // *Genèses*. 17. 1994. Les objets et les choses, sous la direction de Francine Soubiran-Paillet. 1994. P. 112–121. DOI 10.3406/genes.1994.1266.

Foucault M. Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977–78. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. 464 p.

Fournier P. Épidémies et médicalisation des territoires ruraux (vers 1770 – vers 1830) // *Siècles*. 2009. Vol. 30. P. 61–83. DOI 10.4000/siecles.136.

Greenwood M. Medical Statistics from Graunt to Farr // *Biometrika*. 1942. Vol. 32, № 3/4. P. 203–225. DOI 10.2307/2332126.

Hacking I. How Should We do the History of Statistics? // *The Foucault Effect : Studies in Governmentality with Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault* / ed. by G. Burchell, C. Gordon, P. Miller. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1991. P. 181–196.

Herzen A. My Past and Thoughts: The Memoirs of Alexander Herzen / transl. by C. Garnett. Berkeley : Univ. of California Press, 1973. 684 p.

Holquist P. To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / ed. by T. Martin, R. Suny. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2001. P. 111–144.

Jepson W. E. Of Soil, Situation, and Salubrity: Medical Topography and Medical Officers in Early Nineteenth-Century British India // *Historical Geography*. 2004. Vol. 32. P. 137–155.

Krafft W. L. Essai sur les Tables des mariages, des naissances, O' des morts de la Ville de St Petersburg, dans le période de 17 ans, debuis 1764 jusqu'à 1780 // *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 1782. Pars Prior. P. 3–66.

Morrissey S. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 384 p.

Niemeyer P. Bericht über den Volksgesundheits-Zustand und die Wirksamkeit der Civil Hospitäler im russischen Kaiserreiche für das J. 1858 // *Jahrbücher der in-und ausländischen gesamten Medizin*. Bd. 109. 1861. № 3. S. 360–362.

Porter T. M. The Rise of Statistical Thinking 1820–1900. Princeton, N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1986. 360 p.

Review. General Principles of Medical Statistics, or a Development of the Rules Which Ought to Preside over the Use of Numbers in Medical Investigations // *The British and Foreign Medical Rev*. 1841. Vol. 12. № 23. P. 1–21.

Rosser Matthews J. Quantification and the Quest for Medical Certainty. Princeton, N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1995. 195 p.

Schlözer A. L. Von der Unschädlichkeit der Pocken in Rußland und von Rußlands Bevölkerung überhaupt. Göttingen : J. C. Dieterich, 1768. 152 S.

Schlözer A. L. August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. Göttingen : V&R, 1802. 308 S.

Smith-Peter S. Defining the Russian People: Konstantin Arsen'ev and Russian Statistics before 1861 // *History of Science*. 2007. Vol. 45, № 1. P. 47–64. DOI 10.1177/00732753070450010.

Stanziani A. European Statistics, Russian Numbers, and Social Dynamics, 1861–1914 // *Slavic Rev*. 2017. Vol. 76, № 1. P. 1–23. DOI 10.1017/slr.2017.3.

Teare S. W., Gino M. C. Wargentini, Pehr Wilhelm // *The Biographical Encyclopedia of Astronomers* / ed. by T. Hockey et al. N. Y. : Springer, 2007. P. 2292–2293. DOI 10.1007/978-0-387-30400-7_1446.

Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45, № 1. P. 30–50. DOI 10.1111/j.1468-2303.2006.00347.x.

Wolf S. Statistics and the Modern State // *Comparative Studies in Society and History*. 1989. Vol. 31, № 3. P. 588–604. DOI 10.1017/S0010417500016054.

References

- Arsen'ev, K. I. (1835). *Plan zanyatii statisticheskogo otdeleniya Soveta Ministerstva vnutrennikh del* [Plan of Studies of the Statistical Department of the Council of the Ministry of Internal Affairs]. St Petersburg, S. n. 37 p.
- Arsen'ev, K. I. (Eds.). (1839). *Materialy dlya statistiki Rossiiskoi imperii, izdavaemye s vysochaishego soizvoleniya pri Statisticheskome otdelenii Soveta Ministerstva vnutrennikh del v 2 ch.* [Materials for Statistics of the Russian Empire Published with the Highest Permission of the Statistical Division of the Council of the Ministry of Internal Affairs. 2 Parts]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Part 1. 690 p.
- Boeckh, R. (1861). Die Bearbeitung von Kreisstatistiken durch die königlichen Landräthe in Folge des Ministerialrescripts vom 11. April 1859. In *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. No. 12, S. 307–320.
- Boeckh, R. (1863). *Die geschichtliche Entwicklung der amtlichen Statistik des Preußischen Staates*. Berlin, R. Decker. 105 S.
- Eliseeva, I. I., Dmitriev, A. L. (2016). *Ocherki po istorii gosudarstvennoi statistiki Rossii* [Essays on the History of State Statistics of Russia]. St Petersburg, Rostok. 288 p.
- Engel, E. (1860). Zur Geschichte des königlich preußischen statistischen Bureaus. Eine Erinnerungsfeier seiner Errichtung. In *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. No. 1, S. 3–8.
- Engel, E. (1861). Die Sterblichkeit und die Lebenserwartung im preußischen Staate und besonders in Berlin. 1. Hauptabschnitt und II. Hauptabschnitt 1–3. In *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. No. 13, 14, 15, pp. 321–352.
- Engel, E. (1862a). Die Sterblichkeit und die Lebenserwartung im preußischen Staate und besonders in Berlin. Fortsetzung. I. 4. Die Absterbeordnung und die Lebenserwartung. I. 5. Die Sterbefälle in der Zeit von 1816 bis 1860 nach den Todesursachen. In *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. No. 3, S. 50–68.
- Engel, E. (1862b). Die Sterblichkeit und die Lebenserwartung im preußischen Staate und besonders in Berlin, Schluss. In *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. No. 10, S. 217–243.
- Engel, E. (1862c). Über die neuesten Fortschritte in der Organisation der amtlichen Statistik in Preußen. In *Zeitschrift des königlich preußischen statistischen Bureaus*. No. 7, 8. S. 161–176.
- Engel, E. (1879). *Katalog der Bibliothek des Königlichen Statistischen Bureaus zu Berlin*. Berlin, Verlag des Königlichen Statistischen Bureaus. Abt. 2. 732 S.
- Espagne, M. (1994). Sur les limites du comparatisme en histoire culturelle. In *Genèses*, 17, 1994. *Les objets et les choses, sous la direction de Francine Soubiran-Paillet*, pp. 112–121. DOI 10.3406/genes.1994.1266.
- Espagne, M. (2018). *Istoriya tsivilizatsii kak kul'turnyi transfer* [History of Civilizations as a Cultural Transfer]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 816 p.
- Foucault, M. (2009). *Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977–78*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 464 p.
- Fournier, P. (2009). Épidémies et médicalisation des territoires ruraux (vers 1770 – vers 1830). In *Siècles*. Vol. 30, pp. 61–83. DOI 10.4000/siecles.136.
- Gatina, Z. (2017). *Vrachebnaya ekspertiza v sisteme upravleniya Rossiiskoi imperii pervoi poloviny XIX veka* [Medical Expertise in the System of Government of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century]. Dis. ... kand. ist. nauk Moscow, S. n. 240 p.
- Greenwood, M. (1942). Medical Statistics from Graunt to Farr. In *Biometrika* Vol. 32. No. 3/4, pp. 203–225. DOI 10.2307/2332126.
- Hacking, I. (1991). How Should We Do the History of Statistics? In Burchell, G., Gordon, C., Miller, P. (Eds.). *The Foucault Effect: Studies in Governmentality with Two Lectures by and an Interview with Michel Foucault*. Chicago, Univ. of Chicago Press, pp. 181–196.
- Herzen, A. (1973). *My Past and Thoughts: The Memoirs of Alexander Herzen* / transl. by C. Garnett. Berkeley, Univ. of California Press. 684 p.
- Holquist, P. (2001). To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia. In Martin, T., Suny, R., (Eds.).

A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. N. Y., Oxford Univ. Press, pp. 111–144.

Jepson, W. E. (2004). Of Soil, Situation, and Salubrity: Medical Topography and Medical Officers in Early Nineteenth-Century British India. In *Historical Geography*. Vol. 32, pp. 137–155.

Krafft, W. L. (1782). Essai sur les Tables des mariages, des naissances, O' des morts de la Ville de St Petersburg, dans le période de 17 ans, debuis 1764 jusqu'à 1780. In *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, Pars Prior, pp. 3–66.

Markovin, A. P. (1993). *Razvitie meditsinskoï geografii v Rossii* [The Development of Medical Geography in Russia]. St Petersburg, Nauka. 176 p.

Markuzon, F. D. (1955). Sanitarnaya statistika v gorodakh predrevolyutsionnoi Rossii [Sanitary Statistics in the Cities of Prerevolutionary Russia]. In Ptukha, M. V. (Ed.). *Ocherki po istorii statistiki SSSR. Sbornik statei*. Moscow, Gosstatizdat, pp. 121–162.

Merkov, A. M. (Ed.). (1966). *Ocherki istorii otechestvennoi sanitarnoi statistiki* [Essays on the History of Russian Sanitary Statistics]. Moscow, Meditsina. 286 p.

Morrissey, S. (2007). *Suicide and the Body Politic in Imperial Russia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 384 p.

Niemeyer, P. (1861). Bericht über den Volksgesundheits-Zustand und die Wirksamkeit der Civil Hospitaler im russischen Kaiserreiche für das J. 1858. In *Jahrbücher der in-und ausländischen gesamen Medizin*. Bd. 109. No. 3, pp. 360–362.

Otsolig, F. M. (Ed.). (1859). *Otchet o sostoyanii obshchestvenogo zdравиya i deyatel'nosti bol'nits grazhdanskogo vedomstva v imperii za 1857 god* [Report about the State of Public Health and the Activities of Departmental Hospitals in the Empire for the Year 1857]. St Petersburg, Tipografiya Biblioteki meditsinskikh nauk doktora M. Khana. 358 p.

Porter, T. M. (1986). *The Rise of Statistical Thinking 1820–1900*. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press. 360 p.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 16; Coll. 2. Vol. 7, 9, 17.

Ptukha, M. V. (1959). *Ocherki po istorii statistiki v SSSR v 2 t.* [Essays on the History of Statistics in the USSR. 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 1. 239 p. Vol. 2. 476 p.

Review. General Principles of Medical Statistics, or a Development of the Rules Which Ought to Preside over the Use of Numbers in Medical Investigations. (1841). In *The British and Foreign Medical Review*. Vol. 12. No. 23, pp. 1–21.

RGLA [Russian State Historical Archive]. Stock 733. List 195. Dos. 61; Stock 1286. List 2. Dos. 168; Stock 1290. List 4. Dos. 16; Stock 1294. List 1. Dos. 2, 9; List 1SV. Dos. 36; Stock 1299. List 1. Dos. 265; List 13. Dos. 1184; Stock 1405. List 532. Dos. 607.

Rosser Matthews, J. (1995). *Quantification and the Quest for Medical Certainty*. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press. 195 p.

Schlözer, A. L. (1768). *Von der Unschädlichkeit der Pocken in Rußland und von Rußlands Bevölkerung überhaupt*. Göttingen, J. C. Dieterich. 152 S.

Schlözer, A. L. (1802). *August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben*. Göttingen, V&R. 308 S.

Smith-Peter, S. (2005). Russkaya statistika pervoi poloviny XIX v. v obshcheevropeiskom kontekste [Russian Statistics of the First Half of the 19th Century in the European Context]. In *Voprosy istorii, estestvoznaniya i tekhniki*. No. 4, pp. 125–136.

Smith-Peter, S. (2007). Defining the Russian People: Konstantin Arsen'ev and Russian Statistics before 1861. In *History of Science*. Vol. 45. No. 1, pp. 47–64. DOI 10.1177/00732753070450010.

Stanziani, A. (2017). European Statistics, Russian Numbers, and Social Dynamics, 1861–1914. In *Slavic Rev.* Vol. 76. No. 1, pp. 1–23. DOI 10.1017/slr.2017.3.

Teare, S. W., Gino, M. C. (2007). Wargentín, Pehr Wilhelm. In Hockey, T. et al. (Eds.). *The Biographical Encyclopedia of Astronomers*. N. Y., Springer, pp. 2292–2293. DOI 10.1007/978-0-387-30400-7_1446.

Varadinov, N. V. (1862). *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del v 3 ch.* [History of the Ministry of Internal Affairs. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. Vol. 2. Book 2. 604 p.

Vishlenkova, E. (2011). “Vypolnyaya vrachebnye obyazannosti, ya postig dukh narodnyi”: samosoznanie vracha kak prosvetitelya gosudarstva (Rossiya, Pervaya polovina XIX veka) [“In Carrying Out Medical Duties, I Understood the People’s Spirit”: Self-Awareness of a Physician as an Educator of the Russian State (First Half of the 19th Century)]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 47–79. DOI 10.1353/imp.2011.0049.

Vishlenkova, E. A., Zatravkin, S. N. (2021). Meditsinskaya statistika i karty [Medical Statistics and Maps]. In Vishlenkova, E. A., Renner, A. (Eds.). *Istoriya meditsiny i meditsinskoj geografii v Rossijskoj imperii*. Moscow, Shiko, pp. 216–254.

Werner, M., Zimmermann, B. (2006). Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity. In *History and Theory*. Vol. 45. No. 1, pp. 30–50. DOI 10.1111/j.1468–2303.2006.00347.x.

Woolf, S. (1989). Statistics and the Modern State. In *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 31. No. 3, pp. 588–604. DOI 10.1017/S0010417500016054.

Zhuravskii, D. P. (1846). *Ob istochnikakh i upotreblenii statisticheskikh svedenii* [On the Sources and Use of Statistical Data]. Kiev, Tipografiya Val’nera. 210 p.

The article was submitted on 30.11.2021

**Медицинская статистика в дореформенной России:
намерения, степень достоверности,
информативная ценность***

Елена Вишленкова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Сергей Затравкин

Национальный научно-исследовательский институт
общественного здоровья имени Н. А. Семашко;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**Medical Statistics in Pre-Reform Russia: Intentions, Degree
of Reliability, Informative Value****

Elena Vishlenkova

HSE University,
Moscow, Russia

Sergei Zatravkin

N. A. Semashko National Research Institute of Public Health,
HSE University,
Moscow, Russia

The authors explain the source peculiarity of medical statistics in Russia between the eighteenth and first half of the nineteenth centuries and identify the possibilities and limitations of its use for studying social history and the history of science. The features of the quantitative evidence at that time – them being fragmented, heterogeneous, and expressed in absolute numbers – prompted the authors to turn to the history of the organization of statistical studies in the Russian

* Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 19–48–04110) и Немецким научно-исследовательским сообществом (DFG).

** *Citation:* Vishlenkova, E., Zatravkin, S. (2023). Medical Statistics in Pre-Reform Russia: Intentions, Degree of Reliability, Informative Value. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 506–523. DOI 10.15826/qr.2023.2.802.

Цитирование: Vishlenkova E., Zatravkin S. Medical Statistics in Pre-Reform Russia: Intentions, Degree of Reliability, Informative Value // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 506–523. DOI 10.15826/qr.2023.2.802 / Вишленкова Е., Затравкин С. Медицинская статистика в дореформенной России: намерения, степень достоверности, информативная ценность // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 506–523. DOI 10.15826/qr.2023.2.802.

© Вишленкова Е., Затравкин С., 2023 *Quaestio Rossica* · Vol. 11 · 2023 · № 2, p. 506–523

Empire. The estimation of information value and the discursive nature of health and morbidity statistics were performed based on the analysis of administrative documents (*Polnoe Sobranie Zakonov* – Complete Collection of Laws, ministerial prescriptions), accounts of medical administrations, uyezd doctors, and medical professors (military-historical and historical archives of Astrakhan, Moscow, Riga, and Vilnius). Based on the presumption that target setting, i.e. the purpose of quantitative indicators, determined the organization of the collection and processing of the data on morbidity, and they, in turn, determined the content of statistical knowledge, the authors reveal the possibilities of the health statistics of the time in question. This approach makes it possible to determine what can and what cannot be judged based on statistical data on health, general and infectious diseases. The authors conclude that medical statistics of that time describe the pathogenicity of landscapes and the state of public healthcare, but not the state of the residents' health. Medical officials collected data on sick patients, distributed them by disease, and calculated how many lives each disease claimed. Although state doctors were not interested in healthy patients, the enlightened bureaucracy claimed that by doing so, the government was studying and preserving "public health." The digital indicators collected do not make it possible to scrutinize the citizens' health of the Russian Empire. But then the changes in the principles of collecting statistical data, their processing, and their use allow researchers to follow the process of the Russian state's modernization. The participation of doctors in the collection of data on morbidity has two long-term consequences – the formation of aggregated thinking, which included the concept of "public health", and the growing interest in the daily lives of Russians.

Keywords: history of sanitary statistics, Russian Empire, incidence, history of the Russian state

Рассмотрены особенности медицинской статистики в России первой половины XIX в., выявлены возможности и ограничения ее использования для изучения социальной истории и истории науки. Специфика количественных свидетельств того времени – их фрагментарность, неоднородность, выраженность в абсолютных числах – побудила авторов обратиться к истории организации статистических исследований в Российской империи. Выявление информационной ценности, дискурсивной природы статистики здравоохранения и заболеваемости осуществлено на основе анализа распорядительных документов (Полного собрания законов, предписаний министерств), отчетов врачебных управ, уездных лекарей и факультетских советов (на материале военно-исторических и исторических архивов Москвы, Астрахани, Вильнюса и Риги). Исходя из презумпции, что целеполагание количественных показателей определяло организацию сбора и обработки данных о заболеваемости, а те, в свою очередь, определяли содержание статистического знания, авторы показывают информационные возможности санитарной статистики изучаемого времени. Такой подход позволил определить, о чем можно и о чем невозможно судить на основе статистических данных здравоохранения, общей и инфекционной заболеваемости. Сделан вывод о том, что медицинская статистика того

времени описывает патогенность территорий и состояние государственного здравоохранения, а не здоровье жителей. Медицинские чиновники собирали данные о заболевших пациентах, распределяли их по болезням, считали количество жертв. И хотя здоровые люди государственных медиков не интересовали, просвещенная бюрократия утверждала, что тем самым правительство изучает и сохраняет «общественное здоровье» и «здоровье народонаселения». Цифровые показатели не позволяют судить о здоровье россиян. Однако изменения в принципах сбора статистических данных, их обработки и использования дают возможность проследить процесс модернизации Российского государства. Участие в сборе данных о заболеваемости медицинских чиновников привело к двум долгосрочным последствиям – формированию у них агрегированного мышления, частью которого стало понятие «общественное здоровье», и интересу к повседневной жизни россиян.

Ключевые слова: история санитарной статистики, Российская империя, учет заболеваемости, история Российского государства

Рассматривая статистические таблицы здравоохранения, заболеваемости и смертности в дореформенной России, можно легко предположить, что эти ровные столбики цифр показывали современникам очищенную от эмоциональной составляющей картину их жизни и тем самым позволяли направлять ресурсы на решение проблем. Но, вероятнее всего, в первой половине XIX в. люди видели в этих цифрах нечто иное.

Работающие с санитарной статистикой историки здравоохранения [Новосельский; Васильев, Сегал; Очерки истории отечественной санитарной статистики; Здравоохранение России] этими вопросами не задаются. Считая статистику частью бюрократического и научного знания, абсолютно необходимого для описания состояния населения, представители медицинской профессии используют цифровые данные как объективные свидетельства, не требующие «распаковки». Вера в беспристрастность и даже объективность цифр позволяет им выстраивать прошлое санитарной статистики как историю изобретений в области технологий учета и совершенствования методик ведения количественных показателей [Огрызко, с. 8].

Социальные историки России и исследователи культуры медицинскую статистику дореформенной поры не любят и крайне редко обращаются к ее свидетельствам. Больше они доверяют статистическим данным второй половины века, верифицированным земскими деятелями, и показателям, сгенерализованным авторитетными учеными-статистиками. В результате такого отношения огромный массив эмпирических данных – итог статистической работы имперских чиновников XVIII – первой половины XIX века – не используется. Редким исключением предстает архивоведческая публикация М. А. Марковой, посвященная отчетам по прививкам и заболеваниям оспой [Маркова],

1. Врачи Н. И. Тезяков и Е. Н. Николаев на фоне санитарных карт. Начало XX в. Фото из дис. Х. И. Идельчик «Н. И. Тезяков (1859–1925 гг.). Его роль в развитии земской медицины и строительстве советского здравоохранения». М., 1955

Doctors N. I. Tezyakov and E. N. Nikolaev against the background of sanitary maps. Early 20th century. Foto from PhD Diss.: Idelchik, Kh. I. (1955). N. I. Tezyakov (1859–1925). His role in the development of zemstvo medicine and the construction of Soviet healthcare.

что позволило нам не анализировать довольно специфическую статистику оспенных эпидемий и прививочных компаний.

На основе распорядительных документов об организации сбора данных о потребностях, нагрузке и эффективности здравоохранения, сообщений врачебных управ, военных госпиталей и статистических комитетов о трудностях составления сводных таблиц из полученного материала и, наконец, с учетом исследований, в которых проанализированы цифровые данные, мы выяснили информационную ценность и дискурсивный характер статистических свидетельств дореформенной России. При этом мы переформулировали вопросы, которые исследователи традиционно задавали статистическим таблицам. Нас интересовало, для чего людям XVIII – первой половины XIX в. понадобился учет заболеваемости? Что они видели в колонках цифр – масштаб человеческих жертв, уносимых теми или иными болезнями, предрасположенность к болезням разных социальных слоев и жителей определенных мест или бюрократическую реальность, то есть отчеты ведомств о служебном рвении? Мы хотели понять, *почему* стали считать определенные медицинские объекты? *Как* это делалось? *Как* использовались эти сведения?

Такое вопрошание побуждает к решению следующих задач:

- Исследовать, как в изучаемое время менялся статус медицинской статистики в бюрократической культуре Российской империи.
- Выявить практики инвентаризации имеющихся ресурсов здравоохранения.
- Описать способы мониторинга эпидемического состояния территорий.
- Проанализировать приемы генерализации и практического использования численной информации.

Административный статус медицинской статистики

Что и для чего надо инвентаризировать – не было самоочевидным для государственных чиновников разных стран в XVIII–XIX вв. Создавая статистические службы, правительства руководствовались разными приоритетами: желанием рационально использовать природные и человеческие ресурсы для обретения благоденствия (Англия и Пруссия) [Stigler], доказать величие (Америка) [Cassedy], показать нацию (Франция) [Willford], улучшить государственное управление (все) [Desrosières; Porter]. В Российской империи потребность в статистических данных обосновывалась трудностями руководства огромной страной «вслепую», стремлением к улучшению системы налогообложения и намерением доказать всему миру, что это благополучная страна [Птуха]. В 1802 г. глава вновь созданного Министерства внутренних дел В. П. Кочубей заявил подчиненным о необходимости оценить ресурсы управляемой им страны и предписал губернаторам ежегодно присылать в Петербург сведения о численности россиян, их податях, объемах урожая и сельских запасных магазинов, количестве фабрик, городских доходах и публичных зданиях. И поскольку медицина была включена в полномочия этого же министерства, в 1804 г. из его канцелярии в губернские правления были разосланы таблицы для статистического описания губерний в медицинском отношении [LVIA. F. 1005. Ap. 1. B. 182. P. 1].

По замыслу Кочубея и его помощников (главным из которых был М. М. Сперанский), местные администрации должны были стать местами сбора количественной информации, а в Петербурге предстояло создать аналитические центры для ее генерализации. Для обработки собираемых с мест данных при Департаменте внутренних дел было учреждено «Общество дворян» (1803) [Ibid. P. 3]. Его членам предстояло изготовить сводные таблицы о состоянии Российской империи.

Первое поколение служащих в обновленных губернских правлениях довольно плохо справлялось со сбором статистических данных. Да и штатный состав самого министерства был тогда малочисленным и малоквалифицированным в делопроизводстве [Вишленкова, Ильина]. Губернские присутственные места плохо обеспечивали министерство первичной информацией, а десять членов Общества дворян не справлялись с задачей обобщения поступавших из губерний таблиц и материалов.

Сменивший в 1808 г. Кочубея А. Б. Куракин был возмущен тем, что в Медицинской экспедиции все еще нет данных о числе врачей, лечебных учреждений и о прошедших лечение пациентах. Испытавшие гнев начальника министерские чиновники стали срочно рассылать во врачебные управы ведомости, в которые инспектора-медики должны были вписать необходимые данные. Долгое время по этим ведомостям в министерство поступала нерегулярная и разрозненная информация.

Восполнить недостаток числовых данных для государственных ведомств, в том числе медицинского, должны были созданные в середине 1830-х гг. статистическое отделение при МВД и статистические комитеты при губернаторских правлениях. И они сделали это. Только после того как был удовлетворен информационный голод, чиновники заговорили о качестве, то есть о точности получаемых сведений [LVIA. F. 388. Ap. 1. B. 1. P. 3]. Чтобы обрести четкое видение, придумывались способы проверки и перекрестной перепроверки предоставляемых снизу цифр. Но и тогда «правильное» изображение оказывалось мечтой. Когда таблицы, изготовленные в статистических комитетах, перепроверяли местные казенные палаты, они неизменно обнаруживали группы жителей, которых учли дважды и трижды, а также многочисленные лакуны. Чаще всего это происходило от нескоординированной работы разных губернских ведомств, использования разных методик подсчета или от желания служащих сэкономить на усилиях. Чтобы не быть пойманными на придуманных цифрах, губернские чиновники научились договариваться друг с другом об одинаковой информации [Ibid. B. 4. P. 23–32].

Историк статистики Т. Портер уверял, что в первой половине XIX в. во всех странах в статистике были заинтересованы прежде всего реформаторы и бюрократы. Исполнители же видели в этой работе очередную прихоть начальства и обременение для себя. Заинтересованность заказчиков настраивала оптический прибор, или «политический термометр» (термин российского статистика XVIII в. Л. Ю. Крафта), определенным образом. Бюрократы аргументировали цифрами собственную эффективность, демонстрировали прогресс или регресс, за которые (или с которыми) боролась управляющая власть [Porter].

Практики инвентаризации здравоохранения

Чтобы правильно оценивать службу медицинских чиновников, Госпитальный регламент 1735 г. (гл. 3) предписал врачам вести палатные книги. В них следовало вписывать имена больных, указывать время их поступления и выздоровления или смерти, описывать заболевания, сделанные назначения и проведенные манипуляции [РГВИА. Ф. 879. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–26 об.].

Иной смысл был у «скорбных билетов» или «листов», которые висели на спинках больничных кроватей. Их изобрели не канцеляристы, а лекари московского госпиталя в начале XIX в. На прикроватных листах

2. Скорбные листы на спинках больничных кроватей. Начало XX в. Фото с сайта Московской областной больницы им. В. Н. Розанова.
URL: <https://prbmo.ru/history-hospital>

Mournful lists on the backs of hospital beds. Early 20th century. Website of V. N. Rozanov Moscow Regional Hospital. URL: <https://prbmo.ru/history-hospital>

они фиксировали ту же информацию, что и в палатных книгах, только она рассказывала не о враче и не о лечебном учреждении, а о пациенте. «Скорбный лист» позволял следить за изменениями в его состоянии, реакциями на лечение и в случае необходимости передавался вместе с больным в другую палату или иной госпиталь. Узнавший об этом изобретении главный медицинский инспектор армии Я. В. Виллие в 1806 г. распространил данную практику на все военные госпитали, разослав им печатные формы [РГВИА. Ф. 879. Оп. 1. Д. 2. Л. 53].

Введение универсального формуляра для госпитальной информации было призвано систематизировать учет пациентов. Полученная благодаря ему статистика могла стать аргументом для обретения дополнительных ресурсов. Однако добиться этого не удалось. Медицинский департамент либо получал от госпитальных врачей приблизительные цифры, либо не получал их вовсе. Спустя два года после повсеместного введения в госпиталях «скорбных листов» советник военного министра и заместитель Виллие Ф. Рускони опять повторял призыв присылать в министерство «верные таблицы» [Там же. Д. 15. Л. 2].

Госпитальная и больничная статистика того времени могла предоставить бюрократам только размытое видение размеров и лагун медицинского ведомства, и по ней вряд ли удавалось судить о его возможностях и радении. Поэтому медико-хирурги получили от начальства новую строгую инструкцию и новый формуляр для заполне-

ния числовыми показателями, а также поручение дополнять таблицы вербальными характеристиками поведения пациентов, устройства временных госпиталей, действий медиков по предупреждению болезней, состояния аптек и инструментов.

И вновь Медицинская экспедиция военного ведомства получила от дивизионных докторов уверения, что собрать запрашиваемую информацию невозможно. Препятствия указывались инфраструктурные: отсутствие шнуровых книг, недостаток медиков, удаленность мест службы, нерадение подчиненных лекарей, плохая работа почты. Видимо, даже военную медицину тогда не удавалось сделать вертикально организованной системой. Она все время норовила функционировать как слабо связанная сумма лечебных учреждений.

В этом Виллие убедился еще раз, когда в 1829 г. задумал сравнить российские данные о летальности в военных госпиталях с европейскими цифрами. Амбициозный сановник хотел тем самым убедить Николая I в преимуществах российской медицины (то есть в собственных заслугах перед Отечеством) [РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 662. Л. 2–2 об.]. Но поскольку сведения от госпиталей получить вновь не смогли, составить такую таблицу не удалось.

Состояние гражданской медицины описывалось посредством так называемых «объездных журналов». МВД требовало от своих подчиненных, чтобы инспекторы врачебных управ ежегодно проводили ревизии губернских больниц и проверяли службу уездных врачей [РГИА. Ф. 1299. Оп. 1. Д. 1181. Л. 16]. Сначала объездные журналы составлялись в произвольной форме, но в 1826 г. содержание этих текстов было унифицировано специальной инструкцией [Там же. Оп. 13. Д. 1184. Л. 3–4]. Инспектору предстояло выяснить, как именно лекарь лечит, держит ли он больницу в чистоте, занимается ли оспопрививанием, контролирует ли аптеки и работу повивальных бабок, читает ли новейшую медицинскую литературу. Судя по регулярно рассылавшимся в губернии запросам и обвинениям МВД, столичные чиновники не получали данные тексты регулярно и были недовольны содержанием присылаемых отчетов. В рукописях редко встречались цифры, а расказы с описанием радения лекарей в таблицу не укладывались [LVIA. F. 564. Ap. 1. B. 105. P. 1–1 rev. side].

С этими текстами работали чиновники медицинской экспедиции. Во всяком случае, на полях некоторых рукописей есть их карандашные пометы о сделанных после прочтения распоряжениях. Например, на их основе генерал-штаб-доктор делал запросы в департамент исполнительной полиции Министерства полиции (1811–1819), принуждая военных и гражданских губернаторов помогать местным врачебным управам и больницам [РГИА. Ф. 1299. Оп. 1. Д. 1181. Л. 221–221 об.].

В 1830-е гг. разработку системы медицинской статистики подстегнула эпидемия холеры. Беда выявила неспособность государства противостоять инфекции, а использование архаичных карантинных

мер (запирание больных в их домах, ограничение выезда за пределы пораженной эпидемией территории) вызвало взрыв социального возмущения [Ермоленко, с. 36]. В ходе разбора причин холерных бунтов выяснилось, что губернские администрации не обладают ни статистическими, ни географическими, ни медицинскими знаниями для противостояния хаосу и принятия эффективных управленческих решений. Очевидно, эти проблемы побудили правительство провести бюрократическую модернизацию здравоохранения, которая сопровождалась эскалацией донесений, обследований, отчетов, ведомостей, изготовлением которых были заняты так называемые «просвещенные чиновники». Все они оказывались звеньями единой цепи, частью единого механизма делопроизводства и самоописания. Сбои при сборе информации и доставке данных грозили разрывом всей цепочки взаимодействия. Тем не менее, такие сбои и разрывы происходили регулярно: врачебные управы постоянно получали нарекания от столичного начальства за то, что не прислали запрашиваемые цифры или прислали с большим опозданием [LVIA. F. 388. Ap. 1. B. 4. P. 27]. Так что для создания ежегодных сводных ведомостей сведений все время не хватало.

Министерские чиновники всегда были недовольны работой уездных врачей, которых представляли элементами исследовательской сети. Сбоями в их работе они объясняли административные неудачи. В 1842 г. члены Медицинского совета уверяли, что из-за того, что врачебные управы присылают им неверную статистику, министерство дезориентировано и принимает неэффективные решения [РГИА. Ф. 1294. Оп. 10. Вн. оп. 3. Д. 47. Л. 381]. И хотя столичные чиновники делали виноватыми подчиненных, реально информационные искажения создавались инфраструктурными причинами: перегруженностью гражданских врачей должностными обязанностями, неравномерным их распределением по ведомствам и территории Российской империи.

Несмотря на критику, инвентаризация империи снабдила ее управленцев более четкой оптикой. Пусть они не были точными, но таблицы цифровых данных позволили правительству увидеть дефицитные места в системе здравоохранения. Темные места в статистике или ее отсутствие (зоны невидимости) побудили правительство направить туда ресурсы (например, назначить врачей во врачебную управу или создать больницу). В конце концов анализ статистики здравоохранения подтолкнул МВД приступить к расчету потребности империи в медицинских чиновниках. Раньше они строились из соотношения «врач – административная единица», то есть один медик на уезд или полк. Генерал-штаб-доктор С. Ф. Гаевский предложил пересмотреть нормы и установить их исходя из соотношения «врач – пациент», то есть по количеству жителей [Там же. Ф. 1299. Оп. 17. Д. 125. Л. 2]. Именно такие критерии используются в системе здравоохранения сейчас.

Историки медицины отмечают, что в 1830-е гг. происходили активная профессионализация медицинского сообщества Россий-

ской империи и рост его государственного статуса [Becker]. В начале 1840-х гг. была расширена власть Медицинского совета МВД, выросло жалование уездных врачей, увеличилось число штатных мест для медицинских чиновников, был выделен дополнительный бюджет для содержания больниц и госпиталей, расширено число аптек, изменились программы медицинского обучения [Сточик, Пальцев, Затравкин]. Все эти меры были обоснованы ссылками на статистику и сделали российскую систему здравоохранения более когерентной [Sambuk].

Практики санитарного мониторинга территорий

Иначе, нежели инвентаризация здравоохранения, осуществлявшаяся в Российской империи мониторинг заболеваний, для иных целей использовались эмпирические данные о нем. Повальные болезни считались пороками территорий, а не людей. Соответственно, борьбу с эпидемиями вели не отдельные врачи, больницы или врачебные управы, а всё государство силами армии, флота и бюрократического аппарата. Для их скоординированных усилий нужны были информация и алгоритмы действий.

В постановлениях о губернской реформе 1775 г. контроль над эпидемическими болезнями в уездах был поручен земским исправникам. Они объезжали селения и, узнав о случаях заболеваний, должны были приехать туда с доктором, священником и двумя свидетелями, чтобы вместе с ними определить характер болезни. В силу дефицита медиков такой команде приходилось руководствоваться официально признанной номенклатурой или инструкцией для распознавания недугов. Если члены экспедиции решали, что по внешним признакам (из Медицинской экспедиции им присылали либо картинки, либо вербальное описание) и проявлениям это «повальная» болезнь, то исправник должен был сообщить об этом в Губернское правление, главнокомандующему или правителю. От него требовалось предупредить высшее начальство об угрозе государству и послать по бюрократической вертикали «ясное докторское или лекарское описание как болезни, так и [то,] где, кому и отчего она приключилась» [Учреждения, с. 253]. Поскольку в XVIII в. правительство не разработало форму «упаковки» этих сведений, оно получало их в виде хаотичных описаний или вольно изложенных рассказов больных и их родственников.

«Санитарная статистика, зародившаяся в России в этот период [XVIII век], – оптимистично уверяли советские историки, – была необходима врачам в борьбе за народное здоровье» [Птуха, с. 7]. Однако вряд ли исправник нуждался в цифрах и делал отчеты для спасения жителей. Имперских чиновников интересовала степень пораженности территории, то есть географическая распространенность заболеваемости. Поэтому в отчетах указаны географические наименования, но редко – количественные данные. Эти сведения пересылались из губернских правлений в Медицинский совет МВД для

принятия решения о том, объявить карантин на данной территории или еще подождать¹.

После пандемии холеры правительство стало строже относиться к сбору данных о заразных болезнях. В 1832 г. был издан Устав медицинской полиции, согласно которому таковыми болезнями признавались горячка с пятнами, оспа, корь, скарлатина, коклюш, злокачественная жаба, тиф с пятнами, азиатская холера, родильная горячка, «любострастная болезнь» [Об особенных мерах, стб. 381]. Правила установили алгоритм взаимодействия чиновников с заболевшими жителями, создали систему оповещения.

В последующие годы эта система конкретизировалась и к середине века обрела вид восходящей коммуникации. Каждый владелец сельского дома в государственных деревнях должен был сообщать о здоровье своих домочадцев сельскому старосте [Сельский полицейский устав, с. 287]. Он передавал информацию волостному старшине. Владельцы, смотрители или управляющие городских домов сообщали о больных квартирантах нижним полицейским чинам, а те – становому приставу. Эти сведения были произвольными, они могли содержать количественные данные, а могли быть и без них. Полученную информацию волостной старшина и пристав направляли уездному или земскому исправнику. Тот брал с собой уездного врача (при его отсутствии призывал вольнопрактикующего) и отправлялся в зараженное место, чтобы при местном священнике допросить больных, их домочадцев и соседей [Наказ, с. 489]. Им предстояло выяснить характер заболевания, степень угрозы распространения, его источник и причины, численность умерших и выздоровевших, дать рекомендации для Губернского правления.

В течение эпидемии врачебные управы еженедельно направляли в Медицинский совет МВД сообщения о состоянии территорий и селений, а после спада смертоносной волны они должны были составить отчет, содержащий сводную статистику за весь период, описание примененных способов лечения, оценку их эффективности. Этот текст рассматривался как некое бюрократическое знание для будущего [Статистические сведения].

Кажется, сами врачебные управы рассматривали эту работу как навязанный им канцелярский труд, не имеющий отношения к спасению пациентов, и как тяжелое дополнение ко всем их многочисленным служебным обязательствам. Губернские медики считали, что составлять таблицы и тяжело, и затратно по времени, и вообще бесполезно. От уездных врачей они получали, как правило, едва сопоставимый эмпирический материал. Часть лекарей не выполняли поручения, а часть – выполняли, не понимая смысла задания: например, заполняли таблицы, распределяя пациентов по установленным госу-

¹ Отчеты губернских комиссий хранятся в архиве Медицинского совета РГАИ (Москва).

дарством социальным группам (арестанты, нижние воинские чины, инвалиды) [LVIA. F. 564. Ар. 1. В. 20. Р. 80–81], или присылали таблицы с разделением пациентов на «домашних» и «больничных» [Ibid. P. 75]. Поступавшие с мест данные были фрагментарны еще и потому, что жители не спешили сообщать врачам о своих страданиях. Так, члены Астраханской врачебной управы жаловались, что деревенские обыватели скрывают от них случаи заражения и больных [ИААО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 76. Л. 38 об.] В том, что сами врачебные управы не видели в составлении таблиц реальной пользы для здравоохранения, убеждает практика их сохранения. Например, когда в 1835 г. виленский губернатор запросил у местной управы статистику заразных болезней, медики не смогли ее предоставить, хотя совсем недавно готовили такие таблицы [LVIA. F. 564. Ар. 1. В. 58. Р. 13].

Историки медицины считают, что рождение официальной статистики инфекционных заболеваний в России произошло в 1842 г. [Васильев, Сегал, с. 216]. Вышедший тогда сенатский указ подтвердил обязанность врачей делать ежемесячные ведомости пациентов и под угрозой наказания сообщать в управы и медицинскую контору о случаях «повально-заразительных болезней». Ничего нового в этом не было. Воспроизведение в законах призыва к одной и той же практике чаще всего свидетельствует о том, что политическая воля была, а административных и инфраструктурных ресурсов для ее реализации не хватало. Наверное, поэтому столичные бюрократы решили изменить траекторию агрегации данных. Указ провозгласил, что теперь не губернские или столичные канцеляристы, а медицинские чиновники в губерниях должны собирать цифровые данные и проводить их первичную обработку [О доставлении, с. 786]. В конце года члены Врачебной управы должны были делать на основе ежемесячных ведомостей сводные таблицы с объяснениями и комментариями. Медицинский департамент МВД надеялся получать не эмпирический материал со всей страны, а генерализованные таблицы от губерний. Министерским чиновникам оставалось бы их только суммировать.

Указ 1842 г. уверял, что цель этого коллективного труда – выявить «число больных по всей империи, ищущих врачебного пособия» [О доставлении, с. 786]. Трудно предположить, что полученные знания могли облегчить страждущим доступ к медицинской помощи. Вероятно, речь шла о загруженности медицинского ведомства, расчете штатов медицинских чиновников и необходимых казенных затрат. В данном отношении это опять же было знание для государственного саморегулирования. А вот когда в период гласности, то есть с 1856 г., МВД стало публиковать созданные на этой основе ведомости заболеваемости, доступность закамouflировала их изначальное бюрократическое назначение. Публикация сделала их открытыми источниками знания о Российской империи, породила восприятие санитарной статистики как зеркала эпидемического статуса территорий.

Генерализация эмпирических данных

Способы генерализации статистических данных столь же сильно влияли на выводы или конечную проекцию реальности, как и методы сбора эмпирических данных. Желание использовать точное знание для практических целей у российских медиков было, но долгое время не существовало технологий его производства. Законы нормального распределения, вероятностей, регрессии, больших чисел, детерминизма и «статистический закон» А. Кетле вошли в научный обиход только к середине XIX в. [Hacking]. До этого времени российская статистика заболеваемости представлена в административных отчетах в абсолютных цифрах и текстовых комментариях. Из собранных цифр врачебные управы и больницы не выводили количественные показатели, коэффициенты и проценты. Чаще всего цифровые и нарративные сообщения провинциальных врачей были синонимичными по смыслу.

Ранние примеры анализа статистики заболеваемости можно обнаружить в трудах отдельных медиков-исследователей XVIII – начала XIX в. Более широко статистика вошла в тексты врачей в 1820–1830-е гг. Поскольку тогда правительство обязало медицинских чиновников делать медико-топографические описания, уездные лекари собирали статистику заболеваемости и включали цифры в рукописи диссертаций на звание штаб-лекаря [Вишленкова, Гатина]. Госпитальную и больничную статистику анализировали члены работавших в Риге, Петербурге и Вильно врачебных обществ и медицинских факультетов в Москве, Дерпте, Вильно, Казани и Харькове [Яковенко, Вишленкова, Лисицына] (ил. на цв. вклейке). Но и там это воспринималось как сугубо профессиональное знание, важное для защиты пациентов от болезней.

Выход этого знания за границы врачебной профессии и обретение им статуса бюрократической информации произошли в 1830-е гг. в результате применения к обработке эмпирических данных математических методов генерализации, агрегации и выведения показателей. После завершения холерной пандемии многолетний генерал-губернатор Москвы С. Ф. Голицын поручил В. П. Андросову – профессиональному статистику, состоявшему при нем чиновником особых поручений, – показать дефициты московской жизни. Так в 1832 г. появилась «Статистическая записка о Москве», которая получила широкий резонанс в России и за рубежом [Андросов].

Работа Андросова основана на абсолютных цифрах, но в ней, кроме статистических данных по экономике и культуре, приведены демографические показатели и показатели здоровья. Автор увязал показатели средней продолжительности жизни с качеством здравоохранения и социальной политикой [Там же, с. 72]. В книге есть больничная статистика. По каждой больнице указано число пациентов, они разделены по полу, приведены данные смертности. Качество больничной помощи Андросов предлагал определять соотношением числа выздоровевших к числу кроватей.

После успеха издания, продемонстрировавшего прогрессивность московских властей, император захотел получить подобные знания о столице империи [РГВИА. Ф. 879. Оп. 2. Д. 670. Л. 3]. В 1836 г. вышла в свет книга «Статистические сведения о Петербурге» [Статистические сведения]. В ней аккумулированы результаты предшествующих демографических исследований Российской империи, а к медицинской статистике применены новейшие методы обработки больших чисел о здоровье населения. Анонимные авторы исследования рассчитали интенсивные показатели (например, на сколько жителей приходится один умерший или заболевший), составили таблицы частоты браков и рождений, вычислили среднее число рождений на один брак, показали демографические проблемы Петербурга через динамические ряды (распределение родившихся и умерших по полу, подданству, сословиям), проанализировали географию столичного здравоохранения и представили показатели заболеваемости в городе.

Книга повествует не о территориальных проблемах – так называемой медицинской топографии и медицинской культуре жителей, а о «санитарном состоянии населения» за последние 50 лет. Цифры сопоставлены посредством показателей наглядности, а данные о заболеваемости распределены по сезонам. Исследовательская команда сделала даже «таблицы дожития» (таблицы смертности), отражавшие изменение интенсивности смертности с возрастом. В разделе «О болезнях» приведены количественные данные о «господствующих» заболеваниях петербуржцев и причинах их возникновения. Одно из приложений «О влиянии времен года на силу болезней в С.-Петербурге» дает образец санитарной статистики того времени, анализа заболеваемости не из опыта наблюдений лечащего врача за пациентами, а исходя из статистического и математического анализа числа заболеваний, их продолжительности, распределения по сезонам и смертности от них. Все вычисления сделаны на отчетах 50 больниц [Статистические сведения, с. 266].

Неизвестно, кто конкретно проводил расчеты и исследования. В это время в МВД наряду с медицинским департаментом действовало статистическое отделение под руководством академика К. И. Арсеньева. Возможно, он и его подчиненные принимали участие в данном проекте. В любом случае медико-статистический анализ Петербурга хоть и был локальным исследовательским кейсом, но он установил научную планку для экспертного анализа российских городов и показал возможности статистических исследований как инструмента административного видения и точного управления. Кроме того, статистики сконструировали новые политические объекты – «народное здоровье» или «общественное здравие», а также «народонаселение Российской империи» [Рафалович; Соболевский]. Обобщенные цифровые параметры вряд ли были нужны лечащему врачу, но они были удобны для бюрократов, в том числе медицинских. Эта абстракция позволяла антропологизировать политическое воображение, побуждала представлять народ как некое тело, здоровьем которого занято государство.

Итак, изучение целеполагания и организационных условий сбора данных о численности заболеваемости и состоянии здравоохранения позволяет понять особенности производства статистических описаний Российской империи. Специфика статистического мониторинга того времени состояла в его административном назначении – он проводился силами государства, служил государственным интересам и был упакован в цифры – язык бюрократических коммуникаций. В управлении населением бюрократы хотели опираться на рациональные причины излишней убыли подданных и стремились нивелировать влияние «слепого случая».

Коллективная работа государственных (в том числе медицинских) чиновников по сбору данных о пациентах и заболеваниях, похоже, породила в них надежду на возможность управлять неуправляемым: раз вспышки эпидемий можно наблюдать, считать, сравнить, то их, скорее всего, можно предотвращать или останавливать. Не только правительственные и министерские чиновники мечтали посредством расчетов создать защиту от смертоносных нападений. Медики-исследователи также надеялись рассчитать эпидемические конституции, определить корреляцию между почвенными, климатическими факторами, предрасположенностью людей и самими болезнями, то есть научиться предсказывать катастрофы. Эти мечты побуждали правительства тратить средства (а исследователей – силы и время) на постоянный мониторинг здравоохранения и болезней.

Утверждение практики статистических исследований и развитие статистического мышления имели долгосрочные последствия для социального воображения россиян. Способы сбора эмпирических данных для медицинской статистики способствовали развитию у медицинских чиновников своеобразной микрооптики. Каждое сообщение о вспышке повальной болезни бросало уездных врачей, сельских священников и земских исправников в пораженные места, заставляло встречаться с сельскими жителями, входить в их дома и изучать быт, общаться с родственниками и соседями заболевших. Эти практики открыли им пространства, ранее скрытые от государственного надзора. По всей видимости, участие в исследованиях укрепило представления врачей о себе как о знатоках сельской России, социального мира соотечественников, способствовало формированию их гражданской ответственности. В этом отношении сбор медицинской статистики для государства подготовил почву для появления земской медицины и статистики с социал-гигиенической ориентацией [Вишленкова].

Практики генерации и агрегирования эмпирических данных стимулировали развитие макрооптики – осмысление жителей России как представителей определенных групп, объединенных параметрами обшета, абстрагирование от недугов конкретных жителей и переход к аналитическим категориям «здоровье народонаселения», «общественное здравие». Впоследствии эти категории вошли в интересы и заботы современного государства, а следовательно, в ответственность

чиновников. После этого они могли использоваться для оценки состояния государства и эффективности социальной политики.

Библиографические ссылки

Андросов В. П. Статистическая записка о Москве. М. : Тип. С. Селивановского, 1832. 185 с.

Васильев К. Г., Сегал Л. Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М. : Гос. изд-во мед. лит., 1960. 398 с.

Вишленкова Е. А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 47–82.

Вишленкова Е. А., Гатина З. С. «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // *Рос. история*. 2015. № 3. С. 154–169.

Вишленкова Е. А., Ильина К. А. Наука управлять: господство через знание и реформа управления российским образованием в первой половине XIX века // *Ab Imperio*. 2017. № 4. С. 65–107.

Ермоленко С. «Cholera-morbus» в Москве как литературная ситуация // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774.

Здравоохранение России. XX век / под ред. Ю. Л. Шевченко, В. И. Покровского, О. П. Щепина. М. : ГЭОТАР-Мед, 2001. 204 с.

ИААО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 76.

Маркова М. А. Оспопрививание в России в первой четверти XIX века по документам Санкт-Петербургской и Московской губерний // *Вестн. архивиста*. 2019. № 4. С. 1217–1227. DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1217-1227.

Наказ чинам и служителям земской полиции, 3 июня 1837 года // *ПСЗ. Собр.* 2. Т. 12. № 10306.

Новосельский С. А. Предмет и содержание отечественной санитарной статистики в досоветский период ее развития // *Уч. зап. МЭСИ*. Т. 6. Труды кафедры демографии. М. : [Б. и.], 1955. С. 7–43.

О доставлении в С.-Петербурге физикату, в Москве – медицинской конторе, а в других местах врачебным управам ведомостей о числе больных, 22 июля 1842 года // *ПСЗ. Собр.* 2. Т. 17. № 15880.

Об особенных мерах к охранению здравия народного в случае повальных болезней // *Свод законов Российской империи*. Т. 13. Уставы благочиния. СПб. : [Б. и.], 1832. Стб. 381–437.

Огрызко Е. В. Состояние и основные направления реформирования медицинской статистики в Российской Федерации : дис. ... докт. мед. наук. М. : [Б. и.], 2011. 515 с.

Очерки истории отечественной санитарной статистики / под ред. А. М. Меркова. М. : Медицина, 1966. 288 с.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М. : Госполитиздат, 1945. 352 с.

Рафалович А. А. Движение народонаселения и общественное здоровье в Одессе в 1843 году // *Новороссийский календарь на 1845 год*. Одесса : Городская тип., 1844. С. 323–340.

РГВИА. Ф. 879. Оп. 1. Д. 2, 15; Оп. 2. Д. 662.

РГИА. Ф. 1299. Оп. 1. Д. 1181; Оп. 13. Д. 1184; Оп. 17. Д. 125; Ф. 1294. Оп. 10. Вн. оп. 3. Д. 47.

Сельский полицейский устав для государственных крестьян // *ПСЗ. Собр.* 2. Т. 14. № 12165.

Собольщиков П. И. Общественное здоровье в Тифлисе // *Кавказский календарь на 1852*. Тифлис : [Б. и.], 1852. С. 519.

Статистические сведения о С.-Петербурге. СПб. : [Б. и.], 1836. 291 с.

Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н. Московский университет в реформе высшего медицинского образования 40–60-х годов XIX века. М. : Шико, 2004. 288 с.

Учреждения для управления губерний всероссийской империи, 7 ноября 1775 // *ПСЗ. Собр.* 1. Т. 20. № 14392.

Яковенко В. А., Вишленкова Е. А., Лисицына Е. А. Медицинские общества // История медицины и медицинской географии в Российской империи / под ред. Е. А. Вишленковой и А. Реннера. М. : Шико, 2021. С. 112–138.

Becker E. M. *Medicine, Law and the State in Imperial Russia*. Budapest ; N. Y. : Central European Univ. Press, 2011. 399 p.

Cassedy H. J. *American Medicine and Statistical Thinking, 1800–1860*. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1984. 306 p.

Desrosières A. *The Politics of Large Numbers: A History of Statistical Reasoning*. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1998. 368 p.

Hacking I. *Nineteenth Century Cracks in the Concept of Determinism // J. of the History of Ideas*. 1983. Vol. 44, № 3. P. 455–475.

LVIA. F. 388. Ap. 1. B. 1, 4; F. 564. Ap. 1. B. 20, 58, 105; F. 1005. Ap. 1. B. 182.

Porter Th. *The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900*. Princeton : Princeton Univ. Press, 1986. 348 p.

Sambuk D. *Wächter der Gesundheit. Staat und lokale Gesellschaften beim Aufbau des Medizinalwesens im Russischen Reich 1762–1831*. Köln : Böhlau, 2015. 464 S.

Stigler S. M. *The History of Statistics: The Measurement of Uncertainty before 1900*. Cambridge : Belknap Press, 1986. 432 p.

Willford I. K. *The History of Statistics, Their Development and Progress in Many Countries*. N. Y. : Macmillan Co., 1918. 798 p.

References

Androsov, V. P. (1832). *Statisticheskaya zapiska o Moskve* [Statistical Note about Moscow]. Moscow, Tipografiya S. Selivanovskogo. 185 p.

Becker, E. M. (2011). *Medicine, Law and the State in Imperial Russia*. Budapest, N. Y., Central European Univ. Press. 399 p.

Cassedy, H. J. (1984). *American Medicine and Statistical Thinking, 1800–1860*. Cambridge, Harvard Univ. Press. 306 p.

Desrosières, A. (1998). *The Politics of Large Numbers: A History of Statistical Reasoning*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press. 368 p.

Ermolenko, S. (2023). “Cholera-morbus” v Moskve kak literaturnaya situatsiya [“Cholera Morbus” in Moscow as a Literary Situation]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 1, pp. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774.

Hacking, I. (1983). *Nineteenth Century Cracks in the Concept of Determinism*. In *J. of the History of Ideas*. Vol. 44. No. 3, pp. 455–475.

IAAO [Astrakhan Region State Historical Archive]. Stock 484. List 1. Dos. 76.

LVIA. F. 388. Ap. 1. B. 1, 4; F. 564. Ap. 1. B. 20, 58, 105; F. 1005. Ap. 1. B. 182.

Markova, M. A. (2019). *Ospoprivivanie v Rossii v pervoi chetverti XIX veka po dokumentam Sankt-Peterburgskoi i Moskovskoi gubernii* [Smallpox Vaccination in Russia in the First Quarter of the 19th Century according to the Documents of St Petersburg and Moscow Provinces]. In *Vestnik arkhivista*. No. 4, pp. 1217–1227. DOI 10.28995/2073-0101-2019-4-1217-1227.

Merkov, A. M. (Ed.). (1966). *Ocherki istorii otechestvennoi sanitarnoi statistiki* [Essays on the History of Russian Sanitary Statistics]. Moscow, Meditsina. 288 p.

Nakaz chinam i sluzhityam zemskoi politsii, 3 iyunya 1837 goda [Order to the Ranks and Servants of the Zemstvo Police, June 3, 1837]. (N. d.). In *PSZ*. Coll. 2. Vol. 12. No. 10306.

Novosel'sky, S. A. (1955). *Predmet i sodержание otechestvennoi sanitarnoi statistiki v dosovetskii period ee razvitiya* [Subject and Content of Russian Sanitary Statistics in the Pre-Soviet Period of Its Development]. In *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki, statistiki i informatiki*. Vol. 6. Trudy kafedry demografii. Moscow, S. n., pp. 7–43.

O dostavlenii v S.-Peterburge fizikatu, v Moskve – meditsinskoi kontore, a v drugikh mestakh vrachebnym upravam vedomostei o chisle bol'nykh, 22 iyulya 1842 goda [On the Delivery to the Physician's Office in St Petersburg, to the Medical Office in Moscow, and to Medical Boards in Other Places of Statements on the Number of Patients, July 22, 1842]. (N. d.). In *PSZ*. Coll. 2. Vol. 17. No. 15880.

Ob osobennykh merakh k okhraneniyu zdoraviya narodnogo v sluchae poval'nykh boleznei [On Special Measures for the Protection of Public Health in the Event of Epidemic

Diseases]. (1832). In *Svod zakonov Rossiiskoi imperii*. Vol. 13. Ustavy blagochiniya. St Petersburg, S. n., columns 381–437.

Ogryzko, E. V. (2011). *Sostoyanie i osnovnye napravleniya reformirovaniya meditsinskoi statistiki v Rossiiskoi Federatsii* [State and Main Directions of Medical Statistics Reform in the Russian Federation]. Dis. ... dokt. med. nauk. Moscow, S. n. 515 p.

Porter, Th. (1986). *The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900*. Princeton, Princeton Univ. Press. 348 p.

Ptukha, M. V. (1945). *Ocherki po istorii statistiki XVII–XVIII vekov* [Essays on the History of Statistics of the 17th–18th Centuries]. Moscow, Gospolitizdat. 352 p.

Rafalovich, A. A. (1845). Dvizhenie narodonaseleniya i obshchestvennoe zdorov'e v Odesse v 1843 godu [Population Movement and Public Health in Odessa in 1843]. In *Novorosstiiskii kalendar' na 1845 god*. Odessa, Gorodskaya tipografiya, pp. 323–340.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1299. List 1. Dos. 1181; List 13. Dos. 1184; List 17. Dos. 125; Stock 1294. List 10, 3. Dos. 47.

RGVIA [Russian State Military History Archive]. Stock 879. List 1. Dos. 2, 15; List 2. Dos. 662.

Sambuk, D. (2015) *Wächter der Gesundheit. Staat und lokale Gesellschaften beim Aufbau des Medizinalwesens im Russischen Reich 1762–1831*. Köln, Böhlau. 464 S.

Sel'skii politseiskii ustav dlya gosudarstvennykh krest'yan [Rural Police Charter for State Peasants]. (N. d.). In *PSZ*. Coll. 2. Vol. 14. No. 12165.

Shevchenko, Yu. L., Pokrovsky, V. I., Shchepin, O. P. (Eds.). (2001). *Zdravookhranenie Rossii. XX vek* [Healthcare in Russia. 20th Century]. Moscow, GEOTAR-Med. 204 p.

Sobol'shchikov, P. I. (1852). Obshchestvennoe zdorov'e v Tiflise [Public Health in Tiflis]. In *Kavkazskii kalendar' na 1852*. Tiflis, S. n., p. 519.

Statisticheskie svedeniya o S.-Peterburge [Statistic Information about St Petersburg]. (1836). St Petersburg, S. n. 291 p.

Stigler, S. M. (1986). *The History of Statistics: The Measurement of Uncertainty before 1900*. Cambridge, Belknap Press. 432 p.

Stochik, A. M., Pal'tsev, M. A., Zatravkin, S. N. (2004). *Moskovskii universitet v reforme vysshego meditsinskogo obrazovaniya 40–60-kh godov XIX veka* [Moscow University in the Reform of Higher Medical Education in the 1840s–1860s]. Moscow, Shiko. 288 p.

Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernii vs Rossiiskoi imperii, 7 noyabrya 1775 [Institutions for the Management of the Provinces of the All-Russian Empire, November 7, 1775]. (N. d.). In *PSZ*. Coll. 1. Vol. 20. No. 14392.

Vasil'ev, K. G., Segal, L. E. (1960). *Istoriya epidemii v Rossii (materialy i ocherki)* [History of Epidemics in Russia (Materials and Essays)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoi literatury, 1960. 398 p.

Viшlenkova, E. A. (2011). “Vypolnyaya vrachebnye obyazannosti, ya postig dukh narodnyi”: samosoznanie vracha kak prosvetitelya rossiiskogo gosudarstva (pervaya polovina XIX veka) [“Carrying Out My Medical Responsibilities, I Have Grasped the Popular Spirit.” The Self-Identification of the Physician as an Enlightener of the Russian State (First Half of the Nineteenth Century)]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 47–82.

Viшlenkova, E. A., Gatina, Z. S. (2015). “Izlozhit' predmet stsientificheskii”: russkie vrachi i ikh polevye issledovaniya (pervaya polovina XIX veka) [“Presenting the Subject in a Scientific Way”: Russian Doctors and Their Field Research (First Half of the 19th Century)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 3, pp. 154–169.

Viшlenkova, E. A., Il'ina, K. A. (2017). *Nauka upravlyat': gospodstvo cherez znanie i reforma upravleniya rossiiskim obrazovaniem v pervoi polovine XIX veka* [The Science of Rulership: Domination through Knowledge and the Administrative Reform of Russian Education in the First Half of the Nineteenth Century]. In *Ab Imperio*. No. 2, pp. 65–107.

Willford, I. K. (1918). *The History of Statistics, Their Development and Progress in Many Countries*. N. Y., Macmillan Co. 798 p.

Yakovenko, V. A., Viшlenkova, E. A., Lisitsyna, E. A. (2021). Meditsinskie obshchestva [Medical Societies]. In Viшlenkova, E. A., Renner, A. (Eds.). *Istoriya meditsiny i meditsinskoi geografii v Rossiiskoi imperii*. Moscow, Shiko, pp. 112–138.

The article was submitted on 13.07.2020

Борьба с «отравителями» в холерном Петербурге*

Александр Егоров

Петрозаводский государственный университет;
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН;
Петрозаводский техникум городского хозяйства,
Петрозаводск, Россия

Fighting Against the ‘Poisoners’ in Cholera-Stricken Petersburg

Alexander Egorov

Petrozavodsk State University,
Institute of Linguistics, Literature, and History of the Karelian
Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk College of Urban Economy,
Petrozavodsk, Russia

This article examines an underexplored episode in the history of the cholera riots – the ‘hunt for the poisoners’ which happened in St Petersburg in June 1831. This relevance of the topic is determined by the importance of studying the population’s behavior during an epidemic crisis, challenging both the authorities’ ability to stabilize the situation and the possibility of dialogue between them and society. Based on newly-introduced archival sources, the paper attempts to reconstruct the events of June 24–25, 1831 – essential for an understanding of the subsequent developments in Russia, but which have been overshadowed by the cholera riots of June 21–22, 1831, well described by contemporary sources. The cholera outbreak in the imperial capital in mid-June 1831 sparked popular discontent with anti-cholera measures, culminating in attacks on the city’s cholera hospitals. After a temporary respite following the events of June 22 on Sennaya Square, the riots erupted with renewed vigor but with a change in form and substance. On June 24 and 25, instead of attacking hospitals in large crowds, the rioters sought out alleged ‘poisoners’ detaining and handing them over to the authorities on suspicion of having poisoned food and water. Amongst part

* Citation: Egorov, A. (2023). Fighting Against the ‘Poisoners’ in Cholera-Stricken Petersburg. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 524–540. DOI 10.15826/qr.2023.2.803.

Цитирование: Egorov A. Fighting Against the ‘Poisoners’ in Cholera-Stricken Petersburg // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 524–540. DOI 10.15826/qr.2023.2.803 / Егоров А. Борьба с «отравителями» в холерном Петербурге // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 524–540. DOI 10.15826/qr.2023.2.803.

of the population, this poisoning was considered the real cause of the deaths attributed by doctors and the authorities to cholera. These events of June 24–25 have received little attention from researchers. But it was the St Petersburg ‘hunt for poisoners’ that provided a model for Russia’s ‘cholera panic’ of July 1831, during which the population sought to battle the alleged malicious poisoners. The panic caused a series of mass riots in the European part of Russia. The most violent events during the unrest were the bloody mutinies of military settlers in Novgorod province. The events of June 24–25 in St Petersburg played a significant role in the emergence of the cholera panic in Russia in the summer of 1831.

Keywords: epidemic, cholera, cholera riots, St Petersburg, 1831, rumors, panic

Статья посвящена малоизученному эпизоду истории холерных бунтов, «охоте за отравителями», которая развернулась в Петербурге в июне 1831 г. Актуальность темы определяется важностью изучения поведения населения в кризисных эпидемических ситуациях, тестирующих на прочность как способность власти стабилизировать ситуацию, так и возможность диалога между властью и обществом. На основе впервые вводимых в оборот архивных источников реконструируются события 24–25 июня 1831 г., важные для понимания последующей истории России, но оказавшиеся в тени холерных бунтов 21–22 июня 1831 г., хорошо описанных современниками. Холера, появившаяся в столице империи в середине июня 1831 г., вызвала недовольство населения противохолерными мероприятиями, которое достигло кульминации во время нападений на холерные больницы города. Вслед за событиями 22 июня на Сенной площади после временной передышки беспорядки вспыхнули с новой силой, изменив направленность. 24 и 25 июня вместо нападения на больницы участники беспорядков стали искать, задерживать и сдавать властям предполагаемых «отравителей», а именно людей, которых подозревали в отравлении пищи и воды. Отравление стало считаться среди части населения причиной тех смертей, которые объяснялись властями и врачами действием холеры. Эти события не привлекли серьезного внимания исследователей, хотя петербургская «охота за отравителями» послужила прообразом «холерной паники», начавшейся в России уже в июле 1831 г., во время которой население боролось с предполагаемыми злоумышленниками-отравителями. Паника вызвала серию массовых беспорядков в Европейской части России, самыми жестокими из которых были кровавые бунты военных поселян Новгородской губернии.

Ключевые слова: эпидемия, холера, холерные бунты, Санкт-Петербург, 1831 г., слухи, паника

Летом 1831 г. по России прокатилась волна так называемых холерных бунтов, вызванных распространением слухов, приписывающих болезнь и высокую смертность деятельности злоумышленников. Агрессивные слухи и связанные с ними вспышки насилия наблюда-

лись во многих губерниях Европейской части России¹. Один из самых крупных и известных бунтов произошел в столице империи Санкт-Петербурге.

Авторы, писавшие об этих событиях, делали основной акцент на событиях 21–22 июня 1831 г., достигших своего апогея в бунте на Сенной площади, и на полулегендарном выступлении императора Николая I перед народом [McGrew; Каратыгин; Гессен; Барабанова; Пржецлавский; Селиванов; Ховен; Холера в Петербурге]. Однако беспорядки, произошедшие уже после Сенной, недооценивались современниками, потомками и исследователями. Между тем, именно события, последовавшие сразу после бунта на Сенной площади, сыграли важную роль в эскалации насилия в России холерным летом 1831 г., предвосхитив их на содержательном уровне.

Цель статьи – рассмотрение событий бунтов в Петербурге, последовавших после массовых беспорядков на Сенной площади 22 июня 1831 г. Причины, особенности и последствия явления, которое можно обозначить как борьбу с «отравителями», изучены на основании документов III отделения и военного ведомства, которые еще не вводились в научный оборот, но имеют ключевое значение при реконструкции данных событий [ГАРФ. Ф. 109; РГВИА. Ф. 36].

Холера появилась в Петербурге 13 июня 1831 г. [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 171. Д. 129. Л. 5 об.], вызвав серию правительственных решений о противодействии опасной болезни. Однако меры, принятые властями для борьбы с ней, вызвали недовольство населения [MacGrew, p. 109; Барабанова, с. 133]. Оно сопровождалось различными толками по поводу холеры, появившимися в столице почти сразу после появления болезни в городе. Многие отрицали существование болезни, объясняя гибель людей злым умыслом властей, врачей и иностранцев. Постепенно народные толпы стали собираться вокруг холерных больниц, в которых якобы убивали невинных людей [Никитенко, с. 107; Гессен, с. 24; McGrew, p. 110–111]².

21–22 июня по Петербургу прокатилась серия нападений на холерные больницы и повозки для перевозки холерных больных. Медицинский персонал подвергался избиениям, находившихся в больницах и повозках людей «спасали» от врачей, отправляя их домой [Каратыгин, с. 51–61; Гессен, с. 21–28; Никитенко, с. 107–108; McGrew, p. 111]. Кульминацией этих событий стал знаменитый холерный бунт на Сенной площади 22 июня, когда многотысячная толпа атако-

¹ Пандемия холеры вызвала волну слухов и насилия по всей Европе. См.: [Рюде, с. 231; Evans, p. 131, 136–139].

² Реакция населения Петербурга на противоэпидемические мероприятия властей не была уникальной. Аналогичное поведение описано Дэвидом Арнольдом на материале эпидемии чумы в колониальной Индии в конце XIX в., когда чрезмерное вмешательство британских властей и медиков вызвало недовольство населения и распространение разнообразных слухов, провоцировавших в том числе и агрессивное поведение [Arnold, 1988].

вала и разгромила холерную больницу в Таировском переулке, убив ее старшего врача Земана. Ситуация заставила вмешаться императора Николая I, который 23 июня выступил перед народом на Сенной площади, призывая к порядку [McGrew, p. 112–113; Жуковский, стб. 343–344]. Сразу после бунта на Сенной 23 июня власти смягчили санитарный режим в столице. Отменялась принудительная госпитализация заболевших, в больницы принимались люди только по их желанию, вводились попечители «из каждого сословия». Полиция была лишена чрезвычайных полномочий в деле борьбы с холерой [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 5–5 об.]

События 21–22 июня в Петербурге по своему содержанию были очень похожи на события в Тамбове 18 ноября 1830 г., когда толпа разгромила холерную больницу, полагая, что в ней под предлогом борьбы с холерой врачи «режут» людей [Канищев, Мещеряков, Яковлев, с. 185–188; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 170. Д. 225. Л. 8 об.]. Летом 1892 г. аналогичные события произошли в Астрахани [Колпенский] и Саратове [Визе]. В международном контексте события в Петербурге 21–22 июня имеют много общего с холерными бунтами в Ливерпуле в мае и июне 1832 г., когда толпы горожан атаковали холерную больницу города и повозки, в которых перевозили больных [Burrell, Gill, p. 484–486].

Все эти события объединяла уверенность погромщиков в том, что в больницах врачи убивают людей³. Соответственно, главным объектом нападения толпы были больницы и их медицинский персонал. Холерные беспорядки в регионах России осенью 1830 г. и в Петербурге 21–22 июня 1831 г. были связаны с агрессией против предполагаемых злодеяний врачей. Население инстинктивно искало конкретного врага, уничтожив которого, можно было устранить причину трагедии. Тем самым снималось ощущение беспомощности и растерянности перед опасностью.

Принято считать, что после выступления императора и введения войск в столицу беспорядки в городе пошли на спад и пик бунтов был пройден [McGrew, p. 112–113; Гессен, с. 28; Барабанова; Каратыгин, с. 61]. Однако то, что произошло в столице после 22 июня, по своим последствиям оказалось гораздо опаснее бунта на Сенной площади, поскольку послужило прообразом и одной из причин для холерной паники, охватившей обширные территории Европейской части России, в центре внимания которой были уже не больницы, а другой источник опасности – «отравители».

³ Участники этих беспорядков называли разные способы предполагаемого убийства пациентов: людей якобы резали, варили заживо в кипятке, «закуривали» или морили до смерти, клали в гробы и хоронили еще живыми. Эти способы убийства соответствовали неправильному истолкованию населением способов лечения холеры и последствий самой болезни: кровопускание («режут»), применение ванн («варят») и специальных паровых кроватей («закуривают» до смерти), использование в лечении определенных лекарств в жидкостях и порошках, а также извести для дезинфекции («травят»), посмертные сокращения мышц жертв холеры («хоронят живыми»). Согласно одной легенде, бунт на Сенной площади начался с крика кучера: «Живых хоронят, проклятые!» [Каратыгин, с. 56].

Начальник 1-го округа корпуса жандармов П. И. Балабин докладывал А. Х. Бенкендорфу 25 июня 1831 г.:

С некоторого времени разнеслись по городу слухи, будто бы ходят несколько злоумышленных людей, которые подмешивают в питье и пищу ядовитые вещества. Вчерашнего числа (то есть 24 июня. – А. Е.) в 5 часов пополудни дали мне знать, что народ взял четырех подозрительных в таковом злонамерении и представил их на Сенную гауптвахту. Хотя слухи сии казались мне сомнительными, но как в настоящее время не должно ничего подобного из виду упускать, то я, чтобы собрать точнее об этом сведения, сам поехал на Сенную площадь. Ехавши туда, я замечал по улицам, что *народ опять в некотором волнении* (курсив мой. – А. Е.). Приехав к гауптвахте, я спросил, действительно ли народ представил 4-х человек, на что мне отвечали, что уже не 4-х, а беспрестанно чернь водит людей; что и при мне продолжалось: приводили разного звания людей совершенно избитых, и народ кричал, что у них есть яд; между тем как иной кроме бумаг, ему принадлежащих, и предохранительных от болезни лекарств ничего при себе не имел. Из сего усмотрел я, что народ под видом отыскивания злоумышленников делает одно буйство [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 2–3].

Согласно двум спискам, составленным властями 29 июня и 5 июля 1831 г., количество лиц, задержанных и содержавшихся в Петропавловской крепости по делу об июньских беспорядках, превышало 200 чел. При этом данные списки очень точно показывают содержание тех июньских событий в Петербурге. Людей, содержащихся в списках, можно разделить на две большие группы. Первая группа – лица, задержанные властями за нападения на больницы 21–22 июня. Вторая группа – лица, задержанные 24–25 июня самим народом по подозрению в отравлениях и польском происхождении. В первой группе основу задержанных составляют представители народных низов, во второй уже больше иностранцев и нерусских подданных империи [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346].

Имеющиеся источники позволяют утверждать, что беспорядки в столице не прекратились 22 июня на Сенной площади. Напротив, 24 июня они возобновились уже в новой форме. В Петербурге 24 июня фактически началась массовая охота на «отравителей». Как следует из списков, схема охоты была следующей: толпа задерживала, обыскивала и избивала людей. Основанием для подобных действий было подозрение, что прохожий является «отравителем» и/или «поляком». После обыска и избивания толпа отдавала задержанных представителям власти [Там же. Л. 72–72 об., 74, 85 об., 87, 125].

Для подтверждения приведем эпизоды задержаний: Николай Аланд, бывший студент казанской гимназии, был взят 24 июня патрулем лейб-гвардии Гренадерского полка «за рассыпание белого по-

рошка в мелочных лавках». «В кармане у него были найдены селитра и кремортартыр, которыми он лечился от венерической болезни» [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 47 об.].

Дворовый человек Гавриил Гайдуков был «взят патрулем лейб-гвардии Павловского полка в Московской улице за то, что в мелочные лавки сыпал на овощи порошок». На допросе он показал, что «был взят на Моховой в мелочной лавке, где завтракал. Он был обыскан чернью, но никакого ядовитого вещества у него не найдено» [Там же]. Шляхтич Могилевской губернии Иван Гаврилович

...24 июня в 7-м часу вечера близ крепости почувствовал головокружение и стал нюхать уксус и тереть виски мятным спиртом, полученным от доктора. Народ, заметив, что Гаврилов[ич] держит в руках две склян-ки, окружил его и начал бить. Команда солдат, выйдя из лагеря, защитила его и проводила в крепость [Там же. Л. 100].

Уроженец Ревеля Карл Йоган Кальман был приведен с Сытного рынка толпой народа «с найденными у него ядом и фальшивым паспортом». Выяснилось следующее:

25 июня в 10 часов утра Кальман был пойман, при обыске у него нашли состав, признаваемый ядом. При сем случае взволновавшийся народ покушался Кальмана бить, но мещанин Филатов как человек, многими уважаемый, старался вразумить толпу и предложил представить [Кальмана] начальству. Кальман был приведен в лагерь, расположенный близ Сытного рынка, откуда вместе с Филатовым отправлен в крепость.

Экспертиза показала, что подозрительные вещества, найденные у Кальмана, оказались «камфорой, табаком и ртутиальной мазью» [Там же. Л. 46 об.].

Интересный случай произошел с задержанным саксонским подданным Сюзсом. Выяснилось, что он сидел в штофной лавке вместе с коллежским регистратором Иваном Анисимовым, который предложил Сюзсу всыпать в стакан находившийся у него белый порошок. Саксонец не согласился и объявил об этом случае стоявшему у Нарвской заставы караулу, который сразу же задержал самого Сюзса [Там же. Л. 48 об.].

Среди случаев поимки «отравителей» выделяются два эпизода, которые привлекли особое внимание следствия и по которым есть больше подробностей.

Первый случай произошел с мещанином Иваном Чичигиным, сидельцем москательной лавки. Он был задержан 25 июня за то, что «неизвестной женщине, несшей близ Воскресенского моста воду, предлагал 80 к[опеек] за то, чтобы позволила ему напиться, при обыске найдена у него в куске сулема и 78 р[ублей] 72 к[опейки] денег» [Там же. Л. 48]. На допросе Чичигин показал следующее:

Возвращаясь с Охты, куда ходил для свидания с земляком, которого, однако, не успел отыскать, забыв, где именно его квартира, и пройдя Воскресенский мост в самое жаркое время около 2 часов пополудни, спустился на плот и попросил у незнакомой женщины напиться. Когда же она в том ему отказала, то он, томимый жаждой, предложил ей за ковш воды гривенник – и тотчас был окружен толпою черни, которая, обыскав, нашла у него завернутый в бумагу кусок сулемы и, причинив ему жестокие побои, отвела под караул.

На вопрос о том, откуда у него столь ядовитое вещество, он ответил, что «взял сулему из лавки хозяина своего купца Гурьева, торгующего москательными товарами, и намерен был употребить оную как лекарство от ломоты в ногах» [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 48].

Генерал А. Н. Потапов, председатель комиссии по расследованию июньских беспорядков в столице, отмечал, что

...сбивчивость и торопливость в ответах, дальний путь на Охту, куда, несмотря на ломоту в ногах, ходил он для сомнительного свидания с земляком, странность предложения денег за ковш воды, и наконец найденное у него ядовитое вещество хотя не обличает его в преступном умысле, но делает чрезвычайно подозрительным [Там же. Л. 48–48 об.].

Кусок сулемы, найденный у И. Чичигина, был отправлен на химический анализ [Там же. Л. 48 об.]⁴.

Второй случай связан с чиновником Терлецким. 25 июня у Красного кабака народом был задержан и отведен на гауптвахту титулярный советник Терлецкий, который сидел на колодце с двумя маленькими пузырьками с неизвестным составом [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 61. Д. 286. Л. 4]. Терлецкий был доставлен в Петропавловскую крепость [Там же. Л. 23], а пузырьки подвергнуты исследованию. Экспертиза показала, что в одной склянке оказался «предохранительный уксус, известный под именем “уксус 4-х разбойников”», во второй – «средний сорт мадеры» [Там же. Л. 9]. Согласно результатам экспертизы, не было открыто «никаких примесей минеральных тел и химических составов, и ни опийных, ни синильнокислотных препаратов» [Там же]. Терлецкий просидел в заключении 36 дней и после допросов в следственной комиссии был оправдан и отпущен на свободу [Там же. Л. 23–24]⁵.

Среди задержанных 24–25 июня выделяется группа людей, которые были задержаны потому, что толпа заподозрила их в «польском» происхождении («за поляка»):

⁴ Дальнейшая судьба И. Чичигина неизвестна.

⁵ Власти не оставили Терлецкого в покое – за ним был учрежден временный полицейский надзор, «поскольку [он], по частным сведениям, оказался человеком неблагонадежным» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 61. Д. 286. Л. 21, 29].

Васильев Василий, отставной титулярный советник. 24 числа взят у Аничкова моста мужиками по подозрению за поляка и отведен в ордонансгауз [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 72].

Тирытин Александр, титулярный советник. 24 числа взят на Толкучем рынке мужиками – они признали его за поляка, обыскали, нанесли несколько ударов и отправили на гауптвахту [Там же. Л. 72 об.].

Лангамер Петр, отставной корнет. 24 числа шел у Толкучего рынка и, будучи толпой народа признан за поляка, часу в 4-м пополудни взят и отведен на гауптвахту Сенной площади [Там же. Л. 74].

Раховский Иван, киевский дворянин. 24 июня был принят за поляка мужиками и сильно избит. Он был отбит у народа жандармами в 4-м часу после обеда и посажен на гауптвахту, потом – в крепость [Там же].

Дамберг Емануил, финляндский уроженец из Выборга. 24 июня на Сытном рынке схвачен мужиками по подозрению за поляка, избит и представлен в петербургскую часть [Там же. Л. 85 об.].

Альгерер Иоган Вильгельм, булочник из Пруссии. Прибыл 23 июня в Петербург из Пскова. 24 июня на Толкучем рынке был схвачен мужиками, [будучи принятым] за поляка, избит и отправлен на гауптвахту [Там же. Л. 87].

Рудович Бернард, портной, уроженец Варшавский, крещеный еврей. 24 июня у Семеновского моста схвачен народом за поляка, в чем сам признался, избит и по совету мимошедшего офицера скрылся на гауптвахту Сенной площади [Там же. Л. 101 об.].

Мятелев Павел, присяжный. 24 июня остановлен был двумя пьяными мужиками по подозрению за поляка, и когда он старался освободиться от них, то собралась толпа народа, избивала его против ассигнационного банка и отвела на гауптвахту Сенной площади [Там же].

Шаров Василий, сын титулярного советника, взят на Васильевском острове 25 июня против Академии художеств толпою черни, которая обыскивала его и била, приняв за поляка [Там же. Л. 42].

Яковлев Александр, крещеный еврей, портного цеха мастер. Взят у церкви Преображенского собора отставным унтер-офицером Семеном Животовым, проживающим на Песках в Манежной улице [Там же. Л. 47].

Расследование показало, что портной был задержан на паперти Преображенского собора 25 июня в обеденное время. Яковлев спра-

шивал сторожа о знакомом священнике. Сторож посчитал его поляком, обыскал и отвел в ордонангауз [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 47].

Были и редкие случаи, когда задержанного одновременно считали «поляком» и доктором [Там же. Л. 46, 99], а также эпизоды, по которым есть основания полагать, что легенда о национальном «польском» мотиве задержания придумывалась самим задержанным, чтобы избежать наказания за другие преступления или за «буйство» [Там же. Л. 79 об., 86 об.].

Здесь стоит особо отметить, что подозрение «за поляка» также означало подозрение в отравлении. Ведь «поляков», за которых могли принимать любых подозрительных людей, задерживали по той причине, что они считались тогда одними из главных «отравителей» [Пржецлавский, с. 698].

В рассмотренных выше многочисленных эпизодах можно увидеть характерные основания, по которым люди задерживались. Также эти эпизоды демонстрируют, что не только представители народных низов, но и сами власти всерьез воспринимали возможность массовых отравлений в Петербурге, будучи малоинформированными. В противном случае задержанные по подозрению в отравлениях отпускались бы незамедлительно, а не содержались в крепости. Изменение «тактики» 24–25 июня было существенным: от нескольких больших толп, собравшихся около больниц, участники беспорядков перешли к множеству меньших по количеству групп людей (в источниках все равно именуемых «толпами»), рассеявшихся по городу в поисках «отравителей». Самой очевидной причиной изменения объекта агрессии было то, что власти взяли холерные больницы под защиту введенных в столицу войск, рассеяли большие толпы и наглядно показали, что массовые беспорядки будут подавлены, однако это не уничтожило панические настроения и ощущения бездействия властей относительно причины возникновения эпидемии. Поэтому погромщики разошлись в поисках других объектов для агрессии.

Большую роль в изменении характера действий толпы сыграл также и медицинский фактор. Несмотря на то, что холера в Петербурге появилась в середине июня, интенсивный рост числа заболевших начался в большинстве городских районов только с 22–23 июня [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 171. Д. 129. Л. 3–6]. Этот заметный рост нельзя было объяснить только злоупотреблениями врачей в больницах, тем более что часть больниц была разгромлена, а власти перестали насильно забирать людей в лазареты. Люди умирали теперь везде и повсеместно, не только в больницах, и прежнее конспирологическое объяснение не работало. Симптомы холеры, по наблюдению людей, совпадали со знакомыми всем симптомами отравления⁶. Поэтому смертность стали приписывать именно отравлению.

⁶ Холера поражает желудочно-кишечный тракт, вызывая рвоту и диарею. См.: [Покровский, Малеев, с. 3].

В городе распространились слухи⁷ об отравлении, которые сыграли значительную роль в эскалации беспорядков⁸. Слух о том, что смертность в дни холерной эпидемии вызвана ничем иным, как отравлениями, организованными злоумышленниками, не был для России новым. Подобные слухи бытовали в России и осенью 1830 г. как минимум в южных регионах страны и в Поволжье [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 22. Л. 1–7; Оп. 170. Д. 214. Л. 1–29] и в начале лета 1831 г. в Архангельске [Там же. Оп. 6. Д. 359. Л. 1–1 об.]. В то время они не были активными и не вызывали массовых беспорядков. Ближе по времени к петербургским событиям слухи об отравлении могли получить один из своих истоков от домыслов, окружавших смерть фельдмаршала И. И. Дибича и великого князя Константина Павловича⁹ [McGrew, p. 105–106].

О смерти великого князя Константина Павловича было объявлено непосредственно перед началом бунтов в Петербурге [Северная пчела, 1831, 22 июня]¹⁰, и такое совпадение по времени могло быть неслучайным. В информации о смерти Константина было сказано, что он умер от холеры. Если допустить, что народ не верил в существование этой болезни и приписывал смертность отравлениям, то он мог истолковать диагноз как доказательство того, что Константин тоже был отравлен. А поскольку Константин был популярен в народе и погиб в Польском крае во время восстания против России, сообщения о смерти князя могли вызвать негативную массовую реакцию. Ненависть людей естественным образом обратилась против предполагаемых отравителей – «поляков», случаи задержания которых приведены выше.

Слухи о холере сосуществовали, дополняли друг друга и конкурировали между собой, провоцируя панические настроения и агрессивное поведение людей¹¹. В первые дни холеры наиболее популярным был слух о том, что в больницах людей убивают. Именно этот слух об убийствах пациентов врачами стал главным в обосновании и разжигании холерных бунтов 21–22 июня.

Тема отравления до определенного момента мало проявляла себя, хотя уже 22 июня мы имеем зарегистрированный случай задержания «отравителя». В этот день толпой народа был задержан отставной полковник Пальховский по подозрению, что у него в сапоге спрятан яд [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 35 об.]. Свой шанс слух об отравлении получил, когда эпидемия усилилась, и люди стали массово уми-

⁷ В данной статье слухи понимаются в самом широком смысле этого слова – как совокупность высказываний на определенную важную для людей тему, сведенную к одному емкому тезису внешним наблюдателем [Shibutani, p. 8–17].

⁸ Страх отравления является довольно распространенной фобией в прошлом и настоящем. Подробнее см.: [Arnold, 2016; Nwokocha; Karferet].

⁹ Одна из версий этого слуха гласила, что цесаревич и фельдмаршал Дибич были отравлены графом А. Ф. Орловым [Карнович, с. 248–249].

¹⁰ Объявление датировано 20 июня.

¹¹ О значении слухов для формирования общественных настроений см.: [Чистов]. Образное осмысление эпидемии в массовой литературе (А. Орлов) и поэзии (М. Лермонтов) этого времени см.: [Ермоленко].

рать с симптомами, похожими на отравление. Июль и август 1831 г. прошли под знаком распространения подобных слухов¹² и поиска предполагаемых «отравителей»¹³.

Фактором усиления влияния слухов стала публикация медицинских рекомендаций по профилактике холеры. Рекомендации были изданы 23 июня 1831 г., на следующий день после беспорядков на Сенной площади и за день до начала массовой охоты на «отравителей». В них жителям предлагалось носить при себе с целью предохранения от холеры «скляночку с раствором хлориновой извести или с крепким уксусом, которым чаще потирать себе руки, около носа, виски и проч.; кроме сего, носить в кармане сухую хлориновую известь в полотняной сумочке» [Северная пчела, 1831, 23 июня].

Некоторые жители воспользовались этими рекомендациями, а в условиях роста числа заболевших и умерших, а также слухов об отравлениях появление на улицах города людей с бутылочками и порошками с неизвестным содержимым не могло не вызвать подозрений. Поимка же «отравителей» «с поличным» усиливала опасные слухи.

Возникновение практики предохранения и агрессивной реакции на нее подтверждается объявлением Петербургского военного генерал-губернатора от 25 июня:

Вчерашнего числа некоторые частные люди, большею частию из простого народа, вздумали останавливать, обыскивать и даже обижать разных прохожих по улицам, нюхавших уксус в стекляночках и хлориновые порошки в бумажках, под тем предлогом, будто они имели в сих стекляночках и бумажках яд, коим хотели отравить пищу и питье. <...> Ношение же при себе и нюхание уксуса и хлориновых порошков есть единственное предохранительное средство от заражения болезнию холерою [Северная пчела, 1831, 25 июня]¹⁴.

Действия толпы подогревались тем обстоятельством, что власти города не отметили с порога вероятность отравления, не задерживали тех, кто ловил и избивал подозреваемых в отравлении¹⁵. Практически ничего не известно о социальном составе этих «охотников», так как к ответственности их не привлекали. Уверенность охотников на «отравителей» в своей правоте могла быть подкреплена также и тем, что власти смягчили санитарный режим в столице [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 5 об.].

¹² О распространении слухов об отравлении в Центральной России летом 1831 г. см.: [Егоров].

¹³ Во время охоты на «отравителей» слух об убийствах пациентов врачами не исчез полностью, однако ведущим слухом он тогда уже не был.

¹⁴ Это объявление было повторено в номере от 26 июня. См.: [Северная пчела, 1831, 26 июня].

¹⁵ О единственном исключении см.: [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 41 об. –42].

В источниках есть основанные на слухах сообщения очевидцев, что народ для «решительного дела» не случайно выбрал именно 24 июня [Никитенко, с. 108; Пупарев, с. 76]. На 24 июня приходится церковный праздник Рождества Иоанна Крестителя, который в народных практиках сохранял черты дохристианского праздника Ивана Купалы¹⁶, сопровождавшегося ритуальной агрессией, «антиповедением» и поиском колдунов и ведьм [Виноградова, Толстая]. Можно предположить, что модели поведения, характерные для этого праздника, были использованы во время охоты на «отравителей» 24–25 июня. Иванов день создавал подходящие условия для превращения праздника в массовые беспорядки, хорошо изученного на западноевропейском материале¹⁷.

В воспоминаниях очевидцев сохранились описания происшествий. В одном случае люди заподозрили прохожего в том, что он оборотень, и пошли за дровами, вероятно, чтобы сжечь его [Селиванов, стб. 960–962], в другом – толпа поймала одного «порядочно одетого человека» и захотела утопить его «как отравителя» [Холера в Петербурге, с. 741]. Праздник, церковный и/или народный, вызвал скопления людей и состояние алкогольного опьянения части горожан. Об этом свидетельствует и сообщение Балабина от 25 июня о том, что «по случаю церковного праздника в Ямской слободе было там... вчера (то есть 24 июня. – А. Е.) большое стечение народа» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 3].

Таким образом, движение больших масс людей по городу, усугублявшееся употреблением спиртного в праздничный день, сыграло большую роль в формировании нового образа поведения. Индивидуальные и коллективные перемещения людей по улицам, часто праздные и бесцельные, легко могли вызвать в сознании обывателя подозрение, что именно эти бродящие по городу люди и отравляют воду и еду. Наличие у прохожих предохранительных жидкостей и порошков усиливало это подозрение. Одни зеваки стали ловить других. Образно говоря, толпа, взятая в целом, стала подозревать и ловить саму себя, выхватывая из своей же среды потенциальных жертв. Даже сами охотники за «отравителями», перемещающиеся по городу, могли восприниматься посторонним наблюдателем как потенциальные отравители.

Можно предположить, что власти тоже не сразу осознали опасность происходящего¹⁸. Охота на «отравителей» находилась в тени более заметных глаз событий на Сенной, имела место и недооценка

¹⁶ Согласно некоторым сведениям, праздник Ивана Купалы отмечался в Петербурге еще в середине XIX в. [Некрылова, с. 32].

¹⁷ См. об этом подробнее: [Чеканцева; Озуф; Guha].

¹⁸ Согласно неподтвержденному утверждению генерала Эйлера, исход сезонных рабочих из столицы, произошедший сразу после завершения июньских беспорядков, был вызван их принудительной высылкой по решению Николая I [Эйлер, с. 391]. Если эта версия верна, то решение властей о высылке можно объяснить именно недооценкой опасности ситуации.

событий 24–25 июня, так как действия охотников на «отравителей» не были направлены против представителей власти. Более того, подозреваемых в отравлении отдавали именно им, видимо, полагая, что помогают правительству в борьбе со злом¹⁹. Размытость насилия по всему городу, его ризоматический характер не позволяли сразу оценить потенциальную опасность события²⁰.

Холерные беспорядки в Петербурге следует разделять на два этапа, которые содержательно отличаются друг от друга. Первый этап – это собственно холерные бунты 21–22 июня 1831 года, вызванные слухами об убийствах врачами пациентов в больницах и проявившиеся в нападениях на больницы и медицинский персонал. События в Петербурге в июне 1831 года завершили первый этап холерных волнений в России, начавшийся осенью 1830 года и заключающийся в недоверии к медицине и противоэпидемическим мероприятиям, и начали второй этап, в котором главным объектом агрессии стали предполагаемые «отравители». Петербург стал для населения провинции источником слухов о холере и примером борьбы с врагами-«отравителями».

Второй этап волнений стал первым зарегистрированным источниками эпизодом холерной паники, охватившей Европейскую Россию летом 1831 г. Население в ней стало бояться в первую очередь «отравителей», «борьба» же с холерными больницами и врачами отошла на второй план, составляя малую долю эпизодов холерных беспорядков²¹.

Первенство Петербурга здесь неслучайно. После подавления холерных беспорядков начался исход из столицы многих тысяч сезонных рабочих²², которые стали распространять по ближним и дальним окрестностям города слухи о том, как православные смогли справиться с «врагами царя и народа»²³. «Информация» о событиях в Петербурге распространялась и другими способами, например, через почту²⁴. Среди таких слухов были и рассказы о врачах-убийцах, но они играли

¹⁹ Правда, полиции люди не доверяли и чаще отдавали подозреваемых в отравлении военным патрулям, а не полицейским чинам [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 4].

²⁰ Публичная реакция властей была запоздалой. Печатные объявления администрации от 24 июня касались событий 21–22 июня. И только на следующий день после начала охоты на «отравителей», 25 июня, было опубликовано объявление петербургского военного генерал-губернатора, посвященное этой теме [Северная пчела, 1831, 25 июня]. Это могло быть вызвано тем, что, возможно, власти даже 24 июня продолжали рассматривать как главный источник опасности именно Сенную площадь.

²¹ Беспорядки, вызванные недовольством противохолерными мероприятиями и врачами, имели место в России и после 24 июня, но их было мало в сравнении с многочисленными эпизодами охоты на «отравителей». О некоторых примерах таких беспорядков против медицины см.: [РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 482. Л. 1; Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 3; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 437. Л. 1–4].

²² О количестве вышедших из Петербурга см.: [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15; ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45].

²³ О роли вышедших из Петербурга в провоцировании беспорядков см.: [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15, 17; Д. 555. Л. 4; Оп. 171. Д. 132. Л. 2; Д. 115. Л. 1, 3].

²⁴ О роли почты и писем в распространении слухов см.: [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 499. Л. 1–8; Д. 442. Л. 1–8; Оп. 171. Д. 115. Л. 4].

второстепенную роль в провоцировании волнений. Кульминацией холерной паники и борьбы с «отравителями» стали кровавые бунты в военных поселениях Новгородской губернии, вызвавшие немалое беспокойство центральной власти [Шильдер, с. 613].

Библиографические ссылки

Барабанова К. С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Тр. Ин-та рос. истории РАН. 2014. № 12. С. 130–144.

Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск : Каменный пояс, 2011. С. 300–318.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Иван Купала // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М : Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 363–368.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 22, 359, 437, 442, 499, 555; Оп. 61. Д. 286; Оп. 170. Д. 214, 225; Оп. 171. Д. 115, 129, 132.

Гессен С. Холерные бунты (1830–1832). М. : Изд-во политкаторжан, 1932. 63 с.

Егоров А. К. В поисках «отравителей»: пути распространения слухов в Центральной России летом 1831 г. // Рос. история. 2022. № 2. С. 126–134. DOI 10.31857/S0869568722020121.

Ермоленко С. «Cholera-morbus» в Москве как литературная ситуация // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774.

Жуковский В. А. Из письма В. А. Жуковского к принцессе Луизе Прусской : (О холерном возмущении в С.-Петербурге на Сенной площади) // Рус. архив. 1866. Вып. 3. Стб. 339–346.

Канищев В. В., Мещеряков Ю. В., Яковлев Е. В. Тамбовский бунт 1830 г. в контексте холерных кризисов в России XIX века. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2009. 345 с.

Каратыгин П. Холерный год. 1830–1831. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 243 с.

Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1899. 296 с.

Колтенский В. Холерный бунт в 1892 году // Архив истории труда в России : [в 10 кн.]. Пг. : Госиздат, 1922. Кн. 3. С. 106–107.

Некрюлова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб. : Азбука-классика, 2004. 256 с.

Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 1. 542 с.

Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. М. : Языки славян. культуры, 2003. 416 с.

Покровский В. И., Малеев В. В. Холера. Л. : Медицина, 1978. 232 с.

Пржецлавский О. А. Воспоминания. Очерки Петербургской жизни // Рус. старина. 1874. Т. 11. Дек. С. 665–698.

Пунарев А. Г. Холерный месяц в С.-Петербурге // Рус. старина. 1885. Т. 47. Июль. С. 69–86.

РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 482; Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20.

Рюде Д. Народные низы в истории. 1730–1848. М. : Прогресс, 1984. 318 с.

Северная пчела. 1831. 22, 23, 25, 26 июня.

Селиванов И. В. Холера в Петербурге в 1831 году (рассказ очевидца) // Рус. архив. 1868. Вып. 6. Стб. 958–962.

Ховен фан дер И. Р. Холера в С.-Петербурге в 1831 году. Рассказ современника и очевидца // Рус. старина. 1884. Т. 44, № 11. Ноябрь. С. 391–400.

Холера в Петербурге в 1830 г. Рассказ очевидца // Рус. старина. 1892. Т. 75, № 9. Сент. С. 738–742.

- ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979.
- Чеканцева З. А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. Новосибирск : Изд-во НПГУ, 1996. 238 с.
- Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.
- Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование : в 2 т. СПб. : А. С. Суворин, 1903. Т. 2. 820 с.
- Эйлер А. А. Записки // Рус. архив. 1880. Кн. 2. С. 333–399.
- Arnold D. Touching the Body: Perspectives on the Indian Plague, 1896–1900 // *Selected Subaltern Studies*. Delhi : Oxford Univ. Press, 1988. P. 391–426.
- Arnold D. The Poison Panics of British India // *Anxieties, Fear and Panic in Colonial Settings*. Houndmills : Palgrave Macmillan, 2016. P. 49–71. DOI 10.1007/978-3-319-45136-7_3.
- Burrell S., Gill G. The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection – Medical Distrust and Civil Unrest // *J. of the History of Medicine and Allied Sciences*. 2005. Vol. 60, № 4. P. 478–498. DOI 10.1093/jhmas/jri061.
- Evans R. J. Epidemics and Revolutions: Cholera in Nineteen-Century Europe // *Past and Present*. 1988. Vol. 120, № 1. P. 123–146. DOI 10.1093/past/120.1.123.
- Guha R. Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India. Delhi : Oxford Univ. Press, 1986. 384 p.
- Kapferer J. N. A Mass Poisoning Rumor in Europe // *The Public Opinion Quarterly*. 1989. Vol. 53, № 4. P. 467–481. DOI 10.1086/269167.
- McGrew R. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 1965. 229 p.
- Nwokocha K. U. Nkpa. Rumors of Mass Poisoning in Biafra // *The Public Opinion Quarterly*. 1977. Vol. 41, № 3. P. 332–346. DOI 10.1086/268391.
- Shibutani T. Improvised News. A Sociological Study of Rumor. Indianapolis : The Bobbs-Merrill Co., 1966. 262 p.

References

- Arnold, D. (1988). Touching the Body: Perspectives on the Indian Plague, 1896–1900. In *Selected Subaltern Studies*. Delhi, Oxford Univ. Press, pp. 391–426.
- Arnold, D. (2016). The Poison Panics of British India. In *Anxieties, Fear and Panic in Colonial Settings*. Houndmills, Palgrave Macmillan, pp. 49–71. DOI 10.1007/978-3-319-45136-7_3.
- Barabanova, K. S. (2014). Pervaya kholera v Sankt-Peterburge v 1831 g.: protivoepidemicheskie meropriyatiya i otnoshenie k nim gorozhan [The First Cholera Outbreak in St Petersburg in 1831: Anti-Epidemic Measures and the Attitude of the Townspeople Towards Them]. In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*. No. 12, pp. 130–144.
- Burrell, S., Gill, G. (2005). The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection – Medical Distrust and Civil Unrest. In *J. of the History of Medicine and Allied Sciences*. Vol. 60. No. 4, pp. 478–498. DOI 10.1093/jhmas/jri061.
- Chekantseva, Z. A. (1996). *Poryadok i besporyadok. Protestuyushchaya tolpa vo Frantsii mezhdou Frondoi i revolyutsiei* [Order and Disorder. Protesting Mob in France between the Fronde and the Revolution]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 238 p.
- Chistov, K. V. (1967). *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian Popular Social Utopian Legends of the 17th–19th Centuries]. Moscow, Nauka. 341 p.
- Egorov, A. K. (2022). V poiskakh “otravitelei”: puti rasprostraneniya slukhov v Tsentral'noi Rossii letom 1831 g. [In Search of “Poisoners”: The Ways of Rumor Transmission in Central Russia in the Summer of 1831]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 126–134. DOI 10.31857/S0869568722020121.

- Eiler, A. A. (1880). Zapiski [Memoirs]. In *Russkii arkhiv*. Book 2, pp. 333–399.
- Ermolenko, S. (2023). “Cholera-morbus» v Moskve kak literaturnaya situatsiya [“Cholera Morbus” in Moscow as a Literary Situation]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 1, pp. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774.
- Evans, R. J. (1988). Epidemics and Revolutions: Cholera in Nineteen-Century Europe. In *Past and Present*. Vol. 120. No. 1, pp. 123–146. DOI 10.1093/past/120.1.123.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 109. List 6. Dos. 22, 359, 437, 442, 499, 555; List 61. Dos. 286; List 170. Dos. 214, 225; List 171. Dos. 115, 129, 132.
- Gessen, S. (1932). *Kholernye bunty (1830–1832)* [Cholera Riots of 1830–1832]. Moscow, Izdatel'stvo politkatorzhan. 63 p.
- Guha, R. (1986). *Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India*. Delhi, Oxford Univ. Press. 384 p.
- Howen von der, I. R. (1884). Kholera v S.-Peterburge v 1831 godu. Rasskaz sovremennika i ochevidtsa [Cholera in Petersburg in 1831. The Account of a Contemporary and Eyewitness]. In *Russkaya starina*. Vol. 44, No. 11. November, pp. 391–400.
- Kanishchev, V. V., Meshcheryakov, Yu. V., Yakovlev, E. V. (2009). *Tambovskii bunt 1830 g. v kontekste kholernykh krizisov v Rossii XIX veka* [The Tambov Riot of 1830 in the Context of Russian Cholera Crises of the 19th Century]. Tambov, Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. 345 p.
- Kapferer, J. N. (1989). A Mass Poisoning Rumor in Europe. In *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 53. No. 4, pp. 467–481. DOI 10.1086/269167.
- Karatygin, P. (1887). *Kholernyi god. 1830–1831* [The Cholera Year. 1830–1831]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 243 p.
- Karnovich, E. P. (1899). *Tsesarevich Konstantin Pavlovich* [Grand Duke Konstantin Pavlovich]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 296 p.
- Kholera v Peterburge v 1830 g. Rasskaz ochevidtsa [Cholera in Petersburg in 1830. The Account of an Eyewitness]. (1892). In *Russkaya starina*. Vol. 75. No. 9. September, pp. 738–742.
- Kolpensky, V. (1922). Kholernyi bunt v 1892 godu [The Cholera Riot of 1892]. In *Arkhiv istorii truda v Rossii v 10 kn*. Petrograd, Gosizdat. Book 3, pp. 106–107.
- McGrew, R. (1965). *Russia and the Cholera, 1823–1832*. Madison, Univ. of Wisconsin Press. 229 p.
- Nekrylova, A. F. (2004). *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha. Konets XVIII – nachalo XX veka* [Russian Popular Town Festivals, Amusement and Entertainment. Late 18th – Early 20th Centuries]. St Petersburg, Azbuka-klassika. 256 p.
- Nikitenko, A. V. (1955) *Dnevnik v 3 t.* [The Diary. 3 Vols.]. Moscow, Goslitzdat. Vol. 1. 542 p.
- Nwokocha, K. U. Nkpa (1977). Rumors of Mass Poisoning in Biafra. In *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 41. No. 3, pp. 332–346. DOI 10.1086/268391.
- Ozuf, M. (2003) *Revolutsionnyi prazdnik: 1789–1799* [The Revolutionary Festival: 1789–1799]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 416 p.
- Pokrovsky, V. I., Maleev, V. V. (1978). *Kholera* [Cholera]. Leningrad, Meditsina. 232 p.
- Przhetslavskii, O. A. (1874). Vospominaniya. Ocherki Peterburgskoi zhizni [The Recollections. Essays of Petersburg Life]. In *Russkaya starina*. Vol. 11. December, pp. 665–698.
- Puparev, A. G. (1885). Kholernyi mesyats v S.-Peterburge [The Cholera Month in Petersburg]. In *Russkaya starina*. Vol. 47. July, pp. 69–86.
- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1286. List 5. Dos. 482; Stock 1345. List 106. Dos 20.
- RGVIA [Russian State Military Historical Archives]. Stock 36. List 2. Dos. 346.
- Rude, G (1984). *Narodnye nizy v istorii. 1730–1848*. [The Crowd in History. 1730–1848]. Moscow, Progress. 318 p.
- Selivanov, I. V (1868). Kholera v Peterburge v 1831 godu (rasskaz ochevidtsa) [Cholera in St Petersburg in 1831 (an Eyewitness Account)]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 6, columns 958–962.
- Severnaya pchela* [Severnaya pchela]. (1831). June 22, 23, 25, 26.
- Shibutani, T. (1966). *Improvised News. A Sociological Study of Rumor*. Indianapolis, The Bobbs-Merrill Co. 262 p.

Shil'der, N. K. (1903). *Imperator Nikolai Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie v 2 t.* [Emperor Nicholas the First. His Life and Reign. 2 Vols.]. St Petersburg, A. S. Suvorin. Vol. 2. 820 p.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 536. List 9. Dos. 979.

Vinogradova, L. N., Tolstaya, S. M. (1999). Ivan Kupala [Ivan Kupala]. In Tolstoy, N. I. (Ed.). *Slavyanskie drevnosti. Ėtnolingvisticheski slovar' v 5 t.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 2, pp. 363–368.

Wiese, S. (2011). Slukhi i nasilie: kholernye bunty v Saratove v 1892 g. [Rumors and Violence: Saratov Cholera Riots in 1892]. In *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i "krutye povoroty" rossiiskoi istorii.* Chelyabinsk, Kamennyi poyas, pp. 300–318.

Zhukovsky, V. A. (1866). Iz pis'ma V. A. Zhukovskogo k printsesse Luize Prusskoi. (O kholernom vozmushchenii v S.-Peterburge na Sennoi ploshchadi) [From a Letter by V. A. Zhukovsky to Princess Louise of Prussia. (On a Cholera Riot in St Petersburg on Sennaya Square)]. In *Russkii arkhiv.* Iss. 3, columns 339–346.

The article was submitted on 15.12.2021

**Националистический конфликт во врачебной корпорации
Екатеринбурга: частный случай в оптике кризиса
начала двадцатого века***

Эдуард Черноухов

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

**Nationalist Conflict in the Medical Corporation
of Yekaterinburg: A Case Study in the Early
Twentieth-Century Crisis**

Eduard Chernoukhov

Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

The two-year confrontation in the Ural Medical Society (hereinafter – UMS) in Yekaterinburg in 1905–1907 has not been an object of scholarly analysis previously. This is largely due to the religious aspect, i.e. the withdrawal of all Jewish doctors from the organization. The reconstruction of contradictions in the corporate medical environment of Yekaterinburg relied on the historical-genetic method within the framework of anthropologically oriented history. For information about the participants in the conflict, the author refers to a consolidated database created by him on doctors who served in Perm province. New documents from periodical press and archival funds play an essential role in understanding certain aspects of the confrontation. The article restores a complex of interconnected objective and subjective contradictions in the medical corporation of Yekaterinburg in the early twentieth century, which was aggravated during the revolutionary upheavals of 1905–1907. The determining factor for the beginning of the confrontation in the spring of 1905 was the actual

* *Citation:* Chernoukhov, E. (2023). Nationalist Conflict in the Medical Corporation of Yekaterinburg: A Case Study in the Early Twentieth-Century Crisis. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 541–553. DOI 10.15826/qr.2023.2.804.

Цитирование: Chernoukhov E. Nationalist Conflict in the Medical Corporation of Yekaterinburg: A Case Study in the Early Twentieth-Century Crisis // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 541–553. DOI 10.15826/qr.2023.2.804 / Черноухов Э. Националистический конфликт во врачебной корпорации Екатеринбурга: частный случай в оптике кризиса начала двадцатого века // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 541–553. DOI 10.15826/qr.2023.2.804.

erosion of the basic principle behind the UMS, which was its being apolitical. It was consistently observed starting with the establishment of the organization, which led to a deterioration in relations between its long-standing members. At the heart of acute political and interpersonal disagreements were different ideas of UMS members on national healthcare. They naturally aggravated during revolutionary upheavals and an oversaturation of the doctor "market" in Yekaterinburg. The peak of the growing confrontation was an unexpected scandal for the participants in the spring of 1906. It unfolded because of the intolerant wording in a letter asking for help with finding a qualified ophthalmologist for the eye clinic created in Yekaterinburg. Some of the members of the UMS extremely painfully perceived the harsh assessments of the ambiguous act of A. A. Mislavsky, the oldest honorary doctor of Yekaterinburg. As a result, the anti-Semitic component became not an "unfortunate misunderstanding" but a large-scale exacerbation in the long-term confrontation. In addition, the search for reasonable compromises that had begun was interrupted by external interference, which led to a new round of conflict. As a result, a large-scale confrontation in the UMS, during which its leadership changed three times, ended in considerable losses in 1907. A logical consequence was the return to apoliticism as the basic principle of UMS's activity.

Keywords: Ural Medical Society, Yekaterinburg, corporate environment, political disagreements, interpersonal disagreements

Двухлетнее противостояние в Уральском медицинском обществе (в дальнейшем – УМО) в Екатеринбурге в 1905–1907 гг. до сих пор не становилось объектом научного анализа. Это во многом объясняется его конфессиональным аспектом – выходом всех врачей-евреев из состава организации. Реконструкция серьезных противоречий в корпоративной медицинской среде Екатеринбурга опиралась на историко-генетический метод в рамках антропологически ориентированной истории. Необходимые сведения об основных участниках конфликта были взяты из созданной автором сводной базы данных по врачам, служившим в Пермской губернии. Существенную роль для понимания некоторых аспектов противостояния имеют новые документы, выявленные в материалах периодической печати и архивных фондах. В статье восстанавливается комплекс взаимосвязанных объективных и субъективных противоречий во врачебной корпорации Екатеринбурга начала XX в., резко обострившихся в период революционных потрясений 1905–1907 гг. Определяющим фактором для начала противостояния весной 1905 г. стало фактическое размывание базового принципа аполитичности УМО, который последовательно соблюдался с момента создания организации. Это привело к серьезному ухудшению отношений между ее многолетними членами. В основе острых политических и межличностных разногласий фактически лежали различные представления членов УМО об организации отечественного здравоохранения. Они закономерно обострились в условиях революционных потрясений и определенного перенасыщения «рынка» врачей в Екатеринбурге. Пиком нараставшего противостояния стал неожиданный для основных участников

скандал весной 1906 г. Он развернулся из-за нетолерантной формулировки в письме, в котором выражалась просьба о помощи в поиске квалифицированного окулиста для создававшейся глазной лечебницы. Часть членов УМО крайне болезненно восприняла жесткие оценки неоднозначного поступка старейшего заслуженного врача Екатеринбурга А. А. Миславского. В итоге определенная антисемитская составляющая стала не «досадным недоразумением», а причиной масштабного обострения в длительном противостоянии. К тому же начавшийся поиск разумного компромисса был прерван внешним вмешательством, приведшим к новому витку конфликта. В результате масштабное противостояние в УМО, в ходе которого трижды сменилось его руководство, в 1907 г. завершилось серьезными потерями. Закономерным следствием стало возвращение к аполитичности как базовому принципу деятельности УМО.

Ключевые слова: Уральское медицинское общество, Екатеринбург, корпоративная среда, политические разногласия, межличностные разногласия

Деятельность УМО в 1905–1907 гг. была омрачена серьезным противостоянием в корпоративной среде, отрывочные сведения о котором можно почерпнуть в опубликованных протоколах заседаний организации [Записки, 1907; Записки, 1911] и на страницах местных газет того времени [Урал; Уральская жизнь]. При наличии существенных противоречий во врачебной корпорации Екатеринбурга в начале XX в. длительный острый конфликт стал во многом неожиданностью для современников. Впоследствии его непосредственные участники и свидетели в целом одинаково определили его причины, но разошлись в определении масштабов и последствий произошедшего.

Автор некролога о Н. А. Русских (1916) Г. Д. Петров¹ объяснил возникновение острого конфликта в корпоративной среде политическими потрясениями 1904–1906 гг. Само противостояние было определено как «крупное недоразумение между членами Уральского медицинского о-ва» [Петров, с. 656]. Два других известных врача дали похожую оценку причин этого конфликта в историческом очерке о тридцатилетней деятельности УМО (стал следствием «политического шквала»)². По их мнению, он «внес чрезвычайную внутреннюю разруху в жизнь научного общества и потряс его до основания». Председатель УМО Н. А. Русских вынужденно оставил свой пост, «предоставив поле деятельности лицам, иначе мыслившим, более впечатли-

¹ Автор некролога Григорий Диомидович Петров (1869 г. р.) служил врачом в Пермской губернии с 1899 г.: участковым в Верхотурском и Пермском уездных земствах, затем санитарным – в Екатеринбургском [ГАСО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 10. Л. 65–65 об.].

² Иван Каллустович Курдов (1867–1938) служил врачом в Пермской губернии с 1898 г. Он известен как крупный организатор санитарно-профилактической деятельности в Пермском губернском земстве. Доктор медицины Иван Митрофанович Новиков (1865–1927) с 1909 г. заведовал Екатеринбургским роддомом, став одним из самых уважаемых врачей-акушеров.

тельным и резко реагировавшим на политические события» [Новиков, Курдов, с. 91]. В новых исторических реалиях утверждения Советской власти авторы очерка не стали раскрывать имевшиеся существенные отличия во взглядах прежних и новых руководителей организации.

В многочисленных работах по истории медицины в Пермской губернии, в том числе непосредственно по организации и деятельности самого УМО (Н. Смирнова, Т. Г. Кожевникова), а также других общественных организаций Пермской губернии (Е. Ю. Апкаримова, Н. А. Невоструев), это противостояние не упоминается. Причина такого откровенного замалчивания, кроме ограниченной источниковой базы, достаточно очевидна: одним из его последствий стал выход из состава УМО всех врачей еврейского происхождения.

Единственным автором, давшим завуалированную оценку этой части конфликта, стала екатеринбургская журналистка Н. Ф. Гарельшева. В своей научно-популярной книге она однозначно заявила, что А. А. Миславский имел «моральное право чувствовать справедливость своего решения». Но журналистка дезинформировала читателей утверждением о «многих окулистах города, считавших себя вполне подготовленными, чтобы заведовать новой лечебницей» [Гарельшева, с. 43]³. Такой же явной ошибкой является и утверждение об уходе Н. А. Русских с поста председателя УМО в 1907 г. якобы из-за либеральных убеждений [Невоструев, Лядова, с. 37]⁴.

Злополучное письмо

На заседании УМО 1 декабря 1905 г. А. А. Миславский⁵ сообщил о том, что не смог самостоятельно найти квалифицированного специалиста для заведования создававшейся тогда глазной лечебницей его имени⁶. В городе просто не было окулиста с необходимым опытом работы в специализированной клинике. Следует особо отметить, что Миславский не продвигал на должность заведующего глазной лечебницей с солидным годовым жалованием в 1,8 тыс. руб. собственного сына-

³ Необходимость обращаться за помощью к медикам Казани возникла именно из-за реального отсутствия в Екатеринбурге квалифицированного окулиста с необходимым опытом работы в специализированной клинике. Никто из врачей – членов УМО не заявлял о себе как о потенциальном кандидате на занятие вакантного места в создававшейся тогда глазной лечебнице.

⁴ Либеральные убеждения В. М. Онуфриева, сменившего Н. А. Русских в должности председателя УМО, не вызывают сомнений. Причем по ряду принципиальных позиций, например, о необходимости ротации на выборных должностях или по национальному вопросу, он был более либерален, чем его предшественник.

⁵ Доктор медицины Александр Андреевич Миславский (1828–1914) служил врачом в Богословском, Екатеринбургском и Верх-Исетском горнозаводских округах в 1851–1909 гг. Именно в ознаменование 50-летней службы этого медика было принято решение о сборе средств для создания глазной лечебницы его имени в Екатеринбурге.

⁶ Компетенция А. А. Миславского в этом вопросе не подлежит сомнению. Он был блестящим практикующим хирургом, в том числе в области офтальмологии, но сам уже не мог возглавить создававшуюся лечебницу в силу преклонного возраста.

врача Сергея (1862 г.р.), имевшего определенную офтальмологическую подготовку. Хотя в тот период последний служил в Верх-Нейвинском заводском поселке и явно желал перебраться в Екатеринбург.

А. А. Миславский проинформировал членов организации о желании обратиться за рекомендациями в Общество врачей при Казанском университете [Записки, 1907, с. 24]. Никаких возражений по этой просьбе не возникло. К началу 1906 г. здание глазной лечебницы в Екатеринбурге было практически достроено и оснащено необходимым оборудованием. Осмотревшие его специалисты отмечали высокую степень готовности к открытию, которое ожидалось с прибытием заведующего [Урал, 1906, 19 февр., с. 3]. Приглашение стороннего квалифицированного врача, в том числе на конкурсной основе, было обычным явлением для того времени.

В Казань от имени УМО было направлено письмо, составленное его председателем Н. А. Русских. Содержащаяся в нем формулировка о желательности рекомендации врача-окулиста «преимущественно русской национальности» стала поводом для резкого обострения противостояния в корпоративной среде [Записки, 1911, с. 1–2].

18 февраля 1906 г. о своем выходе из состава УМО (без объяснения причин) сообщил его многолетний секретарь, врач еврейского происхождения Иезекиль-Борух Матиас (в русифицированном варианте – Борис Матвеевич) Левенсон (1861–1915) [Записки, 1907, с. 24–25]. Видимо, он узнал о вышеприведенной формулировке и поделился информацией с другими членами организации.

Здесь следует вспомнить инцидент 1892 г., легший в основу рассказа Д. Н. Мамин-Сибиряка «Жид», впервые опубликованного в 1894 г. В нем в образе врача Петрова, раскаявшегося в своем бытовом антисемитизме, был выведен Владимир Владимирович Эберман. Этот городской врач Екатеринбурга умер во время эпидемии тифа 1892 г. [ГАСО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 209. Л. 1–2]. Петрова самоотверженно лечил ранее оскорбленный им по конфессиональному признаку Борис Левенсон, прототипом которого стал Борис Иосифович Котелянский (1860–1892) [Мамин-Сибиряк]. Позитивная оценка деятельности этого врача еврейского происхождения отражена в различных публикациях, включая специально посвященный его памяти номер «Записок» УМО 1893 г.⁷

Административное заседание 28 марта 1906 г. стало пиком противостояния в УМО. Часть членов организации выразила недовольство такой, по их мнению, «оскорбительной формулировкой» критерия определения врача в глазную лечебницу. Подписавший письмо

⁷ Д. Н. Мамин-Сибиряк, проживавший в Екатеринбурге, назвал главного героя рассказа Борисом Григорьевичем Левенсоном. По определенной иронии истории вышеназванный реальный Б. М. Левенсон, как и его прототип Б. И. Котелянский, также стал и частнопрактикующим врачом в Екатеринбурге, и секретарем УМО. А через 12 лет после публикации рассказа он оказался и участником нового конфликта, имевшего националистическую составляющую.

Н. А. Русских перед началом обсуждения передал полномочия по ведению заседания своему товарищу (заместителю) врачу железнодорожного ведомства Михаилу Ивановичу Догадову. Председатель УМО сразу принял на себя всю вину, указав, что отправил письмо по личной просьбе А. А. Миславского. Последний пояснил, что посчитал необходимым искать именно «русского врача» в создаваемую глазную лечебницу по двум причинам – желанию большинства жертвователей и предпочтениям простого местного населения.

Для А. А. Миславского, имевшего почти полувековой опыт непрерывной медицинской практики в Пермской губернии, была очевидной распространенность бытового антисемитизма. При этом он четко заявил, что сам «не имел и не имеет никаких предубеждений против какой-либо нации, а тем более против религиозных убеждений» [Записки, 1911, с. 1–2]. Доводы А. А. Миславского коррелируются с устоявшимися представлениями большинства современников и исследователей о распространении бытового антисемитизма в тот период времени именно у малообразованной части российского общества. А практически безупречная репутация этого врача никогда не вызывала сомнений⁸. Но в условиях нараставшего противостояния в УМО пояснения А. А. Миславского не нашли понимания у части его членов. Врачи С. Р. Чернявский и В. М. Онуфриев продолжали настаивать, что содержащаяся в письме формулировка противоречит базовым ценностям организации, и требовали ее однозначного осуждения. Закрытым голосованием большинство присутствовавших членов УМО (12 против 9) поддержало мнение о ее оскорбительном характере. После этого правление общества сразу же заявило о своей отставке [Там же, с. 1–3].

В «Хронике» ежедневной газеты «Уральская жизнь» содержатся подробности заседания, отсутствующие в протоколе. Здесь сообщалось об «экспрессивных» криках исполнявшего обязанности председателя М. И. Догадова о «расстреле» А. А. Миславского, об униительности обвинений со стороны ряда членов УМО против этого старейшего заслуженного врача⁹. После голосования он и его оставшиеся в меньшинстве сторонники сразу покинули собрание [Уральская жизнь, 1906, 30 марта, с. 2].

Этот конфликт вписывается в общую картину масштабного кризиса Российской империи начала XX в. Для его лучшего понимания необходимо рассмотрение комплекса накопившихся противоречий.

⁸ Единственная известная нам критическая оценка А. А. Миславского (1861 г.) принадлежит екатеринбургскому городовому врачу И. Е. Ковалевскому. Но определенный конфликт между ними был связан исключительно с конкуренцией в сфере доходной частной практики [ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 294].

⁹ А. А. Миславский действительно прослужил дольше всех врачей Пермской губернии: 55 лет к 1906 г. и 58 лет всего. С этим уникальным для того периода времени показателем в регионе могут относительно сравниться только сроки службы С. Ф. Тучемского в горнозаводских госпиталях (45 лет) и П. В. Кузнецкого в Верхотурском уездном земстве (41 год).

Причины противостояния

В основе начавшегося в 1905 г. острого противостояния влиятельных членов УМО, по нашему мнению, лежали политические разногласия, вызванные тенденцией к радикализации общественных объединений в это время.

Американский исследователь Джозеф Брэдли справедливо отметил, что отношения между государством и общественными организациями в России длительное время характеризовались взаимодействием, а не столкновением интересов. Ведь они имели единую декларируемую цель – служение благу России [Брэдли, с. 23]. В заключении своей монографии автор характеризует взаимоотношения государственной власти и общественных организаций в начале XX в. как «нестабильное партнерство», указав на «бескомпромиссную политику самодержавной власти», не пожелавшей допустить утверждение гражданского общества в империи [Там же, с. 440–441].

Профессиональные медицинские организации, созданные для улучшения санитарно-эпидемической обстановки в регионах, оказались в начале XX в. в сложной ситуации. А. С. Туманова отметила, что, «уверовав в бессилие медицины в условиях архаичного государственного строя, врачебная общественность поставила на повестку дня в качестве первостепенной задачи коренное реформирование последнего» [Туманова, с. 99]. В тот период времени для эффективного развития отечественного здравоохранения требовались масштабные реформы. При этом представления о ключевых направлениях изменений у российской бюрократии и большинства врачей зачастую кардинально расходились.

По выводам американской исследовательницы Нэнси Фриден в начале XX в. четко определились негативные последствия бюрократического наступления на базовые принципы организации общественной медицины. Это вызвало существенный рост недовольства значительной части российских врачей, оказавшихся в условиях тяжелого нравственного выбора. Автор определил это отношение как «Civil Disobedience or Civil Duty» («Гражданское неповиновение или гражданский долг») [Frieden, p. 305–311].

Кризис в отечественном здравоохранении в начале XX в., кроме вышеназванного неприятия тенденции жесткой централизации, был обусловлен и серьезными разочарованиями у части врачей в самой его организации. Сорокалетний опыт деятельности земской медицины фактически показал невозможность одновременной реализации в существующих российских реалиях двух ее базовых положений: общедоступности и бесплатности для местного населения. На рубеже XIX–XX вв. новой серьезной проблемой для руководства органов местного самоуправления стала необходимость масштабного расширения специализированной медицинской помощи, требующей содержания затратной материально-технической базы. Врачебное сообщество болезненно воспринимало продолжавшиеся перманент-

ные эпидемии, связанные в том числе с хроническим дефицитом средств на развитие санитарно-профилактического направления. В Пермской губернии проблемы заметно обострялись из-за продолжавшегося неуклонного сокращения заведений горнозаводской медицины. Для достойного ответа на эти многочисленные сложные вызовы требовались существенное перераспределение бюджетов различных уровней и повышение доходов большинства населения [Черноухов Д. Э., с. 223].

Вышеназванная сложнейшая проблема соотношения бесплатной доступной медицины (с определением категории состоятельных пациентов, способных за нее платить) нашла яркое отражение в судьбе одного из активных участников противостояния в УМО доктора медицины Василия Михайловича Онуфриева (1848–1939). Этот многолетний заведующий земско-городского Екатеринбургского роддома (с 1879) создал при нем собственную частную лечебницу (1896). Возникший конфликт интересов раздражал часть руководства уездного земства и Городской думы. В 1905 г. был принят новый устав Екатеринбургского роддома, запрещающий подобное совмещение, и В. М. Онуфриев уволился, сосредоточившись на развитии своей частной лечебницы [ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 312. Л. 67–67 об.].

Еще одной причиной начавшегося противостояния в УМО стало определенное перенасыщение «рынка» врачей в Пермской губернии. В этом регионе тенденция преодоления долголетнего острого дефицита специалистов с высшим медицинским образованием четко прослеживается уже с середины 1880-х гг. Большинство врачей, кроме самой выгодной в материальном плане частной практики, активно, но далеко не всегда успешно искали и должности со стабильным жалованием [Черноухов Э. А., с. 158–159]. Замещение ограниченного количества вакантных мест, в том числе в Екатеринбурге, стало проводиться на конкурсной основе с участием большого числа претендентов.

В начале XX в. конкуренция среди врачей за состоятельных пациентов продолжала обостряться. Так, в Екатеринбурге с населением всего в 50 тыс. чел. частный прием по «женским» болезням в 1906 г. вели как минимум восемь врачей. А в городе также действовали земско-городской родильный дом и специализированная частная лечебница В. М. Онуфриева.

Некоторую напряженность в обострившейся конкурентной борьбе за пациентов создавала и определившаяся тенденция к изменению национального состава врачебной корпорации Екатеринбурга. В частности, после принятия в 1860-х гг. нескольких нормативных актов, разрешавших врачам-евреям проживать вне черты оседлости и занимать должности в различных ведомствах, начался стабильный рост численности медиков этой национальности и в Екатеринбурге. Он коррелируется с общим ростом еврейского населения в регионе [Прощенок, с. 37–39]. В Екатеринбурге в начале XX в. все врачи-евреи занимались частной практикой.

Начавшаяся революция стала катализатором обострения накопившихся сложных противоречий во врачебной корпорации. Это отразилось и в длительном противостоянии в УМО, бывшем важнейшим центром взаимодействия медиков Екатеринбурга. В созданной в 1890 г. корпоративной организации длительное время удавалось поддерживать «внутренний мир», в целом успешно сглаживать периодически возникавшие межличностные конфликты. Определяющим фактором для этого были провозглашенные им аполитичность и исключительно профессиональные цели УМО. При его создании в уставе был закреплен запрет на обсуждение любых политических и бытовых вопросов, чтобы предотвратить возникновение каких-либо «взаимных недоразумений», прямо не относящихся к профессиональной деятельности [Новиков, Курдов, с. 90].

На неукоснительности соблюдения этого принципиального положения в условиях начавшейся революции 1905 г. продолжал настаивать бессменный председатель УМО Н. А. Русских¹⁰. Он неоднократно отмечал и свою персональную ответственность перед государственной властью в том, что организация занимается исключительно профессиональными вопросами.

История конфликта

Аполитичность УМО стала регулярно нарушаться с 1905 г. Несколько влиятельных членов организации (врачи В. А. Доброхотов, А. Я. Мурза, В. М. Онуфриев, А. М. Спаский, С. Н. Чернавин, С. Р. Чернявский) активно включились в политическую деятельность. Они все настойчивее требовали обсуждения на заседаниях УМО противоправных действий представителей государственной власти и ее сторонников в различных сферах с принятием осуждающих резолюций, а затем стали требовать и соответствующих действий против расширявшегося произвола.

Вдохновляющим примером для них стала деятельность Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова (Пироговского общества) – самой крупной и авторитетной отечественной общественной организации медиков в тот период времени. На внеочередном «холерном» съезде этой организации в марте 1905 г. была принята резолюция с радикальными политическими требованиями [Смирнова, с. 49].

Именно после ее обсуждения на заседании УМО во врачебной корпорации Екатеринбурга началось открытое противостояние. В ходе него оппоненты Н. А. Русских все настойчивее требовали пересмотра принципов деятельности организации, фактического присоединения к развернувшимся революционным протестам. После оглашения Ма-

¹⁰ Николай Александрович Русских (1857–1916) служил врачом в Екатеринбургском земстве с 1879 г. В качестве его главных заслуг выделяются активная организация борьбы с детской смертностью, а также инициатива создания УМО и многолетнее председательство в нем.

нифеста 17 октября 1905 г. они прямо заявили, что УМО может больше «не стеснять себя прошлым уставом» [Записки, 1907, с. 2–3, 11–13, 15].

В этом четко определенном противостоянии Н. А. Русских неоднократно заявлял о своей готовности оставить свой пост в случае существенного изменения принципов деятельности организации. При этом он продолжал пользоваться поддержкой большинства членов УМО, выступавших за сохранение закрепленного в уставе принципа аполитичности.

Отставка прежнего руководства УМО в конце административного заседания 28 марта 1906 г. не стала концом конфликта. К тому же он вышел за пределы организации. На следующем заседании УМО 3 апреля 1906 г. его секретарь врач В. К. Поленов осудил «одностороннее» освещение событий в «Уральской жизни». Неназванный им автор этой заметки мог быть только членом организации, так как по уставу на административных заседаниях не допускалось присутствие посторонней публики. У членов сообщества вряд ли были сомнения в том, что заметку написал один из основных участников конфликта Шмиуль Рувимович Чернявский (в русифицированном варианте обычно именуемый Самуилом Романовичем). Этот частнопрактикующий врач активно сотрудничал в «Уральской жизни».

Сглаживая разрастающийся конфликт, А. А. Миславский вновь призвал считать вызвавшую недовольство формулировку «досадным недоразумением». На заседании была принята компромиссная резолюция, в которой отмечалось, что произошедший «печальный инцидент» с учетом «больного национального вопроса» больше не должен повторяться. После этого врачи М. И. Догадов и И. Г. Упоров заявили о возобновлении своей деятельности в УМО [Записки, 1911, с. 3–5].

Поиск компромисса

Открытие Глазной лечебницы им. А. А. Миславского 9 апреля 1906 г. прошло без каких-либо осложнений [Уральская жизнь, 1906, 11 апр., с. 3]. Ранее приглашенный по рекомендации казанских медиков выпускник Московского университета Георгий Иванович Замуравкин (1874–1943) прослужил ее главным врачом несколько десятилетий, став одним из уважаемых специалистов медицинского сообщества [Гарельшева]. На заседании УМО 22 апреля 1906 г. был избран новый компромиссный состав его правления во главе с врачом Горного ведомства Николаем Александровичем Арнольдovým (1855–1934) [Записки, 1911, с. 4–5].

Дальнейшие события не нашли четкого отражения в известных нам источниках. Видимо, часть акторов не были удовлетворены таким вариантом компромисса в корпоративной врачебной среде Екатеринбурга. К тому же с принятием «Временных правил об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. контроль за общественными организациями перешел в ведение губернаторов. Региональная власть стала более активно вмешиваться в их деятельность [Туманова, с. 211, 230, 232].

17 сентября 1906 г. один из основных участников затухавшего противостояния С. Р. Чернявский получил предписание губернатора об административной высылке из Пермской губернии. Причем причины этого наказания не были названы. По мнению самого высылаемого, в основе обвинений против него лежал ложный донос [Уральская жизнь, 1906, 21 сент., с. 3].

На следующем заседании УМО 23 сентября в ходе обсуждения высылки С. Р. Чернявского вновь обострились межличностные противоречия во врачебном сообществе города. Члены недавно избранного правления заявили о сложении полномочий, и они были возвращены старому составу во главе с Н. А. Русских.

Это привело к новому витку обострения отношений. На заседании 18 ноября 1906 г. В. К. Поленов проинформировал о выходе из состава УМО четырех врачей-евреев – М. И. Болухера, Б. М. Бродовского, Б. Х. Ландсберга, И. А. Сяно – из-за «неуплаты взносов» [Уральская жизнь, 1906, 21 нояб., с. 3]. Формальность названной причины была очевидной. Задержка с уплатой взносов являлась обычным явлением в УМО. О необходимости выполнять эту обязанность должникам всегда только ненавязчиво напоминали.

В годовом отчете УМО за 1906/1907 гг. с констатацией «грустный факт» в числе выбывших также были названы врачи Б. М. Левенсон и В. А. Доброхотов [Записки, 1911, с. 30]. К ним следует причислить и высланного из Пермской губернии С. Р. Чернявского. В результате УМО в 1906 г. покинули все шесть врачей-евреев, ранее являвшихся членами организации.

Следует отметить, что «примкнувший к ним» Всеволод Александрович Доброхотов (1857–1908) был одним из самых известных политических деятелей с твердыми либеральными взглядами среди всех медиков Екатеринбурга¹¹. Он активно совмещал различные виды деятельности: врачебную, коммерческую (в частности, арендовал заведение при Нижнесергинских минеральных источниках, содержал водолечебницу в Екатеринбурге) и общественно-политическую.

После этого демарша (ухода недовольных врачей) противостояние в УМО потеряло свою остроту. Этому способствовало и временное завершение революционных потрясений в России. На годичном собрании 19 мая 1907 г. состоялось избрание нового руководства УМО, председателем которого стал В. М. Онуфриев [Записки, 1911, с. 15–16, 18]. Прежний многолетний руководитель Н. А. Русских получил благодарственный адрес от организации, в котором отмечались его «тактичное отношение к дебатам» и сдержанность в период «ожесточенных прений» [Урал, 1907, 27 окт., с. 3].

В целом масштабное противостояние в УМО 1905–1907 г. явилось следствием нарастания комплекса сложных противоречий.

¹¹ В частности, в октябре 1907 г. В. А. Доброхотов был приговорен окружным судом к двухнедельному аресту за свои статьи в газете «Уральская жизнь» [Урал, 1907, 1 нояб., с. 3].

Их обострение предопределили революционные потрясения, приведшие к размыванию базового принципа аполитичности организации. Двухлетнее противостояние показало серьезные расхождения взглядов членов УМО по целям и характеру деятельности организации. Определенная антисемитская составляющая стала лишь одним из неожиданных для основных участников эпизодов в уже развернувшемся конфликте во врачебной корпорации Екатеринбургa. Поэтому неудивительно, что большинство членов УМО стремились не придавать важного значения националистическому аспекту, оценив выход из его состава врачей-евреев как «печальное недоразумение».

В организации вернулись к аполитичности как базовому принципу деятельности. В 1912 г. Н. А. Русских был вновь избран председателем УМО и оставался им до своего отъезда в Санкт-Петербург (1916). В до-революционной истории врачебной корпорации Екатеринбургa нам неизвестны какие-либо другие серьезные конфликты ни на политической почве, ни с определенной националистической составляющей.

Библиографические ссылки

Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М. : Новый хронограф, 2012. 448 с.

Гарельшьева Н. Ф. Я избрал специальность окулиста. Екатеринбург : Изд-во УГМА, 2011. 128 с.

ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 312; Оп. 2. Д. 209; Ф. 129. Оп. 1. Д. 294; Ф. 416. Оп. 1. Д. 10.

Записки Уральского медицинского общества в Екатеринбургe. XV год. Екатеринбург : Тип. газ. «Урал. край», 1907. 33 с.

Записки Уральского медицинского общества в Екатеринбургe. XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI гг. Екатеринбург : Тип. Доброхотовой, 1911. 299 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Жид // Веси. 2008. № 8. С. 129–133.

Невоструев Н. А., Лядова В. В. Роль и место общественных организаций в становлении и развитии элементов гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Пермской губернии) // Genesis: ист. исслед. 2020. № 8. С. 34–51. DOI 10.25136/2409-868X.2020.8.33706.

Новиков А. И., Курдов И. К. Краткий очерк деятельности Уральского медицинского общества в г. Екатеринбургe // Урал. мед. обозрение. 1922. № 1. С. 90–94.

Петров Г. Д. Николай Александрович Русских (1857–1916) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1916. № 9–10. С. 649–659.

Проценко Т. В. Еврейское население Урала в XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2000. 316 с.

Смирнова Е. М. Медики в годы Первой русской революции // Общество: философия, история, культура. 2017. № 9. С. 48–52. DOI 10.24158/fik.2017.9.10.

Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М. : Новый хронограф, 2008. 320 с.

Урал. 1906. 19 февр.; 1907. 27 окт.

Уральская жизнь. 1906. 30 марта, 11 апр., 21 сент., 21 нояб.

Черноухов Д. Э. Проблема частичной платности земской медицинской помощи в Пермской губернии // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2019. № 2 (30). С. 217–227. DOI 10.32516/2303-9922.2019.30.13.

Черноухов Э. А. «Ни чинов, ни орденов, ни пенсии на старость не дается». Положение врачей Пермской губернии в конце XIX века // Родина. 2012. № 11. С. 158–160.

Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton, N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1981. 398 p.

References

Bradley, J. (2012). *Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo* [Public Organizations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society]. Moscow, Novyi khronograf. 448 p.

Chernoukhov, D. E. (2019). Problema chastichnoi platnosti zemskoi meditsinskoi pomoshchi v Permskoi gubernii [The Problem of Partial Payment for Zemstvo Medical Care in Perm Province]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (30), pp. 217–227. DOI 10.32516/2303-9922.2019.30.13.

Chernoukhov, E. A. (2012). “Ni chinov, ni ordenov, ni pensii na starost’ ne daetsya”. Polozhenie vrachei Permskoi gubernii v kontse XIX veka [“No Ranks, no Orders, no Old-age Pensions are Given”. The Status of Doctors in Perm Province in the Late Twentieth Century]. In *Rodina*. No. 11, pp. 158–160.

Frieden, N. M. (1981). *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905*. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press. 398 p.

Garelysheva, N. F. (2011). *Ya izbral spetsial'nost' okulista* [I Chose to Become an Oculist]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. 128 p.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 18. List 1. Dos. 312; List 2. Dos. 209; Stock 129. List 1. Dos. 294; Stock 416. List 1. Dos. 10.

Mamin-Sibiriyak, D. N. (2008). Zhid [Jew]. In *Vesi*. No. 8, pp. 129–133.

Nevostruev, N. A., Lyadova, V. V. (2020). Rol' i mesto obshchestvennykh organizatsii v stanovlenii i razvitii elementov grazhdanskogo obshchestva v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (na primere Permskoi gubernii) [The Role and Place of Public Organizations in the Formation and Development of Elements of Civil Society in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (with Reference to Perm Province)]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 8, pp. 34–51. DOI 10.25136/2409-868X.2020.8.33706.

Novikov, A. I., Kurdov, I. K. (1922). Kratkii ocherk deyatel'nosti Ural'skogo meditsinskogo obshchestva v g. Ekaterinburge [Brief Outline of the Activities of the Ural Medical Society in Yekaterinburg]. In *Ural'skoe meditsinskoe obozrenie*. No. 1, pp. 90–94.

Petrov, G. D. (1916). Nikolai Aleksandrovich Russkikh (1857–1916) [Nikolai Aleksandrovich Russkikh (1857–1916)]. In *Vrachebno-sanitarnaya khronika Permskoi gubernii*. No. 9–10, pp. 649–659.

Proshchenok, T. V. (2000). *Evreiskoe naselenie Urala v XIX–XX vv.* [The Jewish Population of the Urals in the 19th – 20th Centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 316 p.

Smirnova, E. M. (2017). Mediki v gody Pervoi russkoi revolyutsii [Doctors during the First Russian Revolution]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 9, pp. 48–52. DOI 10.24158/fik.2017.9.10.

Tumanova, A. S. (2008). *Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Public Organizations and the Russian Public in the Early 20th Century]. Moscow, Novyi khronograf. 320 p.

Ural [Ural]. (1906). February 19. (1907). October 27.

Ural'skaya zhizn' [Ural'skaya Zhizn']. (1906). March 30, April 11, September 21, November 21.

Zapiski Ural'skogo meditsinskogo obshchestva v Ekaterinburge. XV god [Notes of the Ural Medical Society in Yekaterinburg. 15th Year]. (1907). Yekaterinburg, Tipografiya gazety “Ural'skii kraj”. 33 p.

Zapiski Ural'skogo meditsinskogo obshchestva v Ekaterinburge. XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI gg. [Notes of the Ural Medical Society in Yekaterinburg. 16th, 17th, 18th, 19th, 20th, 21st Years]. (1911). Yekaterinburg, Tipografiya Dobrokhotovoi. 299 p.

The article was submitted on 22.03.2022

**«Танго вдвоем»: женские интервью
в клинической репродуктивной практике***

Наталья Граматчикова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Ирина Полякова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“Tango for Two”: Women’s Interviews
in Clinical Reproductive Practice****

Natalya Gramatchikova

Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

Irina Polyakova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article attempts to combine data obtained through interviews by a psychologist of female donors participating in an assisted reproductive technology program and interpret them through narrative analysis and communicative situation analysis. The article describes the structure of an oocyte-donor which has never been done before with reference to Russian-language material. An ethical platform for the study is openness to a new type of scientific knowledge that results from the interpretation of the informants’ answers who try to comprehend their motives to donate. The narrative analysis

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22–28–01694.

** Citation: Gramatchikova, N., Polyakova, I. (2023). “Tango for Two”: Women’s Interviews in Clinical Reproductive Practice. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 554–570. DOI 10.15826/qr.2023.2.805.

Цитирование: Gramatchikova N., Polyakova I. “Tango for Two”: Women’s Interviews in Clinical Reproductive Practice // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 554–570. DOI 10.15826/qr.2023.2.805 / Граматчикова Н., Полякова И. «Танго вдвоем»: женские интервью в клинической репродуктивной практике // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 554–570. DOI 10.15826/qr.2023.2.805.

of 21 transcripts helps determine the roles of the interviewer and the informant at each stage and their contribution to the discussion-testing communicative situation. The interview includes several stages, such as “a window to the past”, at which the autobiographical narrative is recorded as comprehensively as possible; a description of the donor’s current state which focuses on strategies for solving problem situations; the interview ends with a series of thought experiments that allow the psychologist to assess the emotional stability of the potential donor and make a forecast regarding the prospects for long-term cooperation with the reproductive medicine clinic. The paper outlines the cases of participants’ cooperation and mismatches in building a credible and value-consistent autobiographical narrative that includes the donation experience. The authors seek to fit this experience into a broader value context, including a compensatory one related to the urgent problems of potential donors. Women’s answers help specify the concept of donor ‘multi-motivation’. The ambiguity of public opinion regarding donation as a reproductive medicine phenomenon is expressed in the fact that the availability of information for those who are aware of the issue co-exists with donors’ persistent reluctance to display their activity outside the inner circle. Research perspectives include the need to consider the narrative contribution of each participant in the situation of reproduction, i.e. physicians, donors, and recipient parents, and its further use in practice.

Keywords: guide, narrative, reproduction, infertility, donors, autobiography, self-description

Статья представляет собой опыт соединения данных, полученных в результате опроса психологом женщин-доноров – участников программы вспомогательных репродуктивных технологий, и их интерпретации в рамках нарративного анализа и анализа коммуникативной ситуации. Впервые на русскоязычном материале описана структура гайда доноров ооцитов. В качестве этической платформы исследования заявлена открытость новому типу научного знания, возникающему из интерпретации ответов информанток, самостоятельно осмысляющих мотивы, приведшие их к решению о донации. На основании нарративного анализа 21 транскрипта определены роли интервьюера и информанта, а также вклад обеих сторон в коммуникативную ситуацию беседы-тестирования. Беседа включает в себя несколько этапов: «окно в прошлое», где автобиографический нарратив фиксируется в наибольшей полноте; описание сегодняшнего состояния донора, где на первый план выходят преобладающие стратегии решения проблемных ситуаций; в заключение – серия мысленных экспериментов, позволяющих психологу прогностически оценить эмоциональную устойчивость потенциального донора. Отмечены моменты сотрудничества и несовпадений участников в выстраивании убедительного и непротиворечивого автобиографического нарратива женщин, переживших опыт донации. Предпринята попытка вписать этот опыт в широкий ценностный контекст, особенно в компенсаторный по отношению к актуальным проблемам потенциальных доноров. На основании высказываний уточнены женские приоритеты в отношении «полимотивированности»

доноров. Неоднозначность общественного мнения в отношении донорства в репродуктивной медицине выражается в том, что сравнительная доступность информации для тех, кто владеет темой, соседствует со стойким нежеланием доноров афишировать свою деятельность за пределами ближайшего круга. Перспективы исследования лежат в необходимости рассмотреть нарративный вклад каждой участвующей в ситуации репродукции стороны: медиков, доноров, родителей-реципиентов и дальнейшего использования в практике.

Ключевые слова: репродуктивные технологии, бесплодие, донорство, автобиография, самоописание, гайд, нарратив

Развитие сферы донорства, в частности донорства ооцитов, приводит не только к увеличению количества женщин-доноров, вовлеченных в практики репродуктивной медицины, но и к необходимости совершенствовать подходы к их отбору и подготовке. По данным зарубежных исследований, использование донорской яйцеклетки – одна из самых эффективных технологий в репродукции, помогающих людям с диагнозом «бесплодие» стать родителями [Hogan et al., 2020; Barri et al.]. При этом применение донорского материала остается одной из самых спорных репродуктивных технологий [Beeson et al.], что требует дальнейшего изучения не только в медицине, но и в социокультурном аспекте.

В ходе реализации проекта «Социально-психологическое благополучие доноров ооцитов: социокультурные факторы и особенности мотивации» в период с 10 января по 31 марта 2022 г. было проведено 21 полуструктурированное полуторачасовое интервью с женщинами, выразившими желание стать донорами ооцитов¹ и подходящими по состоянию здоровья. Итогом интервьюирования должно было стать заключение психолога о готовности и мотивированности к процедуре донации либо о потенциальных рисках дальнейшего сотрудничества с донором для клиники. Однако нарративы, полученные в ходе интервью, дают материал для исследования других проблем: во-первых, рефлексии относительно структуры гайда (руководства) и, во-вторых, интерпретации высказываний женщин не только в оптике «обратной связи», но как полноценных участников обретения нового знания о побудительных мотивах донорства и его обусловленности жизненной ситуацией.

Задачи интервьюирования, структура гайда и методика анализа

Процедура донорства сопряжена с высокими рисками для физического здоровья женщины-донора, поэтому крайне актуальна пробле-

¹ Ооциты – женские половые клетки, благодаря которым реализуется репродуктивная функция организма.

ма поддержки ее психологического и физического здоровья не только во время, но и после окончания процедуры донации.

Таким образом, актуальные задачи интервьюирования можно сформулировать так:

1) выявление внешних и внутренних социокультурных факторов, влияющих на мотивацию донорства ооцитов в зависимости от отсутствия/наличия опыта донации, возраста респондентов, социального и материального положения;

2) выявление и систематизация социальных и этико-психологических проблем (барьеров) донорства ооцитов;

3) разработка комплексной междисциплинарной методологии отбора и психологической поддержки доноров в репродукции.

На основании имеющегося в науке опыта [Graham et al.; Hogan et al., 2021; Winter, Daniluk; Здравомыслова, Темкина] и трех пилотных интервью был разработан гайд, включающий следующие блоки: семейный анамнез клиента (родительская семья и детство); актуальная семейная ситуация женщины; донорство ооцитов и все его составляющие. Это позволило в итоге получить необходимый для анализа нарратив.

Методика анализа интервью базируется на нескольких важных теоретических положениях. В качестве базового принципа анализа мы опираемся на подход к качественному исследованию интервью С. Квале, постулирующего открытость и доверие к новому типу знания не ради страницы психологического заключения по итогам собеседования, но возникающему в ответах женщин-доноров, самостоятельно проговаривающих те узловые моменты, которые привели их к такому важному событию [Квале].

Во время интервью тандем «психолог (интервьюер) – донор» выстраивает определенный автобиографический нарратив, в котором можно выделить слои «рутинного», «событийного» и «скрытого» [Голофаст]. Особый характер ситуации, ее исключенность из повседневных практик и оформленность в виде беседы позволяют интерпретировать подобные тексты и как тексты самоописаний. Учитываем мнение Н. Лумана, который определял возможности и пределы самоописания систем общества, выявляющих относительность и в то же время критическую важность разделения на субъекта и объект и указывал на неизбежность самоупрощений подобных самоописаний [Луман]. Самоописание создает саморефлексивный нарратив, условием которого является временная приостановка «системных операций», позволяющая системе оценить и описать себя как обособленную, противопоставив тому, чем она не является. Н. Луман отмечает парадоксальность таких самоописаний, поскольку сами системы являются частью того, что описывают, порождая интеграцию различий ради воссоздания собственного единства [Там же].

Для исследовательских целей выделены три тематических сферы гайда: семейная ситуация в родительской семье донора, нынешняя семейная ситуация женщины и некоторые варианты возможного буду-

щего. Каждая из сфер соотносима с одной из временных модальностей: прошлое (опыт детства), настоящее («я сейчас, я сегодня») и будущее.

Антропологическая перспектива исследовательского взгляда глубоко релевантна материалу, поскольку сфера репродукции напрямую связана с универсалиями человеческого бытия и имеет непосредственное отношение к жизни, смерти и смыслу существования, каким бы медицинским либо бытовым антуражем это ни оформлялось. Накопленные материала формирует «панорамное измерение» этой сферы.

«Дверь в прошлое»: детство информанта в родительской семье

Вход в разговор через семейную историю информанта в большинстве случаев оказывается достаточно удачным для установления комфортной психологической атмосферы и прояснения коммуникативного поведения женщины-донора².

На данном этапе психолог определяет свою сверхзадачу исходя из принципа «не навреди»: при встрече с непроработанным травматическим опытом прошлого специалист старается «отзеркалить» его наличие для самой женщины и обсудить его, если пациентка к этому готова и идет на контакт: [Скажите, пожалуйста, каким было ваше детство?] *Я один ребенок в семье. Ребенок 90-х. Не скажу, что у меня было идеальное детство, как у людей в достатке. Но мама старалась делать все. Обычное... [..Но в детстве к вам применяли физические наказания?] Да, знаете, в некоторых моментах мне было, наверно, очень обидно. Я не понимала, почему это, но сейчас, анализируя прошлую жизнь, я понимаю. Она работала с 9 до 9. Моим воспитанием занималась бабушка. То есть она всегда была эмоционально истощена. Папа, так скажем, немножко гуляющий. Ей тем более сейчас не докажешь – мама, ты вот тут неправа. [Вы помните, каким словом в нашей беседе Вы охарактеризовали свое детство?] На данный момент нет. [Обычное.] Ну, достаточно, да. [Нет. Далеко не всех детей, тем более девочек, бьют родители, тем более мать. Это не обычно] (Д21).*

Травмирующая ситуация, вызывающая сопротивление кандидата в доноры, обходится при разговоре: [Ваши родители в курсе?] *Нет, мама у меня умерла. Папе не говорила. [А почему?] Не считаю это нужным. [А брату?] Брат умер. [А что случилось с вашими родными?] Я не хочу об этом говорить (Д17).*

Постоянные переключения от прошлого к настоящему, исходящие от психолога, соединяют события биографии, и это нередко становится сюрпризом для самой женщины, находящейся в отношениях диссоциации с прошлым негативным опытом.

² Гайд предполагает варианты в зависимости от наличия либо отсутствия опыта донации, однако мы рассмотрим ситуацию в общем виде, не фокусируясь на этих различиях (см. табл.).

Собственное детство чаще всего определяется информантом как привычное и разделенное с большинством. Иногда понимание психолога и мнение донора совпадают: [Каким было ваше детство?] *Прекрасное. То есть меня любили, одевали, кормили. То есть хорошее полноценное детство.* [Детство... с выездами домашними, с пирогами, с книжками]. *Да, да. С пикниками на свежем воздухе, да* (Д12).

Другой пример: [А как вы можете охарактеризовать свое детство? Каким оно было?] *Не знаю, обычное, среднестатистическое, советское, понятно, что были какие-то моменты, когда чего-то не хватало, были хорошие моменты, не знаю, чего-то негативного нет.* [То есть счастливым свое детство вы назвать не можете?] *Мы жили... в маленьком городе и тоже там не всегда всем были обеспечены, чем хотелось бы. Но в плане взаимоотношений в семье все было хорошо, не было каких-то негативных ситуаций* (Д14). Этот диалог демонстрирует, что исследователь и информант рассматривают семейную историю женщины с принципиально разных позиций: эксперт сосредоточен на том, чтобы выявить факторы семейного благополучия/неблагополучия как важную часть мотивировочного комплекса, прояснить характерные для женщины стратегии и тактики решения проблем; в то же время женщина оказывается в позиции человека, которому нужно в ограниченный промежуток времени воссоздать нормализованную картину отношений родительской и/или нынешней семьи. При этом и в бытовом понимании, и в российской научной литературе отсутствует четкое определение критериев семейного благополучия/неблагополучия. Исследователи пользуются несколькими видами классификаций неблагополучия семьи, проведенных по нескольким основаниям = факторам риска: медико-биологическим, социокультурным, психологическим, социоэкономическим и др. [Курагина].

Вопросы и уточнения интервьюера заставляют некоторых женщин по-иному посмотреть на обстоятельства привычного прошлого и – что труднее – *проговорить* их. Тогда донорское «жаловаться не могу, все хорошо было» (Д20) на языке иной социальной страты обнаруживает опыт многолетнего семейного насилия со стороны отчима; постоянное проживание с бабушкой с деменцией в одной комнате определяется психологом как реальная проблемная ситуация (Д4); начало сексуальной жизни в 12 лет информантка привычно скрывает от гинекологов в попытке избежать выслушивания их «мнений», но уточняющие вопросы психолога перемещают ее в правовое поле сексуальной жизни до 18 лет: [...Это был именно мальчик? Не взрослый мужчина?] *Нет, это взрослый мужчина, тогда мне так не казалось, ему было 19 лет.* [То есть он был подсуден, собственно, и мог сесть за растление малолетних.] *Угу.* [Но это было по обоюдному согласию?] *Да* (Д6).

Начав с дежурного «[Детство] хорошее, всегда куда-то ездили на природу с родителями, дружно, всегда вместе», донор переходит к описанию деградирующих отношений с отцом: *У нас с папой отно-*

шения такие уже не первый год. Привыкла уже. Не больно, не грустно, не весело, равнодушно (Д4).

Другой пример: развод родителей, алкоголизм и суицид матери, сложная судьба младшего брата поддерживают у донора острое чувство вины. Успешные, по мнению психолога, стратегии совладающего поведения донора (создание семьи и рождение детей, обучение нескольким востребованным профессиям) не отменяют «вопросов к прошлому», нерешенность которых ведет к невозможности оценить свое детство и прошлое в целом: [А как вы свое детство можете охарактеризовать?] – *Даже не знаю... Не знаю... Сложно охарактеризовать свое детство.* [А как вы думаете, вы сейчас взрослая женщина, мама двоих детей, почему ваша мама выбрала такой путь?] – *Для меня это самая большая, наверно, загадка. Больше всего, наверно... Сейчас я очень часто стала задумываться, что ее [подтолкнуло, привело] к такому поступку... Как можно было оставить своих детей... <...> И я не понимаю до сих пор, я никак не могу это вообще оправдать, для меня непонятно, как так можно* (Д6).

Благополучная ситуация в детстве вкупе с высокими коммуникативными компетенциями позволяет другой женщине выстраивать диалог на сочетании убедительной открытости, выгодной саморепрезентации и определенности личных границ: [Каким было ваше детство?] *У меня было счастливое детство. У меня мама, папа. Я занималась бальными танцами, занималась в Доме творчества. Также много времени уделяла учебе* (Д7). Аналогичным образом размечены ее ответы про отношения – как прошлые, так и актуальные на сегодня. *После 18 лет у меня появился ухажер, я лишилась девственности, если будет такой вопрос, в 18 лет. Половых партнеров было не так много. Если надо количество, я вам назову, если можно скрыть, то я лучше предпочту скрыть* (Д17). В таких случаях можно говорить о благоприятной нарративной картине, которую кандидат в доноры способен внятно представить в ситуации тестирования.

Итак, в тематической сфере, касающейся прошлого женщины-донора, формируется автобиографический нарратив, где на поверхности преобладает повседневное, кажущееся рутинным [Голофаст]. Уточняющие вопросы психолога переводят ряд практик в разряд событийных: уход за малолетним братом, раннее начало сексуальной жизни, многолетнее проживание в одном жилом помещении с психически больным родственником, несостоятельность родительской позиции матери или отца и др. Так происходит, когда самостоятельно выстроенные защиты от непереработанного опыта прошлого не поддерживают, и женщина оказывается лицом к лицу со своими прежними проблемами и чувствами. В некоторых случаях коммуникативных компетенций достаточно, чтобы не пустить разговор в нежелательное русло (см. выше: Д17), тогда данная тема может быть маркирована как скрытая, а специалист отмечает, что выстроенная женщиной иерархия тем и проблем как минимум обладает устойчивостью, раз

ей удастся сохранить приватность тех сфер, которые она не хотела бы обсуждать в ситуации входного тестирования.

«Я сегодня»: самоописания настоящего

В настоящем женщины чувствуют себя более уверенно. В этой части вопросы психолога касаются актуальной семейной ситуации, внутрисемейных отношений и распределения ролей (в том числе финансового обеспечения семьи), места работы, желаемого числа детей и организации досуга.

Выбор женщин в пользу участия в процедуре донации, как правило, соответствует их представлению о ресурсах, которые они могут использовать для улучшения своей жизненной ситуации в самом широком смысле. Поэтому возможные риски для фертильности из проективного, то есть возможного, но не существующего пока будущего ими легко преодолеваются за счет меньшей доли тревожности в отношении потенций будущих угроз по сравнению с уже существующими проблемами настоящего³. Обычно женщинам достаточно заверений медиков в безопасности процедуры «два или три раза в жизни» (Д17), и «там если не переусердствовать, конечно, то вроде бы никаких рисков не несет» (Д5). Кроме того, никто из потенциальных доноров прежде не имел серьезных проблем со здоровьем.

Важным фактором, напрямую влияющим на готовность женщины участвовать в программе донорства, становятся условия, которые может предложить ей клиника, включая полное медицинское обследование в процессе подготовки. Доступность такого уровня сервиса и медицинских услуг без оплаты со стороны пациента крайне ограничена в сегодняшних условиях, поэтому женщины-доноры воспринимают эту часть программы как вклад в свое здоровье и своего рода шаг вверх по социальной лестнице, тем более выгодный, что совершается он без взаимодействия с бюрократизированной государственной системой здравоохранения. Здесь мы отмечаем инструментальное отношение к своему здоровью, характерное для населения с невысоким социальным статусом, и выраженное стремление заботы о себе, вербализуемое у информанток в желании найти «хорошего врача» и «правильную клинику» в ходе донорской программы⁴.

³ Исследования канадских коллег подтверждают оптимистичный (иногда излишне) взгляд женщин на процедуру донации [Winter, Daniluk p. 487].

⁴ О подобных практиках в общероссийском контексте репродуктивной медицины см.: [Здравомыслова, Темкина, с. 179–210]. Важное отличие в процедурах подготовки к донации состоит в том, что у зарубежных авторов речь идет о психологическом консультировании пар до достижения консенсуса [Winter, Daniluk, p. 485], в российских реалиях вся нагрузка по разъяснению и согласованию своего решения с кругом заинтересованных лиц лежит на женщине-инициаторе. В целом это укладывается в типичную для России гендерную схему, когда «ресурсы, доступные женщинам, и их убеждения в отношении здоровья во многом определяют стратегии лечения всей семьи» [Аронсон, с. 159, 166].

Молодые семейные и одинокие женщины с детьми распределяют свое время между подработками и учебой⁵; их досуговые активности развиты слабо и легко монетизируются = представляют собой вариант «творческой подработки» (например, маникюр), открытие своего дела озвучивается как мечта (Д4). У молодых мам с двумя детьми семейные заботы поглощают все время (Д5).

При этом невнятная картина семейного прошлого коррелирует с непроясненностью желаний настоящего – в том числе в отношении того, что касается выбора профессии. Например, Д6: обожает роддом, работала операционной сестрой, утверждая, что в этой сфере деятельности «нет развития и карьерного роста», учится на заочном в ветеринарном, боится животных, особенно собак, и др. Окружение описывается ею как дружелюбное и не проблематизируется: *Большинство свободного времени занято, и даже некогда сесть и подумать: «Блин, почему у меня нет отношений?» То есть страданий нет. [А какое ваше дружеское окружение?] Дружеское окружение – это люди с учебы сейчас в основном, потому что большинство времени вместе проводим, и также еще друзья школьные, и еще я раньше тренировалась, занималась спортом, оттуда еще остались друзья очень хорошие* (Д12).

Среди наших материалов ситуации явного неблагополучия отношений (партнер полностью равнодушен к решению о донорстве, «мало вкладывается» в отношения и организацию совместного быта и жизни вообще) в меньшинстве. В этих случаях желание женщины использовать потенциал фертильности для улучшения своей финансовой ситуации понятно, но оно не является первичным.

Треть женщин (7 из 21) пережили развод и находятся во втором браке или «в отношениях». Инициатива развода чаще описывается ими как собственная, мотивированная бытовыми условиями: *Нет на самом деле какой-то веской причины, обычная бытовая какая-то ситуация в декрете, то есть я до декрета очень много работала, а в декрете, когда уже стала понимать, с кем нахожусь рядом, меня [это] не очень устроило, и было принято решение, мы расстались, но ради ребенка сохранили хорошие отношения* (Д12).

На другом полюсе – картина устойчивой семейной жизни, подчиненной общим для супругов ценностям: *У нас очень схожие направления были в плане семьи, что это должно быть осознанно, мы обсуждали детей. Традиционную семью, чтобы у нас были правила дома какие-то. Могу рассказать, что мы даже перед тем, как вступить в половой акт, сдали анализы, я ему говорю: «Уважаемый, я хочу быть предельно с тобой откровенной... мне безопасность наша очень важна». И мы обоих детей наших планировали... то есть у нас довольно-таки серьезные отношения к детям, и к здоровью детскому – тем более* (Д17).

⁵ Из активностей детства и юности информантки чаще других называют хореографию, гимнастику, легкую атлетику, чирлидинг, игру на гитаре. С осторожностью можно предположить, что в прошлом большинство из них имело опыт активного взаимодействия с собственной телесностью.

Вопрос о согласованности/несогласованности участия в донорском проекте с Богом, то есть высшими силами и ценностями, во всех случаях инициирован психологом. Сами информантки довольно легко прибегают к этой категории для описания проблем женщин, не могущих забеременеть («Бог не дает», «Бог даст позже»), некоторые из них избирательно следуют бытовым практикам религиозности: *Я верю, что, если покрестить, будет ангел-хранитель. Я верю в святую воду, когда они режут, их умыть. Но, допустим, ходить ставить свечки за здоровье – этого я не делаю* (Д5). Функцию актуальной регуляции поведения выполняет не Бог, но авторитетные взрослые: [То есть Бог ваш, который внутри, с этим поступком согласен?] *Да.* [Ничего не чувствуете такого?] *Нет, я же не делаю ничего плохого. Если бы я делала что-то плохое... Я очень много анализирую свои поступки, даже иногда это загоняет меня в какие-то рамки, и это мне очень не нравится. Поэтому, если бы это было что-то плохое, я бы вообще не стала делать.* [А с чем сравниваете?.. Какой есть ориентир?] *Наверное, ориентир – мама у меня, просто я сейчас все время с детьми. Допустим, даже какой-нибудь... ребенок подойдет, скажешь ему что-нибудь, потом думаешь: «А если бы мама... а мне же мама так не говорила в детстве, значит, я поступаю неправильно»* (Д5).

При прямом вопросе об отношении «вашего Бога» к процессу донации ооцитов женщины определяют отношения с Богом на равных, описывая их в интонациях, схожих с информированием далеких родственников: [А ваш Бог одобряет эту деятельность?] *Я это не спрашивала у него, я же решу, не он. Я это никогда даже не думала спрашивать.* [А почему?] *Потому что у меня есть свое мнение* (Д12). Место высших ценностей могут занимать астрологические интересы, «родология» как «помощь своему слабому роду», популярна идея «бумеранга»: *Я хочу помочь людям, чтобы у них появились дети. Я хочу, чтобы у них было такое же счастье, как у меня* (Д17).

Что нам говорят нарративы женщин об их настоящем? Мы видим, как в производимых женщинами текстах и исследовательском взгляде на них пересекаются несовпадающие рамки самоописания и (авто)-этнографии. В самой ожидаемой непротиворечивой системности выводов, проявленной в том числе и в композиции этого раздела, мы усматриваем влияние этнографической рамки, систематизирующей, упрощающей и в некотором роде традиционно архивизирующей отмечаемые тенденции. Для специалиста в рассказе о настоящем кандидатов в доноры критически важны их социальный опыт, стратегии совладания и решения проблем, характер ближайшего окружения.

Ценностный, надпрагматический уровень мотивации представлен в интервью не слишком развернуто: кроме социально одобряемых мотивов («помочь людям», «помочь родиться желанному ребенку», «оставить свои гены» и др.), остальное требует разъяснения

и часто не вполне очевидно для самой женщины. Однако именно здесь мы оказываемся ближе всего к тому обобщенному, интегральному образу «я», который формируется в автобиографическом повествовании, выводящем «сознание, мышление на особый временной горизонт – в макровремя человеческой жизни. Здесь возникает зыбкий, может быть, неожиданный или даже пугающий смысл таких слов, как “жизнь”, “судьба”, “счастье”, “жизненный путь”, “событие”, “случай”... Часть этих слов используется каждодневно, но, когда их применяют к себе, разговор переходит в особую плоскость» [Голофаст, с. 73].

«Проективное будущее» и мотивация донорства

В странах со строго регламентированной процедурой донорства ооцитов существует сложный процесс скрининга, который включает всестороннюю социальную, медицинскую и психологическую оценку кандидатов на донорство [ASRM]. Исследования показали, что из 315 телефонных запросов от потенциальных доноров только 38 женщин (12 %) входят в пул активных доноров [Gorrill et al.]. Другая научная группа [Levy et al.] считает, что наиболее частой причиной отказа от услуг донора являются проблемы с психическим здоровьем (24 %).

В нашем случае итогом интервьюирования для клиники становится заключение психолога о готовности женщины к протоколу донации, о наличии четкой и непротиворечивой мотивации, об общей адекватности и контактности пациентки. В связи с этим во второй части интервью психолог переходит к вопросам о мотивах донации, стремясь прежде всего оценить вероятность продолжительного успешного сотрудничества женщины с клиникой исходя из ее психологических и ценностных установок.

Исследователи выделяют полимотивированность женщин: наряду с финансовыми, присутствуют альтруистические мотивы, позволяющие, в частности, развиваться репродуктивным программам в странах, где законодательно запрещено денежное вознаграждение донорам ооцитов [ASRM].

К моменту психологического тестирования решение о донации уже принято женщиной лично и согласовано со значимым близким кругом (врач-гинеколог и муж), либо близкие поставлены в известность и не имеют выраженного мнения по этому поводу, удовлетворяясь разъяснениями по поводу безопасности самой процедуры для здоровья. Сами доноры в большинстве своем ощущают этот проект как зависящий лично от их решения и не затрагивающий негативно их близких. Относясь к собственной фертильности как к ресурсу, женщины обдумывают решение в парадигме «мое тело – мое дело», однако при этом данные интервью свидетельствуют, что сохранение внутрисемейного согласия очень важно для тех, кто состоят в браке (14 из 21 женщины в нашей выборке).

Иногда лояльность окружения к донорству достигается не сразу, однако первоначальное сопротивление не остановило женщину, для которой донорство является лишь частью более широкого проекта самопреодоления. Это более характерно для молодых незамужних женщин, проживающих в родительской семье и стремящихся к независимости (Д4), либо для тех, кто таким образом чают «выплатить долг прошлому», искупив вину (Д6).

Во всех случаях донорство оказывается вписано в более широкий проективный контекст, который женщины в разной степени озвучивают на интервью. Все участницы склонны минимизировать возможные негативные последствия этого шага, для чего читают статьи о донорстве, разговаривают с врачами, информируют близких, но не спешат делиться с окружающими. Некоторые контексты донорства встречают большее понимание психологов (например, финансовое вознаграждение), тогда как другие ведут к дополнительным вопросам-«проверкам»: [Вам это вообще не нужно, [исходя] из того, что вы рассказываете... нет ни одного реального мотива...] *Я сейчас задумалась о том, что вы сказали* (Д19). Затем информантка задает ряд вопросов по поводу условий отказа от участия в проекте и признается, что мало думала о возможных неблагоприятных сценариях для себя лично: *Я просто никогда не думала о том, что будут какие-то риски с моей стороны, что у меня что-то пойдет не так* (Д19).

Заключительная часть интервью представляет собой ряд мысленных экспериментов с элементами психодрамы: психолог описывает ситуации возможного будущего, иногда принимая на себя роли значимых родственников (например, родителей женщины), и наблюдает реакцию информантки. Техника выглядит достаточно эффективной, если под эффективностью иметь в виду возможность получить эмоциональную и вербальную реакцию в течение короткого времени (около 15 мин). При этом если на первом этапе исследователь занимает нейтральную позицию (что задано самим дискурсивным строением ситуации рассказа о прошлом и репрезентации настоящего), то в этой части позиция специалиста несет черты агональности, в ряде случаев доходя до провокативности («У нас с вами только полтора часа, и полчаса из них мы с вами должны отнести на диагностику, поэтому я немножко форсирую», – предупреждает специалист (интервью 4)).

Итак, психолог предлагает женщине мысленный эксперимент, побуждая эмоционально отреагировать и описать свои чувства. Сначала – при возможной в будущем встрече с ребенком, родившимся в результате донорства: «Здорово»; «Но он же, по идее, не мой ребенок, он со мной не живет, я его не рожала» (Д18); затем – при встрече с его родителями-реципиентами, возможно, неприятными донору внешне либо по поведению; потенциальному донору предлагается проиграть вероятную встречу с совершеннолетним ребенком, получившим возможность узнать персональные данные своей биологической матери. Каждая из этих ситуаций находится в русле общемировых тенденций

прав человека на полную и достоверную информацию о своем происхождении и поэтому может составлять часть программы подготовки донора. Однако на самом деле при этом решается актуальная задача оценки степени эмоциональной лабильности, сенситивности женщины-донора в целом. Этим объясняется и активная ведущая роль психолога на данном этапе интервью.

Для женщин эти ситуации относятся к сфере далеких, возможных только гипотетически (неслучайно их замечания о своих возможных чувствах нередко сопровождаются смехом-разрядкой). Они довольно активно защищают свое видение будущего и в отношении образа любящих родителей-реципиентов⁶, и в случаях возможных претензий детей, рожденных из их яйцеклеток, растожествляя себя и «родителей» в обращении к (потенциальному) ребенку: *Родители – это те, кто тебя вырастили, кто в тебя душу вкладывали, силы вкладывали, кто время вкладывали, всю свою любовь, нежность* (Д17).

Здесь психолог не сглаживает, а скорее усиливает замеченные противоречия в ответах, обращая на них внимание донора. Метод свободных ассоциаций здесь сочетается с закрытыми вопросами: [Вы считаете себя счастливым человеком?] *Да*. [А в чем? Вы сейчас сказали «да» и улыбаетесь, это что значит?] *Не знаю, у меня все хорошо, все хорошо вообще, прекрасная работа, прекрасные друзья, у меня прекрасный мужчина, здоровье, я думаю, что [все] хорошо, раз пошла сюда*. [Вы донор ооцитов. Своим прекрасным друзьям вы этого не рассказываете, скрываете] (Д19). Это также делает нарратив и саму ситуацию достаточно напряженными и играет на руку психологу, для которого яркие эмоциональные реакции – а здесь нередки и улыбки, и слезы – становятся ориентирами для уточнения эмоционального профиля женщины.

В заключительной части беседы психолог обращает внимание на формирование положительной установки женщины, решившейся на участие в программе донорства.

* * *

Основным результатом консультации для клиники является заключение психолога о возможности неоднократного эффективного сотрудничества с женщиной и о личных особенностях пациенток⁷.

⁶ Как правило, доноры представляют себе родителей-реципиентов как ответственных, зрелых людей, которые «выше, чем деньги»: «У них совершенно другое уже жизненное понимание, и когда они вынашивают потом этого ребенка девять месяцев, вкладывают себя. Муж ее лелеет, она ходит аккуратно, бережет себя, она не пойдет в зал скакать возле шеста, она не будет вести аморальный образ жизни, курить, пить и все остальное. Она пришла осознанно к этому. Я думаю, что так будет. Люди, которые просят детей, их жизнь чему-то научила» (Д17).

⁷ Например, если донор боится уколов – отметить, что предпочтительнее препарат пролонгированного действия, оценить, владеет ли женщина достоверной информацией о процедуре подготовки к донации и др.

При анализе коммуникативной ситуации становится очевиден вклад *обеих* сторон в то, как развивается беседа: на первом этапе происходит переформулировка того, что женщина привычно считает «нормальным прошлым», – прошедшая жизненная ситуация подвергается «экспертному взгляду». Поскольку решение о донорстве для многих мотивировано финансовой стороной вопроса, в свою очередь, уходящего в социальную и экономическую ситуацию еще родительской семьи, связь между прошлым и настоящим женщины проясняется – если не для самой женщины, то для стороннего взгляда. Отметим, что речь здесь идет не об «имитации благополучия» ради положительного заключения психолога, скорее хорошим симптомом можно считать близость дискурсивных рамок информантки и психолога в этом случае: даже имея не вполне благополучный «старт», женщина может переработать сложное прошлое, осознавая и принимая его хорошие и плохие стороны.

В настоящем женщины занимают довольно активную позицию, и участие в донорстве увеличивает их субъектность. Задача специалиста на этом этапе – дать понять, что в некоторых случаях молодые женщины решают иные проблемы (сепарации, компенсации и др.), лишь опосредованно связанные с донорством, и предложить подумать о другом возможном варианте реализации желаемого.

И, наконец, третий этап интервью должен быть наполнен эмоциями, показательными для специалиста. Однако гипотетическое будущее часто трогает женщин гораздо менее, нежели проблемное настоящее и прошлое. Именно в этой части баланс субъектности и объектности в отношении потенциального донора, по нашему мнению, наиболее проблематичен, поскольку, естественно, клиника заинтересована в возможности «заглянуть в будущее» и таким образом избежать проблем, однако это будущее, с точки зрения информанток, как раз должно разрешить их сегодняшние проблемы. Следование общемировым тенденциям открытого донорства неизбежно, однако значительная часть рисков и проблем женщины-донора лежит вовсе не в этой сфере. В то же время проблематизировать действительно болезненные для клиенток зоны вряд ли представляется целесообразным ввиду ограниченности ресурсов на психологическое сопровождение. В связи с этим заключительные фразы психолога нацелены на формирование у потенциального донора настроя на положительный результат всей процедуры.

Социальный статус информантов (г. Екатеринбург, Россия)

№	Возраст	Образование	Семейное положение	Наличие детей
Д1	31	Среднее специальное	В третьем браке	2
Д2	22	Среднее специальное	Мать-одиночка	1

№	Возраст	Образование	Семейное положение	Наличие детей
Д3	23	Неоконченное высшее	Есть партнер без планов на брак	Нет
Д4	19	Неоконченное высшее	Есть партнер без планов на брак	Нет
Д5	30	Высшее	в браке	2
Д6	25	Среднее специальное	В браке	2
Д7	33	Среднее специальное	В гражданском браке	1
Д8	20	Среднее специальное	В гражданском браке	Нет
Д9	26	Неоконченное высшее	В браке	1
Д10	35	Высшее	Есть партнер	1
Д11	30	Неоконченное высшее	В браке	2
Д12	20	Неоконченное высшее	Живет с родителями	Нет
Д13	28	Среднее специальное	В браке	2
Д14	34	Высшее	В разводе, есть партнер	1
Д15	24	Среднее специальное	В браке	1
Д16	27	Высшее	В браке	Нет
Д17	33	Высшее	В браке	2
Д18	27	Два высших	В разводе	2
Д19	27	Среднее	Есть партнер	Нет
Д20	26	Среднее специальное	В браке	1
Д21	27	Среднее специальное	В браке	1

Библиографические ссылки

Аронсон П. Стратегии обращения за медицинской помощью и социальное неравенство в современной России // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге., 2009. С. 155–178.

Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социол. журн. 1995. № 1. С. 71–88.

Здравомылова Е., Темкина А. «Врачам я не доверяю», но... Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине : сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге., 2009. С. 179–210.

Квале С. Исследовательское интервью. М. : Смысл, 2003. 301 с.

Курягина Г. С. К вопросу об уточнении понятий «семья группы риска», «дети группы риска» // Социальное обслуживание семей и детей : науч.-метод. сб. 2019. № 18. С. 11–18.

Луман Н. Самоописания / пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеевой. М. : Логос : ИТДГК «Гнозис», 2009. 320 с.

ASRM Practice Committee of the American Society for Reproductive Medicine, and the Practice Committee of the Society for Assisted Reproductive Technology. 2008. Guidelines for Gamete and Embryo Donation : A Practice Committee Report // NIH National Library of Medicine. National Center of Biotechnology Information : [website]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/19007645/> (accessed: 12.03.2023).

Barri P. N., Coroleu B. et al. Investigations into Implantation Failure in Oocyte-Donation Recipients // *Reproductive BioMedicine Online*. 2014. Vol. 28, № 1. P. 99–105. DOI 10.1016/j.rbmo.2013.08.012.

Beeson D., Darnovsky M., Lippman A. What's in a Name? Variations in Terminology of Third-Party Reproduction // *Reproductive BioMedicine Online*. 2015. Vol. 31 (6). P. 805–814. DOI 10.1016/j.rbmo.2015.09.004.

Gorrill M. J., Johnson L. K. et al. Oocyte Donor Screening: The Selection Process and Cost Analysis // *Fertility and Sterility*. 2001. Vol. 75, № 2. P. 400–404. DOI 10.1016/s0015-0282(00)01711-8.

Graham S., Jadvy V. et al. Being an Identity-Release Donor: A Qualitative Study Exploring the Motivations, Experiences, and Future Expectations of Current UK Egg Donors // *Human Fertility*. 2016. Vol. 19, № 4. P. 230–241. DOI 10.1080/14647273.2016.1221148.

Hogan R. G., Hammarberg K. et al. “Battery hens” or “nuggets of gold”: A Qualitative Study on the Barriers and Enablers for Altruistic Egg Donation // *Human Fertility*. 2021. Vol. 1, № 15. DOI 10.1080/14647273.2021.1873430.

Hogan R. G., Wang A. Y. et al. Having a Baby in Your 40s with Assisted Reproductive Technology: The Reproductive Dilemma of Autologous Versus Donor Oocytes // *The Australian & New Zealand J. of Obstetrics & Gynaecology*. 2020. Vol. 60, № 5. P. 797–803. DOI 10.1111/ajo.13179.

Levy D., Minjarez D. et al. Oocyte Donor Screening a Retrospective Analysis of Selection Process and Prospective Donor Exclusions // *Fertility and Sterility*. 2007. Vol. 88, № 1 (Suppl.). P. 266–267. DOI 10.1016/j.fertnstert.2007.07.905.

Winter A., Daniluk J. C. A Gift from the Heart: The Experiences of Women Whose Egg Donations Helped Their Sisters Become Mothers // *J. of Counseling & Development*. 2004. Vol. 82, № 4. P. 483–495. DOI 10.1002/j.1556-6678.2004.tb00337.x.

References

Aronson, P. (2009). Strategii obrashcheniya za meditsinskoi pomoshch'yu i sotsial'noe neravenstvo v sovremennoi Rossii [Strategies for Seeking Medical Care and Social Inequality in Modern Russia]. In *Zdravomyslova, E., Temkina, A. (Eds.). Zdorov'e i doverie: gendernyi podkhod k reproduktivnoi meditsine. Sbornik statei*. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 155–178.

ASRM Practice Committee of the American Society for Reproductive Medicine, and the Practice Committee of the Society for Assisted Reproductive Technology. 2008. Guidelines for Gamete and Embryo Donation : A Practice Committee Report. (N. d.). In *NIH National Library of Medicine. National Center of Biotechnology Information [website]*. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/19007645/> (accessed: 12.03.2023).

Barri, P. N., Coroleu, B., Clua, E., Tur, R., Boada, M., Rodriguez, I. (2014). Investigations into Implantation Failure in Oocyte-Donation Recipients. In *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 28. No. 1, pp. 99–105. DOI 10.1016/j.rbmo.2013.08.012.

Beeson, D., Darnovsky, M., Lippman, A. (2015). What's in a Name? Variations in Terminology of Third-Party Reproduction. In *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 31 (6), pp. 805–814. DOI 10.1016/j.rbmo.2015.09.004.

Golofast, V. B. (1995). Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovaniy [The Diversity of Biographical Narratives]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 71–88.

Gorrill, M. J., Johnson, L. K., Patton, P. E., Burry, K. A. (2001). Oocyte Donor Screening: The Selection Process and Cost Analysis. In *Fertility and Sterility*. Vol. 75. No. 2, pp. 400–404. DOI 10.1016/s0015-0282(00)01711-8.

Graham, S., Jadva, V. et al. (2016). Being an Identity-Release Donor: A Qualitative Study Exploring the Motivations, Experiences, and Future Expectations of Current UK Egg Donors. In *Human Fertility*. Vol. 19. No. 4, pp. 230–241. DOI 10.1080/14647273.2016.1221148.

Hogan, R. G., Hammarberg, K., Wang, A. Y., Sullivan, E. A. (2021). “Battery Hens” or “Nuggets of Gold”: A Qualitative Study on the Barriers and Enablers for Altruistic Egg Donation. In *Human Fertility*. Vol. 1. No. 15. DOI 10.1080/14647273.2021.1873430.

Hogan, R. G., Wang, A. Y. et al. (2020). Having a Baby in Your 40s with Assisted Reproductive Technology: The Reproductive Dilemma of Autologous Versus Donor Oocytes. In *The Australian & New Zealand J. of Obstetrics & Gynaecology*. Vol. 60. No. 5, pp. 797–803. DOI 10.1111/ajo.13179.

Kuragina, G. S. (2019). K voprosu ob utochnenii ponyatii “sem’ya gruppy riska”, “deti gruppy riska” [On the Issue of Clarifying the Concepts of “Family at Risk”, “Children at Risk”]. In *Sotsial’noe obsluzhivanie semei i detei. Nauchno-metodicheskii sbornik*. No. 18, pp. 11–18.

Kvale, S. (2003). *Issledovatel’skoe interv’yū* [Research Interview]. Moscow, Smysl. 301 p.

Levy, D., Minjarez, D., Weaver, T., Keller, J., Surrey, E., Schoolcraft, W. (2007). Oocyte Donor Screening: A Retrospective Analysis of Selection Process and Prospective Donor Exclusions. In *Fertility and Sterility*. Vol. 88. No. 1 (Suppl.), pp. 266–267. DOI 10.1016/j.fertnstert.2007.07.905.

Luman, N. (2009). *Samoopisaniya* [Self-Descriptions] / transl. by A. Antonovskii, B. Skuratov, K. Timofeeva. Moscow, Logos, ITDGK “Gnozis”. 320 p.

Winter, A., Daniluk, J. C. (2004). A Gift from the Heart: The Experiences of Women Whose Egg Donations Helped Their Sisters Become Mothers. In *J. of Counseling & Development*. Vol. 82. No. 4, pp. 483–495. DOI 10.1002/j.1556-6678.2004.tb00337.x.

Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2009). “Vracham ya ne doveryayu”, no... Preodolenie nedoveriya k reproduktivnoi meditsine [“I Don’t Trust Doctors”, but... Overcoming Distrust in Reproductive Medicine]. In Zdravomyslova, E., Temkina, A. (Eds.). *Zdorov’e i doverie: gendernyi podkhod k reproduktivnoi meditsine. Sbornik statei*. St Petersburg, Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 179–210.

The article was submitted on 03.07.2022

ECOLOGY AND WAR: THE EXPERIENCE OF WORLD WAR I

DOI 10.15826/qr.2023.2.806

УДК 94(100)"1914/1919" + 930:574 + 355.01 + 528.9

Conflict Landscapes of the Great War: The Spatial and Ecological Dimension of Military History* **

Oksana Nagornaia

Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russia

Kerstin von Lingen

Vienna University,
Vienna, Austria

The spatial and environmental dimension of WWI has recently taken the central place in academic debates on the military history of the “short twentieth century”. At present, the large-scale conflict of humanity and nature under totalized warfare is recognized as no less significant to the existential experience of combatants and civilians than actual battles. Functioning as a demiurge, the Great War created and re-molded landscapes, accelerated development trends shaped during the industrial era, triggered the construction and demolition of infrastructure, and determined the resource policy, economic practices, and language constructs of national communities during subsequent historical periods. Textual and visual narratives of the war feature the following three dimensions of the environment: a subject and adversary (sometimes even more dangerous than the real enemy); an object of destruction, invasion, and ordering; and an anthropological construct defining behavioral strategies and the memorial culture relating to the conflict. Modern researchers share a unanimous opinion that the pivotal role of the clash between humanity and the environment during WWI for subsequent historical development is paradoxically at odds with the degree to which the clash has been studied. This may be linked with the fact that the multidimensionality

* Oksana Nagornaia’s research for this chapter was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the research project 21–59–14003 “Great War and the Anthropocene: ‘Imperial Debris’ and Environmental Change in Central-Eastern Europe”. Kerstin von Lingen’s research for this chapter was funded by the Austrian Science Fund (FWF), I 5305-G “Great War”.

** *Citation*: Nagornaia, O., Lingen, K. von. (2023). Conflict Landscapes of the Great War: The Spatial and Ecological Dimension of Military History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 571–585. DOI 10.15826/qr.2023.2.806.

Цитирование: Nagornaia O., Lingen K. von. Conflict Landscapes of the Great War: The Spatial and Ecological Dimension of Military History // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 571–585. DOI 10.15826/qr.2023.2.806.

of militarized landscapes would require a research methodology incorporating elements of military history, ecology, anthropology, archaeology, geology (landscape studies), and cultural geography. Such a creative symbiosis has become possible only recently, owing to the adoption of the interdisciplinary approach by military historians. The gradual uptake of innovative study techniques has resulted in the uneven development of the spatial and environmental history of the First World War as a research field: at present, the best-studied locations are confined to the western front and, partly, the colonial periphery. This publication presents a review of the recent conceptual publications by authors developing this research avenue and seeks to identify the heuristic potential of the concepts “Anthropocene”, “belligerent landscapes”, “landscape biographies”, and “layered landscapes”, including their applicability to the history of the Eastern Front of the First World War.

Keywords: First World War, environmental history, military history, conflict landscapes

В центре исследовательских дебатов по изучению военной истории XX столетия оказалось пространственное и экологическое измерение Первой мировой войны. Масштабное противостояние человека и природы в условиях тотализации военных действий на сегодняшний день признается столь же значимым для экзистенциального опыта комбатантов и мирного населения, как и сами сражения. Выступая в ролидемиурга, Великая война создавала и переформатировала ландшафты, ускорила заложенные в индустриальную эпоху тренды развития, провоцировала возведение и разрушение инфраструктуры, определила ресурсную политику, хозяйственные практики и языковые конструкции национальных сообществ в последующие эпохи. В текстовый и визуальный нарративы войны окружающая среда вошла в трех ипостасях: как субъект и противник; как объект уничтожения, покорения и упорядочивания; как антропологический конструкт, определяющий непосредственные поведенческие стратегии и мемориальную культуру. Ключевая роль столкновения человека и окружающей среды в эпоху войны для последующего развития парадоксально не соответствует степени изученности этого феномена в современности. Это связано с тем, что множественное измерение милитаризированных ландшафтов потребовало бы создания исследовательского инструментария на стыке военной истории, экологии, антропологии, археологии, геологии (ландшафтоведения) и культурной географии. Только недавно подобный симбиоз стал возможен благодаря проникновению междисциплинарного подхода в исследовательское направление военной истории. Постепенность утверждения новшеств на настоящий момент обусловила неравномерность развития исследовательского поля пространственной и экологической истории Первой мировой войны: в большей степени пока изучены соответствующие аспекты истории Западного фронта, и частично – колониальной периферии. Представленная статья посвящена обзору новейших концептуальных публикаций авторов, работающих в данном ключе, и выявлению эвристического потенциала понятий «антропоцен»,

«беллигеративные ландшафты», «биография ландшафтов», «многослойные ландшафты», в том числе применительно к истории Восточного фронта Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, экологическая история, военная история, беллигеративные ландшафты

One of the most often-cited contemporaries and participants of the First World War, Fyodor Stepun gave the following account of the Russian army's catastrophic retreat from Galicia in 1915:

The retreat was extremely difficult... However, apart from the Austrians, we faced another two bitter enemies: a complete lack of management on the part of our commanders, and nature which had become enraged at us... As we were crossing the River San, an ice drift suddenly started, and the floes knocked down the flimsy bridge our cannon was crossing; one minute, and the people, the horses, the cannon, and the ammunition box tumbled into the water; the commotion was incredible. The River San is fast and deep...¹ [Степун, с. 37].

The anthropomorphization of the environment, the conflict of people and nature, the transformation of spaces by militarized economies and mobilized masses of people form a recurrent motif in writings on military strategy as well as in personal narratives and visual materials on the world's first industrial war. However, this research subject remained overlooked by historians until relatively recently, when it sparked heated debates around the heuristic potential and possible intersections of environmental history with the conceptions of spatial turn and interdisciplinary approaches of cultural geography, archaeology, and historical anthropology.

The thesis that warfare during WWI fused natural and anthropogenic landscapes into a new entity known as "war landscape" (*Kriegslandschaft*) was first postulated by Kurt Lewin, who had fought on both the Western and the Eastern fronts and taken part in the campaign in Austrian Galicia. In his article, published during WWI in *Angewandte Psychologie* (1917), Lewin emphasized the phenomenological nature of the war landscape as perceived, imagined, and "directional" (*gerichtet*) [Lewin]. According to Lewin, the areas near the frontline lived by their own laws: as the combatants moved from the rear towards the front, the position of the last friendly trench became for them an imaginary boundary with unknown and dangerous "nothing" lying beyond. However, the territory near the engagement area was also structured by the logic of war: it incorporated danger zones such as the villages kept under fire or the crossroads visible to the adversary. Under mobile warfare, danger zones consolidated to form a single space of mortal peril; in trench warfare, this space broke down into

¹ This quote has been translated from Russian by N. Magnes. The translator sought to convey the meaning of the original texts rather than their style.

separate islets of endangerment. The structure might vary depending on the combatants' branch of service or the actual situation of the battlefield.

When describing his experience on the Eastern Front, Lewin provides vivid examples of objectification or even materialization of this moveable boundary as perceived by combatants. The configuration of war landscapes could change instantaneously if a village previously perceived as a safe, "peaceful" space was suddenly shelled by the enemy before the witnesses could mentally transfer the location into a different imaginary category or find shelter. Lewin's analysis culminated in justifying the seizure by combatants of the property within the war spaces:

Everything that ends up in the battlefield zone belongs to the soldiers as their legitimate possession – not because the area has been captured or because the soldiers' conduct changes in frontline spaces, but rather because this property constitutes a derivative of the battle, a thing of combat which naturally falls into the hands of the soldier [Lewin, s. 447].

The first inquiry into landscape phenomenology undertaken by Lewin remained in oblivion for a long time; it was not until very recently that his article claimed the attentions of military historians, partly under the influence of the spatial turn in the humanities. In this publication, we proceed from the assumption that the interdisciplinary enrichment of history, geography, archaeology, and anthropology may potentially offer new insights into the reciprocal impact of war and nature, the existence of the environment as an object, subject and anthropological construct defining the emotional experience of the contemporaries, the memory of the first industrial war, and the long-term development trends set by WWI. A review of isolated conceptual publications through the lens of military history would make it possible to create a research matrix for an in-depth study of the First World War as a landmark event for modernization processes, a watershed moment in resource policy, a prototype of mega-projects involving the development of natural landscapes, and a precursor of environmental and technological disasters of "the short twentieth century" (E. Hobsbaum).

The environmental lens in modern military history

Environmental history methodology, which has been actively advanced in the recent years, regards the study of the natural world as a force engaged in the processes of creation and destruction rather than a simple backdrop for human activity [Нагорная, Голубинов]. Natural phenomena like the permanent or changing states of climate, the climatic zones and natural landscapes are foregrounded as factors molding the development of communities, as a phenomenon "and a circumstance that has shaped daily life, science, and culture" [Herzberg, Renner, Schierle, p. 6]. Simultaneously, the natural environment is placed among the key cultural and anthropological constructs encompassing ideas of landscapes

and wildlife, practices of exploitation of natural resources by humans, the conflict of nature and societies [Bruno; Brantz]. While accepting the unfeasibility of recreating the history of nature without human presence, environmental historians discriminate between “nature” and “environment”, acknowledging the intertwinement of “nature” with human history as a key factor: historical understanding transforms “nature” into “environment” [Лайус, с. 24]. The terms “environment” and “landscape” form another conceptually significant binary opposition which absorbs various combinations of objects and resources as well as diverse social practices associated with their use [Brantz]. Simo Laakkonen introduces another term, polemosphere (from the Greek name for the divine embodiment of war), which refers to “those aspects of the environment and society that have been affected by warfare” [Laakkonen, p. 15].

Researchers specializing in the environmental history of warfare agree that the Great War had a disproportionate impact on the environment and that this impact has largely been overlooked by historians [Мамин; Environmental Histories]. In his encyclopaedic article on the destruction of environmental systems during the First World War, Tait Keller points out that warfare transformed the environment on all fronts, rendering it the main casualty of WWI [Keller]. On the one hand, Keller is convinced that the Great War intensified the trends in environmental development which had emerged during nineteenth-century industrialization. On the other hand, the war accelerated the industrial transformation of ecosystems through the construction of railways and defense facilities, tunnels, and power plants as well as the development of sources of raw materials. Even though the post-war regeneration of the devastated landscapes proceeded incredibly fast, the author is more interested in long-term environmental effects on natural resource management practices used by governments and businesses. One of the most promising ideas of his study (which, however, requires further investigation) is the suggestion that the consequences for local ecosystems were the most catastrophic on the European periphery, in colonial and occupied territories. However, being an expert on the history of the Western Front, Keller fails to provide any substantial empirical evidence for this claim.

The past few years have witnessed several studies in environmental history which emphasize that combatants’ frontline experience during WWI, apart from cultural upheavals and the civilizational rupture, was determined by the conflict with the unfriendly nature. Drawing on the stories of German military experts in the Caucasus, Oliver Stein concludes that the most enduring challenges to everyday survival were not so much the battles, which were limited in time, as the unusual climatic, topographical, and infrastructural conditions and life-threatening diseases [Stein] spread through water, air, and the local population’s everyday practices. Daniel Brantz opts for an even more radical perspective on the problem by stressing that the WWI warfare brought about a “Schicksalsgemeinschaft”, or, literally, “community of fate” between people and nature, which is engendered by their drive towards mutual destruction [Brantz].

The concept “Anthropocene” has featured prominently in the recent discussions on environmental history. Borrowed from geochronology, this term denotes a geological period with a high extent of human activity which impacts on ecosystems to a varying degree. The term was first introduced by Paul Crutzen and the marine scientist Eugene F. Stroemer, who claimed in 2000 in a societies’ newsletter: “Considering. . . [the] major and still growing impacts of human activities on earth and atmosphere, and at all, including global, scales, it seems to us more than appropriate to emphasize the central role of mankind in geology and ecology by proposing to use the term ‘Anthropocene’ for the current geological epoch” [Crutzen, Stroemer, p. 17].

Biological agents and geological agents are two different concepts. Environmental history, as Crosby noted in 1995 [Crosby, p. 1185], has much to do with biology and geography but hardly on a geological scale. As Dipesh Chakrabarty remarked, Humans are biological agents but become geological agents only by inventing technologies “that are large enough to have an impact on the planet itself” [Chakrabarty, p. 207].

Since then, scholars are debating when the age of Anthropocene started. Crutzen, in his seminal *Geology of Mankind*, stated: “The Anthropocene could be said to have started in the latter part of the eighteenth century, when analyses of air trapped in polar ice showed the beginning of growing global concentrations of carbon dioxide and methane. This date also happens to coincide with James Watt’s design of the steam engine in 1784” [Crutzen, Stroemer, p. 23].

Scholars have further noticed that by the mid-twentieth century, man’s impact on nature (for example by pollution through nuclear tests, or climate change caused by industrial pollution) has disproportionately increased (hockey stick curve, see Steffen) [Planetary boundaries].

Technosphere is a sub-term emerging from the context of Anthropocene. In this perspective, as Haff notes, the technosphere, as an autonomous, dynamic, and global system represents a new stage in the development of the Earth. On the same level as the lithosphere, atmosphere, hydrosphere, and biosphere, it operates in accordance with physical principles. A set of rules, the so-called six rules by Haff, govern the relationship between the technosphere and humanity: inaccessibility, impotence, leadership and control, reciprocity, performance, and provision [Haff]. The Anthropocene working group defines the physical technosphere as the totality of the material output of all human output of all human endeavors, consisting of rural, urban, subterranean and aerosphere. The latter includes all strata that were deposited during the Anthropocene, notes Trischler [Trischler, Will, p. 87], in addition to anthropogenic sediments that were deposited without any discernible human influence during the period encompassing the Anthropocene. According to traditional classification, however, the most obvious parts of the physical technosphere, such as buildings or motor vehicles, are not part of it. The Anthropocene

working group concludes: "...the physical technosphere provides an alternative prism within which the Anthropocene phenomenon can be considered, that more clearly reflects its dynamic nature than does the chronostratigraphic Anthropocene Series" [Scale and Diversity of the Physical Technosphere, p. 18].

The linking of human and geo-history confronts the historical sciences with the challenge of breaking away from traditional linear temporalities. As H. Trischler and S. Will postulate: "Instead of narrating historical change on the horizontal level, the task is to develop non-linear narratives, which has been convincingly already demonstrated, and to locate history on the vertical level. While stratigraphers read the history of the earth in a vertical direction by analysing geological strata, geological strata to identify disruptive phases of planetary dimension, the historical sciences are required to develop layered models of historical temporality, to conceptualise stratified models of historical temporality. The flourishing research on memorial cultures and collective memory has pointed new ways in this direction" [Trischler, Will, p. 97].

However, when applying the concept to the context of warfare and military conflict, we think that instead of mid-century, already the Great War formed the point of departure (or no return) in terms of environmental change, as we argue in this paper.

This claim resonates well with the environmental-philosophical interpretation of human and military history by Peter Sloterdijk, who argues that "the age of catastrophes" started on 22 April 1915, the day of the gas attack at Ypres. According to Sloterdijk, this event manifested a new understanding of war: from that moment onwards, the target of military assault shifted from the body of the enemy to their environment, which had to be destroyed or rendered unlivable. Adopted as a state policy, this "atmoterror" regarded the environment as the principal adversary and used the technological design of the atmosphere to exterminate the enemy, environmentalizing the very essence of warfare [Слотердајк, c. 85–100]. Overall, Sloterdijk's vision of the twentieth century as a war on the biological vulnerabilities of human beings is relevant to the debate on the Anthropocene. Despite being open to criticism, both the concept of the Anthropocene and the concept of atmoterrorism offer a high heuristic potential for exploring the environmental consequences of the First World War.

Ann-Stoler has introduced the concept of "imperial debris" and ruination into the field by pointing on the observation that the history of the end of empire and conflict also entails moments of progress and development, which need to be studied, while other parts perceived as "modernization" might bring debris and ruination in terms of environmental change (for example in the field of infrastructure or knowledge, such as medicine) [Stoler]. Julia Laius claims that despite the Anthropocene being frequently associated with environmental crisis, not all researchers attempt to describe it "solely as a narrative of degradation"; rather, it is presented "as a complex,

often controversial history of destruction, renovation and a bilateral connection between the two” [Лайус, с. 24].

It appears that the new type of hostilities during the first industrial war as well as the subsequent fall of the empires intensified both the destructive and constructive interaction between people and nature, changing the geological and environmental characteristics of landscapes in Western, Central, and Eastern Europe. Further in-depth studies may be able to move the lower chronological limit of intensified anthropological impact on ecosystems from the middle to the beginning of the twentieth century.

Military history and the spatial turn

Contemporary studies following the spatial turn have identified three types of spaces: geographical, social, and mental. Crucial to understanding the potential for the historicization of spaces is the assertion that physical spaces, which appear stable and monolithic by definition, must in fact be perceived as fluid and dynamic [Lieb, Nübel]. Social spaces constructed by a shared framework of existence are filled with new social statuses, roles, and behavioral strategies. Works by Jorg Baberowski, Wolfgang Sofsky, and other researchers of Stalinism and Nazism refer to spaces of violence, or territories where individual social groups identified by ethnicity, class, or other characteristics were assigned the roles of victims, executioners, or onlookers. Additionally, these spaces became focal points for new survival strategies based on utmost coercion or avoidance thereof [Sofsky; Баберовски].

Mental spaces entail the creation of imaginary frameworks and continuity which impact behavioral practices of social groups and political communities. Jennifer Peeples uses the metaphor of “contaminated landscapes” [Peeples], which describes, on the one hand, the visible and tangible environmental aspect of pollution, and on the other, the negative signification of human impact on the environment in specific locations, which results from the dominant societal beliefs. Martin Pollack evokes the term “contaminated landscapes” (kontaminierte Landschaften) to refer to the phenomenon of memorial culture whereby the sites of mass murders are marked on the mental maps of a national or global community [Pollack]. One type of mental landscape, which serves as an epistemological strategy describing the interdependence of “place” and “memory”, of mythical narratives and space materiality while creating new meanings, is “memoryscape” [Браточкин, с. 42]. Memoryscapes shape and maintain hybrid identities of various social (ethnic) groups. In doing so, the same memoryscape may produce diametrically opposed self-representations (i.e. winner or victim).

The spatial turn is of special significance for military history research as the era of world wars had intense transformative impact on all three dimensions of space – physical, social, and mental. According to Christoph Nübel, spatial military history is preoccupied with three subject fields: first, the interconnection between armies, military engagement, and the geophysical space; second, pre-war spatial orders and their transformation

under military conflict; third, the perception and interpretation of spaces during and after the war. Naturally, the boundaries between these research fields are permeable [Nübel].

The use of the spatial approach in studies of combatants' military experiences means that the geographical space with its supposedly objective characteristics (flat, hilly, mountainous, or forested) is perceived by soldiers and officers through a certain horizon of expectations. The latter, in turn, determined the emotions and actions of servicemen in the new situation of the first industrial conflict in history. Attempts to maintain control over war spaces and bagatellize the threat of death manifested themselves during the First World War as the resignification of militarized landscapes on the Western Front by assigning names of London streets, squares, and cafes to trench lines [Saunders, 2021, p. 7]. Conversely, the structuring of the desert landscape by century-long traditions of Hajj predetermined the strategic rigidity of the Ottoman Empire, rendering Turkey powerless against Britain's technology-oriented and more mobile approach to hostilities in South Arabia [Winterburn, p. 159]. Lewin's claim that the perception of spaces during the war depends on branches of service finds its further development here: the duties of a cavalry soldier, artilleryman, infantryman, or staffer act as a lens shaping behavioral strategies, the perceptions of the environment and their subsequent reflection in written sources [Dornik].

Geology and archaeology of military landscapes

Drawing on archaeological research conducted on the territories of the former Western and Italian fronts of the First World War, Nicholas Saunders describes the wide-ranging multi-stage transformations of frontline territories over the four years of the First World War. Thus, agricultural landscapes, formerly a source of life-sustaining produce, became a factory of industrial death: the soils poisoned by gas attacks produced toxic trees which were used in winemaking. The secondary transformation of landscapes was started in the wake of the war for purposes of social construction. This statement may be illustrated by discussions surrounding the reconstruction of Ypres, which were dominated by two concepts: to preserve the ruins as evidence of the war event and hold them in memoriam of the dead or to recreate the devastated buildings to their pre-war splendor. Finally, Saunders links the modern transformation of landscapes with the increasing popularity of "battlefield tourism" [Saunders, 2018]. Saunders eventually defines: "a conflict landscape" as "a hybrid of the original geographical location, geological nature, the cultural landscape at the time of the military event, that event itself, and the various ways in which it lives on in memory and is physically reconfigured so that real worlds and memory worlds are brought into alignment" [Saunders, 2021, p. 6].

Saunders's studies rely on the concept of layered landscapes which was introduced by nineteenth-century geology to describe the stratigraphic position of sediments and to map landscape relics dating from various periods. In the 1970s, landscape archaeology and cultural geography

absorbed the anthropological concept “biography of things” which denotes the ability of the object to create and change its life story when being transferred from one owner to another. The label was applied to a new subject matter and correlated with the concept of layers, leading to the emergence of “biography of landscapes” [Kolen, Renes].

This term was introduced by Marvin Samuels in 1979. The author adapted and applied to landscapes the phenomenological concept of human life worlds, i.e. spaces where people and landscapes mutually produce and transform each other through continuous dialectic interaction. For Samuels, reconstructing landscape biographies was largely about identifying power relations, i.e. determining individuals and elites that impacted the characteristics of (urban) areas in different periods. For Michel de Certeau, on the contrary, the development of landscapes was an issue of agency: he saw landscapes as outcomes of a “bottom-up” production of life worlds, as a trace of continuous daily activities pursued by ordinary citizens [Renes].

Johannes Renes argued that our understanding of the First World War as a phenomenon could be made more productive by identifying several types of time-layers in compound landscapes: vertical (cultural layers in the usual geological and archaeological understanding of the term); horizontal (geographical, relating to river basins or soil type); palimpsest (traces of various historical periods present on the same stratum); intellectual (landscapes in art which visualize anthropological constructs); and layers of symbolic meaning (landscapes and objects which have changed their functions due to shifts in dominant discourses and historical narratives). The 1990s brought an understanding that layered landscapes did not constitute life-worlds for people only and encompassed animals as well as other organisms – a realization which sparked a boom in historical animal studies, which are now regarded as controversial [Handbook of Historical Animal Studies].

One example of compound and fluid landscapes are European world war cemeteries. According to Saunders, incompleteness became an essential characteristic of military burials at the time of the First World War. Body exhumation and transportation of remains from battlefields to collective places of rest, burials from later conflicts as well as installation of memorial plaques conferred a dynamic aspect to military cemeteries [Saunders, 2021, p. 27]. Inquiries by military-historical archaeologists confirm that formerly belligerent landscapes created by trench warfare on the Western Front continued to pose a threat for decades, both due to unexploded ordnance remaining in the area and to the contamination of the terrain (earth, trees, and water) by chemicals. Excavations of WWII fortification structures in Normandy resulted in the conclusion that archaeology makes it possible to distance oneself from national or party narratives and discover “the buried traces of a giant cycle of construction–destruction–reconstruction typical of twentieth-century war” [Carpentier et al., p. 272].

To a lesser extent, the potential of military archaeology is confirmed by recent archaeological excavations on the sites of mobile engagement on the

Eastern Front, particularly in Poland where warfare territories underwent demilitarization and recultivation during the German occupation before becoming focal points of subsequent conflicts. The poor preservation of memorial landscapes and the threat to the military legacy on the part of both “black diggers” and the local population have spawned numerous research and memorial projects implemented by Polish colleagues [Zalewska, Czarnecki, p. 79; Ланник, с. 360].

* * *

War has accompanied humanity throughout its history and morphed into an anthropological constant. Paradoxically, armed conflicts, despite their destructive nature, may be assigned the status of a demiurge: hostilities, the movement of armies and the emergence of infrastructure at the front and in the rear produce rapid transformations in landscapes and ecosystems as well as in the languages used for the description of the related mass military experiences. The disruption of natural and cultural layers, technification, and militarization of ecosystems, the accumulation of human and animal remains, medical waste, feces and malodor in frontline spaces caused the witnesses to the wartime events to create new terminology which could effectively capture the shocking experience of the first industrial war. The inappropriateness of the existing language for combatants and witnesses to the historic events resulted in the emergence of alienated, dehumanized terms “no man’s land”, “empty space” (Raum) or “moonscape”, later also “scorched land”. The strong link of these definitions with the experiences of the Great War, some of which found expression in canonical photographs of Western Front landscapes became an inseparable part of cultural memory about the conflict.

The phenomenology of belligerent landscapes of the First World War makes it necessary to enhance our research lenses and methodology with approaches derived from environmental history and the spatial turn. It should be emphasized, however, that the ambiguous character of the environment, which existed as both an objective force and an anthropological construct, creates a research dilemma. On the one hand, it expands the subject matter of research as the environment absorbs any physical transformations caused by people as well as cultural beliefs and practices projected onto a given locality. In view of the above, landscape research, counter to the widespread beliefs about the permanence of inorganic nature, must be based on the assumption of their constant mutability. On the other hand, these changes are recorded in written or visual sources, the creation and interpretation of which result in the double subjectification of military experience. What happens to the environment is registered through the distorting lenses of human perception. The interdisciplinary approach blending the methodologies used in humanities and sciences may be able to compensate for this dilemma and open new perspectives on the military history of the Great War.

Библиографические ссылки

- Баберовски Й.* Выжженная земля: царство сталинского насилия. М. : Полит. энцикл., 2014. 488 с.
- Браточкин А.* Городское пространство // Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / под ред. В. Дубиной, А. Завадского. М. : Новое изд-во, 2021. С. 35–53.
- Лайус Ю.* Окружающая среда // Все в прошлом. Теория и практика публичной истории / под ред. В. Дубиной, А. Завадского. М. : Новое изд-во, 2021. С. 19–32.
- Ланник Л. В.* После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб. : Евразия, 2020. 528 с.
- Мамин Р. Г.* Экология войны. М. : Экономика, 2011. 493 с.
- Нагорная О. С., Голубинов Я. А.* Экологическая история Первой мировой войны на Восточном фронте: лакуны историографического ландшафта и исследовательские перспективы // Вестн. Перм. ун-та. История. 2021. № 2 (53). С. 5–16. DOI 10.17072/2219-3111-2021-2-5-16.
- Слотердайк П.* Сферы. Плюральная сферология : в 3 т. СПб. : Наука, 2010. Т. 3. Пена. 595 с.
- Стегун Ф.* Из писем прапорщика-артиллериста. Прага : Пламя, 1926. 192 с.
- Brantz D.* Environments of Death: Trench Warfare on the Western Front, 1914–18 // War and the Environment: Military Destruction in the Modern Age / ed. by Ch. E. Closmann. Texas : A&M Univ. Press, 2009. P. 68–91.
- Bruno A.* Russian Environmental History: Directions and Potentials // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8, № 3. P. 635–650. DOI 10.1353/kri.2007.0031.
- Carpentier V., Ghesquière E., Labbey B., Marcigny C.* Archaeology, D-Day, and the Battle of Normandy. ‘The Longest Day’, a Landscape of Myth and Materiality // Conflict Landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places / ed. by N. J. Saunders, P. L. Cornish. N. Y. : Routledge, 2021. P. 260–273.
- Chakrabarty D.* The Climate of History: Four Theses // Critical Inquiry. 2009. Vol. 2. P. 197–222. DOI 10.1086/596640.
- Crosby Jr.* The Past and Present of Environmental History // American Historical Rev. 1995. Vol. 100. P. 1177–1189.
- Crutzen P. J., Stoermer E. F.* The Anthropocene // Intern. Geosphere-Biosphere Programme. Newsletter 2000. Vol. 41. P. 17.
- Dornik W.* Kultureller Raum und Bewegungskrieg. Raumerfahrungen und Raumdeutungen zu Osteuropa in Selbstzeugnissen deutschsprachiger Kriegsteilnehmer der k.u.k. Armee // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2014. Vol. 73, № 2. S. 367–388. DOI 10.1515/mgzs-2014-0016.
- Environmental Histories of the First World War / ed. by R. P. Tucker [et al.]. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. 312 p.
- Haff P.* Being Human in the Anthropocene // Nicolaus School for the Environment at the Duke University : [website]. 2018. URL: <https://blogs.nicholas.duke.edu/anthropocene/author/haffduke-edu/> (accessed: 23.05.2023).
- Handbook of Historical Animal Studies / ed. by M. Roscher, A. Krebber, B. Mizelle. Berlin : DeGruyter, 2021. 637 p.
- Herzberg J., Renner A., Schierle I.* Introduction. The Russian Cold // The Russian Cold. Histories of Ice, Frost, and Snow / ed. by J. Herzberg, A. Renner, I. Schierle. N. Y. : Berghahn, 2021. P. 3–18.
- Keller T.* Destruction of the Ecosystem // 1914–1918 Online. International Encyclopedia of the First World War : [website]. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/destruction_of_the_ecosystem (accessed: 23.05.2023).
- Kolen J., Renes J.* Landscape Biographies: Key Issues // Landscape Biographies / ed. by J. Kolen, J. Renes, R. Hermans. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2015. P. 21–47.
- Laakkonen S.* Polemosphere: The War, Society, and the Environment // The Long Shadows: A Global Environmental History of the Second World War / ed. by S. Laakkonen, R. P. Tucker, T. Vuorisalo. Corvallis : Oregon State Univ. Press, 2017. P. 15–37.

- Lewin K. *Kriegslandschaften // Angewandte Psychologie*. 1917. № 12. S. 440–447.
- Lieb P., *Nübel Chr.* Raum und Militärgeschichte // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2014. Vol. 73, № 2. S. 77–83. DOI 10.1515/mgzs-2014-0011.
- Nübel Chr.* Raum in der Militärgeschichte und Gewaltgeschichte. Probleme, Ergebnisse und neue Felder der Forschung // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2014. Vol. 73, № 2. S. 285–307. DOI 10.1515/mgzs-2014-0012.
- Peeples J. A. Toxic Sublime: Imaging Contaminated Landscapes // *Environmental Communication*. 2011. № 5 (4). P. 373–392. DOI 10.1080/17524032.2011.616516.
- Planetary Boundaries: Guiding Human Development on a Changing Planet / W. Steffen et al. // *Science*. 2015. Vol. 347, № 6223. DOI 10.1126/science.1259855.
- Pollack M. *Kontaminierte Landschaften*. Wien : Rezidenz-Verlag, 2014. 120 S.
- Renes J. Layered Landscapes. A Problematic Theme in Historic Landscape Research // *Landscape Biographies / ed. by J. Kolen, J. Renes, R. Hermans*. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2015. P. 403–421.
- Saunders N. J. The Dead and Their Spaces. Origin and Meanings in Modern Conflict Landscapes // *Conflict Landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places / ed. by N. J. Saunders, P. Cornish*. L. ; N. Y. : Routledge, 2021. P. 3–32.
- Saunders N. J. Traces of Being: Interdisciplinary Perspectives on First World War Conflict Landscapes // *Landscapes of the First World War / ed. by S. Daly, M. Salvante, V. Wilcox*. L. : Palgrave Macmillan, 2018. P. 209–224.
- Scale and Diversity of the Physical Technosphere. A Geological Perspective / J. Zalasiewicz et. al. // *The Anthropocene Rev.* 2017. Vol. 4, № 1. P. 9–22. DOI 10.1177/2053019616677743.
- Sofsky W. *Zeiten des Schreckens. Amok, Terror, Krieg*. Frankfurt a/M : S. Fischer Verlag, 2002. 256 S.
- Stein O. «Orientfahrten». Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 2016. Vol. 75, № 2. S. 327–358. DOI 10.1515/mgzs-2016-0068.
- Stoler A. L. *Imperial Debris. On Ruins and Ruination*. Durham : Duke Univ. Press, 2013. 357 p.
- Trischler H., Will F. Die Provokationen des Anthropozäns // *Provokationen der Technikgeschichte / ed. by M. Hessler, H. Weber*. Paderborn : Schöningh, 2019. S. 69–106.
- Winterburn J. B. Conflict, Mobility, and Landscapes. The Arab Revolt in Southern Jordan, 1916–1918 // *Conflict Landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places / ed. by N. J. Saunders, P. Cornish*. L. ; N. Y. : Routledge, 2021. P. 144–162.
- Zalewska A. I., Czarnecki J. Conflict Gas-Scape. Chemical Weapons on the Eastern Front, January 1915 // *Conflict Landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places / ed. by N. J. Saunders, P. Cornish*. L. ; N. Y. : Routledge, 2021. P. 66–84.

References

- Baberovski, J. (2014). *Vyzhzhennaya zemlya. Stalinskoe tsarstvo nasiliya* [Scorched Earth. Stalinist Empire of Violence]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 488 p.
- Brantz, D. (2009). Environments of Death: Trench Warfare on the Western Front, 1914–18. In Closmann, Ch. E. (Ed.). *War and the Environment: Military Destruction in the Modern Age*. Texas, A&M Univ. Press, pp. 68–91.
- Bratochkin, A. (2021). Gorodskoe prostranstvo [City Space]. In Dubina, V., Zavadskii, A. (Eds.). *Vse v proshlom. Teoriya i praktika publichnoi istorii*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 35–53.
- Bruno, A. (2007). Russian Environmental History: Directions and Potentials. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 8. No. 3, pp. 635–650. DOI 10.1353/kri.2007.0031.
- Carpentier, V., Ghesquière, E., Labbey, B., Marcigny, C. (2021). Archaeology, D-Day, and the Battle of Normandy. 'The Longest Day', a Landscape of Myth and Materiality.

In Saunders, N. J., Cornish, P. L. (Eds.). *Conflict Landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places*. N. Y., Routledge, pp. 260–273.

Chakrabarty, D. (2009). The Climate of History: Four Theses. In *Critical Inquiry*. Vol. 2, pp. 197–222. DOI 10.1086/596640.

Crosby, Jr. (1995). The Past and Present of Environmental History. In *American Historical Rev.* Vol. 100, pp. 1177–1189.

Crutzen, P. J., Stoermer, E. F. (2000). The Anthropocene. In *Intern. Geosphere-Biosphere Programme*. Newsletter. Vol. 41, p. 17.

Dornik, W. (2014). Kultureller Raum und Bewegungskrieg. Raumerfahrungen und Raumdeutungen zu Osteuropa in Selbstzeugnissen deutschsprachiger Kriegsteilnehmer der k.u.k. Armee. In *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. Vol. 73. No. 2, pp. 367–388. DOI 10.1515/mgzs-2014-0016.

Haff, P. (2018). Being Human in the Anthropocene. In *Nicolaus School for the Environment at the Duke University* [website]. URL: <https://blogs.nicholas.duke.edu/anthropocene/author/haffduke-edu/> (accessed: 23.05.2023).

Herzberg, J., Renner, A., Schierle, I. (2021). Introduction. The Russian Cold. In Herzberg, J., Renner, A., Schierle, I. (Eds.). *The Russian Cold. Histories of Ice, Frost, and Snow*. N. Y., Berghahn, pp. 3–18.

Keller, T. (N. d.). Destruction of the Ecosystem. In *1914–1918 Online. International Encyclopedia of the First World War* [website]. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/destruction_of_the_ecosystem (accessed: 23.05.2023).

Kolen, J., Renes, J. (2015). Landscape Biographies: Key Issues. In Kolen, J., Renes, J., Hermans, R. (Eds.). *Landscape Biographies*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press, pp. 21–47.

Laakkonen, S. (2017). Polemosphere: The War, Society, and the Environment. In Laakkonen, S., Tucker, R. P., Vuorisalo T. (Eds.). *The Long Shadows: A Global Environmental History of the Second World War*. Corvallis, Oregon State Univ. Press, pp. 15–37.

Laius, Yu. (2021). Okruzhayushchaya sreda [Environment]. In Dubina, V., Zavadskii, A. (Eds.). *Vse v proshlom. Teoriya i praktika publichnoi istorii*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 19–32.

Lannik, L. V. (2020). *Posle Rossiiskoi imperii. Germanskaya okkupatsiya 1918 g.* [After the Russian Empire. German Occupation of 1918]. St Petersburg, Evraziya. 528 p.

Lewin, K. (1917). Kriegslandschaften. In *Angewandte Psychologie*. No. 12, pp. 440–447.

Lieb, P., Nübel, Chr. (2014). Raum und Militärgeschichte. In *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. Vol. 73. No. 2, pp. 77–83. DOI 10.1515/mgzs-2014-0011.

Mamin, R. G. (2011). *Ekologiya voyny* [War Ecology]. Moscow, Ekonomika. 493 p.

Nagornaya, O. S., Golubinov, Ya. A. (2021). Ekologicheskaya istoriya Pervoi mirovoi voyny na vostochnom fronte: lakuny istoriograficheskogo landshafta i issledovatel'skie perspektivy [Environmental History of WWI on the Eastern Front: Lacunas of Historical Landscapes and Research Perspectives]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 2 (53), pp. 5–16. DOI 10.17072/2219-3111-2021-2-5-16.

Nübel, Chr. (2014). Raum in der Militärgeschichte und Gewaltgeschichte. Probleme, Ergebnisse und neue Felder der Forschung. In *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. Vol. 73. No. 2, pp. 285–307. DOI 10.1515/mgzs-2014-0012.

Peeples, J. A. (2011). Toxic Sublime: Imaging Contaminated Landscapes. In *Environmental Communication*. No. 5 (4), pp. 373–392. DOI 10.1080/17524032.2011.616516.

Pollack, M. (2014). *Kontaminierte Landschaften*. Wien, Reizdiz-Verlag. 120 S.

Renes, J. (2015). Layered Landscapes. A Problematic Theme in Historic Landscape Research. In Kolen, J., Renes, J., Hermans, R. (Eds.). *Landscape Biographies*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press, pp. 403–421.

Roscher, M., Krebber, A., Mizelle, B. (Eds.). (2021). *Handbook of Historical Animal Studies*. Berlin, DeGruyter. 637 p.

Saunders, N. J. (2018). Traces of Being: Interdisciplinary Perspectives on First World War Conflict Landscapes. In Daly, S., Salvante, M., Wilcox, V. (Eds.). *Landscapes of the First World War*. L., Palgrave Macmillan, pp. 209–224.

Saunders, N. J. (2021). The Dead and Their Spaces. Origin and Meanings in Modern Conflict Landscapes. In Saunders, N. J., Cornish, P. L. (Eds.). *Conflict Landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places*. N. Y., Routledge, pp. 3–32.

Sloterdijk, P. (2010). *Sfery. Plyural'naya sferologiya v 3 t.* [Spheres. Plural Spherology. 3 Vols.]. St Petersburg, Nauka. Vol. 3. Pena. 595 p.

Sofsky, W. (2002). *Zeiten des Schreckens. Amok, Terror, Krieg*. Frankfurt a/M, S. Fischer Verlag. 256 S.

Steffen, W. et al. (2015). Planetary Boundaries: Guiding Human Development on a Changing Planet. In *Science*. Vol. 347. No. 6223. DOI 10.1126/science.1259855.

Stein, O. (2016). „Orientfahrten“. Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918. In *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. Vol. 75. No. 2, pp. 327–358. DOI 10.1515/mgzs-2016-0068.

Stepun, F. (1926). *Iz pisei praporshchika artillerista* [From the Letters of an Artillery Warrant Officer]. Prague, Plamya. 192 p.

Stoler, A. L. (2013). *Imperial Debris. On Ruins and Ruination*. Durham, Duke Univ. Press. 357 p.

Trischler, H., Will, F. (2019). Die Provokationen des Anthropozäns. In Hessler, M., Weber, H. (Eds.). *Provokationen der Technikgeschichte*. Paderborn, Schöningh, pp. 69–106.

Tucker, R. P. et al. (Ed.). (2018). *Environmental Histories of the First World War*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 312 p.

Winterburn, J. B. (2021). Conflict, Mobility, and Landscapes. The Arab Revolt in Southern Jordan, 1916–1918. In Saunders, N. J., Cornish, P. L. (Eds.). *Conflict Landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places*. N. Y., Routledge, pp. 144–162.

Zalasiewicz, J. et al. (2017). Scale and Diversity of the Physical Technosphere. A Geological Perspective. In *The Anthropocene Rev.* Vol. 4. No. 1, pp. 9–22. DOI 10.1177/2053019616677743.

Zalewska, A. I., Czarnecki, J. (2021). Conflict Gas-Scape. Chemical Weapons on the Eastern Front, January 1915. In Saunders, N. J., Cornish, P. L. (Eds.). *Conflict Landscapes. Materiality and Meaning in Contested Places*. N. Y., Routledge, pp. 66–84.

Translation by Natalia Magnes

The article was submitted on 05.05.2022

Oil Fires of the First World War: Military Use and Destruction of Galicia's Fuel Industry* **

Iaroslav Golubinov

Samara National Research University,
Samara, Russia

During the First World War, the Russian army was faced with the task of developing areas captured from the adversary and sought to integrate the new territorial acquisitions into the Russian economy while simultaneously adapting them for effective warfare. At the time of its occupation by the Russian troops, Austrian Galicia already existed as a fully-formed industrial landscape dominated by private and state-controlled oil fields and refineries. The environmental situation in Galicia had remained extremely problematic over several decades preceding the First World War due to intensive oil extraction and manufacturing of petroleum products. The Russian administration which largely ignored the environmental issues (or, rather, exacerbated them) attempted to resume oil mining in Galicia and organize the production and distribution of petrol, kerosene, and fuel oil to supply the urban centers as well as the army and railways. However, the 1915 Gorlice – Tarnów offensive by the German army prevented Russia from taking full advantage of the Galician oil production capacities and prompted the Russian commandment to apply the scorched earth tactic. Special military units were ordered to destroy most drilling rigs, oil reservoirs, and refineries around Boryslav and Drohobych. Official reports and testimonies by eyewitnesses provide a striking picture of demolition on a vast territory to the west and southwest of Lviv. The documentary and historiographical sources lack consensus as to the actual number of facilities destroyed and the overall damage caused to the country's economy during the retreat of the Russian troops in April–May 1915. This study aims, firstly, to identify the key features of these events, and secondly, to explore the development of the Galician combat landscape, whose elements morph into “combat formations”, equally fit for productive activity and total (self-)destruction during warfare.

Keywords: First World War, Galicia, oil, combat landscape, environment

* The research for this chapter was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project 21–59–14003 “Great War and the Anthropocene: ‘Imperial Debris’ and Environmental Change in Central-Eastern Europe”.

** *Citation:* Golubinov, Ia. (2023). Oil Fires of the First World War: Military Use and Destruction of Galicia's Fuel Industry. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 586–602. DOI 10.15826/qr.2023.2.807.

Цитирование: Golubinov Ia. Oil Fires of the First World War: Military Use and Destruction of Galicia's Fuel Industry // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 586–602. DOI 10.15826/qr.2023.2.807.

В годы Первой мировой войны русская армия столкнулась с проблемой освоения занятых у противника территорий. Военные не только решали вопросы их интеграции в экономику Российской империи, но и приспособивали занятые прифронтовые земли для ведения боевых действий. В некоторых частях австрийской Галиции к моменту занятия ее русскими войсками сформировался индустриальный ландшафт, главным элементом которого выступали частные и казенные нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы. Экологическая обстановка в Галиции на протяжении нескольких предвоенных десятилетий оставалась весьма напряженной из-за наносивших большой урон окружающей среде интенсивной нефтедобычи и производства нефтепродуктов. Не обращая особого внимания на эту проблему и скорее усугубляя ее, русская администрация в Галиции попыталась наладить добычу нефти, производство и распределение бензина, керосина и мазута для городов, войск и железных дорог. Однако наступление германских войск в ходе Горлицкой операции 1915 г. заставило русское командование применить при отступлении тактику выжженной земли. Специальные воинские команды должны были уничтожить в окрестностях Борислава и Дрогобыча большую часть буровых вышек, нефтяных резервуаров и перерабатывающих заводов. В источниках и историографии отразились разные мнения относительно количества уничтоженных объектов нефтепромышленности и ущерба, нанесенного краю вследствие намеренного разрушения его экономики в ходе отступления в апреле-мае 1915 г. Автор статьи выявляет особенности вышеперечисленных сюжетов и формирование «военного ландшафта», основной характеристикой которого оказывается превращение в «военный объект», готовый как к продуктивной деятельности, так и к тотальному уничтожению в ходе боевых действий.

Ключевые слова: Первая мировая война, Галиция, нефть, военный ландшафт, окружающая среда

A time of grandiose battles and profound economic transformations in the combatant blocs, the First World War was also a period when new practices of environment, landscape, and nature management came into being [Landscapes of the First World War]. This is particularly true of the occupied countries whose valuable resources were heavily exploited by enemy states.

Predictably, the utilization of natural wealth was accompanied, firstly, by a mental appropriation of the new lands, which were now construed as dependent territories, protectorates, or rightful constituents of bigger empires, and, secondly, by adopting an economic management system and governance arrangements which the occupation authorities might perceive as acceptable and customary. This scenario materialized, among others, in Galicia and Bukovina, two regions of the Austro-Hungarian Empire which, albeit incompletely and temporarily, remained under the control of the Russian army and military administration in 1914–1917 [Бахтурина; Ba-

гановский]. Given that Galicia had been part and parcel of the cultural, political, and economic life of Austro-Hungary, the region occupied an established position in the Austro-Hungarian collective worldview [Wolff]; however, after Russia took control of Galicia, some mental image of the territory as a province within the Russian Empire had to be fashioned.

It is therefore hardly surprising that the areas of Austro-Hungary “occupied by the law of war” (a term used in Russian official documents [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1643. Л. 53]) attracted the close attentions of civil and military experts, public figures, and journalists in Russia [Пашаева, с. 323–324]. Apart from the ethnocultural and religious problems, the economic development of Galicia and Bukovina featured prominently on the agenda. Fairly soon, scientific and industrial reviews of Galician forestry [Гомилевский], oil deposits [Истомин], and mineral wealth [Ферсман] were undertaken; research works by Polish authors were translated into Russian [Горнопромышленная карта Галиции]; reports on the country’s economy, ethnography, and geography were published [Танфильев; Ястребов], and an in-depth study of the transport infrastructure in Galicia and Bukovina was carried out [Яснопольский].

These activities were frequently initiated and supported by Russian administrators entrusted with the management of the newly-annexed lands. The officials were especially interested in the local resources of military significance that had to be explored and adapted to meet the needs of the Russian occupation authorities and army as soon as possible. One such crucial resource was oil, which was used to produce fuel and lubricants (F&L) for a variety of purposes, including railway transportation, lighting, and heating of military and civil facilities.

The case of Galician oil deposits is of particular research interest as it provides a valuable source of data, firstly, on the exploitation of the occupied provinces and the overall integration of Galicia in the life of the Russian Empire and, secondly, on the emergence of the Galician combat landscape, whose elements morph into “combat formations” (Gefechtsdinge) [Lewin], equally fit for productive activity and total (self-)destruction in the course of warfare.

This policy towards residential and industrial structures in the frontline areas became widespread in the summer of 1915. As the scope and protracted duration of the war had become clear by that time point, the Russian command initiated the construction of an extensive network of deep fortification lines. On the other hand, the not-one-step-back principle was eventually rejected, and the retreating Russian army devastated the Russian lands even worse than the occupied territories in an attempt to weaken the enemy [Нелипович, с. 376].

The Galician oil industry before the First World War

The industrial mining of oil in Galicia started in the second half of the nineteenth century [Frank, 2005]. Shortly before the First World War, the Galician oil production sector displayed a marked trend toward

concentration: “in 1910, 9 major oil producing companies (2.6 % of all enterprises) delivered about 900,000 tons of oil per year (56.1 %); 21 companies (6.2 %) extracted 300,000 tons (18.7 %), and 311 enterprises (91.2 %) pumped a total of 405,000 tons (25.2 %)” [Хонігсман, с. 142]¹. The oil industry was mainly confined to three locations: Jasło region in Western Galicia (Nowy Sącz, Gorlice, Jasło, Krosno, and Sanok); Drohobych region to the south-west of Lviv (Lisko and Khyriv), and Stanislawow region (Stanislawow, Nadwirna, and Kolomea). Drohobych region, and particularly the Boryslav–Tustanowice area, became Galicia’s main oil-producing center, responsible for up to 90 % of Galician oil [История, с. 2]. A large state-controlled oil refinery built in Drohobych in 1912 with its new spacious storage plants (to supplement the already available underground petroleum tanks in Kolpiec and Modrychi) was capable of processing 400,000–500,000 tons of oil per year.

For a long time, the extraction and processing of oil and ozokerite (mineral wax) relied on primitive technologies, resulting in serious environmental pollution. In the middle of the nineteenth century, landowners used to dig wells and raised oil to the surface with buckets; the wells were deepened with shovels or explosives. With the arrival of large oil-producing companies, oil drilling came to predominate, although the ancient bucket method of extraction persisted into the 1890s [Franaszek, p. 42]. The improved drilling process (known as the Canadian technology) made it possible to reach oil-bearing formations lying at a depth of up to 1 km. In part, the emergence of technological innovations in Galicia was due to the entry of Western European and American companies into the oil market. In 1912, investments in the oil industry reached 310 million Austrian crowns, 14.5 % of which was contributed by German banks and companies, 24.2 and 12.9 % by their British and French counterparts, with American and Belgian investments accounting for 2.5 and 1.3 %, respectively. Foreign nationals often served as board members of joint-stock companies in Lviv and Drohobych; Western Europeans were invited to work as managers and engineers at oil fields [Хонігсман, с. 60 и сл.].

The walls of oil boreholes often collapsed; another recurrent risk was the flooding of the wells by ground waters, which sometimes put oil mining to a complete standstill [Franaszek, p. 45]. In 1911, for instance, a rupture of underground formations resulted in “a catastrophic flooding of the wells in Tustanowice” [Лавский, 1927а, с. 116], causing a heavy loss of revenue for oil producers and considerable harm to the environment, primarily to arable lands, ground waters, and surface water bodies, which were covered in oil film [Frank, 2011, p. 178–179]. Fires resulting from imperfect equipment, staff negligence, or natural disasters (e.g. lightning strikes) were seen by oil company owners as an equally significant source of damage. In 1908, it took several months to extinguish the fire in the Oil City well (Tustanowice),

¹ All quotations from the Russian, Ukrainian and Polish sources have been translated by the author of this article.

which had yielded a stunning 2,500 tons of oil per day before the catastrophe [Franaszek, p. 50]. The authorities issued decrees and imposed safety rules on oil and gas producers; the new regulations, however, were frequently violated [Коритко, с. 285; Franaszek et al., p. 227].

Unsurprisingly, workers employed at drilling rigs, ozokerite mines, or oil refineries were affected by risks associated with fires, uncontrolled oil and gas blowouts, and a lack of proper methods of hazardous waste management. The hardships experienced by workers are vividly depicted in stories and novellas by Ivan Franko (1856–1916). In his description of an ozokerite plant (where, according to [Лавский, 1927а, с. 117], the labor conditions were even more precarious than at the oil fields), Franko mentions that the workers' "eyes... were bloodshot; their burnt faces were crimson from the blazing furnaces"; "the ozokerite carriers seemed to be completely covered with evil-smelling tar" [Франко, с. 309]. Outside of their dangerous workspaces filled with noxious gases, the workers faced an equally unsafe living environment; as Galicia's Governor Michael Bobrzynski confessed, "crude oil spills into the Tysmenytsia and spreads many miles down the river, already polluted by refuse and wastewaters from oil processing plants"; the untreated water was carried "onto the fields by regular floods" (cited in: [Frank, 2011, p. 178]).

The Russian army in Galician oil-bearing regions

The depictions of occupied Galicia in Russian sources were no less dramatic and expressive than the portrayals created by Galician authors. A. N. Tolstoy, who visited Galicia soon after its takeover by the Russian troops in 1914, left the following picture of Boryslav surrendered by the Austrian army:

Perched at the foot and on the slopes of the Carpathians is the dirty, black Boryslav. The square wooden oil rigs are bristling out obelisk-like everywhere you can find a free patch of space... Oil covers the bottom of the wide but shallowed river with charred-looking piles sticking out of the water; oil mingles with the deep layer of mud in the streets and the rotten wooden pavements; the discolored walls of the low houses, the doors hanging on one hinge, the broken panes of the crooked windows are all splashed with oil and dirt; wading through the mud and oil along those shabby single-story huts is a thick, equally black and dirty crowd [Толстой, с. 219].

During the 1914 offensive, the Russian army would use abandoned industrial plants for accommodation. The arrival of the Russian troops was sometimes accompanied by the devastation of factory offices and oil worker houses; such was the fate suffered by the Drohobych Refinery [Отчет представителя Министерства торговли и промышленности, с. 6] although its production machinery remained practically intact. Before leaving Drohobych, the Austrians, according to Russian engineers, managed to dismount only part of the production equipment

at the state-controlled refinery, leaving all the machines at the privately owned plants behind.

Given the high demand for F&L, the capture of Drohobych, Boryslav, and other oil production centers was highly relevant to the subsequent operations at the South-Western Front. In September – October 1914, the Drohobych Refinery was manned by just 30 workers, headed by senior technologist Drozdovsky. The military administration appointed Drozdovsky head manager; he was expected “to supply the troops with petrol and kerosene from the plant stocks as well as to sell kerosene in small amounts and use the revenues to pay minimum wages to the remaining workers” [Там же, с. 6]. It was only after the frontline shifted away from the oil-rich areas in late November – early December 1914 that the new administration of the Drohobych Refinery (headed by a representative of the Mining Department at the Ministry of Commerce and Industry G. F. Markovsky, who was later replaced by A. S. Ostrogradsky) was finally able to start planning regular operations.

Because the Drohobych Refinery still had at its disposal the largest stocks of oil and petroleum products in the region, it became the principal F&L storage and distribution center for Lviv and other cities taken over by the Russian troops as well as for the military formations at the front and in the rear [РГВИА. Ф. 13216. Оп. 1. Д. 95. Л. 3, 4, 10]. These functions appear to have been performed in disregard of earlier safety regulations, leading to uncontrolled spills of petroleum products. In winter months, Ostrogradsky reported, the principal task was “to organize uninterrupted transportation of fuel oil from Kolpiec to Drohobych via the pipeline, then load it into tank wagons”; however, “the fuel oil in winter months was a thick viscous mass which had to be constantly heated and pushed through the pipeline for 6 versts [6,4 km] under the pressure of up to 120 atmospheres. Pipeline blockages and ruptures commonly occurred...” [Отчет представителя Министерства торговли и промышленности, с. 8].

The Drohobych Refinery itself was in dire need of repair: the experts inspecting the plant pointed out machinery fatigue resulting from several years of “reckless exploitation”; moreover, to make operations possible, workers that had fled from Drohobych (or been conscripted to the Austro-Hungarian army [Лавский, 1927b, с. 269]) had to be returned to the plant, new engineers and mechanics had to be brought from Russia, and crude oil transportation from the oil fields had to be resumed. In February 1915, Ostrogradsky, pointing at the depletion of F&L stocks in the reservoirs, planned to initiate commissioning and adjustment works in March (part of the works had already been performed by K. Neuman’s team [Отчет представителя Министерства торговли и промышленности, с. 19–20]) so that the refinery could process 300 tank wagons of oil in April [РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 376. Л. 2].

Galician companies attracted the interest of Russian business: in February 1915, I. N. Ter-Akopov’s Varinskye Techno-Chemical Plants (Nizhny Novgorod) inquired whether it was feasible to initiate “an exchange in solid

petroleum products” [РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. Л. 257]. The Triple Entente also insisted that several nationals of its member states return to their service on the boards of Galician private oil mining companies: in late 1914, the French embassy requested an entry permit to the frontline area for the French “director of an Austrian oil-producing company”, who intended to “inspect the oil reserves developed by that company” [Там же. Л. 260]. The Russian Foreign Affairs Minister S. D. Sazonov received similar requests from the British and Belgian ambassadors [Хонігсман, с. 222].

Oil well destruction during the 1915 retreat

The reports by Military Governor-General G. A. Bobrinsky and representative of the Ministry of Commerce and Industry A. S. Ostrogradsky appear to suggest that except for the repairs and launch of the Drohobych Refinery, no attempts to restart oil production and processing were undertaken until the Russian retreat from Galicia in 1915. However, even this activity was rendered useless and finally terminated on 28 April 1915, the next day after the military governor-general of Galicia received the order for the army to retreat in view of the successful German offensive at Gorlice and to destroy any property which might be of use for the enemy [Отчет представителя Министерства торговли и промышленности, с. 9].

According to military historian I. I. Rostunov, “the Gorlice operation was the first instance when the Russian commandment undertook mass destruction of key facilities and assets on the route of the Austro-German troops”. As Major General I. V. Pavsky (Head of Military Transport at the South-Western Front) wrote in his telegrams to General N. I. Ivanov, Commander-in-Chief of the Russian armies on the South-Western Front, “in all the areas, quartermaster freights have been removed, the bridges demolished, the railway tracks destroyed, the railway station facilities burnt, and the engines and carriages driven away. The sick and wounded have been evacuated. The property that could not be removed has been destroyed on site” [История Первой мировой войны, с. 35–36].

A. A. Brusilov, Commander of the 8th Army, suggested that before retreating from Drohobych “components of the machines must be removed from the state-controlled refinery; hard-to-detect damage must be caused to the equipment; minor wreckage must also be done to the machinery at private refineries to delay their operations by one month; the oil stocks and drilling rigs must be destroyed” [Горлицкая операция, с. 366]. N. I. Ivanov agreed that “the machinery at governmental and privately-owned refineries must be dismantled, and the mechanisms, as well as anything else transportable, must be moved out; the oil stocks and drilling rigs must be destroyed during the retreat” [Там же].

Nevertheless, the telegraphic correspondence between N. I. Ivanov, A. A. Brusilov, Aide to Military Governor-General of Galicia A. P. Polovtsev, and the Headquarters indicated that the former three were reluctant to make the final decision as some of the refineries and drilling rigs to be demolished “belonged to British and French companies and were worth

several hundred million roubles”; furthermore, “should the region be recaptured in the nearest future, the railways will have to be supplied with fuel”. However, General N. N. Yanushkevich, Chief of Supreme Headquarters, confirmed that “the oil wells and stocks must be destroyed immediately when the necessity arises” [РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 564. Л. 564. Л. 31]. As it turned out later, “eventually, no damage to the private oil refineries was necessary, and all the facilities remained intact” [Там же. Ф. 13216. Оп. 1. Д. 95. Л. 17].

The destruction of the Drohobych Refinery and oil storage plants was delegated to military engineer Colonel V. A. Zashchuk [Там же. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 539. Л. 439]. Zashchuk’s account of the operation [Там же. Ф. 13216. Оп. 1. Д. 95. Л. 18–19 об.], presented in May 1915, is partly cited in A. S. Ostrogradsky’s report [Отчет представителя Министерства торговли и промышленности, с. 9–10].

According to V. A. Zashchuk, all tank wagons available in Drohobych were filled with crude oil and fuel, “coupled up and dispatched to Lviv”, where “components of mechanisms and some valuable objects from the governmental oil refinery” were also transported. The remaining petroleum stocks of the Drohobych Refinery were “drained but not burned”, whereas “in the Boryslav – Tustanowice – Drohobych region all oil storages were set on fire”; also destroyed were “the oil reservoirs and drilling rigs, except for those few that were situated in Boryslav near the Boryslav–Drohobych road and could have delayed the movement of our forces if set on fire”. The private refineries remained “intact, apart from some of the instruments collected there for work”. The engineer claims that “the damage to the privately-owned plants was not necessary since their oil stocks and sources of raw materials had all been destroyed, rendering operations impossible, as was the case with the numerous oil plants that had operated across Austria, Hungary, and Germany. All of them had stood idle during the war due to oil shortages”.

V. A. Zashchuk stressed that the incineration of drilling rigs, reservoirs, and refineries was associated with many technical problems: “each facility had to be set afire separately as all of them are built in strict accordance with the fire safety rules. The main rule is that none of the structures should catch fire from the buildings located nearby” [РГВИА. Ф. 13216. Оп. 1. Д. 95. Л. 18 об.]. V. A. Zashchuk’s accounts demonstrated that the oil workers fully complied with the fire safety regulations imposed by the Galician authorities (“the oil facilities are widely spaced, and each of them is surrounded by a tall fence made of mesh and barbed wire; additionally, [oil] storage spaces and reservoirs are protected by an earth rampart measuring about 2 sazhen [4.2 m] in height”), which made work difficult for the engineering teams (“to set fire to a drilling rig, we needed to open several doors in it and ventilate the interior space”; in addition, “the doors, lined with iron sheets, were found locked and carefully boarded up”) [Там же. Л. 19]. V. A. Zashchuk had at his disposal two Cossack hundreds, one militia squadron, one infantry militia platoon, and a 20-strong engineering team of the 3rd Railway Battalion; he specifically pointed out that “there were

no accidents involving people” and that no harm had been caused to either the residents or their homes. “The team worked, willingly and productively, for more than 24 hours without taking any rest,” stressed V. A. Zashchuk.

The fires produced a strong impression on the retreating Russian servicemen. On 1 May 1915 Iosif Ilyin made the following entry in his diary:

Sambor is in flames; deafening explosions can be heard: they are blowing up the railway station, the storage houses, the bridges, and the road. The whole horizon is lit up by a sinister remote glow: Drahobysh [Drohobych] is burning, and the oil wells are on fire. Part of the oil has been spilled into the river, and the water is now ablaze. Przemyśl is in flames. The sky is shrouded with clouds of soot; soot is raining from the sky and landing on our clothes [Ильин, с. 111].

Years later, Count D. F. Geiden reminisced how “Drohobych came up in flames; the sky was black with soot which was rising from the burning drilling rigs” [Гейден, с. 19]. Another officer remembered getting caught in “the oil rain” [Архипов, с. 19]; according to A. F. Chekhovsky, “those who came closer to the fire... ruined their outfits as oil seemed to drip from above, covering their clothes with greasy black stains which couldn’t be removed by any means” [Чеховский, с. 351]. E. V. Ekk, who was present during the events, wrote that “the burning timber storage produced so much heat that it nearly set Turka on fire” (a city to the south-west of Drohobych), whereas “a colossal black cloud formed by the burning oil hovered above the surrounding area; it was difficult to breathe for miles around” [Экк, с. 428]. Some of the eyewitnesses, nevertheless, did not regard the situation as anything extraordinary because “the wells had already been on fire once, and the Austrians had been unable to put out the flames despite all their efforts; finally, some English company offered its services and, after much exertion, managed to extinguish the fire” [Чеховский, с. 350].

To a certain extent, the destruction of the oil wells around Drohobych put to the practical test many proposals for military applications of oil and petrol. Both compounds attracted the attention of many military inventors, who suggested using oil (petrol) to set fire to enemy soldiers and trenches, or even pouring fuel oil into rivers and burning it to destroy enemy forces, equipment, and fortification structures [Бахурин, с. 139–141]. A project to this effect was proposed by engineer P. I. Lazarev, who struggled for a long time to make himself heard by the commanders; Lazarev was convinced that by burning “20–30 million puds [320,000–480,000 tons] of oil, we will be able to flatten the terrain and make it homogeneously lethal; to destroy and turn any fences or bridges to ashes; to stop the clouds of noxious gases released by the enemy; simultaneously, the combustion products will poison the air, while the smoke and soot will make aiming difficult for the enemy troops” [Бахурин, с. 165]. Lazarev was not alone in his ambitious plans; the same amount of oil was requested by Colonel N. N. Dzhunkovsky, who proposed to capture Bosphorus by discharging the oil into the sea and setting it on fire [РГВИА. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 539. Л. 525–526].

Consequences of oil industry destruction. The later use of oil facilities

The main question that arose after the Russian retreat from Galicia concerned the actual damage inflicted by the fires. V. A. Zashchuk was unable to provide any accurate evaluation of the “burnt oil stocks”. Thus, he estimated the capacity of oil storages in Kolpiec and Modrychi at 864,000 tons; “at a guess, the storages were at least one-third full [288 thousand tons]; all of them were burnt”. He also claimed that “many dozens of reservoirs with petroleum products, each holding from 50 to 100 thousand puds [800–1,600 tons] were destroyed”. Part of the oil stored at the plants in similar reservoirs was “discharged but not incinerated”. In addition, “fire was set to minor oil storages operating at each drilling rig”, which numbered many thousands. The fire also “destroyed many forests, pipelines, telephones, pumping stations, etc. The damage from the fires amounts to hundreds of millions of roubles,” concluded Zashchuk [РГВИА. Ф. 13216. Оп. 1. Д. 95. Л. 19].

A. S. Ostrogradsky challenged these conclusions; his report indicates that the residual stocks in Kolpiec and Modrychi “fall short of the figure given by Colonel Zashchuk (one-third of 54 million puds), i.e. 18 million puds [288 thousand tons]. In reality, the residual stocks totaled 8,191,505 puds of oil [ca. 131 thousand tons] and 2,053,789 puds of fuel oil [ca. 33 thousand tons]”. Moreover, “according to the information obtained from British representatives of the Drohobych oil industry through Bucharest, only 178 out of 1,400 drilling rigs operating in Boryslav, Tustanowice, and Mrażnica had been destroyed”, amounting to just 13 % of all facilities [Отчет представителя Министерства торговли и промышленности, с. 10]. Similar claims can be found in the report submitted by Captain P. A. Lupakov, who was appointed as an observer on V. A. Zashchuk by the commander of the 11th army: Lupakov concluded that not all targets had been destroyed [РГВИА. Ф. 2134. Оп. 2. Д. 539. Л. 441].

Historiographers also appear to disagree on the extent of the damage caused by the fires. According to the meticulous estimates made by the Polish historian T. Kargol, “the attacks at the Russian positions near Gorlice caused fires at the oil refinery and oil storage plants in Glinik Mariampolski” whereas “the oil refinery in Krosno was evacuated to Brno-Moravské” and “kerosene storages in Krakowiec burned down” [Kargol, p. 41]. Citing the data published by the Polish-language press in Austro-Hungary, T. Kargol reports that “the most serious damage was inflicted on the Tustanowice area, where 178 drilling rigs were burned. In Boryslav, 256 out of 450 wells were destroyed, 80 of which were eventually restored. The oil sector suffered direct (destroyed oil wells and crude oil stocks) and indirect losses (decline in production) amounting to ca. 60–100 million crowns” [Kargol, p. 40]. The estimates are consistent with the data provided by A. P. Ostrogradsky, who assesses the damage at “130 million crowns, or 52 million roubles” [Отчет представителя Министерства торговли и промышленности, с. 10].

Referring to documents issued by the Austro-Hungarian government, A. Frank claims that 229 out of 339 operational drilling rigs were set on fire, and all the fire safety equipment was destroyed. Surprisingly, while Tustanowice lost 42 out of its 79 oil wells, all the oil production facilities in Boryslav remained intact [Frank, 2005, p. 188]. Specialist sources addressing problems of the oil industry mention 182 wells (“some of which were under construction, others fully operational” [Лавский, 1927b, с. 269]) destroyed by the Russian forces. The discrepancies resulted from the differences in the estimation methods applied by the Austro-Hungarian authorities during the First World War on the one hand and the government of newly-independent Poland on the other.

Interestingly enough, contemporary Ukrainian historiography tends to agree with the exaggerated loss estimates cited by V. A. Zashchuk [Мазур, Патер; Ільницький]. Nevertheless, the Ukrainian sources are the only ones to directly refer to the damage inflicted on the environment by the Russian army (“the oil drained from the tanks and left unburnt created immense environmental problems by permanently ruining once-fertile agricultural lands”) although no particularly affected locations are specified [Ільницький, с. 302]. However, the First World War was not the first and not the last environmental disaster that struck Boryslav [Цайтлер].

Fairly soon, the Drohobych Refinery as well as the drilling rigs in Boryslav and other Galician cities were restored (some of the worst-damaged ones may have been capped until the late 1930s [Oleum, p. 6]). Following the retreat of the Russian troops, preparatory works started at the state-controlled plant late in May 1915, which enabled it (along with the privately owned refineries named Polmin and Galicia to become operational again [Kargol, p. 248; Metzis, p. 511]). In the summer of 1915, the first significant supplies of crude oil became available although the pre-war output levels were never achieved in 1916–1918 [Bartoszewicz, p. 45].

However, this was not the end of the story about the consumption of Galician oil by the Russian army. After the successful Brusilov Offensive in August – September 1916, the Russian forces recaptured the southern part of Eastern Galicia including Kolomea and Peczenizyn, two major oil production centers located to the south-west of Drohobych. Operations at oil refineries immediately started [РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 31]. The oil wells and refineries supplying the South-Western and partly Rumanian fronts “were operated by the Department of Finance, headed by the energetic A[ctive] S[tate] C[ouncillor] [N. P.] Chamov” [Там же. Л. 33].

According to N. P. Chamov's report, the oil refineries in Peczenizyn and Kolomea had significantly suffered during the hostilities (their stocks had been looted, their laboratories destroyed, and the stills were in dire need of repair); however, they fared much better than the several completely razed facilities in Nadwirna, Pasechnaya and Kolomea [РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 14. Л. 287]. Once the delivery of crude oil was organized and repairs completed, small but regular supplies of petrol and kerosene started to come from the state-of-the-art Peczenizyn Refinery, the most modern facility in the area.

By the beginning of July 1917, when the Russian troops had withdrawn from Galicia, the output of oil production facilities in Bytkovo, Kosmacz, and Sloboda Rungurska had grown to 2,000 tons per month. The demand for Galician oil continued to climb: as of 1 July 1917, 1,840 tons of oil had to be supplied to refineries to manufacture petrol, kerosene, and automobile engine oils; the rest was shared between urban electrical power plants and the army, part of the output was also handed over to the Romanian government every month. Most of the combustible materials found in Galician storage facilities in July 1917 were destroyed by the Russian forces during the retreat [РГВИА. Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28. Л. 33].

* * *

The First World War brought the Russian army into contact both with territories relatively underdeveloped industrially, such as the eastern Turkish vilayets, and with regions comparable with the most industrialized parts of the Russian Empire. The oil-rich Austro-Hungarian Galicia with its robust oil production industry fell into the latter category.

The Galician industrial landscape, which had taken shape long before 1914, displayed all features typical of industrialized areas, from environmental issues caused by the intensive extraction and processing of mineral resources to social issues brought on by rural-urban migration, proletarianization, and pauperization. The First World War only exacerbated these problems.

The new Russian administration in Lviv, Drohobych, Boryslav, Kolomea, and other cities and towns set out to resume local oil production to, firstly, meet the economic needs of the residents in ‘the lands occupied by the law of war’, and secondly, satisfy the demand of the Russian army and railways in F&L. To achieve these goals, careful planning and restoration of the key oil infrastructure was required; however, regular operations never recommenced. The Russian administration and commandment were able to utilize only part of the stocks of oil and petroleum products accumulated before the war as the restoration and launching of the enterprises would have required considerable human and financial resources.

At this stage, the government-controlled Drohobych Refinery and the drilling rigs in Boryslav as well as many other locations became part of the combat landscape, an element in a complex supply chain providing the Russian army and the population in the rear with essential commodities. The final transformation occurred during the hasty retreat of the Russian troops when all oil production facilities had to act as elements in the military deterrence system designed to slow down the enemy offensive and cause economic damage through the destruction of the production assets. The destruction of oilfields and refineries by the Russian army in 1915 was followed at the end of 1916 by similar operations of the Entente in Romania. Moreover, military theorists of the interbellum named the erasure of natural sites and man-made facilities in the frontline area one of

the most important methods of warfare during that period of WWI [Карбышев, Киселев, Маслов].

However, despite the above, oil production facilities never really became “combat formations” in their own right; indeed, when making and implementing decisions to destroy oil wells and plants, the Russian commandment would consider many non-military circumstances such as the high cost or the allies’ ownership of the facilities. This logic prevented the war in Galicia from totalization, owing to which the oil industry quickly recovered, and the Drohobych plants became operational again. The destruction of the Galician oil production capacities by fire, while standing out in terms of scale, became just one of many events in the long chain of industrial disasters; its effects were successfully mitigated by fire safety precautions taken before the war rather than by any concerted actions of the German and Austro-Hungarian forces.

Библиографические ссылки

Архипов [М. Н.] Воспоминания о Первой мировой войне // Военная быль. 1969. № 99. С. 18–20.

Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М. : АИРО-XX, 2000. 264 с.

Бахурин Ю. А. Военное изобретательство в России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): различные аспекты проблематики // Георгиевские чтения : сб. тр. по военной истории Отечества. Вып. 2 / ред. К. А. Пахалюк. М. : Вече : Изд. дом «Рос. военно-ист. о-во», 2022. С. 123–170.

Вагановский С. А. Восточная Галиция (Галичина) с начала XX в. по 1918 г. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2014. 202 с.

Гейден Д. Ф. Записки графа Д. Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-ист. вестн. 1972. № 39. С. 16–21.

Гомилевский В. Галиция в лесохозяйственном отношении // Лесной журн. 1914. № 8. С. 1246–1265.

Горлицкая операция : [сб. док.]. М. : Воениздат, 1941. 408 с.

Горнопромышленная карта Галиции: с объяснениями : пер. с первого пол. изд., доп. новейшими сведениями и стат. данными за 1911, 1912 и 1913 гг. / ред. С. Ольшевский. Пг. : Тип. И. Флейтмана, 1915. 8 с.

Ильин И. С. Скитания русского офицера: дневник Иосифа Ильина 1914–1920. М. : Книжница : Рус. путь, 2016. 477 с.

Истомин В. К. Нефтяная промышленность Галиции : С прил. нефтепром. карты Галиции. Пг. : Журн. «Теплоход», 1915. 6 с.

История Первой мировой войны 1914–1918 гг. : в 2 т. / ред. И. И. Ростунов. М. : Наука, 1975. Т. 2. 608 с.

Карбышев Д., Киселев И., Маслов И. Разрушения и заграждения. М. : Гос. воен. изд-во, 1931. 184 с.

Коритко Л. Я. Становлення і розвиток природоохоронних інститутів в Австро-угорській імперії: історико-правовий вимір (на матеріалах Східної Галичини 1867–1918 рр.) : дис. ... докт. юр. наук. Львів : [Б. и.], 2017. 447 с.

Лавский Б. Л. Польская нефтяная промышленность (исторический очерк) : (начало) // Нефтяное хозяйство. 1927а. № 1. С. 113–119.

Лавский Б. Л. Польская нефтяная промышленность (исторический очерк) : (продолжение) // Нефтяное хозяйство. 1927б. № 2. С. 267–276.

Мазур О. Я., Патер І. Г. Галицька «Руїна»: соціально-економічне становище Східної Галичини (1914–1915 рр.) // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». 2007. № 584. С. 44–52.

Нелипович С. Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1915. М. : Квадрига, 2022. 914 с.

Отчет представителя Министерства торговли и промышленности о нефтяной промышленности Галиции и казенном заводе в Дрогобыче. Прил. № 9 (К отчету военного губернатора Галиции). Киев : Тип. Окружного штаба, 1915. 20 с.

Пашаева Н. М. Галиция под властью Австрии в русской и советской исторической литературе (1772–1918 гг.) // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения. М. : Наука, 1968. С. 295–324.

РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1643; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12, 14; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 564; Ф. 2071. Оп. 1. Д. 28; Ф. 2134. Оп. 2. Д. 539; Ф. 13216. Оп. 1. Д. 95.

РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 376.

Танфильев Г. И. Галиция и Буковина : геогр. очерк. Одесса : Тип. Б. Сапожникова, 1915. 52 с.

Толстой А. Н. В Англии. На Кавказе. По Вольни и Галиции. М. : Кн-во писателей, 1916. 253 с.

Ферсман А. Е. Ископаемые богатства Галиции и Буковины // Природа. 1915. № 3. С. 385–412.

Франко І. Задля празника // Франко І. Зібрання творів : у 50 т. Київ : Наукова думка, 1978. Т. 18. С. 308–318.

Хонігсман Я. С. Проникнення іноземного капіталу в економіку Західної України в епоху імперіалізму (до 1918 року). Львів : Вид-во Львів. ун-ту, 1971. 253 с.

Цайтлер М. Й. Екологічні наслідки довготривалого нафтовидобутку на Бориславському нафтовому родовищі // Праці НТШ (Екологічні проблеми Львівщини). 2001. № 7. С. 84–90.

Чеховский А. Ф. Дневник // Первая мировая война 1914–1918 гг. в дневниках и воспоминаниях офицеров Русской императорской армии : сб. док. / отв. сост. С. А. Харитонов. М. : Полит. энцикл., 2016. С. 262–619.

Экк Э. В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе. 1868–1918. М. : Кучково поле, 2014. 576 с.

Яснопольский Л. Н. Шоссейные и водные пути Галиции. Пг : Упр-е внутр. вод. путей и шос. дорог (по Киев. окр. путей сообщ.), 1915. 47 с.

Ястребов Н. В. Галиция накануне Великой войны 1914 года. Пг. : Тип. А. Э. Коллинс, 1915. 146 с.

Льницький І. В. Нафтопереробна промисловість Галичини в умовах першої Російської окупації краю (вересень 1914 р. – червень 1915 р.) // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. : зб. наук. пр. Т. 23. Київ : [Б. и.], 2014. С. 297–304.

Bartoszewicz S. Wspomnienia z przemysłu naftowego 1897–1930. Lwów : Piller-Neumann, 1934. 53 s.

Franaszek P. Eksploatacja ropy w Galicji a zagrożenia dla środowiska naturalnego // Od regaliów po dobro narodowe: ochrona i wykorzystanie zasobów środowiska naturalnego na ziemiach polskich – aspekt historyczny / red. T. Głowiński, M. Zawadka. Wrocław : Wydawnictwo GAJT, 2016. S. 39–54.

Franaszek P. et al. A Prometheus on a Human Scale – Ignacy Łukasiewicz. Berlin ; N. Y. : Peter Lang, 2019. 296 p.

Frank A. Oil Empire: Visions of Prosperity in Austrian Galicia. Cambridge, Mass : Harvard Univ. Press, 2005. 343 p.

Frank A. Environmental, Economic, and Moral Dimensions of Sustainability in the Petroleum Industry in Austrian Galicia // Modern Intellectual History. 2011. Vol. 8. № 1. P. 171–191. DOI 10.1017/S1479244311000102.

Kargol T. Odbudowa Galicji ze zniszczeń wojennych w latach 1914–1918. Kraków : Historia Iagellonica Press Association, 2012. 322 s.

Landscapes of the First World War / ed. by P. Daly, M. Salvante, V. Wilcox. Cham : Palgrave Macmillan : Springer, 2018. XVI, 240 p.

Lewin K. The Landscape of War / transl. by J. Blower // Art in Translation. 2009. Vol. 1, № 2. P. 199–209. DOI 10.2752/175613109X462672.

Metzis J. Przyczynek do historii przemysłu naft. w Polsce. Przemysł rafineryjny w okręgu Drohobycz-Boryslaw // Przemysł Naftowy. 1930. № 23. S. 507–512.

Oleum: tygodniowe pismo statystyczno-informacyjne dla spraw przemysłu oleju skalnego w Polsce. 1938. № 171.

Wolff P. The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture. Stanford, Calif. : Stanford Univ. Press, 2010. 486 p.

References

Arkhipov, M. N. (1969). Vospominaniya o Pervoi mirovoi voine [Recollections of the First World War]. In *Voennaya byl'*. No. 99, pp. 18–20.

Bakhturina, A. Yu. (2000). *Politika Rossiiskoi imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Moscow, AIRO-XX. 264 p.

Bakhurin, Yu. A. (2022). Voennoe izobretatel'stvo v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.): razlichnye aspekty problematiki [Military Invention Activities in Russia during the First World War (1914–1918): Different Research Aspects]. In Pakhalyuk, K. A. (Ed.). *Georgievskie chteniya. Sbornik trudov po voennoi istorii Otechestva*. Iss. 2. Moscow, Veche, Izdatel'skii dom "Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo", pp. 123–170.

Bartoszewicz, S. (1934). *Wspomnienia z przemysłu naftowego 1897–1930*. Lwów, Piller-Neumann. 53 s.

Chekhovskii, A. F. (2016). Dnevnik [Diary]. In Kharitonov, S. A. (Ed.). *Pervaya mirovaya voina 1914–1918 gg. v dnevnikakh i vospominaniyakh ofitserov Russkoi imperatorskoi armii. Sbornik dokumentov*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 262–619.

Daly, P., Salvante, M., Wilcox, V. (Eds.). (2018). *Landscapes of the First World War*. Cham, Palgrave Macmillan, Springer. XVI, 240 p.

Ekk, E. V. (2014). *Ot Russko-turetskoi do Mirovoi voiny. Vospominaniya o sluzhbe. 1868–1918* [From Russian-Turkish War to the First World War. Recollections of the Service Life. 1869–1918]. Moscow, Kuchkovo pole. 576 p.

Fersman, A. E. (1915). Iskopaemye bogatstva Galitsii i Bukoviny [Fossil Riches of Galicia and Bukovina]. In *Privoda*. No. 3, pp. 385–412.

Franaszek, P. (2016). Eksploatacja ropy w Galicji a zagrożenia dla środowiska naturalnego. In Głowiński, T., Zawadka, M. (Eds.). *Od regaliów po dobro narodowe: ochrona i wykorzystanie zasobów środowiska naturalnego na ziemiach polskich – aspekt historyczny*. Wrocław, Wydawnictwo GAJT, pp. 39–54.

Franaszek, P. et al. (2019). *A Prometheus on a Human Scale – Ignacy Łukasiewicz*. Berlin, N. Y., Peter Lang. 296 p.

Frank, A. (2005). *Oil Empire: Visions of Prosperity in Austrian Galicia*. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press. 343 p.

Frank, A. (2011). Environmental, Economic, and Moral Dimensions of Sustainability in the Petroleum Industry in Austrian Galicia. In *Modern Intellectual History*. Vol. 8. No. 1, pp. 171–191. DOI 10.1017/S1479244311000102.

Franko, I. (1978). Zadlya praznika [For the Feast]. In Franko, I. *Zibrannya tvoriv u 50 t.* Kyiv, Naukova dumka. Vol. 18, pp. 308–318.

Geiden, D. F. (1972). Zapiski grafa D. F. Geidena (1914–1917 gg.) [Notes of Count D. F. Geiden (1914–1917)]. In *Voенно-istoricheskii vestnik*. No. 39, pp. 16–21.

Gomilevskii, V. (1914). Galitsiya v lesokhozyaistvennom otnoshenii [Forestry in Galicia]. In *Lesnoi zhurnal*. No. 8, pp. 1246–1265.

Gorlitskaya operatsiya. Sbornik dokumentov [Gorlice Operation. Collection of Documents]. (1941). Moscow, Voenizdat. 408 p.

Il'in, I. S. (2016). *Skitaniya russkogo ofitsera: dnevnik Iosifa Il'ina 1914–1920* [Wandering of a Russian Officer: Diary of Iosif Il'in 1914–1920]. Moscow, Knizhnitsa, Russkii put'. 477 p.

Il'nits'kii, I. V. (2014). Naftopererobna promislolist' Galichini v umovakh pershoi Rosiis'koï okupatsii krayu (veresen' 1914 r. – cherven' 1915 r.) [The Oil Refining Industry

of Galicia under the Conditions of the First Russian Occupation of the Region (September 1914 – June 1915). In *Problemi istorii Ukraini KhIKh – pochatku KhKh stolittya. Zbirnik naukovikh prats'*. Kyiv, S. n. Vol. 23, pp. 297–304.

Istomin, V. K. (1915). *Neftyanaya promyshlennost' Galitsii. S prilozheniem neftepromyshlennoi karty Galitsii* [Oil Industry of Galicia. With the Application of the Oil Industry Map of Galicia]. Petrograd, Zhurnal "Teplokhod". 6 p.

Karbyshv, D., Kiselev, I., Maslov, I. (1931). *Razrusheniya i zagrashdeniya* [Destruction and Barriers]. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo. 184 p.

Kargol, T. (2012). *Odbudowa Galicji ze zniszczeń wojennych w latach 1914–1918*. Kraków, Historia Iagellonica Press Association. 322 p.

Khonigsmann, Ya. S. (1971). *Proniknennyya inozemnogo kapitalu v ekonomiku Zakhidnoï Ukraini v epokhu imperializmu (do 1918 roku)* [The Invasion of Foreign Capital into the Economy of Western Ukraine in the Age of Capitalism (until 1918)]. Lviv, Vidavnistvo L'viv's'kogo universitetu. 253 p.

Koritko, P. Ya. (2017). *Stanovlennyya i rozvitok prirodookhoronnikh institutiv v Avstro-ugors'kii imperii: istoriko-pravovii vimir (na materialakh Skhidnoï Galichini 1867–1918 rr.)* [Formation and Development of Environmental Protection Institutes in the Austro-Hungarian Empire: Historical and Legal Dimension (Based on the Materials of Eastern Galicia 1867–1918)]. Dis. ... dokt. jur. nauk. Lviv, S. n. 447 p.

Lavskii, B. L. (1927a). *Pol'skaya neftyanaya promyshlennost' (istoricheskii ocherk)*. (Nachalo) [Polish Oil Industry (Historical Essay). (Beginning)]. In *Neftyanoe khozyaistvo*. No. 1, pp. 113–119.

Lavskii, B. L. (1927b). *Pol'skaya neftyanaya promyshlennost' (istoricheskii ocherk)*. (Prodolzhenie) [Polish Oil Industry (Historical Essay). (Continuation)]. In *Neftyanoe khozyaistvo*. No. 2, pp. 267–276.

Lewin, K. (2009). The Landscape of War / transl. by J. Blower. In *Art in Translation*. Vol. 1. No. 2, pp. 199–209. DOI 10.2752/175613109X462672.

Mazur, O. Ya., Pater, I. G. (2007). Galits'ka "Ruina": sotsial'no-ekonomichne stanovishche Skhidnoï Galichini (1914–1915 rr.) [Galician "Ruin": The Socio-Economic Situation of Eastern Galicia (1914–1915)]. In *Visnik Natsional'nogo universitetu "Lvivs'ka politekhnik"*. No. 584, pp. 44–52.

Metzis, J. (1930). Przyczynek do historii przemysłu naft. w Polsce. Przemysł rafineryjny w okręgu Drohobycz-Borysław. In *Przemysł Naftowy*. No. 23, pp. 507–512.

Nelipovich, S. G. (2022) *Russkii front Pervoi mirovoi voiny: poteri storon. 1915* [Russian Front of the First World War: The Casualties of Belligerent Sides. 1915]. Moscow, Kvadriga. 914 p.

Oleum: tygodniowe pismo statystyczno-informacyjne dla spraw przemysłu oleju skalnego w Polsce. (1938). No. 171.

Ol'shevskii, S. (Ed.) (1915). *Gornopromyshlennaya karta Galitsii: s ob'yasneniyami. Perevod s pervogo polnogo izdaniya, dopolnennogo noveishimi svedeniyami i statisticheskimi dannymi za 1911, 1912 i 1913 gg.* [Map of the Galicia Mining Industries: With Explanations. Translation from the First Complete Edition, Supplemented with the Latest Information and Statistics for 1911, 1912, and 1913]. Petrograd, Tipografiya I. Fleitmana. 8 p.

Otchet predstavitielya Ministerstva trgovli i promyshlennosti o neftyanoi promyshlennosti Galitsii i kazennom zavode v Drogobyche. Prilozhenie No. 9 (K otchetu voennogo gubernatora Galitsii) [Report of the Representative of the Ministry of Trade and Industry on the Oil Industry of Galicia and the State-Owned Plant in Drohobych. Annex No. 9 (To the Report of the Military Governor of Galicia)]. (1915). Kiev, Tipografiya okruzhnogo shtaba. 20 p.

Pashaeva, N. M. (1968). Galitsiya pod vlast'yu Avstrii v russkoi i sovetkoi istoricheskoi literature (1772–1918 gg.) [Galicia under the Austrian Rule in Russian and Soviet Historical Literature (1771–1918)]. In *Mezhdunarodnye svyazi stran Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy i slavyano-germanskie otnosheniya*. Moscow, Nauka, pp. 295–324.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 23. List 1. Dos. 376.

RGVIA [Russian State Military Historical Archives]. Stock 2003. List 1. Dos. 1643; Stock 2005. List 1. Dos. 12, 14; Stock 2067. List 1. Dos. 564; Stock 2071. List 1. Dos. 28; Stock 2134. List 2. Dos. 539; Stock 13216. List 1. Dos. 95.

Rostunov, I. I. (Ed.). (1975). *Istoriya Pervoi mirovoi voiny 1914–1918 gg. v 2 t.* [History of the First World War 1914–1918. 2 Vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 2. 608 p.

Tanfil'ev, G. I. (1915). *Galitsiya i Bukovina. Geograficheskii ocherk* [Galicia and Bukovina. Geographical Sketch]. Odessa, Tipografiya B. Sapozhnikova. 52 p.

Tolstoy, A. N. (1916). *V Anglii. Na Kavkaze. Po Volyni i Galitsii* [In England. In Caucasia. In Volynia and Galicia]. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei. 253 p.

Tsaitler, M. I. (2001). Ekologichni naslidki dovgotrivalogo naftovidobutku na Borislavs'komu naftovomu rodovishchi [Ecological Consequences of Long-Term Oil Production in the Boryslav Oil Field]. In *Pratsi Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka (Ekologichni problemi Lvivshchini)*. No. 7, pp. 84–90.

Vaganovskii, S. A. (2014). *Vostochnaya Galitsiya (Galichina) s nachala XX v. po 1918 g.* [Eastern Galicia (Galichina) from the Beginning of the 20th Century till 1918]. Krasnodar, Kubanskii gosudarstvennyi universitet. 202 p.

Wolff, P. (2010). *The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture*. Stanford, Calif., Stanford Univ. Press. 486 p.

Yasnopol'skii, L. N. (1915). *Shosseinye i vodnye puti Galitsii* [Highways and Waterways of Galicia]. Petrograd, Upravlenie vnutrennikh vodnykh putei i shosseinykh dorog (po Kievskomu okrugu putei soobshcheniya). 47 p.

Yastrebov, N. V. (1915). *Galitsiya nakanune Velikoi voiny 1914 goda* [Galicia on the Eve of the Great War of 1914]. Petrograd, Tipografiya A. E. Kollins. 146 p.

The article was submitted on 04.05.2022

Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives During the Great War* **

Alexandra Likhacheva

Yaroslavl State Pedagogical University,
Yaroslavl, Russia

In terms of environmental history, the First World War represents one of the most significant information gaps of the Anthropocene, where the type of warfare and the fall of empires intensified the destructiveness of the interaction between people and nature, changing the geological and cultural characteristics of Central and Eastern European landscapes. The collision of mass armies with foreign landscapes and militarized natural environments left an indelible stamp on personal accounts of the Great War. The imagery of nature, both as an uncontrollable force and as an object of impact, abounds in a broad diversity of textual and visual sources, which range from official documentation to private correspondence and from propaganda newsreels to personal photographs. It appears that pictures of landscapes destroyed or transformed by war (as well as the related epidemiological and climatic threats) contributed to shaping combatants' existential experience to the same degree as short military operations. Unlike the universalized experience of the Western Front countries in the available literature on the environmental and spatial history of the First World War, the multiple ways in which mobile belligerent landscapes of the Eastern Front were experienced and perceived are yet to be addressed documentarily as well as methodologically. The article aims to reconstruct the horizons of expectation and environment construction strategies in combatants' individual narratives and to identify the meaning of belligerent landscapes in the formation of specific behavioral strategies and practices on the Eastern Front of the world's first industrial war. The analysis of ego-documents (letters, diaries, and memoirs) left by participants of WWI has identified a diversity of models for anthropomorphizing environmental objects and phenomena on the Eastern Front, which range from romanticization to demonization. The

* The research for this chapter was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project 21-59-14003 "Great War and the Anthropocene: 'Imperial Debris' and Environmental Change in Central-Eastern Europe".

** *Citation*: Likhacheva, A. (2023). Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives During the Great War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 603–616. DOI 10.15826/qr.2023.2.808.

Цитирование: Likhacheva A. Romanticization and Demonization: Galician Landscapes in Russian Combatants' Narratives During the Great War // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 603–616. DOI 10.15826/qr.2023.2.808.

author aims to establish the way the perception of belligerent landscapes depends on the cultural baggage, prior experience of warfare, military branch, and the density of contacts with civilians populating the militarized spaces. One of the key messages of this study is the suggestion that the militarised environment's signification through religious, literary, epidemiological anti-Semitic and other lenses contributed to the normalization of combatants' mortal terror of war, their negative military experience, mourning, and nostalgia for the lost life-worlds.

Keywords: World War I, Eastern Front, belligerent landscapes, war experiences, anthropomorphisation, ecological history, narrative

Первая мировая война является одной из решающих цезур антропоцена, когда тип военных действий и развал империй усилили деструктивный характер взаимодействий человека и природы, изменили геологический и культурный облик ландшафтов Центральной и Восточной Европы. Столкновение армий Первой мировой войны с чужеродными ландшафтами и милитаризованной окружающей средой оставило яркий след в источниках личного происхождения. Образ природы как неконтролируемой силы и объекта воздействия проходит через широкий спектр текстовых и визуальных источников: от ведомственной документации до личной переписки, от пропагандистской кинохроники до частных фотографий. Образы уничтоженных или преобразенных в ходе войны ландшафтов, исходящие от них эпидемиологические и климатические угрозы выступали в качестве фактора формирования экзистенциального опыта комбатантов в той же степени, что и реальные кратковременные сражения. На фоне универсализации опыта стран Западного фронта в существующих исследованиях по экологической и пространственной истории Великой войны специфика переживания и рецепции маневренных бelligеративных ландшафтов Восточного фронта остается лакуной источникового и методологического плана. Статья посвящена изучению горизонтов ожидания и приемов конструирования окружающей среды в индивидуальных нарративах комбатантов, значения бelligеративных ландшафтов в формировании специфических поведенческих стратегий и практик на Восточном фронте первой индустриальной войны. На основе анализа эго-документов определяется спектр моделей антропоморфизации объектов и явлений окружающей среды в оккупированной Галиции от их романтизации до демонизации. В центре изучения находится восприятие бelligеративных ландшафтов в зависимости от культурного багажа, предшествующего военного опыта, принадлежности к роду войск, плотности контактов с гражданскими лицами, населяющими милитаризованные пространства. Одним из ключевых тезисов является предположение, что означивание военизированной окружающей среды через литературные, эпидемиологические, антисемитские и т. п. призмы способствовало нормализации смертельного ужаса войны, негативного боевого опыта, траура и ностальгии по утратам.

Ключевые слова: Первая мировая война, Восточный фронт, бelligеративные ландшафты, военный опыт, антропоморфизация, экологическая история, нарратив

From the perspective of the rapidly developing ecological and spatial history, World War I represents one of the most significant information gaps of the Anthropocene, a period when the destructive interaction between people and nature (exacerbated by the totalized warfare and the collapse of empires) transformed the geological and cultural characteristics of the colonially peripheral Central and Eastern European landscapes [Мамин, с. 10–28]. However, until recently, researchers tended to universalize the experience of the trench war at the Western Front, whereas mobile conflict landscapes of the Eastern Front were largely overlooked due to methodological limitations and unavailability of sources.

We have been living here in Galicia for one month,... our commander and our artillerist often go hunting for foxes and hares in these wonderful forests, always successfully <...> The leaves are falling off the trees in the forests; only the oaks are still covered in foliage... a thick carpet of fallen leaves rustles loudly under your feet at every step as the weather is still dry.¹

This bucolic account of the 1914 Russian occupation was left by military pilot Ivan Ognev in letters to his parents [РНБ. Ф. 1139. Д. 340. Л. 30]. The peaceful, indolent picture forms a stark contrast to Iosif Ilyin's description of his stay in Galicia during the Russian occupation:

This is where the terrible, foul-smelling, desperately ugly, wildly brutal face of the war glares at you. The feral dogs with blood-stained muzzles devour foul-smelling decaying bodies: the second you approach the animals, they run off a few yards and stare aggressively at you, waiting for you to leave so they can go on eating the corpse... [Ильин, с. 88].

What factors define the anthropological construction of natural environment (subdued but potentially still dangerous) during the war? Why are some descriptions full of terrifying naturalistic details, and why do others romanticize natural scenery, make it appear uninhabited and remote from the war? How are landscapes used by witnesses to the fall of empires to make sense of, and perpetuate, the toxic legacy of WWI, which would have a profound impact on both the painful birth of new states and preparation for the next war?

The Russian occupation of Galicia in 1914–1915 (and, for a brief period, in 1916) offers a promising area for research on perceptions of close and lasting contacts between armies many thousand strong and the alien nature. Images of the militarized environment in combatants' individual narratives provide a point of access to the interrelation between the pre-war horizon of expectations and the space of new experience, while opening vast prospects for exploring the construction

¹ This quote has been translated from Russian by N. Magnes. The translator sought to convey the meaning of the original texts rather than their style.

of combat landscapes, the development of behavioral strategies, and the mental mapping of the occupied territory [Козеллек]. In descriptions by witnesses to military events, the Galician environment emerges as a multidimensional social construct, represented in turns as a multitude of death spaces, as nature's treasure trove and as a lost and recovered homeland; this construct often performs psychotherapeutic functions.

One of the methods crucial to my analysis of references to nature in combatant narratives is the phenomenological approach to the description of relations between First World War soldiers and conflict spaces, pioneered by Kurt Lewin in 1917 in his article *Kriegslandschaft* [Lewin]. Lewin reflects on his own experience with landscape, both under warfare and during a period of comparative quiet after attacks. As Lewin points out, war structures individual perceptions of landscape in its own special way; in his work, he focuses on landscape directionality, danger zones, the rapidly alternating empty spaces of potential death and relative safety. The author argues that the perception of nature by combatants depended on their military branch, their involvement in intense military operations, the work they did in the army, and the density of their interaction with the local environment and residents.

The culturally situated perception of nature by Western Front combatants received a detailed treatment in Paul Fussell's classical study *The Great War and Modern Memory* [Fussell] first published in 1975. Fussell holds that WWI brought about a new condition of consciousness, a cardinal transformation of world outlook, which, in turn, required new literary forms as the language of contemporary fiction failed to articulate the experience of the military catastrophe. Using textual deconstruction, Fussell identified the principles and stylistic methods developed by "trench authors", and established points of continuity and departure from earlier literary traditions. Our study adopts this approach in its modified form to decode the semantic framework for the perception of conflict landscapes and to identify factors involved in both the mental construction of nature by Russian combatants and the way this construct was reflected in individual and collective communication and behavior.

The Soviet discourse on the Great War is explored in Karen Petrone's excellent work [Petrone]. Petrone claims that Soviet ideology devised a set of "standard tropes" to represent and interpret the military conflict, the most crucial of them being heroic masculinity, violence, and patriotism. In my opinion, this list of prescribed discursive practices vis-à-vis the Great War must be extended to include anthropomorphization of the environment by combatants. In numerous Soviet and émigré memoirs (both of peripheral importance to Petrone's study), natural objects and phenomena act as a discursive framework for military events: they may connote victory or defeat and provide combatants with a medium for the construction of their new identity.

In his analysis of the perception of exotic Middle Eastern nature by Europeans, Oliver Stein argues that descriptions of nature were used

by servicemen in communications with their families and friends in the rear to avoid references to mortal danger and frontline hardships which the combatants were subject to [Stein]. Being based on sources similar to ours (ego-documents of German servicemen in the Middle East), Stein's methodology appears particularly relevant to this study. The researcher notes that letters by soldiers and officers often evoked a form of travel narrative shaped by pre-war fiction. The impressions from the unusual climatic, topographical, and infrastructural situation in the previously imagined Orient catalyzed the use of pervasive cultural canons in descriptions of new shocking experiences. Images of the exotic environment in ego-documents were replaced by descriptions of horrors of the war and personal suffering. On the contrary, the end of the war and the formation of the memorial narrative led to a gradual transformation of nature into the main adversary and key threat. The perceptions of nature by Russian soldiers and officers as well as the role of landscapes in the development of existential experience of the participants of the Great War will be approached here from the point of view of interdisciplinary analysis of combatants' individual narratives which form part of the communicative memory about the past conflict. I will proceed from the assumption that the perception and construction of conflict landscapes in ego-documents depended on the cultural baggage of the author, their past and subsequent military experience, the military branch and the density of contacts with civilians residing in militarized spaces.

The image of nature in Russian military propaganda during the First World War

In Russia, the discursive construction of Galicia as a potential battleground had started long before the First World War. The public horizon of expectations developed under the influence of academic publications by university professors, who shared Russophile views on the history of the Austrian province which was to be annexed by Russia. The Galician–Russian Charitable Society established in 1902 specialized in the publication of conservative-nationalist propaganda materials (books, brochures, pamphlets and transcripts of public letters) in support of a war for Galicia [Бахтурина].

The publications called for a liberation war in the name of saving the Galician population from Austrian oppression. The propaganda sources focused on the ethnic kinship of the peoples of Galicia and Russia and their shared historical past; the authors sought to "... rediscover this part of historically Russian, Orthodox land, its history and its present condition on the eve of a war" [Бурчак, с. 1].

However, the historical and cultural connectedness of Russia and Galicia was not the only recurring theme in propaganda literature. D. Vergun, the chief ideologue of the Galician–Russian Society, associated the ethnic unity of both countries with a specific type of landscape:

What makes Galicia so dear to us? Like an adult reveres the cradle he lay in during his infancy, we must take interest in the Carpathians, the cradle of our people, the very place which historians link with ‘the origin of the land of Rus’ [Бергун, с. 54].

The author’s argumentation is metaphorically emphasized by the imagined steadfastness and immutability of the Carpathians, with their geographical location in the heart of Europe and their historical role as the cradle of Russians and Ruthenians enhancing the geopolitical message.

Overall, the analysis of the publications by the Galician–Russian Society demonstrates that appeals to similarity of the natural environments of Russia and Galicia were intended to mobilize Russians for the war: “East Galicia with its loess soils is also rich in black earth, which is not much different from the chernozem found in the neighboring Podolsk Province” [Танфильев, с. 11]. Parallels between Russian and Galician forests, steppes, and river landscapes were invariably accompanied by the same refrain:

Like in Russia, the steppes in Galicia are incised by an extensive network of ravines... Likewise, the vast interfluves are mainly taken up by fields, with just a few villages; like their Russian counterparts, the villages are generally situated along the banks of rivers, small and large [Танфильев, с. 12].

Besides the geographical and environmental considerations, Russophile pamphlets abounded in linguistic arguments; the forged semantic closeness of names for natural objects was an attempt at “inventing traditions” [Hobsbawm]:

The Carpathians are the only mountain ridge in the Russian land where nearly all names of mountains and hills, rivers and valleys sound endearingly familiar, and every blade of grass, every bush is stirred by memories shared by our tribe [Бергун, с. 54].

By constructing a mental map of Galicia, this discourse strengthened the province’s links with the imagined imperial community.

The pamphlets characterized Galicia as a bountiful land with rich natural resources and considerable economic potential:

“The conditions for the development of commerce in Galicia are nothing short of brilliant” [Там же, с. 59]. Some of the expected economic benefits from the annexation are associated with natural landmarks such as healthy waters: “There are many mineral springs with a long tradition of use on both slopes of the Carpathians. The spas at Szczawnica, Krynica, Iwonicz, Dornavátra, etc. have become widely known across Middle Europe” [Там же, с. 54].

Prior to the immediate contact with the enemy, the idea of a potential battleground was promoted by targeted propaganda and social mandate. This explains why individual narratives by Russian combatants initially

excluded Galician landscapes from the “image of the enemy”: indeed, Russian publications about Galicia, particularly its eastern part, represented the province in a positive light and differentiated it from the hostile Austria, with Carpathians as the natural boundary. In ego-documents from the Eastern Front which reflected individual perceptions of the new military experience, references to natural phenomena and landscapes were used to convey and emphasize the author’s emotions. One recurrent descriptive strategy aligning the writer’s inner state with the Galician landscapes was the anthropomorphism of natural forces, which combatants endowed with human qualities and characteristics. Depending on the period of the occupation, this trope manifested itself in two principal forms: landscapes could be romanticized or demonized.

Romantic travels across Galicia during the war

Born into an educated family in Vyatka, Ivan Ognev graduated from the Gatchina School of Military Aviation and joined the army as a volunteer in 1914. The letters Ognev sent his parents from Galicia contain detailed, almost photographic accounts of his wartime experiences. Today, being aware of the circumstances under which the letters were written, one cannot help wondering how the following passage could have originated amid a war:

The weather is wonderful; however, the flights are rare as the high altitudes are bumpy. The trees are dropping their blossoms, but the meadows are bursting with color, and new greenery has been popping up everywhere... especially after several thunderstorms. We have literally nothing to do; we take strolls in the countryside and go swimming in the Aa. It’s a beautiful river; when you stand neck-deep in the water, you can see your toes clearly; the fast current flows over a pebbly bed, and the sand is very large” [PHБ. Ф. 1139. Д. 340. Л. 19].

Many letters present a stark contrast to the established “horrors of the war” canon:

In the evening, you can go for a long walk and stop by a brook on the slope; if a hare comes running or a fox steals to the waterside, you will hear it in the quiet from far away. When the moon rises, you can see everything clearly as the nights here are wonderfully transparent... [Там же. Л. 30].

The writer carefully avoids any mention of everyday life in the army, most likely in an attempt to safeguard his family from worries and fills the voids with peaceful nature scenes. The invisibility of war in Ognev’s narrative may also be explained by his job: as a mechanic of the Ilya Muromets biplane, he oversaw the repairs and maintenance, and never had to destroy the enemy or conduct bombing himself.

Apart from idyllic portrayals of the scenery, the combatant writers that romanticized Galician landscapes also produced “travel narratives” [Stein]:

“The headquarters have moved... much closer. This is all for the best, because we can get to see new places” [РНБ. Ф. 1139. Д. 340. Л. 34]. The motif of new impressions features prominently in Iosif Ilyin’s accounts of his journeys across Galician conflict landscapes: “I stopped for the night in Podberesie-Germanovo” [Ильин, с. 115], “I passed through a lovely, remarkably clean town of Brzeżany...” [Там же, с. 117], “Zaleshchyky is a semi-ruined town on the side of the Dniester” [Там же, с. 119]. Contacts with new locations are described in a style strongly evocative of peacetime family outings to the countryside. Ilyin provides detailed, expressive depictions of Galician scenery: “The site looks quite beautiful from the southwest: the mountains are thickly forested, with lakes and a river at the foot” [Там же, с. 117].

Experienced travelers would compare the Galician landscape with places they had previously visited. Artillery lieutenant Fyodor Stepun, who had spent several years studying philosophy at Heidelberg University, included a nostalgic reminder of a German landscape in his Galician diaries, even though the features he referred to were part of the enemy territory: “How strange it was to see a familiar Russian troika amidst the romantic Galician landscape, which vividly reminded me of the Heidelberg hills and the quiet Neckar valley!” [Степун, с. 24]. Officers, besides the desire to adapt to the alien environment, showed a passion for exoticism and a natural curiosity, attempting to link the new spaces and cultural context with familiar imagery: “At about four o’clock, I crossed the fast and broad San. It is a beautiful river, particularly amid this majestic mountainous landscape with steep banks. It reminded me of my childhood and the Caucasus...” [Ильин, с. 87].

On one hand, the environment and nature landmarks are seen as sources of aesthetic pleasure:

The Vistula is very beautiful, fast-flowing and broad” [Там же, с. 70], “The panorama is wonderful: the landscape spreads out in front of you as far as the eye can see. The town lies on a peninsula formed by the curve of the Dniester, and wears a hat of greenery, with towering poplars scattered around like sentinels [Там же, с. 120].

On the other, the pervasive theme of the change of scenery and the focus on the beauty of the landscape rather than on the hardships and dangers of the march betray the writer’s wish to cling to the illusion of a peaceful life despite the changed circumstances. The flamboyant metaphors, the fairy-tale motifs in landscape descriptions and the language of Symbolism used by the writer to convey his emotions help to gloss over the unappealing military everyday:

The road after Brzeżany looks as if it has come out of a fairy-tale: the highway meanders through the mountains between the forests and valleys. The panorama from the top of the mountain ridge is amazing: the road we walked on winds through the curly crowns of giant trees like a white ribbon.

Sometimes it vanishes from sight, sometimes it resurfaces among the green trees. The vegetation is very diverse, with a lot of leafy trees and many oak groves [Ильин, с. 117].

This trend may manifest itself in the “dehumanization” of spaces: being the living embodiments of hardship, suffering and a way of life destroyed by poverty, people (locals in particular) are completely absent from the narrative.

The militarized space in Ognev’s letters is represented in natural and historical terms:

I wish you were here! There are some very interesting places: enormous ravines with fossils; forests which look nothing like Russian ones, teeming with squirrels, hares, and other animals; in places, you stumble upon whole mazes of abandoned, half-overgrown trenches, with dugouts and bunkers inhabited by wild goats [РНБ. Ф. 1139. Д. 340. Л. 40].

The descriptions of burgeoning wildlife which can thrive only in peaceful times and in an environment undisturbed by shell explosions, take the threat out of the landscapes; even explicitly military structures are transformed into imaginary ruins deserving slow, absorbed contemplation. The writer seems to invite his parents on a country trip, as if paying homage to a long-standing family tradition.

Attempts to escape from the dreary reality of the army and immerse oneself in the customary cultural practices of reading and romantic solitude in the lap of nature demonstrate the resilience of pre-war youth fiction canons:

There is a cave about 500 yards from us... a whole labyrinth, some parts of it have crumbled... I nearly fell through the overgrown mouth of the cave, then climbed in: it was spacious inside. I wanted to make a “fireplace” there but could not get rid of the smoke; however, I will think of something: it will be nice to spend some time there and read a book in absolute quiet [Там же. Л. 31].

Demonized nature in narratives of military defeat

The traumatizing experiences of the Russian defeat and retreat in 1915 shifted the horizon of expectations for Russian combatants, altering the ways Galician landscapes were represented in individual narratives. It was a time when propaganda clichés and the canons of romantic symbolization of nature lost their appeal. Not only did the environment and separate spaces come to be perceived as hostile; they were demonized by the writers, who saw them as an enemy even more dangerous than the Austrian and German armies. Negative anthropomorphism is used by Fyodor Stepun to describe his experience of retreat from Galicia: “The retreat was extremely difficult,

with Austrians behind, Austrians ahead and more Austrians flanking us. To make things worse, there were two other far more dangerous enemies: the total incompetence of the commandment and the enraged nature” [Степун, с. 37].

After the collapse of the Russian offensive, the militarized Galician landscapes in servicemen’s narratives came alive with people – both the local residents and the enemy. The descriptions of nature still bordered on propaganda, but were now a far cry from glorification:

Again we find ourselves on the side of the majestic Danube. How many times Russian armies crossed the Danube in centuries gone by to protect their younger Slavic brothers! And now we are retreating in shame. It is galling to understand one’s helplessness [Там же].

The turn in the portrayal of conflict landscapes is best exemplified by diaries which Ilyin kept at the end of May 1915 when withdrawing from Galicia with the Russian army: his lost illusions about the war are projected onto his perception of the environment; hence the attempts to compensate for the unflattering comparison of his home country with the enemy territory:

Motherland! How I understand this word now. I can sense Russia in everything I see: the bad roads, the disorder. Where are you, the cleanliness and civility of Galicia? And yet I feel at home now. Even the Jews here are different, much nicer, and more agreeable [Ильин, с. 12].

The anti-Semitic remark at the end betrays the writer’s gloating over a weakness of the enemy, i. e. the disparity between the impoverished Jewish villages and the tidy, well-groomed Galician towns.

A graphic description of the military catastrophe and the heavy losses of the Russian army can be found in V. Belov’s journal; the episode is organized around the “blood river” metaphor, easily decodable by any Russian reader:

Clutching the trunk of an old, melancholic willow and holding the branch with his injured hand, he bent down to scoop a handful of wholesome water, dampened his burning forehead and temples, lifted another handful to his mouth. He was struck by the unusual salty taste and the faint foreign smell of the water. He looked at his palm, then instantly opened his hand, horror-struck, and looked in front of himself; a lonely desperate cry shook the silence of the old forest. Breaking through the branches of the sparse trees, the copper-colored slanting rays of the setting sun were gliding over the lazy, oil-like ripples of a vast lake, where the water was crimson... [Белов, с. 123].

The political context of the source must be taken into consideration if we are to fully appreciate the implications of this passage; indeed, an officer’s journal published at the height of the military campaign was bound to

contain propaganda messages. The overused “blood river” metaphor aims to elicit a strong emotional response on the part of the audience and to promote patriotic feelings by concentrating the readers’ attentions on the great sacrifices made during the liberation war.

In Stepun’s diary, landscape serves to illustrate the dehumanizing effect of the war, which found its most visible manifestation in the new weapons. The text abounds in gruesome naturalistic details and shocking descriptions of the smells, corpses, and mass graves:

To my left and right, bodies lay scattered. The bodies of Russian soldiers and enemy soldiers; some were fresh, others had been lying there for days; some were whole, others mutilated. It was especially painful to look at their hair, partings, nails, hands... In places, I could see dead people’s feet sticking out of the shallow graves”. Apart from destroying the environment, the new type of warfare pollutes the nature with human presence and deprives it of original purity: “...the abomination of desolation is everywhere. All around the church and our house the trenches are littered with waste, blooded cotton, and bandages [Степун, с. 19].

One of the most extreme examples of the destructive human impact on the landscape in the occupied areas was the scorched earth policy, references to which occurred in combatant narratives from the earliest stages of the war. However, the first instances of this strategy were associated with the enemy: “They say the retreating Germans poison fodder with strychnine before the arrival of the Russian army” [Смирнов-Рунский, с. 24]. To justify the extensive damage caused to the environment by the Russian army, the combatants would demonize the local landscape, presenting it as a real enemy: “The retreat was highly organized. We took no prisoners and left no wounded. The countryside which our troops crossed was put to fire. Villages and heaps of grain were set ablaze; the cattle were either destroyed or ran off by the troops” [Торнай, с. 73].

Memoirs recording war devastation explicitly state that the destruction of the environment was intended to weaken the enemy:

When orders had been received to withdraw from the Carpathians in spring 1915, the army headquarters commanded to set fire to the lumberyard in Turka and the oil wells near Drohobych. The blazing lumberyard produced so much heat that Turka nearly went into flames. The colossal black cloud from the burning oil stretched over several miles, making it hard to breathe [Экк, с. 559–574].

Many strategic sites were demolished: “...we set out to destroy the bridge. The charges were planted and set on fire, and the bridge went up; what remained from the bridge on the banks was covered in pitch and burned” [РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 605. Л. 15]. Notably, reminiscences of high-ranking Russian officers are free from any personal reactions to such

acts: the imperative to destroy the enemy's resources was prioritized above the necessity to protect the natural wealth and technical facilities for the former "Ruthenian brothers".

* * *

The image of nature as an uncontrollable force and an object of impact is a recurrent theme in written testimonies of the First World War which range from official documentation to personal correspondence and from propagandist newsreels to private photographs.

Individual narratives (letters, diaries, memoirs) of Russian combatants during the Great War construct rivers, mountains, and forest landscapes of occupied Galicia via anthropomorphism: natural objects and phenomena are romanticized or demonized, stripped of the polluting human presence or associated with scorched earth practices and emphatic anti-Semitism.

Romanticized images of Galician landscapes predominate in documents that originated during the early period of the Russian occupation. The writers that evoked bucolic scenes in their diaries or personal correspondence with relatives in the rear generally displayed a high level of education and erudition and, in some cases, had had prior travelling experience. In general, romantic descriptions of Galician nature are free from obvious signs of war; imaginary landscapes are forcibly "cleansed" from any presence of the devastated, suffering Galician people who bore witnesses to the tragic events. The demonization of Galician landscapes, on the contrary, stemmed from the necessity to make sense of the negative military experience associated with the catastrophic retreat of the Russian army. The environment, reinterpreted as a mortal enemy, suddenly filled with people representing the hostile local community; nature itself turned into an insuperable force which allied with the enemy and contributed to the military defeat.

The role of conflict landscapes in the development of specific behavioral strategies and practices at the Eastern Front during the world's first industrial war is not readily definable. On one hand, the aesthetic perception of the natural environment by combatants helped normalize the mortal dread of the war, the negative battlefield experience, the mourning for the perished servicemen, and the nostalgia for the lost life worlds; in short, it performed a therapeutic function. On the other hand, the existential experience of the combatants was determined by images of landscapes destroyed or devastated by people or epidemiological and climatic threats to the same extent as the actual hostilities.

Библиографические ссылки

Бахтурина А. Ю. Галицко-русское благотворительное общество и галицкие «москвофилы» в начале XX века // Труды Историко-архивного института / гл. ред. А. Б. Безбородов. М. : РГГУ, 2014. Т. 40. С. 17–28.

Белов В. М. Лицо войны: записки офицера. Пг. : Кн-во б. М. В. Попова, 1915. 182 с.

- Бурчак Л. И.* Галиция, ее прошлое и настоящее. М. : Читатель, 1914. 38 с.
- Вергун Д. Н.* Что такое Галиция? Пг. : Лукоморье, 1915. 65 с.
- Ильин И. С.* Скитания русского офицера : Дневник Иосифа Ильина. 1914–1920. М. : Книжница : Рус. путь, 2016. 480 с.
- Козелек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28, № 2. С. 149–173.
- Мамин Р. Г.* Экология войны. М. : Экономика, 2011. 492 с.
- РНБ. Ф. 1139. Д. 340. Огнев Иван Николаевич, летчик, письма Николаю Васильевичу и Татьяне Ивановне Огневым 1916–1917.
- РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 605. Рассказы солдат и унтер-офицеров царской армии о боевых эпизодах во время 1-й мировой войны 1914–1915 годов.
- Степун Ф. А.* Из писем прапорщика артиллериста. Прага : Пламя, 1926. 267 с.
- Смирнов-Рунский А.* На войне : Записки строевого офицера. Пг. : Тип. М. И. Акинфиева, 1914. 48 с.
- Танфильев Г. И.* Галиция и Буковина : геогр. очерк. Одесса : [Б. и.], 1915. 52 с.
- Торнау С. А.* С родным полком (1914–1917 гг.). Берлин : [Б. и.], 1923. 144 с.
- Экк Э. В.* От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе, 1868–1918. М. : Кучково поле, 2014. 573 с.
- Fussel P.* The Great War and Modern Memory. N. Y. : Oxford Univ. Press, 1975. 368 p.
- Hobsbawm E.* Terence Ranger: The Invention of Tradition. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. 309 p.
- Lewin K.* Kriegslandschaft // Zeitschrift für Angewandte Psychologie. 1917. № 12. S. 440–447.
- Petrone K.* The Great War in Russian Memory. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2011. 385 p.
- Stein O.* “Orientfahrten”. Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918 // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2016. Vol. 75. № 2. S. 327–358.

References

- Bakhturina, A. Yu. (2014). Galitsko-russkoe blagotvoritel'noe obshchestvo i galitskie “moskovofily” v nachale XX veka [Galician-Russian Charitable Society and Galician “Moscowphiles” in the Early 20th Century]. In Bezborodov, A. B. (Ed.). *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta*. Vol. 40. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 17–28.
- Belov, V. M. (1915). *Litso voiny: zapiski ofitsera* [The Face of War: An Officer's Notes]. Petrograd, Knigoizdatel'stvo byvshee M. V. Popova. 182 p.
- Burchak, L. I. (1915). *Galitsiya, ee proshloe i nastoyashchee* [Galicia, Its Past and Present]. Moscow, Chitatel'. 38 p.
- Ekk, E. V. (2014). *Ot Russko-turetskoi do Mirovoi voiny. Vospominaniya o sluzhbe, 1868–1918* [From the Russian-Turkish War to the World War. Memories of Service, 1868–1918]. Moscow. 573 p.
- Fussel, P. (1975). *The Great War and Modern Memory*. N. Y. Oxford Univ. Press. 368 p.
- Hobsbawm, E. (1992). *Terence Ranger: The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 309 p.
- Il'in, I. S. (2016). *Skitaniya russkogo ofitsera. Dnevnik Iosifa Il'ina. 1914–1920* [The Wanderings of a Russian Officer. Diary of Joseph Ilyin. 1914–1920]. Moscow, Knizhnitsa, Russkii put'. 480 p.
- Koselleck, R. (2016). “Prostranstvo opyta” i “gorizont ozhidanii” – dve istoricheskie kategorii [The “Space of Experience” and the “Horizon of Expectations” Are Two Historical Categories]. In *Sotsiologiya vlasti*. Vol. 28. No. 2, pp. 149–173.
- Lewin, K. (1917). Kriegslandschaft. In *Zeitschrift für Angewandte Psychologie*. No. 12, S. 440–447.
- Mamin, R. G. (2011). *Ekologiya voiny* [Ecology of War]. Moscow, Ekonomika. 492 p.

Petrone K. (2011). *The Great War in Russian Memory*. Bloomington, Indiana Univ. Press. 385 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 834. List 4. Dos. 605. Rasskazy soldat i unter-ofitserov tsarskoi armii o boevykh epizodakh vo vremya 1-i mirovoi voiny 1914–1915 godov.

RNB [National Library of Russia]. Stock 1139. Dos. 340. Ognev Ivan Nikolaevich, letchik, pis'ma Nikolayu Vasil'evichu i Tat'yane Ivanovne Ognevym 1916–1917.

Smirnov-Runskii, A. (1914). *Na voine. Zapiski stroevogo ofitsera* [At War. Notes of a Combat Officer]. Petrograd, Tipografiya M. I. Akinfieva. 48 p.

Stein, O. (2016). "Orientfahrten". Deutsche Soldaten im Osmanischen Reich und der Krieg als Reiseerlebnis 1914 bis 1918. In *Militär-geschichtliche Zeitschrift*. Vol. 75. No. 2, S. 327–358.

Stepun, F. A. (1926). *Iz pisem praporshchika artillerista* [From the Letters of an Ensign of an Artilleryman]. Prague. Plamya. 267 p.

Tanfil'ev, G. I. (1915). *Galitsiya i Bukovina. Geograficheskii ocherk* [Galicia and Bukovina. A Geographical Essay]. Odessa, S. n. 52 p.

Tornau, S. A. (1923). *S rodnym polkom (1914–1917 gg.)* [With His Native Regiment (1914–1917)]. Berlin, S. n. 144 p.

Vergun, D. N. (1915). *Chto takoe Galitsiya?* [What is Galicia?]. Petrograd, Lukomor'e, 65 p.

Translation by Natalia Magnes

The article was submitted on 02.05.2022

Origines

Origines

**«Старообрядец до раскола»:
новый документ XVII века о старце Капитоне***

Александр Лавров

Университет Сорбонна,
Париж, Франция

Алексей Морохин

Нижегородский государственный университет,
Нижний Новгород, Россия;
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

***An Old Believer before the Schism:
A New 17th-Century Document on Elder Kapiton***

Aleksandr Lavrov

Sorbonne Université,
Paris, France

Aleksey Morokhin

Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russia
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

In the 1960s–1970s, researchers focused on the figure of elder Kapiton when V. S. Shulgin and S. A. Zenkovsky simultaneously became interested in him. As a result, the image of an ascetic and charismatic leader formed, uniting small communities of followers around him. Of particular interest was the fact that Kapiton seemed to show some skepticism about some church practices before Patriarch Nikon's liturgical reform. Thus, he appeared to be an “Old Believer” before the Raskol. While most of the documents about Kapiton's activities rely

* Citation: Lavrov, A., Morokhin, A. (2023). *An Old Believer before the Schism: A New 17th-Century Document on Elder Kapiton*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 619–630. DOI 10.15826/qr.2023.2.809.

Цитирование: Lavrov A., Morokhin A. *An Old Believer before the Schism: A New 17th-Century Document on Elder Kapiton* // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 619–630. DOI 10.15826/qr.2023.2.809 / Лавров А., Морохин А. «Старообрядец до раскола»: новый документ XVII века о старце Капитоне // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 619–630. DOI 10.15826/qr.2023.2.809.

on the testimonies of his opponents, the petition found in the State Archive of Vologda Region provides an exceptional opportunity to understand how his supporters perceived the elder. The petition shows that the monastery founded by Kapiton was divided into two opposing camps, the reconciliation between which was impossible. The sources created in these conditions deserve a particularly critical approach, so it is difficult to restore the ideas and practices characteristic of Kapiton on their basis.

Keywords: religious radicalism, Old Believers, asceticism, monasticism, Kapiton

Фигура старца Капитона привлекла внимание исследователей в 1960–1970-х гг., когда ею одновременно заинтересовались В. С. Шульгин и С. А. Зеньковский. В результате сформировался образ аскета и харизматичного лидера, объединявшего вокруг себя небольшие общины последователей. Особый интерес вызывало то, что Капитон, кажется, проявлял некоторую сдержанность по поводу ряда церковных практик еще до литургической реформы патриарха Никона, оказываясь тем самым своего рода «старообрядцем до раскола». В то время как большинство документов о деятельности Капитона созданы на основании свидетельств его противников, челобитная, найденная в Государственном архиве Вологодской области, дает исключительную возможность узнать о том, каким видели старца его союзники. Она позволяет убедиться в том, что основанная Капитоном обитель разделилась на два противоборствующих лагеря, примирение между которыми было невозможно. По мнению авторов, созданные в этой обстановке источники должны быть поставлены под сомнение как не дающие твердых оснований для восстановления представлений и практик, характерных для Капитона.

Ключевые слова: религиозный радикализм, старообрядчество, аскетизм, монашество, старец Капитон

Своеобразная фигура старца Капитона (80-е гг. XVI в., с. Даниловское (ныне – г. Данилов Ярославской обл.) – не позднее 1662 г., близ Вязниковской слободы (ныне – г. Вязники Владимирской обл.)) неоднократно обращала на себя внимание исследователей. Благодаря главе в «Винограде Российском» Симеона Денисова имя Капитона было на слуху у старообрядческих книжников [Денисов, л. 46–46 об.; Евфросин, с. 10–11; Брецинский]. С находкой в 1912 г. Я. Л. Барсковым фрагментов розыскного дела стало известно о последователях Капитона, укрывавшихся в лесах под Вязниками в 1660-х гг. [Барсков, с. 78–85, 328–335].

Новое измерение придали фигуре старца работы В. С. Шульгина [Шульгин, 1969] и В. С. Румянцевой [Румянцева, с. 66–81]. В статье В. С. Шульгина Капитон предстал радикальным аскетом, который уже в 1630–1640-х гг. «пришел к отрицанию церковной иерархии» [Там же, с. 132]. Следуя В. С. Шульгину, можно было прийти к выводу,

что практики и представления, типичные для ранних старообрядцев, появились у Капитона и его окружения еще до литургической реформы патриарха Никона и вряд ли были ею спровоцированы. В обобщенном виде выводы В. С. Шульгина были сформулированы в его статье о религии и церкви в «Очерках русской культуры XVII в.», поражающей своим структурным видением, столь нехарактерным для историографии этого времени. Историк выделяет здесь «рационалистическую критику церковного культа и обрядности», которая была свойственна для горожан (и которую церковные полемисты интерпретировали как протестантское влияние), и «мистико-эсхатологические, еретические и сектантские движения», характерные для крестьянства, одним из которых и были «Капитоново учение и уставство». Согласно В. С. Шульгину, «капитоновцы отрицали все таинства, всякое священнодействие, что делало ненужным и духовенство» [Шульгин, 1979, с. 298]. Можно было бы сказать, что историк стремился уйти от крайностей предшествующей историографии, в центре которой всегда были литургическая реформа Никона и ее приятие (или неприятие), и привлечь внимание к иным проблемам (например, связанным с книгопечатанием). В этом ряду деятельность Капитона – своего рода старообрядца, сформировавшегося еще до церковного раскола, – оказывалась показательной, а сам раскол начинался не «сверху», а «снизу» – с радикального отторжения Церкви и таинств. Изучившая комплекс документальных материалов о деятельности старца В. С. Румянцева также отметила в качестве одной из особенностей поведения Капитона «суровейший аскетизм», а в особенностях учения увидела отрицание института священства и «важнейших связанных с ним церковных таинств» [Румянцева, с. 66–81].

Почти одновременно с В. С. Шульгиным старца Капитона открыл и С. А. Зеньковский. Историк проанализировал на основании опубликованных источников основные факты биографии Капитона и особенности его учения. В качестве главных особенностей воззрений старца Зеньковский выделил «радикальный, изуверского характера аскетизм», «необычайно суровую и безрадостную» систему поста, представлявшую собой «систематическое полное умерщвление плоти», а также отказ от общения со священниками и от посещения храма, критику некоторых икон. Автор предположил, что цель учения Капитона «заключалась не в организации монашества по новым, более строгим правилам, а в распространении крайне аскетической, им самим созданной монашеской практики». По мнению Зеньковского, на учение Капитона могли оказать влияние и более ранние русские ереси: «В своем скептическом отношении к иерархии, священству и иконам и в сомнениях в силе таинств учение Капитона очень напоминает учение стригольников» [Зеньковский, с. 144–155]. Довольно близкую к мнению С. А. Зеньковского позицию занял Р. Крамми, посвятивший Капитону и его учению отдельную статью. Хотя в заглавии статьи и вынесено понятие «религиозный радикализм», Крамми дает довольно осторожную оценку

деятельности Капитона до 1639 г., характеризуя ее как отмеченную крайностями и эксцентрическую (*extremism and eccentricity*). Отмечая, что царские грамоты никак не позволяют восстановить сущность взглядов Капитона в это время, Крамми пробует реконструировать их по позднейшим источникам [Crummey, S. 176–177]. В последнее время к изучению деятельности Капитона обратился А. В. Бородкин, которому принадлежат несколько изысканий [обобщающие см.: Бородкин, 2009; Бородкин, 2010; Бородкин, 2011].

Источники позволяют реконструировать основные факты начальной биографии старца следующим образом. По некоторым данным, Капитон происходил из крестьян дворцового села Даниловского Костромского уезда. Из-за бедности и недугов он принял постриг «близ дому своего, яко бяше убог сый и не имяше, чим в мире питатися» [Три послания, с. 97]. Начальный этап деятельности Капитона был связан с Троицкой Колесниковой пустынью, основанной в 1625 г. [Описание документов и дел, с. 508]. Судя по сохранившимся документам, старец появился здесь уже в 1630-е гг. Источники свидетельствуют о том, что в 1634 г. Капитон получил царскую грамоту с разрешением основать в Костромском уезде Троицкий монастырь на Колесниковской дворцовой пустоши около села Даниловского [Колясникова пустыня. Царская грамота, с. 408–409; Зверинский, с. 355]. В том же 1634 г. старец получил в приказе Большого дворца выпись из «межевых и отводных книг» на владение землей, датируемую 3 июля. Из документа явствует, что чарочник Поздей Рудаков «в Костромском уезде в нашем дворцовом селе Даниловском отказал пашенных две пустоши в новое строенье под монастырь старцу Капитону, пустошь Колесниково да пустошь починок Маремьянин со всеми угоды» [Колясникова пустыня. Царская грамота, с. 408–409]. В Колесниковой пустыни Капитон прожил шесть лет до 1639 г., когда на него последовал донос патриарху Иоасафу от бывшего архимандрита рязанского Преображенского монастыря Герасима, жившего здесь же. Царская грамота от 22 августа 1639 г. ярославскому воеводе П. Секерину предписывала взять Капитона, привести его в ярославский Спасский монастырь и «отдать под крепкий начал», чтобы «жить по преданию и уставу монастырскому, к церкви Божией к пению приходит всегда и пот имети, как в иных прочих монастырях Российского государства бывает, и Капитоново учение и устав его велели оставить» [Капитон, с. 4]². По другим данным, в конце 1640 г. Капитон находился в Тобольске – его имя упоминается в отписке царю от сибирских воевод, датируемой 27 декабря 1640 г. В документе он значится среди «архиепископских ссыльных старцов» [Преображенский, с. 65].

² По мнению А. А. Титова, Капитон был отправлен в Спасский монастырь в Ярославле, где и умер. В. С. Румянцева утверждала, что он бежал из монастыря в Костромские леса. С. А. Зеньковский считал, что в монастырское заключение в Ярославле Капитон так и не попал, см.: [Капитон, с. 4; Народное антицерковное движение, с. 9; Зеньковский, с. 147–148].

Публикуемая ниже челобитная позволяет расширить сведения о деятельности Капитона. Несмотря на то, что документ сохранился не полностью, его можно достоверно датировать и атрибутировать. Поскольку челобитная адресована царю Михаилу Федоровичу и патриарху Иоасафу, ясно, что составлена она была в 1634–1640-х гг., скорее всего незадолго до процитированных выше царских грамот 1639 г. Написанная от лица 17 иноков Колесниковой пустыни, челобитная скреплена «рукоприкладствами» черного священника, а также крылошан Генадища и Мисаила, которые могут рассматриваться как ее соавторы.

В свое время Роберт Крамми высказал сожаление по поводу того, что «все, что мы знаем о Капитоне и других радикалах XVII в., заимствовано из официальных документов вроде указов (administrative orders) или отчетов (police reports), а также из религиозных текстов позднего времени» [Crummey, S. 173]³. Действительно, до сих пор мы знали о конфликте в Колесниковской Троицкой пустыни исключительно из «внешних источников» – упомянутой царской грамоты от 22 августа 1639 г., адресованной ярославскому воеводе Перфилю Секерину и являвшейся ответом на донос архимандрита Преображенского Рязанского монастыря Герасима, а также царской грамоты от 22 ноября 1639 г., отправленной строителю Костромского Троицкого монастыря Пимену. В первой грамоте воеводе предписывается взять старца Капитона, отвезти его в Спасский Ярославский монастырь и отдать «под начал». Из второй грамоты мы можем догадаться о том, что служилые люди по крайней мере попытались выполнить этот приказ, что вызвало возмущение «черного попа» Мирона и всех старцев, отказавшихся оставить «Капитоново ученье и уставство» и покинувших монастырь [Шульгин, 1969, с. 131–132]⁴. Теперь появляется возможность услышать голос как раз этой последней группы – сторонников Капитона. Согласно поданной ими челобитной получается, что насельники монастыря разделились на две группы, во главе одной из которых был сам старец Капитон, в то время как вторую возглавил Сергей, бывший одним из четверых иноков, основавших обитель вместе с Капитоном. При этом Сергию приписываются властные амбиции, в том числе и касавшиеся архиепископского сана. Сергей втянул в конфликт и внешние силы, причем будто бы сделал это так ловко, что Капитон и его сторонники не поняли, что последние действуют по его наущению. Речь идет о священниках Воскресенской церкви и «даниловских дьяконах» (то есть, вероятно, дьяконах из Даниловского Троицкого монастыря), в числе которых был некий Пимен Желтухин с сыном, которого можно предположительно

³ Перевод авторов статьи.

⁴ В 1650 г. власти свидетельствовали, что «та де пустыня стоит впусе, и церкви Божии без пеня тому десять лет» [Акты исторические, с. 127]. Сюда же надо прибавить и грамоту царя Михаила Федоровича, данную старцу Капитону на основании Колесниковской пустыни, являющуюся отправной точкой для этой истории.

отождествить со строителем Пименом – адресатом второй грамоты от 22 ноября 1639 г. В конечном счете среди них оказались посадские люди, много «мужеска полу и женского». На их стороне был и «приказный» Федор Протасов. Капитон попытался уйти в «темные места», но некие посадские люди его удержали.

Капитон и его сторонники решили подать царю и патриарху челобитную, которую Сергей вызвался отвезти, сославшись на то, что его «знают на Москве», что, конечно же, было уловкой. После этого Капитон и его сторонники сочинили новую челобитную, с ней в Москву послан был старец Михайло, который не показал ее, а вместо этого постарался обелить Сергия и очернить Капитона. Необычайно резкий тон этой челобитной свидетельствует о непримиримом конфликте – челобитчики называют Сергия змеем, сравнивают его с Иудой Искариотом и одновременно обвиняют в том, что он «калабродит содомски» с неким Симеоном.

Казалось бы, перед нами типичный конфликт, разделивший пополам сообщество, в котором один лидер, обладающий непререкаемым авторитетом в глазах части сообщества (его называют «труженником и подвижником»), сталкивается с другим, стремящимся к институционализированной власти и опирающийся на поддержку руководства. В таком конфликте, с одной стороны, звучали упреки в клевете и во властолюбии, а, с другой стороны, вполне уместны были какие-то другие, не менее тяжелые обвинения – например, в неортодоксальных взглядах и практиках. Разумеется, речь идет только о предположении.

В челобитной никаким образом не упоминается какое-либо особое «капитоново ученье и уставство». Само по себе это не подозрительно. Во-первых, 17 рассерженных иноков могли просто не знать о том, что их противники обвиняют их в уклонениях от церковных обрядов и церковного учения. Во-вторых, даже зная о подобных обвинениях, было бы не совсем логично вдаваться в их комментирование, потому что тем самым эти обвинения еще раз артикулировались бы. Но подозрительным остается сам накал полемики, который, кажется, вполне напоминает нам споры никониан и первых старообрядцев. Если все, что мы знаем о «капитонове учении и уставстве», заимствовано из не дошедших до нас челобитных или «сказок» Сергия и его сторонникам, то это не увеличивает доверия к данным сведениям.

Документ дает возможность «дерадикализировать» Капитона, причем, разумеется, речь может идти о тех взглядах и практиках, которых он придерживался в 1630-х гг., до своей ссылки и до возвращения из Сибири. Вполне возможно, что радикальные религиозные взгляды, которые приписывают Капитону позднейшие источники, действительно появятся у него в 1640-х или 1650-х гг. Публикуемый документ ничего о них не сообщает, но при этом содержит сведения, что вокруг инока Капитона сплотился кружок последователей, преданных ему и разделявших вполне манихейский взгляд на мир, представляв-

ших все свое светское и церковное окружение как преследователей. Это способно было вызвать обоснованное беспокойство церковных властей. Можно предположить, что последующая радикализация Капитона и его новых приверженцев могла быть связана как с опытом сибирской ссылки, так и с начавшейся в 1653 г. литургической реформой, которая сделала взгляды, подобные капитоновским, гораздо менее эксклюзивными.

Одна из оценок, данных В. С. Шульгиным и В. С. Румянцевой относительно крестьянского происхождения окружения Капитона, находит в данном документе блестящее подтверждение. В челобитной не так много традиционных устойчивых формул, она написана прекрасным образным языком, близким к разговорному. Об этом говорит, например, эпитет «неминуемая», употребляемый в субстантивированном виде, вместо которого в челобитной должно было бы стоять просто слово «погибель». Загадка о крапиве и морозе, которую загадывает Сергей, насмехаясь над Капитоном и его приверженцами, нам неизвестна – возможно, она имеет что-то общее с пословицей, записанной В. И. Далем: «Когда бъ на крапивиу не морозъ, то бъ съ нею и ладовъ не было» [Даль, с. 113]. При этом некоторая орфографическая и каллиграфическая строгость документа свидетельствует, на наш взгляд, о том, что челобитная была надиктована авторами, для которых ее оформил умелый грамотный писец.

**[Челобитная царю Михаилу Федоровичу старцев на старца Сергия,
отстранившего от службы в Колесникове старца Капитона,
и «на грех мир смущает»]⁴**

(Л. 1) Вложил старецъ Капитон не помянул Сергиева предател <...>а и кровопролития к себѣ, что старцову кров(ь) дико напрасно проливал от Сергия и зломысленных его советников. И старецъ Капитон по ц(а)рьской свѣтлости и жалован(ь)ю приѣхал на пустош(ь) Колесниково сам-пят и с Сергием, и тот Сергей учал изпотиха превозносит(с)я и славитис(ь), будто ц(а)рь г(о)с(у)д(а)рь и св(я)тѣйши патриархъ <...>щали и о Сергие много будто в архиепискупы хотѣл его поставити в Суздал(ь), ино де старецъ Капитон розсушил⁵. И потом Сергей стал ся возносит(ь) и лицемѣрит(ь), и стал испотиха на Капитона старца нашествоват(ь) и наущат(ь) попов воскресенских и дьяков даниловских, Пимина Желтухина с с(ы)ном, и родимцами Пиминовых и иных многих ч(ѣ)л(о)вечей, кои греха не боятца и см(е)ртнаго часа, и мужеска полу и женского всякого. И старецъ Капитон провидял его поднырство Сергиево на первой недѣле и видит от Сергия неминуемую, и он пошел в темныя мѣста, старецъ Капитон. И Сергей збуторажил посадцких людей удержати старца Капитона на пути. Старецъ Капитон говорит им: «Что вам моя кров(ь) дорога, вед(ь) де яз изперва того продан был». И Сергей льстит старцу: «Кому де у тебя н(ы)нѣча продат(ь), вед(ь) де н(ы)-

нѣча по ц(а)рьскому заводитца жалован(ь)ю и повельниемъ». И по малу времени сколебали попы даниловския и Пимин Желтухин⁶ многия с ними нечестивыя на дом Живоначалныя Троицы и на старца Капитона при Федоре Протасове приказном. И старецъ Капитон, видя неминуемую на Дом Живоначалныя Троицы и к себѣ, учал старецъ Капитон помышляти, ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рю и великому кн(я)зю Михаилу Федоровичю всеа Руси и как бы извѣстити. На беззаконных гонителей не дает сыску приказной. Учался Сергей напрашиватца ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рю и великому кн(я)зю Михаилу Федоровичю всеа Русии и св(я)тѣйшему патриарху Иасафу Московскому и всеа Русии: «И меня *де* знают на Москвѣ, уже *де* пиши *де*, старецъ, гонение и налогу, я *де отвезу*, иное *де* и рѣчми перескажу». И мы начаялис(ь), что он истинны проситца, ано все лицемѣриа, омановает лише старца и всю братию и иных коих вѣрующих. Кои были писма к ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рю да и к патриарху, и он тѣх писем не показал ту, и вам не токмо рѣчми пересказал гонение, но и писма назад привез, иныя писма нонѣча, а иныя писма сам Сергей сокрушил, лише посадцких обыски пришли к Б(о)гу да и к тебѣ ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рю. А Сергей на Москвѣ сочетался с тремя попами и дяконы воскресенскими и бил челом Сергей за них будто старцовым именем, а Сергей похвалился, приѣхав к старцу да и к братии. Учали нечестивыя попы со многими своими совѣтники, учили на Дом Живоначалныя Троицы да старца Капитона многим хулением и поносами, что во уста не вмѣстит(ь). Таковыми бездѣльи да ими гонят старца до всякова мѣста и времени, пустошат, и все сергиевым составлением и Буторина старца. А кому иное <...> окорт<...>лина <...>. развратил братию и розпустил, да сам же и похвалился старцу Корнилью⁷ да старцу Алексью, да иным многим братьям, таскат(ь) токо *де* на лихую кропиву, да не мороз, ино искат(ь)ся, не увѣдат(ь) – загадку загонул, да и розмѣялся старцу Капитону. И хвалился перед братею, надо вед(ь) за тѣм медвѣдем походити изпотиха, а не скучати, да и обротат(ь) его, и обневодит(ь), его водит(ь), а ремени из рукъ не выпустит(ь), да пет(ь) его уводя и наславя, принят(ь)ся за носникъ, лиж(ь) *де* уже испрокинут(ь). И мы, убогия братья, сомневаемся о таково злобѣ и глупости Сергиевѣ, кабы не обрѣтаем во всем свѣте такова безумия. Уловлен Сергей, незаконно зачался, востал на такова труженника и подвижника на старца Капитона, смири его Б(о)гъ Сергия. А глупости Сергиевы не приписат(ь) ни исказат(ь), гдѣ толко тот козням учился, смири его Г(о)с(по)дъ, и *отбудет от* мыслей своих. Всѣ тако глаголем: Сергей извадился изпотиха кусати людей по сердцу, на кого у него злоба, то у него и большая добыча. Враг его искусил на ту мысль и устремился. Сию извѣстною, кою мы всею братиею послали на Сергия, и дали старцу Михаилу да и Михайло с нею да ходатол(ь) изменил, а не показал ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рю и великому кн(я)зю Михаилу Федоровичю всеа Русии и св(я)тѣйшему Иоасафу патриарху московскому и всеа Русии. А Михайло съ извѣстною пят(ь)ю к Москвѣ ходил а г(о)с(у)д(а)рю не показал, а Михайло старецъ Сергию норвячиком в попех был на Колесниковѣ, а все изжесточая старца Капитона, а Сергия оправдая, Михайло, а старца Капитона спродаючи с одново. Михайло да Сергей да Пимин со многими своими таварищи и совѣтники, а старца Капитона спродали, и во свѣте такова безза-

коня нѣтъ, что Сергий творит и калабродит содомски с Семионом, да сам третей Михайлова. Пимин Желтухин и с с(ы)ном з Герасимом и со многими своими таварищи на грѣх мир смущают, и дико напрасно старца Капитона поносили и изогнали с Колесникова. Тот бывшей поп Сергий со многими своими злыми совѣтники, а сам Сергий аки змяя – укусив и в нору увернетца. Отставя он престол за кознями бесовскими пошел, ныряет на Вязникох⁸, да яко змяя из норы выходит он тут, да инде на грѣх мир смущает всемеро, при старом зло поносит со многими своими совѣтники. И тот Сергий зло старца Капитона поносит и продает, как бы то ему лютой смерти предати Капитона. При старом седьмь седмериць Сергии по д(ь)яво(л)-ски творит и по скариотски и над Капитоном безпристани. И ты г(о)с(у)-д(а)рь ц(а)рь и великий кн(я)з(ь) Михайло Федорович всеа Руси ни в чем не поими вѣры Сергиевым кознем, он обестрашил, Сергий, и отпал, и мир на грѣх воздвизает, и учит. На Капитона он встал со многими и своими совѣтники, а вет не теперво Капитон на одрѣ изнемогает и гласа у него мало слышим. О толке мы извѣщаем, семнатцат нас братьев убогих, дабы нам в запу не поработат(ь) от сергиева коварства, и от ево злых совѣтников и товарищов. Ц(а)рь г(о)с(уда)рь и великий княз(ь) Михайло Федорович(ь) всеа Руси смилуйся, пожалуй нас убогих, о толке плачемся, уже от Сергия нам на земли мѣста нѣтъ и от ево многих советников и друзей его. Ц(а)рь г(о)с(уда)рь смилуйся пожалуй.

(Л. 1 об.) Свещен<...> черной стефан<...> рос<...> и за всею братию.

К сей извесью крылошенин Генадиче руку приложилъ.

К сей извесью<...> руку<...>.

[ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 523. Л. 1–1об.].

Комментарии

⁴ Без начала, лист порван, часть текста утрачена. При публикации передаются выносные (курсивом) и раскрываются титла (в круглых скобках). Заголовок публикаторов.

⁵ Возможно, речь идет о событиях 1634 г., когда 21 марта царской грамотой был отрешен от должности из-за многочисленных жалоб на его «непристойные дела» суздальский архиепископ Иосиф (Курцевич), отправленный «под крепкое начало» сначала в Антониев Сийский монастырь, а затем на Соловки [см.: Горбатов, 2011; Горбатов, 2017]. Лишь через полгода 5 октября 1634 г. в суздальские владыки был хиротонисан игумен Ярославского Толгского монастыря Серапион [Строев, стб. 344]. Громкое дело владыки Иосифа, надо полагать, вызвало в обществе широкий резонанс, и его подробности, видимо, дошли и до Колесниковой пустыни.

⁶ Вероятно, можно отождествить Пимена Желтухина со строителем Преображенского монастыря в селе Даниловском. После упразднения Колесниковского Троицкого монастыря сюда в 1639 г. перешли оставшиеся его монахи. Именно ему выпал труд по восстановлению землевладения монастыря, о чем свидетельствует адресованная ему царская грамота от 8 мая 1642 г., согласно которой он был пожалован вторичной выписью из отводных и межевых книг, а также царская грамота от 1652 г. [Румянцев, с. 73, 109].

⁷ Присутствие среди слушателей старца Корнилия дает основание следующему предположению (довольно рискованному). О своей встрече с Капитоном рассказывал впоследствии Корнилий Выговский, эти рассказы, записанные Пахомием, отразились в его житии. Согласно хронологическим расчетам В. С. Шульгина, встреча Капитона с Корнилием имела место еще в конце XVI в., в то время как В. С. Румян-

цева относит ее к 1620-м гг. Впрочем, сама эта дата рассчитана на основании доверия к тому мафусаилову возрасту, который приписывает себе Корнилий, умерший якобы на 113-м году жизни (случилось это в 1695 г.) [Шульгин, 1969, с. 131; Румянцева, с. 71]. Если предположить, что Корнилий был несколько младше, то увидеть его среди собеседников Капитона в 1630-х гг. становится вполне возможным. Этому противоречат данные жития, согласно которому встреча состоялась в ветлужских лесах в то время, когда Корнилий еще не был пострижен.

⁸ Весьма примечательным видится пребывание Сергия в Вязниках – месте, ставшем в последующие годы центром массовой концентрации сторонников Капитона. Здесь также находилась чудотворная икона Казанской Божьей Матери. В декабре 1640 г. состоялось богомолье царя Михаила Федоровича в Вязники. Сергей вполне мог отправиться сюда, ища встречи с царем [Иоасаф, с. 27–28].

Библиографические ссылки

Акты исторические : в 5 т. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1842. Т. 4. 604 с.

Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества // *Летопись занятий Археографической комиссии.* 1912. Т. 24. 426 с.

Бородкин А. В. Общины старообрядцев-капитонов в Центральной России и правительственные сыски раскольников в XVII в. // *Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение.* 2009. № 17. С. 11–19.

Бородкин А. В. «Предивный» инок Капитон // *Новый ист. вестн.* 2010. № 1 (23). С. 75–80.

Бородкин А. В. Сибирская ссылка старца Капитона // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2011. № 4–1 (10). С. 25–27.

Брежневский Д. Н. Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (Тексты) // *Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома.* Л. : Наука, 1985. С. 62–107.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 523.

Горбатов Е. Н. Материалы к биографии архиепископа Иосифа (Курцевича) // *Вестн. церковной истории.* 2011. № 3–4. С. 233–242.

Горбатов Е. Н. Новые материалы по делу архиепископа Иосифа (Курцевича) 1634 г. // *Вестн. церковной истории.* 2017. № 1–2. С. 5–44.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М. : Университет. тип., 1862. 1159 с.

Денисов С. Виноград российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1906. 272 л.

Евфросин. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей : Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года / сообщ. Х. Лопаревым. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. [4], 72, 160 с.

Зверинский В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи : в 3 т. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1892. Т. 2. 1044 с.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные движения XVII в. М. : Церковь, 1995. 528 с.

Иоасаф. О святых иконах, особенно чтимых, находящихся во Владимирской епархии. Владимир : Губерн. тип., 1859. 31 с.

Капитон, расколуучитель XVII века в Ярославской и Костромской губерниях : (Статья протоиерея М. Я. Диева, сохранившаяся в его бумагах, находящихся ныне в собрании А. А. Титова в Ростове) / сообщ. А. А. Титовым // *Ярославские губернские ведомости.* Часть неофиц. 1890. 9 февр. № 12. С. 4.

Колясникова пустыня. Царская грамота // *Ярославские губернские ведомости.* Часть неофиц. 1852. 6 дек. № 49. С. 408–410.

Народное антицерковное движение в России XVII века. Документы Приказа Тайных дел о раскольниках. 1665–1667 гг. / сост. В. С. Румянцева. М. : Ин-т истории СССР, 1986. 244 с.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода : в 41 т. СПб. : Синод. тип., 1891. Т. 8. 1728 г. 704 с.

Преображенский А. А. Неизвестный автограф сибирского летописца Саввы Есипова // Советские архивы. 1983. № 5. С. 63–65.

Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в XVII в. М. : Наука, 1986. 262 с.

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1877. 1068 стб.

Три послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского // Православный собеседник. 1855. Кн. 2. С. 47–115.

Шульгин В. С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII в. // История СССР. 1969. № 4. С. 130–139.

Шульгин В. С. Религия и церковь // Очерки истории русской культуры XVII в. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 288–312.

Crummey R. O. Religious Radicalism in Seventeenth-Century Russia: Reexamining the Kapiton Movement // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1992. Bd. 46. S. 171–185.

References

Akty istoricheskie v 5 t. [Historical Acts. 5 Vols.]. (1842). St Petersburg, Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Vol. 4. 604 p.

Barskov, Ya. L. (1912). Pamyatniki pervykh let russkogo staroobryadchestva [Monuments of the First Years of the Russian Old Believers]. In *Letopis' zanyatii Arkheograficheskoi komissii*. Vol. 24. 426 p.

Borodkin, A. V. (2009). Obshchiny staroobryadtsev-kapitonov v Tsentral'noi Rossii i pravitel'stvennye syiski raskol'nikov v XVII v. [Communities of Old Believers-Kapitons in Central Russia and Government Investigations of Schismatics in the 17th Century]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. No. 17, pp. 11–19.

Borodkin, A. V. (2010). "Predivnyi" inok Kapiton [The 'Amazing' Monk Kapiton]. In *Novyi istoricheskii vestnik*. No. 1 (23), pp. 75–80.

Borodkin, A. V. (2011). Sibirskaya sсыlka startsa Kapitona [Siberian Exile of Elder Kapiton]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 4-1 (10), pp. 25–27.

Breshchinskii, D. N. (1985). Zhitie Korniliya Vygovskogo Pakhomievskoi redaktsii (Teksty) [The Life of Kornily Vygovsky of the Pakhomievsky Edition (Texts)]. In *Drevnerusskaya knizhnost'. Po materialam Pushkinskogo doma*. Leningrad, Nauka, pp. 62–107.

Crummey, R. O. (1992). Religious Radicalism in Seventeenth-Century Russia: Reexamining the Kapiton Movement. In *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 46, pp. 171–185.

Dahl, V. I. (1862). *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian People]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 1159 p.

Denisov, S. (1906). *Vinograd rossiiskii, ili Opisanie postradavshikh v Rossii za drevletserkovnoe blagochestie [Vinograd Rossiiskii, or a Description of Those Who Suffered in Russia for Ancient Church Piety]*. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko. 272 p.

Evfrosin. (1895). *Otrazitel'noe pisanie o novoizobretennom puti samoubiistvennykh smertei. Vnov' naidennyi staroobryadcheskii traktat protiv samosozhzheniya 1691 goda* [Opposite Scripture on the Newly Invented Path of Suicidal Death: A Newly Found Old Believer Treatise against Self-Immolation (1691)] / ed. by Kh. Loparev. St Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova. [4], 72, 160 p.

GAVO [State Archive of the Vologda Region]. Stock 1260. List 1. No. 523.

Gorbatov, E. N. (2011). Materialy k biografii arkhiepiskopa Iosifa (Kurtsevicha) [Materials for the Biography of Archbishop Joseph (Kurtsevich)]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. No. 3–4, pp. 233–242.

Gorbatov, E. N. (2017). Novye materialy po delu arkhiepiskopa Iosifa (Kurtsevicha) 1634 g. [New Materials on the Case of Archbishop Joseph (Kurtsevich) in 1634]. In *Vestnik tserkovnoi istorii*. No. 1–2, pp. 5–44.

Ioasaf. (1859). *O svyatykh ikonakh, osobenno chtimykh, nakhodyashchikhsya vo Vladimirskoi eparkhii* [About Holy Icons, Especially Revered Ones, Located in the Vladimir Diocese]. Vladimir, Gubernskaya tipogrifiya. 31 p.

Kapiton, raskolouchitel' XVII veka v Yaroslavskoi i Kostromskoi guberniyakh. (Stat'ya protoiereya M. Ya. Dieva, sokhranivshayasya v ego bumagakh, nakhodyashchikhsya nyne v sobranii A. A. Titova v Rostove) [Kapiton, Schismatic Teacher of the 17th Century in Yaroslavl and Kostroma Provinces. (Article by Archpriest M. Ya. Diev, Preserved in His Papers, now Kept in the Collection of A. A. Titov in Rostov)] / ed. by A. A. Titov. (1890). In *Yaroslavskie gubernskie vedomosti*. Unofficial part. 9 February. No. 12, p. 4.

Kolyasnikova pustynya. Tsarskaya gramota [Kolyasniki Poustyn. Royal Charter]. (1852). In *Yaroslavskie gubernskie vedomosti*. Unofficial part. 6 December. No. 49, pp. 408–410.

Opisanie dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive Svyateishego Pravitel'stvuyushchego Sinoda v 41 t. [Description of Documents and Cases Stored in the Archives of the Holy Governing Synod. 41 Vols.]. (1891). St Petersburg, Sinodal'naya tipografiya. Vol. 8. (1728 g.). 704 p.

Preobrazhenskii, A. A. (1983). Neizvestnyi avtograf sibirskogo letopitsa Savvy Esipova [Unknown Autograph of the Siberian Chronicler Savva Esipov]. In *Sovetskie arkhivy*. No. 5, pp. 63–65.

Rumyantseva, V. S. (1986). *Narodnoe antitserkovnoe dvizhenie v XVII v.* [Popular Anti-Church Movement in Russia in the 17th Century]. Moscow, Nauka. 262 p.

Rumyantseva, V. S. (Ed.). (1986). *Narodnoe antitserkovnoe dvizhenie v Rossii XVII veka. Dokumenty Prikaza Tainykh del o raskol'nikakh. 1665–1667 gg.* [Popular Anti-Church Movement in Russia in the 17th Century. Documents of the Order of Secret Affairs about Schismatics. 1665–1667]. Moscow, Institut istorii SSSR. 244 p.

Shul'gin, V. S. (1969). “Kapitonovshchina” i ee mesto v raskole XVII v. [“Kapitonovshchina” and Its Place in the Schism of the 17th Century]. In *Istoriya SSSR*. No. 4, pp. 130–139.

Shul'gin, V. S. (1979). *Religiya i tserkov'* [Religion and the Church]. In *Ocherki istorii russkoi kul'tury XVII v.* Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 288–312.

Stroev, P. (1877). *Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi* [Lists of Hierarchs and Abbots of the Monasteries of the Russian Church]. St Petersburg, Tipogrifiya V. S. Balasheva. 1068 columns.

Tri poslaniya blazhennogo Ignatiya, mitropolita Sibirskogo i Tobol'skogo [Three Epistles of Blessed Ignatius, Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. (1855). In *Pravoslavnyi Sobesednik*. Book 2, pp. 47–115.

Zen'kovskii, S. A. (1995). *Russkoe staroobryadchestvo. Dukhovnye dvizheniya XVII v.* [Russian Old Believers. Spiritual Movements of the 17th Century]. Moscow, Tserkov'. 528 p.

Zverinskii, V. (1892). *Materialy dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiiskoi imperii v 3 t.* [Materials for Historical and Topographic Research on Orthodox Monasteries in the Russian Empire. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova. Vol. 2. 1044 p.

The article was submitted on 28.04.2022

Dialogus

Dialogus

Демоны и еретики в культуре переходной эпохи: историко-литературные и мировоззренческие контексты в исследовательской перспективе

Участники дискуссии: **Елена Белякова** (Институт российской истории РАН, Москва, Россия); **Людмила Журова**¹ (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия); **Константин Костромин** (Санкт-Петербургская духовная академия, Санкт-Петербург, Россия); **Александр Пигин**² (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия); **Лариса Соболева**³ (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

Demons and Heretics in Transitional Culture: Historical-Literary and Attitudinal Contexts in a Research Perspective

Contributors: **Elena Beliakova** (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); **Liudmila Zhurova** (Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia); **Kostromin Konstantin** (St Petersburg Theological Academy, St Petersburg, Russia); **Alexander Pigin** (Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia); **Larisa Soboleva** (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)

The actualization of the study of the irrational in the interpretation of man and communication with society in the late twentieth and early twenty-first centuries can be explained by modern ideas about the limitless incognizability of the phenomenon of life. Rational knowledge is accompanied by knowledge of the

¹ Исследование Л. И. Журовой выполнено по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики (FWZM-2021–0005)».

² Исследование А. В. Пигина поддержано средствами федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН.

³ Работа Л. С. Соболевой по подготовке материала диалога осуществлялась при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22–28–01617 «Противостояние “крюшному миру” в творчестве проповедников конца XVII – начала XVIII века: авторская аксиология, механизмы воздействия»).

* Citation: Beliakova, E., Zhurova, L., Kostromin, K., Pigin, A., Soboleva, L. (Part.) (2023). Demons and Heretics in Transitional Culture: Historical-Literary and Attitudinal Contexts in a Research Perspective. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 633–656. DOI 10.15826/qr.2023.2.810.

Цитирование: *Beliakova E., Zhurova L., Kostromin K., Pigin A., Soboleva L.* Demons and Heretics in Transitional Culture: Historical-Literary and Attitudinal Contexts in a Research Perspective // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 633–656. DOI 10.15826/qr.2023.2.810 / *Белякова Е., Журова Л., Костромин К., Пигин А., Соболева Л.* Демоны и еретики в культуре переходной эпохи: историко-литературные и мировоззренческие контексты в исследовательской перспективе // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 633–656. DOI 10.15826/qr.2023.2.810.

exceptional significance of the belief in the influence of otherworldliness for certain periods of history when the totality of conflicts, clashes, and features in people's behavior is explained through an appeal to images of demonic properties. Historians, philologists, and theologians from various Russian academic centers discuss the representation of "otherworldliness" and the prospects of its study. The panelists discuss the studies of the functional properties of otherworldliness in various spheres of life and art and its manifestation in the genres of oral and written literature. Finally, they put forward ideas about the further directions of scholarly research in the sphere.

Keywords: sermon, witchcraft, "otherworldliness", 17th-century Russia, bookishness, worldview, religiosity

Актуализация в конце XX – начале XXI в. изучения иррационального начала в трактовке человека и коммуникации с социумом вполне объяснима современными представлениями о безграничной непознаваемости феномена жизни. К рациональным знаниям подверстываются знания о сверхзначимости для определенных периодов истории убежденности в воздействии иномира, когда возникает тотальное объяснение конфликтов, столкновения и особенностей в поведении людей через обращение к образам демонического свойства. К обсуждению темы изображения «кромешного мира» и перспектив его изучения привлечены историки, филологи и богословы из академических центров России. Обсуждается изучение функциональных особенностей иномира в различных сферах жизни и искусства, а также его воплощение в жанрах устной и письменной словесности. Делаются обоснованные предположения о дальнейших направлениях научных изысканий в этой сфере.

Ключевые слова: проповедь, колдовство, «кромешный мир», Россия XVII в., книжность, мирозерцание, религиозность

Мутно небо, ночь мутна...

А. С. Пушкин

Л. С. Работа по фиксации образов демонического характера была начата в дореволюционной историографии преимущественно с обнаружения языческих корней и наличия народных дохристианских обычаев в древнерусской культуре (Е. В. Аничков, А. Н. Афанасьев, Н. М. Гальковский, Д. К. Зеленин и др.). Ее продолжение в современных изысканиях разного плана свидетельствует об актуализации темы как в историческом, так и в культурно-семиотическом ключе. Выявляются современные направления исторического архивно-судебного (Е. Б. Смилянская, А. С. Лавров, В. Кивельсон и др.), народно-поэтического, представленного многочисленными работа-

ми о заговорах и обрядах (А. Л. Топорков, А. А. Турилов, В. Ф. Райан и др.), визульно-художественного, раскрываемого в семиотическом аспекте (альманах «In Umbra: Демонология как семиотическая система»), источниковедческого и литературоведческого планов.

Поворот к амбивалентности и влиянию стихийной народной культуры в гуманитарном дискурсе, открытый работами М. М. Бахтина, выполненными на европейском материале, концептуализирован для понимания древнерусской специфики (особенно в переходную эпоху) удачно найденной идеей активизации «кромешного мира» и значимости смеховой культуры в контексте «бунташного» XVII в. [Лихачев, Панченко, Поньрко]. Ожидаемо в рамках выявленного дискурса оказались заново прочтены известные тексты сатирических повестей, бывшие в центре внимания еще В. П. Адриановой-Перетц в конце 1930-х гг., и обострено внимание к поиску новых источников. К настоящему моменту в разных сферах культуры (визуальных источниках, устной словесности, деловой и литературной письменности) накоплены подборки артефактов, выявлены художественные и деловые тексты с подобными героями и сюжетами. Прделанная работа в сфере русской культуры, преимущественно ее средневекового периода, дотянувшегося до конца XVII в., представлена в ряде современных публикаций, особенно в связи с вниманием к новым источникам [см.: Противостояние «кромешному миру»].

Вместе с тем исследовательские траектории нуждаются в рассмотрении новых возможных перспектив и поиске новых источников раскрытия темы и проблемных поворотов. И здесь хотелось бы начать дискуссию о самом феномене «кромешного мира», его границах и функциях. Смеховая составляющая не может отвлекать нас от ощущения людьми переходной эпохи катастрофичности и всепроникающего определения демонизмом негативных сторон бытия, когда качественные изменения жизни подвергались проверке на демоническое вмешательство. Энергия воздействия сил зла привлекает читателя интригой и ожиданием развязки в сюжетах о противостоянии или гибельности, создавая беллетристические повествования о такого рода происшествиях. Однако беллетристическое начало – то, что делает из «бесовщины» литературный сюжет – поздний феномен. Изначально ощущение ее реальной силы воспринимается как постоянно присутствующая сеть искушений. Превращение страха и бесовщины в беллетристический фактор, преобразование в сюжет обусловлено горизонтом читательского интереса к неожиданным поворотам, загадочности, непредсказуемости, вызывающим остроту переживаний.

А. П. «Кромешное», если исходить из этимологии слова («кроме» – вне чего-то), предполагает пару – некую сущность, по отношению к которой оно является внешним, внеположным. «Кромешное» – то, что находится за пределами добра, Бога и света. Но где проходит граница между одним и другим, насколько она устойчива и непроницаема?

Л. Ж. В церковной публицистике XVI в. категория «мир» сформировалась под влиянием новозаветных писаний и имеет значение «мир – это жизнь грешников, заботящихся о земном пребывании». В Первом послании Иоанна Богослова дается толкование понятию:

Не любите мира сего, ни яже суть въ мирѣ: аще кто любить миръ сеи, нѣсть любве Бога и Отца в нем. Яко все еже в мирѣ семъ: похоть плотскаа, и похоть очию, и гордыни житиа – нѣсть от Отца, но от мира сего есть. И миръ сеи мимо ходит и похоть его, творяи же волю Божию пребываетъ в вѣкы (1 Ин : 15–17).

Вопрос «Что есть мир?» задавали Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов. Ответ однозначный: «мир – это жизнь во грехе и пристрастие к вещам». Ему противопоставлена жизнь во Христе. Деление на «вышняя» и «земная» представляет два мира, и христианин, согласно учению богословов, должен стремиться к «вышнему».

Митрополит Даниил использовал тему мира для построения своего нравоучения пастве в 13-й главе «Соборника» – «О еже что миръ, и яже в мирѣ» [Даниил, с. 795–811]. Продолжая традиции святых отцов и подражая им, архиерей свои рассуждения тоже начинает с вопросов и дает ответы, построенные на собственной риторике:

Что есть миръ? Плищъ, молва, лукавства, зависть, вражда, горестъ сокровенна въ сладости, якоже удица сокровенна въ черви, прелестъ потаенна въ веселии житиа сего, страсть къ мимотекущим, лицемѣрие, неправда, грѣх.

Что есть мира сего князь? Дьяволъ!

Что есть мира держателныя его вещи? Ненависть, неправда, зависть, ложь, клевета, злопамятства, любление богатства, желание престоль высокихъ, славы, чести, имени, мнѣние, гордость, превозношение, татба, разбоиничество, услажение плотское, пристрастие к вещемъ, любодѣание и всякое блужение и прочаа страсти. Сиа суть миродръжателныя его вещи, имиже прелстивъ, погубляетъ чловѣкы [Там же, с. 795].

Составными элементами понятия «мир» стали грехи человеческие.

К. К. Особенности эпохи конца XVI – начала XVIII в. хорошо известны. Прежде всего это начальный процесс европеизации и секуляризации в России, который сначала проходил медленно и в отдельных сферах жизни как бы исподволь. Однако в мировоззрении русских людей в это время происходили изменения, которые не имели аналогов в предшествующие эпохи. Трансформировавшаяся картина мира не могла не затронуть представлений о «кромешном мире», менявшихся в последний раз более 600 лет назад при принятии христианства.

«Иной мир» для человека XVII в., как и в предшествующее время, был частью мироздания, однако его роль и место явно изменились. Классическая святоотеческая мысль, которая в основных своих памятниках была хорошо известна на Руси, исходила из антиномии: воля человека либо добровольно подчиняется Богу, который есть Любовь и Добро, либо становится рабом греха, то есть дьявола, и при этом за свои поступки человек несет персональную ответственность, и нет неоценимого поступка, ненаказываемого греха. Именно поэтому вся мысль и все чувства, все письменные памятники и храмовые росписи обязательно имели в своем составе те или иные элементы потустороннего мира – мертвецов, ангелов и бесов. Более того, человек привыкал к тому, что все они в той или иной форме живы: даже святые, избораемые на иконах и фресках, по-человечески мертвы, но они продолжают активно участвовать в жизни людей⁴. Если ангелы не были частыми героями в древнерусской литературе (в основном это архангелы Михаил и Гавриил), то бесы – неизменные их акторы.

А. П. Беспокойство вызывало не само существование «кромешного мира», а нарушение границы между мирами света и тьмы. Осознание этого сдвига было особенно актуально в кризисные моменты истории, в частности, в XVII в. – в эпоху кардинальных социально-политических и культурных перемен, начавшейся европеизации и церковного раскола. Переживание кризиса порождало различные нарративы о шаткости этой границы. Именно в XVII в. отчетливо проявляет себя феномен, который Д. С. Лихачев метафорически назвал «бунтом кромешного мира», когда последний «стал активным, пошел в наступление на мир действительный и демонстрировал неупорядоченность его системы, отсутствие в нем смысла» [Лихачев, Панченко, Понырко, с. 49], когда антинорма подменяла собой норму.

К. К. При этом нужно иметь в виду еще один важный аспект. «Кромешный» мир, мир бесов и учение о загробном мире не разработаны в христианском богословии детально. В «Точном изложении православной веры» преп. Иоанна Дамаскина дьяволу и бесовским силам посвящена только одна маленькая глава [Творения, с. 190–191 (кн. 2, гл. 4 (18)); ср.: Давыденков, с. 258–268]. Таким образом, и в древности, и в XVII в., и в наши дни представления о дьяволе и его действии носили не столько богословский, сколько профанный, бытовой, народный характер. И богословская мысль не пыталась навести в этой части систематический порядок. Действие дьявола носит хотя и отрицательный, но мистический характер, и выявлять дьявольскую волю оказывается порой довольно трудно; часто она становится понятной только задним числом.

⁴ Своеобразный старт такому отношению к мертвым, которые несколько более определено, чем живые, подразделяются на праведников и грешников, дал евангельский сюжет о воскресении мертвецов после воскресения Христа, см.: (Мф : 27: 51–53). Оригинальный сюжет недавно разобрал ижевский историк Д. В. Пузанов [Пузанов].

Л. Ж. Властитель человеческих грехов – дьявол, часто поминаемый в церковной публицистике XVI в., изображен через посредство картин святотатства, к которым относились сцены игрищ, например, в том же слове 13: «Идѣже бо есть сквернословие и кощуны, ту есть бѣсом събрание, и идѣже есть играния, тамо есть диаволь, а идѣже есть плясание, тамо есть сатана» [Даниил, с. 807].

Об осуждении народных гуляний у Даниила речь идет в «Послании, еже не ходити на позорища, сирѣчь на игрища» [Там же, с. 399–406]: «Аще ли хощещи разумѣти, яко бѣсовская есть служба – игра... Блюдиися и ты, не люби игры, да не обрящещися тамо с бѣсовскими слугами» [Там же, с. 404–405]. Картины бесовства церковники видели на улицах и площадях городов и сел и предостерегали православных от увлечения играми.

Изобличению скоморохов, «бѣсы обрѣтенную прелесть», посвятил Максим Грек сочинение, сохранившееся в единственном списке середины XVI в. [цит. по: Ржига, с. 105–108]. Его как инока, как иностранца поразили картины медвежьих плясок, в которых он видел «самого сатану, пляшуща (под сурны, тимпаны и трубы – Л. Ж.), играюща съ звѣремъ и веселящася о погыбели прельщающихся вѣрных» [Там же, с. 105].

Тема скоморошества очень волновала афонского монаха, он не раз к ней обращался, на что указывает вступительная фраза, где он признается:

Аще и нѣции негодуютъ о списаных от мене по Божии ревности преже худаго сего поучения и суетщатна сия и мнѣть, и наричют, но аз... не престану писати и глаголати приличная въ славу Содѣтеля всѣхъ и спасение почитающих писана мною православных людех [Там же].

Отметание и развращение евангельского и апостольского законоположения богослов видит в сценах русских игрищ. Скверных скоморохов, которые обходят всю страну и села, он называет споспешниками «самого злоначальника диавола, иже безпрестани тщится по подобию лва поглотити нѣкого, пачеже всѣхъ вкупѣ благовѣрных» [Там же, с. 106]. Защите благочестивых душ от богоборца сатаны посвящает свое слово Святогорец. Его тревожит, что «не единого и два, но всякъ град и страну» призывают скоморохи на постыдное дело. Он обвиняет власти и духовных пастырей, чьим небрежением распространилось «сицевое сатанинское замышление», в бездействии. Он изобличает греховность скоморошских «играний», отлучающих собранных Христом «добрѣсловесныхъ овци» от Начальника пастыря. Он предлагает в подражание библейскому пророку Илии истребить очистительным огнем Святого Духа душепагубные игры. Наряду со скоморохами Максим Грек призывает бороться с чародеями, волхвами, ворожеями:

Възмете духовный меч, еже есть глагол Божии, и тѣмь всегда закалаете посылаемая от супостата врага диавола, душегубительныя дѣлатели скверныя скоморохы и чародѣя, и влѣхвующия бабы, и нарицаемая ведуньи, съблажняющихъ всегда и убивающихъ душевнѣ беззлюбивыя овцы Спаса Христа [цит. по: Ржига, с. 107–108].

Е. Б. Приведенные призывы Максима Грека бороться с «душегубительными делателями» уводят нас в правовую область. В средневековой Руси за каждым народом признавалась возможность жить по своему праву («закону»). Это зафиксировано и в Стоглаве [см. об этом: Белякова 2010]. Каноническое право вполне соответствовало этому представлению, так как его действие распространялось только на членов церкви. На «волхвов» других вер (народов, «языков») оно не распространялось. За ними признавалось право совершать свое ремесло, более того, христиане обращались к ним по разным вопросам. В XVII в. в связи с процессом конфессионализации неправославные народы, населявшие Россию, стали восприниматься как объект миссионерства. Об этом свидетельствует статья Требника 1639 г.:

Подобает убо нам о сем ведати, яже у на в Велицеи Росии вокруг страны нашае... живущии языцы неведущии Бога... яже суть сии языцы. черемиса, и мордва, чувашане, чюхны, ижора. лопь, и самоядь, и инии мнозии языцы... [Требник, л. 513].

Религиозные практики этих народов трактуются в приведенной статье как волхование («не имать ли волхванія какова, кто в них и бес явно не глаголет ли») и призывание демонов («како каким волшебством волхвовали и демонов призывали»). Наличие письменных текстов у этих людей превращало их в еретиков: «А у которых людей обрящется грамота, и у тех людей бывает и ересь» [Требник, л. 513], то есть ересь здесь понимается как некое уже культурное явление, письменно зафиксированное. Эта статья Требника принадлежит к числу новых канонических текстов русского происхождения. Из нее очевидно, что язычники-волхвы, не будучи крещеными, не подлежали наказанию. Важно и то, что другие этносы воспринимались как носители колдовской силы.

В тех же требниках был воспроизведен и переведенный с греческого и изданный в Киеве в 1624 г. Номоканон, действие которого должно было распространяться только на православных [см.: Павлов]. Этот Номоканон содержит исключительно важные главы 13–21, 23, 286, 196, говорящие о волхвовании и «бесовских» обычаях. Это в основном обычаи, известные еще у греков, к ним были добавлены и обычаи, распространенные на Руси. Впервые печатное издание содержало не просто упоминания о «волхвовании», но и подробное изложение того, как совершаются «чарование», «волхование», «прорицание», и что такое «отрава». Важно отметить, что волхование

приравнивалось к вольному убийству, потому что было направлено на нанесение вреда человеку. Такая трактовка восходит к Василию Великому (правила 8, 65, 72), устанавливающему 20-летние отлучения занимающимся «чародейством» (магией) [см. об этом: Fögen, S. 108–110]. 14-я глава говорила об извержении священника, который занимается таким «злохудожеством».

При этом волхование с призыванием «благодетельных бесов» (то есть «белая магия») все равно рассматривалось как «скверноубийство» (гл. 14). Менее строго наказывались те, кто пользовались услугами волхвов: их отлучали на шесть лет. Тех, кто приводили в дом волхвов и «цыганок» для исцеления больных, надо было отлучать на пять лет (гл. 16). Отдельные главы посвящены разного рода гаданиям (гл. 16, 17). Упоминаются и практика «обвязания» для предохранения от отрав (гл. 18), вождение медведей, змей и других зверей, разного рода узлы и амулеты, а также привязывания молитв «нежита» и обряды с употреблением Евангелия и Псалтири. Как отметил А. С. Павлов, 20-я глава Номоканона, излагающего разного рода способы оберегов и гаданий, не является буквальной выпиской из Матфея Властаря, а расширяет его текст «новыми видами и орудиями волшебства» с включением и двух русских суеверий – «ворожбы на Псалтири с ключом и обычая завязывать узелки по числу 12 евангелий, читаемых в великую пятницу» [Павлов, с. 56]. Особенно заслуживает внимания гл. 21 о вурдалаках и способах борьбы с ними. В гл. 23 перечислялись разные «еллинские обычаи», которые вошли и в христианский быт, будучи привязаны к определенным праздникам. Те, кто после крещения продолжали совершать приношения идолам «сиречь бесом», отлучались до своей кончины.

Были ли все эти практики известны священникам, или они впервые знакомились с ними по печатному Требнику? На этот вопрос нет однозначного ответа, но несомненно, что само их описание с целью обличения делало более доступным и их использование. Гл. 196 извергала священника – «волхва, прорицателя, звездочетца» и «хранительная подай или привязуяй звери». О том, что и русские клирики могли заниматься волхованием, свидетельствуют сохранившиеся судебные дела [Кивельсон; Смилянская].

По-иному начинают трактоваться понятия «ересь» и «еретик». Сами они в широком значении подразумевали вообще все неправославные учения (именно такая точка зрения была представлена в трактате Епифания Кипрского), а в узком – отпавших от православия. Еретичество и волхование по Уставу великого князя Владимира относились к церковному суду, но в XVI в. Иосиф Волоцкий добился применения «градских казней» для еретиков, то есть распространения на них норм византийского права.

Номоканон лишь повторял известные запреты на брак с еретиками (гл. 58), распространяя это правило и на католиков. Запрещалось и праздновать с еретиками (гл. 133, 153), и молиться (154, 155–157).

155-е правило запрещало пускать еретиков в церковь во время приношения, аргументируя это тем, что «яко преподобнии освящают, тако мерзции оскверняют» [цит. по: Павлов, с. 143]. Гл. 156 запрещала и есть с еретиками, и принимать от них «милостыню». Тем самым запрет распространялся и на обычную еду. Понятие «осквернение» связывалось с еретиками и постановлением Собора 1620 г., где референдо звучало, что «еретическое крещение несть крещение, но паче осквернение». Постановление Собора было помещено в Трехник 1639 г., но в Трехник 1651 г. уже не вошло.

В Кормчей, работа над изданием которой началась в 1649 г., а завершилась в 1653 г., появилась гл. 71, отсутствовавшая в ее протографе. Хотя она и скомпилирована из хорошо известных глав Пандектов и Тактикона Никона Черногорца, здесь она получила новое звучание. В ней сначала постулировалась неизменность предания, а затем доказывалось, что «еретик есть и еретическим подлежит законом, аще и мало что уклоняяся от православны веры» [Кормчая, л. 641 об.]. Эта старая формула, идущая из византийского права, здесь актуализировалась. В отличие от волхвования, обозначавшего запрещенные практики, ересь понималась как письменное учение или учение, чьи заблуждения сформулированы отцами Церкви. Именно поэтому противникам новых учений важно было подвести их под старые, уже известные ереси. Этим занимался Собор 1620 г. по отношению к латинству. Противников реформ патриарха Никона на Соборе 1666–1667 гг. обвиняли в «ереси» яковитов и армянской [Белякова, 2020]. Староверы также находили различные ереси в новых богослужебных текстах.

Если волхвованием можно было убить человека или навредить ему, то еретик мог «осквернить» не только человека, но и святыню. Случаи, когда волхвование или ересь шли от священников, должны были вызывать особый страх, потому что лишали святости как защиты и возможности очищения. Клирики нередко занимались целительством, и грань между лечебными функциями и волхвованием была очень условной. Неудачное лечение всегда можно было истолковать как «волхвование», а исцеление – как проявление святости и участия Бога.

Новым для русской культуры явилось появление проклятий в печатных изданиях. Так, решение Собора 1666–1667 гг., помещенное в Служебнике (М., 1667), содержало текст проклятия, в котором «непокорнику», приравненному к еретикам, было обещано, что он «будет и по смерти отлучен, и не прощен, и часть его, и душа со Иудею предателем, и с распятым Христом жидовы, и со Арием, и с прочими проклятыми еретиками». Далее следовала вполне магическая формула «Железо, камение и дресвета да разрушатся, и да растлятся, а тои да будет не разрешен и не разрушен, и яко тимпан во веки веков» [Служебник, л. 6]. Это уже не просто провозглашение анафемы, но использование магических заклинаний в печатном издании, адресованном священникам.

Печатные издания канонических текстов XVII в. фиксировали различные практики волхвований. Значительно расширилось понятие «еретик», под которое легко было подвести любого, владеющего грамотой и выражающего свои мысли. Разномыслие, «непокорство» было приравнено к ереси и подверглось проклятием на листах Служебника 1667 г. Тот же Служебник свидетельствовал и о том, что официальная церковь воспринималась народом как «оскверненная» ересями. Границы между «светом» и «тьмой» были поставлены под вопрос, как это отметил А. Пигин, и это не могло не вызывать культурного кризиса и не породить страх.

Л. С. Обращение к наказанию за общение с демоническим миром становится своего рода спекулятивным прикрытием преследования тех, кто становится неуютен государству или слишком преступает границы общественно дозволенного. Иными словами, этот проект, вписываясь в государственную систему обороны от вредоносных идей, становится моментом дисциплинарного воздействия. Пример тому – дело Артамона Матвеева, которого не осмелились обвинить в государственной измене, но уличили в общении с бесами.

Е. Б. Решением Собора 1666–1667 гг. преследование «непокорников» (хотя «непокорники», привлеченные к соборному суду, были исключительно клириками) объявлялось государственным делом. Еще раньше Соборное уложение 1649 г. возлагало на государство борьбу с богохульством. Узаконенная государством жестокость [Топоров, с. 201], пытки «без милосердия», сжигание живьем «за волхводство, за чернокнижество, за книжное преложение, кто учнет вновь толковать воровски против Апостолов, и Пророков, и Святых Отцов с похулением» [Котошихин, с. 140] стали определять русскую повседневность.

Исправление книг, истолкованное противниками и воспринятое народом как еретическое, имело большие последствия. Об этом было заявлено на Соборе 1666–1667 гг. и напечатано в Служебнике: «Зане во многих от народа мнение вниде, яко ересми многими и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины, и таинства, и последование церковная» [Служебник, л. 2 об.]. Сам факт фиксирования в печатном издании подобного представления мог способствовать его распространению.

Только близость к царскому двору спасла новаторские сочинения Симеона Полоцкого от обвинения в еретичестве. Как соотносилась новая проповедь с канонами и с действительностью? Несомненно, что Симеон Полоцкий использовал канонические тексты для обличения волхвований и вполне в русле современной ему жестокости приводил в своей проповеди против волхвования библейский максимум: «волхв да не живет» [Соболева, 2022а, с. 362]. Высмеиваемые Симеоном «женские» способы лечения с употреблением трав и заговоров не соотносились с тем, что «женскому полу» «за чаровство и за убой-

ство отсекают головы» [Котошихин, с. 141]. Область врачевания была сферой культурного разлома: врачи-иноземцы у московских князей были еще в XV в., в Москве XVII в. существовал Аптекарский приказ, для которого собирались травы, но в проповедях только молитва объявлялась исцеляющей и ничего не говорилось о возможностях медицины. Проповеди XVII–XVIII в. можно рассматривать как создание нового самодовлеющего культурного пространства, развивающегося по собственным законам жанра и одновременно усугубляющего культурный разрыв в русском обществе.

Л. С. Тема противостояния бесовщине с опорой на высказывания Иоанна Златоуста, Феофилакта Болгарского, Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого и др. раскрывается в рукописном сборнике «Статир» (ОР РГБ. Собр. Румянцева. № 411). Объемная рукопись создана в последней трети XVII в. анонимным автором – протопопом церкви Похвалы Богородицы в прикамском Орле-городке, на тот момент центре Строгановских владений [см.: Соболева, 2022b]. Переходная эпоха – «золотой век» авторской проповеди, взявшей на себя роль не только барометра, но и указующего компаса, ведущего корабль жизни человека и государства к спасению. При изучении настроений времени проповедь предстает демонстрацией разногласий не только в трактовках взаимодействия добра и зла, но и в степени всепроницаемости демонического мира. Можно зафиксировать некоторый парадокс церковной практики этого времени: активизация феномена устной проповеди приводит к усилению ее роли в системе социального дисциплинирования.

Проповедь становится не только транслятором пастве содержания христианских праздников и соотнесения с ними нравственно-этических постулатов бытия человека, но и пространством обращения к комплексу идеологических установок прогосударственного (например, военного) и провластного характера. Отсюда особое внимание в проповедях к златолюбию и другим «мирским» порокам (пьянству, чревоугодию, блудодеянию и т.п.), а также убеждение в важности проповедника как учителя в христианском просвещении паствы. Вместе с тем активность человека, его самостоятельность в достижении цели, смелость в делах, доходящая до дерзости, приводят к поиску тотального объяснения конфликтов и неожиданных перемен. В этом плане наиболее удобным объяснением становится влияние «кромешного мира». В «Статире» большой пласт текста (не менее трети) отведен описанию «кромешного мира», негативным последствиям общения с его сущностями в различных сферах (бытовых, лечебных, нравственных, сакральных и т.п.). Внедрение этого аспекта проповеднического слова в сознание и нравы паствы было поддержано художественными традициями – церковными росписями с картинами изгнания падшего ангела из рая, шествием погубленных душ в ад к сатане, а также иконами святых, сражающихся с бесами, и картинами апокалипсиса. В храмовой

иеротопии формировался красочный полновесный образ демонического мира⁵. Посещая церковь Похвалы Богородицы, в которой служил автор, человек оказывался в эпицентре столкновения благодати и гибели от демонического искушения, проговариваемого проповедником. Таким образом, автор намеревался усилить активность человека в обретении спасения.

Автор «Статира» подробно останавливается на действиях, внешности, местах обитания нечистой силы. Перед прихожанами разыгрываются в проповедях драматические диалоги, передаются даже переживания демонов, неспособных сокрушить Божественную силу. Представляется, что подобные грани пастырских нравоучений, имея целью отвращение людей от бесовщины, невольно способствовали ощущению ее могущества при вмешательстве в земные дела людей. В ряде проповедей для слушателя создавался впечатляющий внешний вид демонического существа. В слове 22 «О злобѣ змия губителя и о страшномъ видѣ естества его, о побѣде на него Святыхъ Отець» паству впечатлял образ «гордаго и всененавистнаго злобы изобрѣтателя, страшнаго и темнообразнаго демона, змия, смертный ядъ испущающа», основанный на описании Левиафана из Книги Иова (гл. 40–41). Автор стремится воздействовать на разные чувства восприятия «змия»: зрение, слух, обоняние – все, что в комплексе вызывает чувство страха и отвращения. Главным противником и защитником от чудовища, хвалившегося захватить вселенную, «яко гнѣздо», оказывается церковь, на которую тот «рыкаеть, всепожырающая и незатворимая уста своя отверзаеть, и испущаеть рѣку всея вселенныя потопительную, и, тако свирѣпствуя, на Церковь святую ратуя» [Статир, л. 85 об.]. Описание низложения «змея» дается через уничтожение его телесности, что должно было заставить прочувствовать физическое воздействие на дьявола:

...уста его пламенная и всепожырающая заустиша, языкъ его ядометный отрѣзаша, ноздри его смрадоиспускателныя и уха его дымящиися свѣтомъ благочестия за[м]кнуша, зубы каменемъ вѣры искорениша, хребеть его мечемъ духовнымъ пресѣкоша, чрево его копиемъ крестнымъ пронзоша и всю крѣпость его пращею духовною сокрушиша [Там же, л. 83 об. – 84].

⁵ Изображение картины ада в сюжете Страшного суда присутствует в богатой росписи храма Благовещения (Сольвычегодск, 1600 г.), в которой принимали участие художники московской школы. Многофигурная роспись, включающая изображение сатаны, восседающего на адском двухголовом звере, занимает западную стену собора. Изначально композиция была представлена на иконе 1580–1590-х гг. псковского письма, помещенной в том же соборе. В сюжет входят эпизоды свержения сатаны, преследования грешников, изображение мучений и многочисленные фигуры бесов, орнаментально расположенные на иконе вдоль ее правой кромки. В сольвычегодской росписи изображения бесов помещены среди грешников, окрашены в темные, оранжево-красные и голубоватые тона, их бегущие фигуры, изломанные позы, оскаленные в усмешке зубы, вздыбленные волосы – все должно было говорить о хаосе и неупорядоченности бесовского мира, вполне соответствуя его признакам в средневековом искусстве Европы [Вклад, с. 196–199; Махов].

Автор искусно соединяет телесность и метафорическое действие, воссоздавая в образе борьбы переименование плотского начала в духовное, когда «всегубителя змия и со всѣмъ его воинствомъ низложиша не мечемъ чувственнымъ, но благодатию Духа Святаго» [Там же, л. 85 об.]. Столь же важным оказывается слово 34 «Яко не словомъ спасение, но дѣломъ, и яко многии трудъ подъемлютъ человецы всуе, и о табаке, о злобѣ бѣсовстей, и яко есть геена, ей же и самъ диаволь трепещать и о чюдныхъ местехъ земли», где рассматривается место локализации нечистой силы [Там же, л. 153–158]. Проповедь имеет оригинальную композицию, вписывающуюся в авторское мировоззрение, сформировавшееся на пороге Нового времени. Две ее части, обращенные к разным пространствам – человеческому и демоническому, не противостоят, но смыкаются в своих характеристиках, разделяемые только внутренним человеческим противостоянием «кромешному миру». Изначально автор декларирует негативное отношение к смешению высокого и низкого, когда «чаровницы во своихъ обаятельныхъ басняхъ имя Божие многожды нарицають и со странными имени бѣсовскими смѣшають». В параллель он приводит обычай разбойников поминать царское имя при «татѣбе», а скоморохов «в гудебныхъ своихъ пѣсняхъ и бедротрясении имя Б(о)жие и святыхъ его припѣвають, но обаче сатану симъ утѣшаютъ» [Статир, л. 153].

Приведя пример сочетания мучительного труда и расточительного использования его результатов, автор переходит к обличению бесов, которые, исповедуя Христа, ожидают мук, но не перестают творить зло. Автор приводит эмоциональное высказывание «злобного беса», посмеявшегося укорять Христа за то, что он пришел мучить их раньше времени: «трепещеть бо и муки боится, а гл(аголи)тъ, что и мнѣ, и тебѣ. Се есть дерзости и бестудия слово, понеже бо всегда вражду имать между Б(о)гом и собою, гнѣвается». Проповедник дает обоснование гибели беса из-за невозможности покаяния, связанного с его ангельским происхождением: «Не может бо тамо возвратитися: духъ бо есть, плоти не имать, сего ради не можетъ покаяться, но стоитъ во своей злобѣ, ею же падеся» [Там же, л. 155]. Усилению впечатления от присутствия «кромешного мира» способствует детальное описание геенны, которой страшатся не только люди, но и бесы. Соприкосновением земного пространства людей и геенны автор объясняет страшные, непригодные для жизни места на земле. Используя географические средневековые описания мест, где гибнет все живое, проповедник стремится зримо и физически ощутимо показать пространство, которое ожидает грешников в аду.

Для переходного времени «кромешный мир» в проповеди становится всеобъемлющим объяснением негативных сторон жизни, включая как частную жизнь (болезнь, смерть, обнищание), так и социальные ее проявления (политические, военные карьерные) – все объясняется вмешательством неведомых сил с непредсказуемым результатом. Человек, в быту которого негативные силы занимали немалое место в виде

духов природы и сил судьбы, приобщался к пониманию общечеловеческого врага – демона или еретика, оценивая всевозможные негативные последствия влияния «кромешного мира».

Словесность XVII в., в мыслительной активности которого возникали различные будущие повороты интеллектуального поиска, задействует в художественном арсенале пласт фольклорно-мифологических воззрений.

А. П. Христианские легенды бытуют как в устной, так и в рукописной форме. Книжные тексты имеют разное происхождение: одни пришли из Византии в составе патериков, житий и Пролога, другие – из Западной Европы («Великое зеркало»), некоторые рождались в недрах древнерусской литературы, заимствуя и переосмысливая сюжеты из фольклора, Библии, апокрифов и т.д. Незатейливые по форме и по содержанию, они могут обнаруживать в себе глубинные философские и богословские смыслы. На западноевропейском материале ценность таких источников (жанра *exempla*) для изучения восприятия «кромешного мира» была продемонстрирована А. Я. Гуревичем [Гуревич]. Применительно к Древней Руси, пожалуй, стоит говорить об этом направлении исследования все еще как о перспективе.

Человек Средневековья в каждодневном бытии осознавал существование некоего баланса между добром и злом, жизнь представлялась ему выбором между «тесным» и «широким» путем. В рукописной повести о «делах» Бога и дьявола⁶ приводится обширный антонимический перечень того, что «дает» один и другой:

Бог дает всякому человеку пост,
а бес – объядение;
<...>
Бог – думу добрую, а бес – злую;
Бог – созидая, а бес – разоряя;
Бог – учителя, а бес – блазнителя;
Бог – истинну, а бес – лъжу;
Бог – смирение, а бес – скомороха...
[Дела Бога и дьявола].

При всей вариативности антономических образов писцы нигде не истолковали наличие «кромешного мира» как признак несовершенства вселенной. Текст заканчивается призывом к читателю «уклониться от прелести дьявола» и прославлением Творца. Заманчиво истолковать повесть как осколок богомильских дуалистических легенд, но вряд ли она имеет столь древний генезис: мысль о равновесии добра и зла универсальна и может воплощаться в легендарных текстах в разные эпохи.

⁶ Сочинение встречается под разными названиями («Поучение Иоанна Златоуста о прелести дьяволи», «Слово святого Иоанна Дамаскина», «Из Книги Исаака Сирина писано сице» и др.) или вообще без названия.

Последняя пара в приведенном перечне – «Бог (дает. – А. П.) – смирение, а бес – скомороха» – напоминает об эпизоде из Жития Феодосия Печерского. Феодосий, придя к князю Святославу Ярославичу, увидел в палатах скоморохов: «всьем играющем и веселящемся, якоже обычай есть пред князьмь» [Житие Феодосия Печерского, с. 380]. Феодосий упрекнул Святослава («То будеть ли сице на ономь свете?»), тот повелел музыкантам остановиться, и впредь князь приказывал прекращать игру, когда узнавал, что Феодосий собирается его посетить.

«Бунт кромешного мира» можно наблюдать в легендарной (особенно старообрядческой) литературе XVII в. и более позднего времени с эсхатологической и демонологической доминантой. Греховное падение Москвы – третьего Рима, торжество антихриста, сокращение сакрального пространства до утопических островов Беловодья и «Опоньского царства» – хорошо известный круг представлений старообрядцев-беспоповцев, получивших вербальное воплощение. Мир зла подходит совсем близко, являет себя в самых простых быденных вещах, определяя многочисленные бытовые запреты: об этом напоминают старообрядческие сочинения и устные легенды о табаке, картофеле, чае, сахаре, о модной европейской одежде и даже о компьютере [Бабалык; Пигин, 2014; Соболева, 1997].

«Кромешный мир» может маскироваться под мир добра и света: «Исусъ» (с двумя буквами “и”) – имя антихриста, церковная служба – приношение жертвы дьяволу, четырехконечный крест – «кумир» антихриста. «Волки в овечьих шкурах» – классическое определение представителей духовенства в старообрядческих нарративах. Мир зла проникает не только в земную церковь, но и на небеса: именно в таком ключе могла пониматься старообрядцами шутливая новелла XVII в. «Повесть о бражнике», в которой рассказывается о том, как горький пьяница убедил обитателей рая (апостолов, библейских царей, св. Николая Угодника), что они ничуть не лучше его, и пробрался в Царство Божие [Фокина; Пигин, 2015]. Выворачивание наизнанку, смена знаков на противоположные, девальвация сакрального – такова стратегия «кромешного мира» в его стремлении стать миром единственным.

Однако граница между мирами добра и зла может смещаться и в другую сторону. Почему существует зло, как его победить, вечно ли оно – на эти темы размышляли богословы во все времена, пытаются ответить на эти вопросы и легенда.

В древнерусской «Повести о Христовом крестнике» (XVII в.) предлагаются два варианта решения вопроса о путях преодоления зла. Как и древнерусский бражник, крестник Христа оказался «не на своем месте»: самозванно заняв на небе Божий престол, он вершит суд над грешниками, казнит их направо и налево, полагая, что поступает справедливо («погубил народу на земли три тмы тысящы человек») [Повесть о Христовом крестнике]). Но Христос отвергает такой способ борьбы со злом: в своем монологе к крестнику он пытается убедить его в том, что только милосердие и покаяние ведут к победе

добра. Человеческий и Божий суды, как это часто бывает в легенде, не совпадают. Рукописная традиция повести показывает, что решение проблемы неравнозначно: книжники то осуждали крестника, то находили ему оправдания [Пигин, 2019].

Особый интерес здесь представляет сюжет о покаянии дьявола. Возможности покаяния дьявола и возвращения его на небеса обсуждались в истории христианской мысли неоднократно. Если дьявол сможет покаяться, то погаснет и адский огонь, зло прекратит свое существование, произойдет всеобщее единение с Богом, всеобщее восстановление – апокатастасис (ἀποκατάστασις τῶν πάντων). Теория апокатастасиса была разработана александрийским богословом Оригеном (III в.) и позднее нашла своего сторонника в лице св. Григория Нисского (IV в.). Однако то противоречие, в которое она вступала с концепцией свободы воли, не позволило ей стать точным выражением церковного учения о конечных судьбах: «Согласно православной точке зрения, поскольку существует свобода, постольку неизбежен и ад для тех, кто не хочет идти на небеса» [Мейендорф, с. 199]. В VI в. церковь предала анафеме учение об апокатастасисе.

Наиболее известной древнерусской версией сюжета является византийская патериковая «Повесть о бесе Зерефере». Бес является в облике человека к святому старцу, желая узнать у него, вернет ли Бог демону его прежнее ангельское достоинство, если тот искренне покается в своих грехах. Старец сообщает бесу, что Бог готов принять его покаяние, но Зерефер сам отвергает предложенный ему путь спасения, поскольку не может отказаться от своей гордыни. Близкая версия сюжета разрабатывается в «прикладе» из «Великого зерцала» «Како человецы истинным покаянием светлость приемлют и како диявол хотя покаяться». В поздней редакции «Повести о бесе Зерефере» печорского книжника-старообрядца И. С. Мяндина (XIX в.) бес не только отвергает покаяние, но и грозитя подчинить себе весь мир.

Однако русской рукописной повести известно и «оригеновское» решение темы дьявольского покаяния. В двух повестях («Повесть, како един бес прииде в покаяние. Патерик Скитский»; «Патерик Синайский... Повесть дивна, како покайся бес и проси у старца креститься») [Повести о покаянии беса] воспроизводится одна сюжетная схема: встретив беса в пустыне, старец призывает его к покаянию. Бес первоначально выражает сомнение в возможности возвращения на небо, однако в итоге подчиняется старцу и воспекает «божественную песнь». Два небесных ангела возвращают бесу прежний ангельский вид и возносят его на небеса.

В первой из названных повестей (не ранее XVIII в.) содержится прямая полемика с «Повестью о бесе Зерефере». Ради возвращения на небо бес произносит здесь те слова, которые, согласно этой повести, являются условием дьявольского спасения: «Аз есмь древняя

злоба! Аз есмь омраченная прелесть! Аз есмь мерзость запустения!» Бес не стыдится своего смирения, «не яко же иногда Зерефер лестно, приходя к старцу, искушая, вопрошаше его», произнести слова покаяния «не мерско» ему, но «сладко и радостно».

«Повести о спасенном бесе» получили распространение в рукописях в те времена (XIX–XX вв.), когда, по словам П. А. Флоренского, «чуть ли не в каждую душу закрался... оригенизм – тайная уверенность на окончательное “прощение” Богом» [Флоренский, с. 208].

К. К. Заметим, что в начале XVII в. появляются целые жанры нарративной или четьей литературы (к последней отнесем и первые учебники), полностью лишённые упоминаний о «кромешном мире». Что это? Вытеснение его из сознания людей? Неизменный спутник секуляризации сознания? Едва ли эти утверждения справедливы для XVII в., конца XVI или начала XVIII в. Появляются сферы жизни, в которых мысль о «кромешном мире» излишня, в то время как частью мирозерцания он остается. Это видно по интенсивности упоминания все еще активно читавшейся церковной литературы. Достаточно увидеть активное использование синонимичных слов – «дьявол», «сатана», «бес», «демон», «черт», «враг» (и многих других) – в памятниках этого времени. Обилие сюжетов на темы антимира говорит о том, насколько глубоко вошла культура иномирности в мировоззрение человека [БЛДР, т. 16, с. 10–19, 556 и др.]. Возникает резонный вопрос: каким образом удалось «победить» дьявола в светской культуре? Только ли это результат влияния новоевропейской культуры? И каковы последствия такого вытеснения «кромешного мира» для русского сознания рубежа Нового времени?

Сводить данный процесс только к европейскому влиянию невозможно. В русской мысли сохранились ее наиболее характерные черты – отсутствие абстрактного умозрения, свойственного европейской философии в целом, и повышенная рефлексивность. Окружающий мир по-прежнему был источником переживаний и размышлений богословско-мистического характера, а склонность к самоанализу повышала чувство ответственности за происходящее в мире и участие в нем конкретной личности. Таким образом, вытеснение феномена «кромешного мира» и бесов могло привести только к крушению картины мира, тем более болезненному, поскольку образы иномирия служат человеческой рефлексии как ее внешние участники. Психологически вытеснение дьявольского мира было бы невозможно.

Возникает резонный вопрос: как сочетать «кромешный мир» и еще не воцерковленные новые сферы жизни и знания – артиллерию и арифметику, судостроение и астрономию и т.п.? Арифметика теперь не была настолько завязана на традиционной картине мира, как учение о числах Кирика Новгородца, а астрономия – так связанной с богословием, как астрология в произведениях преп. Максима Грека или старца Филофея. Как ни странно, религиозная

мысль не видела в этом большой проблемы, рассматривая эти новые явления скорее как средство жизни, чем нечто, подлежащее осмыслению и включению в картину мира. По крайней мере, таково обобщающее отношение к наукам в книжности второй половины XVII в. Даже резкие выпады против «внешней мудрости» протопопа Аввакума объяснимы не только его сугубой склонностью к традиционной церковной великорусской культуре, но и его пристрастностью в споре с противниками (наиболее характерна пятая беседа на никониан: [БЛДР, т. 17, с. 141–143]). Поскольку он оказался в оппозиции, а не в ряду победителей, поскольку он оказался аутсайдером, то и позиция ситуативных лидеров стала для него враждебной. Нужно помнить, что все его выпады против «внешней хитрости» написаны были в годы его борьбы против реформ патриарха Никона. «Поморские ответы» показывают, что старообрядцы не были принципиальными противниками научного подхода. Причем инструментальность начальных научных методов, которая видна в «Поморских ответах» [см., например: Поморские ответы, с. 58–65, 70–71 и др.], подчеркивает, что традиционная картина мира остается непоколебимой, и инструментальная наука является ее служанкой, а не наоборот. Средства не могут подменить собой цель.

Дальнейшие вестернизация и секуляризация (прежде всего секуляризация сознания, в том числе частичное вытеснение первичным сциентизмом религиозности даже в архиерейской среде XVIII в.) сделали бесовщину непопулярной идеей, элементом народной веры в противовес «элитарной» вере высшего духовенства и аристократии, впитавших основные принципы новоевропейского сознания. В той или иной степени это актуально и в наши дни.

А. П. Диапазон решений вопроса о границе «кромешного» и Божественного миров в вербальном осмыслении предельно широк: от полного поглощения одного мира другим до признания как некоей нормы неизбежности их равновесного сосуществования. Представленные рассуждения базируются на материале того типа словесности, который может быть назван «народным богословием», ее содержание составляют увлекательные «душеполезные» сюжеты, которые при всей своей кажущейся простоте способны ответить «на вековечные запросы мысли, не иссякающие в обороте человеческой истории» [Веселовский, с. 376].

В перспективе стоит обратиться и к теме падшего духа, его противоборства с Богом и надежды на восстановление, которая свойственна русской литературе XIX в. (А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. И. Подолинский, В. Г. Тепляков, М. Ю. Лермонтов и др.). В 1941 г. известный богослов С. Н. Булгаков в одном из очерков книги «Невеста Агнца» вернулся к обсуждению теории апокатастасиса. По его мнению, возвращение сатаны к Богу, «соединенное с началом его рас-

каiania», неизбежно: «быть верховным архангелом, Денницей, – таковым призвал его к бытию Творец» [Булгаков, с. 568–569].

Л. Ж. Вопрос, который можно обсудить в дальнейшем: «иной мир» – это мир земной или мир потусторонний? «Иной мир» – это мир мифический, чаще всего представленный визуально, через сюжеты и картины встречи человека с бесами. Публицистика XVI в., как правило, не создает нарративные сюжеты. Ее цель – проповедование идей, формирование общественного мнения. Когда и почему произошел переход от прагматики публицистики к мифологии литературы?

Е. Б. Возможно, перспективно исследовать в контексте «кромешности» амбивалентность отношения к другим народам и странам, страх перед «чужим» и одновременно интерес и признание «иногo» мира, а также поиск пространства спасения или бегства.

К. К. Думается, что изучение «кромешного мира» в культуре России имеет определенную перспективу, хотя и местами довольно одно-стороннюю. Поскольку образы бесов могут быть научно описаны, систематизированы и обобщены, то речь идет именно о ретроспекции в области культурологии, истории литературы и искусства. Сложнее обстоит дело с историческим дискурсом, поскольку он не выступает сам по себе, предоставляя только принцип историзма и исторический контекст. Более сложный вопрос – что может здесь дать богословие? Поскольку учение о бесах не развито, то классическое богословие здесь почти бесполезно, равно как и изучение образов не имеет смысла с точки зрения богословия. Однако в последнее время стали развиваться некоторые «побочные» стороны истории богословской мысли. Работы прот. Павла Хондзинского позволили поставить вопрос о «внешкольном» богословии как о системной богословской мысли русской интеллигенции (прежде всего русских религиозных писателей и философов) [Хондзинский]. Вероятно, в этой связи может оказаться потенциально возможным описать народную веру именно как систему, и тогда в ней найдется место и «бесологии».

Еще одна перспектива – применение в историческом исследовании элементов психологии. Присутствие рядом с человеком активного злого начала в виде инициативной и изобретательной дьявольской воли – это объяснение и поведенческой мотивации, и зависимости человека от ряда явлений в этом мире, и определенной дуальности, присущей мирозданию. Десакрализация мира приводит к необходимости находить в том числе новые психические механизмы защиты. В свою очередь, психология способна объяснить роль дьявольского мира в психических процессах человека прошлого.

Л. С. Немаловажным представляется выявление исторического контекста, предположительного (но от этого не менее важного) собы-

тийного фона и формирование образа врага из «кромешного мира». Способствует ли это человеческому единению на основе негатива? Что преобладает: воспитание ненависти или мужество преодоления, насколько спекулятивно это используется в идеологии времени, в какой момент отодвигается на дальний план, и что подталкивает к возвращению идеологемы, какими новыми смыслами она обрастает в зависимости от цели актуализации?

Библиографические ссылки

- Бабалык М. Г.* Сочинения о «ризном украшении» в севернорусских рукописях XVII–XX вв. // Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X–XXI вв. : материалы XIV Каргопол. науч. конф. (15–18 августа 2016 г.). Каргополь : [Б. и.], 2018. С. 263–266.
- Белякова Е. В.* «По какому праву?» : (О некоторых особенностях правовых систем Московской Руси) // Россика. Русистика. Россиеведение. Кн. 1. Язык. История. Культура / отв. ред. Е. И. Пивовар. М. : РГГУ, 2010. С. 303–311.
- Белякова Е. В.* Соборы 1666 и 1666–1667 гг. и складывание стереотипов восприятия староверов // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения : (К 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума) / отв. ред. В. Н. Захаров. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2020. С. 419–437.
- БЛДР. СПб. : Наука, 2010. Т. 16. XVII век. 664 с.
- БЛДР. СПб. : Наука, 2013. Т. 17. XVII век. 661 с.
- Булгаков С.* О Богочеловечестве : [в 3 ч.]. Paris : YMCA-Press, 1945. Ч. 3. Невеста Агнца. 624 с.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л. : Худож. лит., 1940. 649 с.
- Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь : ПГХГ, 2017. 728 с.
- Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М. : Иск-во, 1989. 366 с.
- Давыденков О., прот.* Догматическое богословие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. 622 с.
- Даниил, митр. Московский.* Сочинения / исслед., подг. текстов и изд. Л. И. Журовой. М. : Индрик, 2020. 848 с.
- Дела Бога и дьявола // БАН. Белокриницкое собр. № 137. Л. 285–285 об. Первая треть XVIII в.
- Житие Феодосия Печерского / подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века. М. : Худож. лит., 1978. 413 с.
- Кивельсон В.* Магия отчаяния: Моральная экономика колдовства в России XVII века / пер. с англ. В. А. Петрова. Бостон ; СПб. : Academic Studies Press : БиблиоРоссика, 2020. 480 с.
- Кормчая. М. : Печ. двор, 1653. 787 л.
- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М. : РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л. : Наука, 1984. 295 с.
- Махов А. Е.* Средневековый образ: между теологией и риторикой. М. : Intrada, 2011. 256 с.
- Мейендорф И., прот.* Введение в святоотеческое богословие : (Конспекты лекций). Вильнюс ; М. : Весть, 1992. 360 с.
- Павлов А. С.* Номоканон при Большом Требнике, изданный вместе с греческим подлинником, до сих пор неизвестным и с объяснениями издателя. Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1872. 240 с.
- Пигин А. В.* Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII–XX вв. // Живая старина. 2014. № 4. С. 34–37.

Пигин А. В. Древнерусская Повесть о бражнике в интерпретации старообрядческих полемистов // Acta Universitatis Lodzianis. Folia litteraria Rossica. Zeszyt specjalny: Tradycja i inwencja w literaturach słowiańskich. Łódź : Wyd-wo un-tu Łódzkiego, 2015. S. 261–269.

Пигин А. В. Древнерусская повесть о Христовом крестнике: проблема жанра // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 4. С. 42–67. DOI 10.15393/j9.art.2019.5781.

Повести о покаянии беса / подг. текста и коммент. А. В. Пигина // БЛДР. СПб. : Наука, 2020. Т. 20. XVIII–XX века. 406 с.

Повесть о Христовом крестнике // БАН. 33.14.10. Л. 42–56. Нач. XIX в.

Поморские ответы. М. : Третий Рим, 2004. 26, 353 с.

Противостояние «кромешному миру» в учительном слове Древней Руси // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 4. С. 1362–1437.

Пузанов Д. В. Мертвые в городе: о многообразии интерпретаций одного сюжета из Повести временных лет // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 1 (21). С. 20–33.

Ржига В. Ф. Неизданные сочинения Максима Грека // Byzantinoslavica. Praha. 1935–1936. Т. 6. Р. 85–108.

Служебник с соборным свитком. М. : Печ. двор, 1667. 366 л.

Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М. : Индрик, 2003. 464 с.

Соболева Л. С. Американское сочинение об Антихристе-компьютере в интерпретации уральского старовера // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера : межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар : Изд-во СГУ, 1997. С. 118–130.

Соболева Л. С. Противостояние чародейству и волхованию в проповеди XVII в. // Источниковедение литературы и языка (археография, текстология, поэтика) : Памяти Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2022а. С. 357–380.

Соболева Л. С. Сборник проповедей XVII века «Статир»: сакральные образы и автор. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022б. 314 с.

Статир // ОР РГБ. Собр. Румянцева. № 411. Сборник слов и поучений «Статир». Третья четверть XVII в. 812 л.

Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания / пер. и коммент. Д. Е. Афиногенова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. М. : Индрик, 2002. 416 с.

Топоров В. Н. Московские люди XVII в. : (К злобе дня) // Philologia slavica. К 70-летию академика Н. И. Толстого. М. : Наука, 1993. С. 191–219.

Требник мирской. М. : Печ. двор, 1639. 668 л.

Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. М. : Путь, 1914. 812 с.

Фокина О. Н. «Повесть о бражнике» в рукописных сборниках XVII–XIX вв.: текст и контекст. Новосибирск : Ред.-изд. центр НГУ, 2008. 382 с.

Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия». Русское внеакадемическое богословие XIX века. М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. 480 с.

Fögen M. Balsamon on Magic: From Roman Secular Law to Byzantine Canon Law // Byzantine Magic / ed. by H. Maguire. Washington, DC : Dumbarton Oaks Library and Collection, 1995. P. 99–115.

References

Babalyk, M. G. (2018). Sochineniya o "riznom ukrashenii" v severnorusskikh rukopisyakh XVII–XX vv. [Essays on "Decoration with Clothes" in the Northern Russian Manuscripts of the 17th–20th Centuries]. In *Kargopol' i Russkii Sever v istorii i kul'ture Rossii. X–XXI vv. Materialy XIV Kargopol. nauch. konf. (15–18 avgusta 2016 g.)*. Kargopol', S. n., pp. 263–266.

Belyakova, E. V. (2010). "Po kakomu pravu?". (O nekotorykh osobennostyakh pravovykh sistem Moskovskoi Rusi) ["By what Right?". (On Some Features of the Legal Systems of Moscow Rus)]. In Pivovarov, E. I. (Ed.). *Rossika/Rusistika/Rossievedenie*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. Book 1. Yazyk/ Istoriya/Kul'tura, pp. 303–311.

Belyakova, E. V. (2020). Sobory 1666 i 1666–1667 gg. i skladyvanie stereotipov vospriyatiya staroverov [The Councils of 1666 and 1666–1667 and Stereotype Formation of Perception of Old Believers]. In Zakharov, V. N. (Ed.). *Staroobryadchestvo v istorii i kul'ture Rossii: problemy izucheniya. (K 400-letiyu so dnya rozhdeniya protopopa Avvakuma)*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 419–437.

BLDR [Library of Literature of Ancient Rus']. (2010). St Petersburg, Nauka, 2010. Vol. 16. XVII vek. 664 p.

BLDR [Library of Literature of Ancient Rus']. (2013). St Petersburg, Nauka, 2013. Vol. 17. XVII vek. 661 p.

Bulgakov, S. (1945). *O Bogochelovechestve v 3 ch.* [About God-Manhood. 3 Parts]. Paris, YMCA-Press. Part 3. Nevesta Agntsa. 624 p.

Daniil, metr. of Moscow. (2020). *Sochineniya* [Works] / publ. by L. I. Zhurova. Moscow, Indrik. 848 p.

Davydenkov, O., prot. (2013). *Dogmaticheskoe bogoslovie* [Dogmatic Theology]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 622 p.

Dela Boga i d'yavola [Creations of God and the Devil]. In *BAN*. Belokriniteskoe sobranie. No. 137. P. 285–285v. First third of the 18th century.

Florensky, P., priest. (1914). *Stolp i utverzhdienie istiny* [The Pillar and Affirmation of Truth]. Moscow, Put'. 812 p.

Fögen, M. (1995). Balsamon on Magic: From Roman Secular Law to Byzantine Canon Law. In Maguire, H. (Ed.). *Byzantine Magic*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Library and Collection, pp. 99–115.

Fokina, O. N. (2008). "Povest' o brazhnikе" v rukopisnykh sbornikakh XVII–XIX vv.: tekst i kontekst [The Tale of the Reveller in Manuscript Collections of the 17th–19th Centuries: Text and Context]. Novosibirsk, Redaktsionno-izdatel'skii tsentr Novosibiskogo gosudarstvennogo universiteta. 382 p.

Gurevich, A. Ya. (1989). *Kul'tura i obshchestvo srednevekovoi Evropy glazami sovremennikov (Exempla XIII veka)* [Culture and Society of Medieval Europe through the Eyes of Contemporaries (Exempla of the 13th Century)]. Moscow, Iskusstvo. 366 p.

Khondzinsky, P., prot. (2016). "Tserkov'ne est' akademiya". *Russkoe vneakademicheskoe bogoslovie XIX veka* ["The Church is not an Academy". Russian Non-Academic Theology of the 19th Century]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 480 p.

Kivelson, V. (2020). *Magiya otchayaniya: Moral'naya ekonomika koldovstva v Rossii XVII veka* [Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia] / transl. by V. A. Petrov. Boston, St Petersburg, Academic Studies Press, BiblioRossika. 480 p.

Kormchaya [Kormchaia]. (1653). Moscow, Pechatnyi dvor. 787 p.

Kotoshikhin, G. K. (2000). *O Rossii v tsarstvovanie Alekseye Mikhailovicha* [About Russia in the Reign of Alexei Mikhailovich]. Moscow, ROSSPEN. 272 p.

Likhachev, D. S., Panchenko, A. M., Ponyrko, N. V. (1984). *Smekh v Drevnei Rusi* [Laughter in Ancient Rus']. Leningrad, Nauka. 295 p.

Makhov, A. E. (2011). *Srednevekovyi obraz: mezhdru teologii i ritorikoi* [Medieval Image: Between Theology and Rhetoric]. Moscow, Intrada. 256 p.

Meyendorff, J., prot. (1992). *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie. (Konspekty lektsii)* [Introduction to Patristic Theology. (Lecture Notes)]. Vilnius, Moscow, Vest'. 360 p.

Pavlov, A. S. (1872). *Nomokanon pri Bol'shom Trebnike, izdannyyi vmeste s grecheskim podlinnikom, do sikh por neizvestnyim i s ob'yasneniyami izdatelya* [Nomocanon in the Great Trebnik Published together with the Greek Original, still Unknown and with the Publisher's Explanations]. Odessa, Tipografya Ul'rikha i Shul'tse. 240 p.

Pigin, A. V. (2014). Sochineniya o chae i samovare v staroobryadcheskoi pis'mennosti XVIII–XX vv. [Essays on Tea and Samovar in the Old Believer Literature of the 18th–20th Centuries]. In *Zhivaya starina*. No. 4, pp. 34–37.

Pigin, A. V. (2015). Drevnerusskaya Povest' o brazhnike v interpretatsii staroobryadcheskikh polemistov [The Old Russian Tale about a Reveller as Interpreted by Old Believer Polemicists]. In *Acta Universitatis Lodzianis. Folia litteraria Rossica. Zeszyt specjalny: Tradycja i inwencja w literaturach slawianskich*. Łódź, Wydawnictwo uniwersytetu Łódzkiego, pp. 261–269.

Pigin, A. V. (2019). Drevnerusskaya povest' o Khristovom krestnike: problema zhanra [The Old Russian Tale of Christ's Godson: The Problem of Genre]. In *Problemy istoricheskoi poetiki*. Vol. 17. No. 4, pp. 42–67. DOI 10.15393/j9.art.2019.5781.

Pomorskie otvety [Pomorian Answers]. (2004). Moscow, Tretii Rim. 26, 353 p.

Povest' o Khristovom krestnike [The Tale of Christ's Godson]. In *BAN*. 33.14.10. L. 42–56. Beginning 19th century.

Povesti o pokayanii besa [The Tales of the Devil's Repentance] / publ. by A. V. Pigin. (2020). In *BLDR*. St Petersburg, Nauka. Vol. 20. XVIII–XX veka, pp. 168–171, 347–353.

Protivostoyanie “kromeshnomu miru” v uchitel'nom slove Drevnei Rusi [Contending the “Tenebrous World” in the Moralising Word of Old Rus']. (2022). In *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10. No. 4, pp. 1362–1437.

Puzanov, D. V. (2023). Mertvye v gorode: o mnogoobrazii interpretatsii odnogo syuzheta iz Povesti vremennykh let [The Dead in the City: On the Variety of Interpretations of One Plot from *The Primary Chronicle*]. In *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. No. 1 (21), pp. 20–33.

Rzhiga, V. F. (1935–1936). Neizdannye sochineniya Maksima Greka [Unpublished Works of Maksim Grek]. In *Byzantinoslavica*. Praha. Vol. 6, pp. 85–108.

Sluzhebnik s sobornym svitkom [Collection of Church Services]. (1667). Moscow, Pechatnyi dvor. 366 p.

Smilyanskaya, E. B. (2003). *Volshebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i „dukhovnye prestupleniya” v Rossii XVIII v.* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Folk Religiosity and “Spiritual Crimes” in Russia in the 18th Century]. Moscow, Indrik. 464 p.

Soboleva, L. S. (1997). Amerikanskoe sochinenie ob Antikhriste-komp'yutere v interpretatsii ural'skogo starovera [The American Essay on the Antichrist-Computer in the Interpretation of the Ural Old Believer]. In *Issledovaniya po istorii knizhnoi i traditsionnoi narodnoi kul'tury Severa. Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar, Izdatel'stvo Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 118–130.

Soboleva, L. S. (2022a). Protivostoyanie charodeistvu i volkhovaniyu v propovedi XVII v. [Resisting Sorcery and Witchcraft in 17th-Century Sermons]. In *Istochnikovedenie literatury i yazyka (arkheografiya, tekstologiya, poetika). Pamyati E. I. Dergachevoi-Skop*. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tehnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 357–380.

Soboleva, L. S. (2022b). *Sbornik propovedei XVII veka «Statir»: sakral'nye obrazy i avtor* [Statir, a Manuscript of 17th-Century Sermons: Sacral Images and the Author]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 314 p.

Statir [Statir]. In *OR RGB. Sbornie Rumyantseva*. No. 411. Sbornik slov i pouchenii “Statir”. Third quarter of the 17th century, 812 p.

Toporov, V. N. (1993). Moskovskie lyudi XVII v. (K zlobe dnya) [Moscow People of the 17th Century. (On the Topic of the Day)]. In *Philologia slavica. K 70-letiyu akademika N. I. Tolstogo*. Moscow, Nauka, pp. 191–219.

Trebnik mirskoi [Euchologion]. (1639). Moscow, Pechatnyi dvor. 668 p.

Tvoreniya prepodobnogo Ioanna Damaskina. Istochnik znaniya [Works of St John of Damascus. Source of Knowledge] / transl. and comment. by D. E. Afinogenov, A. A. Bronzov, A. I. Sagarda, N. I. Sagarda. (2002). Moscow, Indrik. 416 p.

Veselovsky, A. N. (1940). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 649 p.

Vklad. Khudozhestvennoe nasledie Stroganovykh XVI–XVII vekov v muzeyakh Sol'vychegodska i Permskogo kraja [Contribution. The Artistic Heritage of the Stroganovs of the 16th–17th Centuries in the Museums of Solvychegodsk and Perm Krai]. (2017). Perm', Permskaya gosudarstvennaya khudozhestvennaya galereya. 728 p.

Zhitie Feodosiya Pecherskogo [The Life of Theodosius of Pechersk] / publ. by O. V. Tvorogov. (1978). In *Pamyatniki literatury Drevnei Rusi: XI – nachalo XII veka*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 304–391, 456–459.

The article was submitted on 24.04.2023

Hereditas:
nomina
et scholae

A. V. Kartashev. Photograph. Late 1930s

Hereditas: nomina et scholae

Anton Vladimirovich Kartashev as a Prophet not in His Own Country*

Aleksandr Antoshchenko

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

This article discusses the justification by Anton Kartashev, a Russian emigrant historian, theologian, and public figure for the ideal of Holy Rus', which was supposed to serve as a religious basis for the creation of the cultural and historical identity of the representatives of the "second wave" of emigration from the Soviet Union during the Second World War. In the case study, the author of the article applies methods of "personal history" and "new intellectual history" to both historical works and such ego documents as letters published and stored in the Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture at Columbia University. Considering the genesis of the concept of Holy Rus' in the publications of Karashev before the war, the author of the article shows the influence on the content of the political views of the public man who followed the principles of centrism, intransigence, and non-precondition. Along with this, the article reveals the links between the historical and cultural, canonical and dogmatic justifications of the ideal in his narratives which were constructed as the Hegelian triad: thesis – antithesis – synthesis. Kartashev represented the process of transformation of the emerging symphony of church and state in Ancient Rus' and Muscovite State through its denial in the laic culture of the Russian Empire after the Petrine reforms into a new desired symphony of church and society. The central place in the article is occupied by the characteristics of changes among Russian émigrés at the end and after the Second World War and by the explanation of the impact of these changes on the motivation of Kartashev to present his vision of the ideal of Holy Rus' in a form of a book. As a result of studying the long process of preparing the edition and the subsequent reviewing and discussion of the book, it is shown that this ideal was perceived ambiguously. Such perception of Kartashev's book was influenced by the complication of ideological divisions among Russian emigrants as a result of the spread among the part of them of the mood of "Soviet patriotism" and the addition to their ranks of anti-Soviet-minded "displaced persons" from the Soviet Union, as well as differences in the vision of life prospects by the representatives of the "older" generations of refugees who had to leave Soviet Russia soon after the revolution

* *Citation*: Antoshchenko, A. (2023). Anton Vladimirovich Kartashev as a Prophet not in His Own Country. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 659–674. DOI 10.15826/qr.2023.2.811.

Цитирование: *Antoshchenko A.* Anton Vladimirovich Kartashev as a Prophet not in His Own Country // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 659–674. DOI 10.15826/qr.2023.2.811.

and the “younger” one, who were entering into life abroad. As a result, most of the participants in the discussion of the book, speaking kindly about the author, nevertheless emphasized their disagreement with both the political and religious-dogmatic justifications of the ideal of Holy Rus’ as a basis for their cultural and historical identity.

Keywords: Russian emigration, cultural and historical identity, Holy Rus’, Anton Kartashev, history of Russia

Рассматривается обоснование известным эмигрантским историком, богословом и общественным деятелем А. В. Карташевым идеала Святой Руси, который должен был послужить религиозно-историческим основанием для формирования идентичности представителей «второй волны» эмиграции из Советского Союза. В соответствии с исследовательскими принципами «новой биографической истории» и «новой интеллектуальной истории» анализируются историко-публицистические работы и эго-документы (письма, опубликованные и хранящиеся в Бахметевском архиве Колумбийского университета). Рассматривая генезис концепта Святой Руси в публицистике А. В. Карташева до Второй мировой войны, автор статьи показывает влияние на его построение политической позиции как общественного деятеля, руководствовавшегося принципами непримиримости, центризма и непредреженства. Раскрывается взаимосвязь историко-культурного, канонического и догматического обоснования идеала. А. В. Карташев представлял процесс трансформации наметившейся симфонии церкви и государства в Древней Руси и Московском государстве через ее отрицание в лаической культуре Российской империи после Петровских реформ в новую чаемую симфонию церкви и общества. Центральное место в статье занимают характеристика изменений в среде российских эмигрантов в конце и после Второй мировой войны и прояснение влияния этих изменений на мотивацию А. В. Карташева представить свое видение идеала Святой Руси участникам второй волны эмиграции. В результате изучения процесса подготовки издания и последующих обзоров и обсуждения книги показано, что этот идеал был воспринят неоднозначно. На такое восприятие книги А. В. Карташева повлияли усложнение идеологических размежеваний среди эмигрантов в результате распространения настроений «советского патриотизма» и пополнения их рядов антисоветски настроенными «ди пи», а также расхождения в восприятии жизненных перспектив между представителями старшего поколения эмигрантов, покинувших Советскую Россию вскоре после революции, и младшего, сформировавшегося уже за рубежом. В итоге большинство участников обсуждения книги, доброжелательно отзываясь об авторе, все же подчеркивали свое несогласие как с политическим, так и с религиозно-догматическим обоснованием идеала Святой Руси, выдвигавшегося им в качестве основы для их культурно-исторической идентичности.

Ключевые слова: русская эмиграция, культурно-историческая идентичность, Святая Русь, А. В. Карташев, история России

The recent research updates the topic of the ideological consolidation of fugitives and “displaced persons” carried away by the “second wave” of emigration from the Soviet Union during the Second World War [Антошин]. However, it is limited primarily to consideration of political programs designed by their leaders. Such a vision has already been largely set by the participants in this process [В поисках истины]. As a result, a broader and more significant problem falls out of sight – the formation and maintenance of the identity of the entrants of the “second wave” of Russian emigrants since their identity could not be exclusively negative (anti-Bolshevik) and had to be based on other grounds besides political views and activities. Among these grounds could be religious faith and confessional affiliation, which were very important for the expatriates of the “first wave,” who had to leave Soviet Russia soon after the Revolution in 1917. Therefore, in studying their relationship with the “displaced persons,” it is important to answer the following questions: how did they acquaint the newcomers, most of whom had been atheistically brought up in Soviet Russia, with the historical fate of Orthodoxy and how it was perceived by the latter.

The answer to these questions will be given in this research with reference to the publication of the book *Vossozhdanie Sviatoi Rysi (Recreation of Holy Rus’)*, written by the historian, theologian, and public figure Anton Kartashev (1875–1960), who belonged to the post-revolutionary Russian emigration. Published in 1956, the book summarized the ideas he expressed in articles throughout the 1920s and 1930s. This circumstance requires a genetic study of the process of developing a set of ideas included in it to understand their partial transformation as a result of a change in specific historical contexts when the book was published after the Second World War.

The methodological basis of the research can be defined as a case study, conducted at the intersection of the “personal biography” and “new intellectual history.” To overcome the dichotomy of existential and social biographism, a synthetic model of intellectual biography was used, developed based on the typology of scholarly biographies proposed by Donald A. Walker [Walker]. The types of biographies he singled out were synthesized to provide a multifaceted view of the life of Kartashev. Considering the historian as an active subject of his destiny, when studying his actions/events, it was necessary to understand his motivation and define his creative style of activity.

In the “post-revolutionary” period considered in the article as a gap determined by the external conditions of existence (emigration as a result of the defeat of the White movement in the Civil War in Russia) and as a desire to preserve the succession/development of intellectual activity, but transformed under the influence of this gap, it was important to determine the events/reasons that caused a change in the relationship between the political, social, religious, and professional activities of Kartashev, who was a professor at SSOTI in Paris for 35 years. Thus, his “situational biography” is reconstructed in the article, taking into account the complex correlation of various contexts that have their own dynamics of internal conflicting

development. It allows the author to consider those “challenges” of the external environment, that Kartashev gave an “answer” to with his actions in a specific historical situation.

Last but not least, the “bibliographical biography” of the historian is recreated using narratological techniques from a post-structuralist perspective. This means that in the relevant sections, the deconstruction of historical narratives is carried out taking into account the author’s position (“narrator’s voice”) and the appeal of these narratives to readers, i. e., the direction of communication between the narrator and the “implied reader,” whose purpose was the formation of a certain reader’s identity. At the same time, both positive perception and rejection (criticism) of Kartashev’s latest works by those whom he addressed are revealed. When analyzing acceptance/rejection, it is important to determine the epistemological, aesthetic, and ideological criteria by which historical narratives were accepted or rejected, because behind them lie positive grounds for affirmation of the reader’s identity in a changing time.

* * *

For the first time, Kartashev used the concept of “Holy Rus,” which was central to his historical articles in emigration, in 1923 in his article *Koren’ russkogo natsional’nogo* (*Root of the Russian National [Character]*) [Карташев, 1923а, с. 19]. He borrowed it from his colleague in the Russian National Committee, Evgeny Anichkov, who opposed the concept of “*sobornost*” (spiritual community of jointly living people) proclaimed by Alexey Khomyakov as the unifying national principle of Russian civilization to the divisive party spirit [Аничков, с. 16]. Kartashev recognized the possibility of combining this “root of national vitality” with humanism and “enlightenment,” warning at the same time both against such extreme of humanism as laicism (non-religious culture), and against the extremes of the religious principle – clericalism and obscurantism [Карташев, 1923а, с. 20]. Thus, the concept of Holy Rus’ as the basis of national self-consciousness turned out to be inextricably linked with other ideologemes formulated for the committee members by Kartashev: centrism, intransigence, and non-precondition (*nepredreshchestvo*) [Егоров]. Centrism supposed, on the one hand, dissociating itself from the “lefts,” who, following the *Smenovekhists* (*smenovekhovtsy*), were ready to reconcile with the Bolsheviks under the pretext of normalization of the Soviet regime. On the other hand, the “rightists,” who advocated the simple and full restoration of the pre-revolutionary monarchical order. Intransigence in the fight against the Bolsheviks justified activism, which involved the use of all available forms of countering them, up to individual terror [Карташев, 1923b]. Finally, non-precondition in regard of the future political system in Russia after the collapse of Bolshevism left a place for a

¹ Paul Ricoeur called their combination “mimesis-II” [Рикёр].

monarchy. In this time, for Kartashev, the renewed monarchy was more favorable for the implementation of the principle of theocracy, which he opposed to the apoliticism of the ROC, proclaimed by Patriarch Tikhon (Belavin) in 1918 [Карташев, 1922a].

Already as a professor at the SSOTI, founded in 1925 in Paris, Kartashev returned to the idea of Holy Rus' in the first volume of the *Pravoslavnaia Mysl'* (*Orthodox Thought*), published in 1928. In it, he developed the thoughts put forward in the article *Smysl Staroobriadchestva* (*Meaning of the Old Believers Movement*, 1925) about the influence of national psychological type on the perception and experience of Orthodoxy by Russian people. Later he summarized his vision of Russian religious psychology in the article *Russkoe khristianstvo* (*Russian Christianity*, 1936). Eschatologism and asceticism were recognized by him as its distinctive features. At the same time, Kartashev emphasized that the apocalyptic worldview of the Russian people did not give rise to a passive expectation of Doomsday but created a desire to build a Christian kingdom on Earth. Asceticism, in contrast to the Monophysitic denial of this world, which often reached in Eastern monasticism, manifested itself among the Russian people in a craving for ascetic piety, which permeates all earthly life. In the article and pamphlet on Holy Rus', Kartashev specified these provisions concerning the dialectical development of the theocratic ideal.

Possibly, a reminder of this concept was Alexander Solovyov who offered an outline of this religious and social idea in Russia in his article [Соловьёв]. It is not known whether Kartashev was familiar with it, but a comparison of the narratives of these works allows us to better understand the structure of his historical and religious discourse and see the canonical foundations of the ideal. Solovyov constructed his historical narrative as the deployment of a dualistic opposition between the messianic idea of universal theocracy (Third Rome) and the idea of humility and repentance, flight from the state, rejection of the evil of this world and struggle with it (Kitezh City). In contrast to the antagonistic dualism of the predecessor's article, Kartashev's narrative was a modification of the Hegelian triad: thesis – antithesis – synthesis. The thesis was the adoption of Christianity under the Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir, the antithesis was the establishment of Laic statehood and culture under Peter the Great and his followers, and the synthesis should be the fecundation by the Church of this culture (*otsercovlenie kul'tury*) through the active “molecular” affirmation of Orthodox ideals by believers in everyday life. In the second half of the 1930s, when Kartashev became close to the Russian Labor Christian Movement [Базанов, с. 126], in several articles about Prince Vladimir, he strengthened the characteristics of the social significance of the Christianization of Rus' [Карташев, 1938a; Карташев, 1938b]. It is also easy to see that, unlike the Eurasians, with whom he collaborated for a short time in the early 1920s [Карташев, 1922b; Карташев, 1923c], Kartashev did not deny the importance of the humanistic values of the secular culture brought to Russia as a result of the reforms carried out by emperor Peter the Great.

In the article about the fate of Holy Rus', Kartashev outlined the canonical basis of this ideal, to the development of which he then repeatedly returned. It was the concept of "symphony" formulated in the sixth novel of the Byzantine emperor Justinian the Great. Accepting with reservations the idea of the separation of church and state and noting the reduction in the state functions in recent history, the historian argued the need for a new form of symphony – between church and society, which, in contrast to theocracy, which assumed an external symphony of church and state, he called *Christocracy*. Thus, he canonically substantiated the idea of the fecundation of culture by the church, a special role in the implementation of which he assigned to the laity, united in religious brotherhoods. Behind these ideas, one can see his own experience of participating in the Brotherhood of Saint Sophia and his distrustful attitude towards the conservative-minded hierarchy, which found itself in the jurisdiction of the ROCA.

As a condition for the implementation of the symphony of the church with elements of the public, Kartashev recognized the rule of law, under which the free activity of citizens and the church as a self-governing organization is guaranteed. He initially opposed the idea of the rule of law state to the totalitarian dictatorship of the Bolsheviks, and since 1933 also to the practice of church management by the National Socialists in Germany, whose pagan nationalism, like the propaganda of the pagan ideal of the Third Rome in fascist Italy, was considered by him a threat to Christian civilization in Europe [Карташев, 1934, с. 9–10].

Kartashev called the *Chalcedonian ὁρος* about the God-human nature of Christ the dogmatic basis for the principle of the symphony. By analogy with it, he believed that the principle of the symphony spoke of the irrationality and uncertainty of the boundary line between church and state, of their antinomic "non-merging" and "inseparability." The understanding of this dogmatic antinomy determined a rather paradoxical fact of his biography: being a champion of the messianic role of the ROC for Eastern Orthodoxy, he actively participated in ecumenical activities. True, the path toward ecumenical movement in emigration was winding – from participation in the anti-Catholic Eurasian collection *Rossiiia i Latinstvo (Russia and Latinism)* through benevolent correspondence with Belgian Cardinal Mercier to the meetings with Catholics and Protestants who supported his anti-communist speeches, and lastly to participation in the Anglican-Orthodox Brotherhood of St Alban and Rev. Sergius of Radonezh.

Speaking at the Congress of the Brotherhood in 1931, Kartashev familiarized Anglicans and Anglo-Catholics with his ideas about the transformation of the "symphony" as a result of the separation of church and state. Negatively evaluating the period when the ROC was administered by the Holy Synod in the Russian Empire, he again emphasized the importance of freeing it from state guardianship and restoring its independence. According to the historian, the independent existence of the ROC from the state and narrow national interests opened for it, if Russia were liberated

from the “yoke of Bolshevism,” prospects for its free “sisterly communion” with autocephalous Orthodox churches, and then with representatives of other confessions [Kartashoff, 1931]. Therefore, when Fr. Sergius Bulgakov proposed to carry out a partial intercommunion of the Orthodox and Anglican members of the Brotherhood, Kartashev supported him. In contrast to Fr. Georges Florovsky, another colleague from the SSOTI who spoke out against this idea, in 1934, Kartashev placed his article on the pages of the *Sobornost'* magazine [Kartashoff, 1934], in which he developed the provisions of Bulgakov expressed in the article *U Kladezia Iakovlia* (*Around Jacob's Well*) published in the ecumenical collection *Khristianskoe Vossoedinenie* (*Christian Reunification*) [Булгаков]. The following year, when the controversy around the idea of communion in the sacraments of the members of the Brotherhood was still going on, Kartashev again supported the Dean of the SSOTI in the article *Intercommunion and Dogmatic Agreement* [Kartashoff, 1935]. True, when in 1936 a special commission was set up at the SSOTI to evaluate Bulgakov's Sophiology, Kartashev was among his critics, along with Frs. Georges Florovsky and Sergius Chetverikov. However, unlike the latter who criticized Bulgakov for innovation from traditionalist, patristic positions, Kartashev, on the contrary, pointed to the conservatism of Bulgakov's Christology [Клементьев, с. 312]. In a special report *O Mnimom Apollinarizme* (*On Alleged Apollinarism*) made following the work plan of Chetverikov, Kartashev noted that the accusations of Bulgakov in following the ideas of Apollinaris the Younger were not fully justified. Even more frankly against the ideas of neo-patristic synthesis formulated by Florovsky as an antithesis to the ideas of Russian religious revival [Гаврилюк, с. 315–348] Kartashev spoke in another report to the same commission *O Bogoslovskom Avtoritete Sviatykh Ottsov* (*On the Theological Authority of the Holy Fathers*), based on the provisions of his article *Svoboda Nauchno-Bogoslovskikh Issledovaniy i Tserkovnyi Avtoritet* (*Freedom of Theological Research and Church Authority*). The article was published in the compendium *Zhivoe Predanie: Pravoslavie v Sovremennosti* (*Living Tradition: Orthodoxy in Modernity*) [Карташев, 1937], which was conceived as a manifestation of solidarity with Bulgakov, and in which Florovsky did not participate [Arjakovsky, p. 395–397].

Thus, in the 1920s–1930s in several articles, Kartashev developed and refined his understanding of the theocratic ideal, which was only outlined in his pre-revolutionary journalism and finally took shape in the post-war years in the work *Vossozhdanie Sviatoi Rusi* in 1956. In the spiritual experience of the Russian religiously thinking intelligentsia of the late nineteenth – early twentieth centuries, he saw the guarantee of the restoration of Holy Rus', the implementation of a new “symphony,” which he understood as the fusion of the church with the soul of the nation and its culture. The transformed “symphony,” in his opinion, was to become the entelechy of a revived Russia, which should thereby set an example for the whole world. In this interpretation, he contradicted Florovsky, disagreements with whom were still latent. The discrepancy in views hidden at that time

between the “older” and “younger” generations of the Russian Orthodox “school of Parisian theology” resulted in a clear demarcation between them on the pages of Kartashev’s book.

According to the author’s correspondence, the manuscript of the book was written at the end of the Second World War, but he was able to publish it only in 1956. The reasons that determined his motivation to promote the publication and the complex ups and downs of this process were born by the new international situation after the war and, as a result, the changed position, composition, and mood of Russian emigrants. The contribution of the Soviet Army to the victory of the anti-Hitler coalition, which promoted the comprehensive increase in the international prestige of the USSR, gave rise to the mood of “Soviet patriotism” among the partakers in the “first wave” of Russian post-revolutionary emigration. This mood alarmed Kartashev, who soon after the war reminded his former ideological combatants of the need to follow the principle of intransigence in relations with the Bolsheviks [Карташев, 1947]. This principle for a short time became the basis for the resumption of his cooperation with the “Union of Struggle for the Freedom of Russia” organized by Serge Mel’gunov. However, another political trend after the war was the strengthening of the “leftists” (Republicans and Socialists) among Russian emigrants, supported in their separatist aspirations by American patrons. A similar intention, as it seemed to Kartashev, captured his colleague as well. Such vision of the situation by the historian led to their disengagement and Kartashev’s gradual departure from the propaganda and publishing activities of the Union [Карташев, 2019a, c. 197–199, 201–202]. On the contrary, the emergence of a “right-wing” Russian political committee established under the chairmanship of Boris Sergievsky in New York in 1953 as a counterweight to the “left” wing of Russian emigrants who moved from Europe to the United States, met with his support. With the leaders of the committee (in addition to long-standing friendly relations with Ariadna Tyrkova-Williams), he was brought together by the promotion of the religious principle of Orthodoxy in the restoration of liberated Russia and the anti-socialist orientation of the manifesto of the newly formed organization [Карташев, 2019b, c. 242–243]. Thus, Kartashev again found himself in his pre-war position of intransigence and centrism. True, the great power inspiration and nationalism which characterized his newly acquired ideological position forced him to abandon the third principle – non-prediction. Speaking in favor of a constitutional monarchy, he considered it possible after the collapse of the Bolsheviks, which Kartashev was still sure of, to use for the transition to the rule of law the methods of a “talented, Christian” dictatorship, like those established by Franco in Spain or Salazar in Portugal. These dictatorships were opposed to that of Hitler in Germany and Mussolini’s in Italy. Such highly dubious provisions were included by him in the final version of the book on the recreation of Holy Rus’ [cf.: Карташев, 2019b, c. 242; Карташев, 1956, c. 61–64].

However, Kartashev's drift to the right was not unlimited, as evidenced by his perception of relations between ecclesiastical jurisdictions in Russia and exile. On the issue of returning the parishes of the Western European Exarchate under the jurisdiction of the Moscow Patriarchate initiated at the end of the war by Metropolitan Evlogii (Georgievsky), he, together with his colleague from the SSOTI Vasily Zenkovsky, opposed this step. When this brief return was denounced after the death of the Metropolitan by his successor Archbishop Vladimir (Tikhonitsky), Kartashev supported his decision, as well as his subsequent attempts in the late 1940s to reunite with ROCA, headed by Metropolitan Anastasy (Gribanovsky) [Картасhev, 2016, с. 186–187; Картасhev, 2018b, с. 302–303]. However, Kartashev considered such reunification to be canonical only under the omophorion of the Patriarch of Constantinople. Recognizing, as before, it was precisely the “Karlovitess” (*karlovchane*) who were responsible for the church schism in emigration that occurred at the end of the 1920s, he strove on the pages of his book about Holy Rus' to dissociate himself from their most prominent publicist, Fr. Konstantin (Zaitsev) [Картасhev, 2019c, с. 301]. Thus, the latter's views on the restoration of the old pre-revolutionary monarchical order in Russia marked the most “right” edge, relative to which the position of Kartashev had to remain centrist.

However, in the last book's section, entitled “Disengagement,” the author not only dissociated himself from the reactionary intentions of Zaitsev but also drew a line of demarcation between himself and some colleagues in the SSOTI. The basis for the “friendly disengagement” with Bishop Cassian (Bezobrazov) was the emotional expression of the religious worldview: if Kartashev was optimistic about the possibility of transforming the state and public life by the Church even in this world, then Cassian was a pessimist in this regard [Кассиан, с. 13]. Even more significant were the disagreements with representatives of the younger generation of SSOTI professors. One of Kartashev's disciples, Fr. Schmemann, under the influence of Fr. Florovsky, criticized the theocratic concept of the teacher. These disagreements between the older professors' generation and the younger ones, who were formed in conditions of emigration, became obvious after Alexander Schmemann and Sergei Verhovskoy, following Gerges Florovsky, moved to the United States from France. Like their “leader,” they became professors of St Vladimir's Orthodox Theological Seminary in New York [Прот. Александр Шмеман. Прот. Георгий Флоровский, с. 116, 127, 130, 132–136]. Their advance was part of the overall process of moving not only a significant part of Russian emigrants but also their political, cultural, and religious centers from the Old to the New World. This process started at the beginning of the war and intensified with its end.

Another important process among emigrants, which influenced Kartashev's motivation to promote the publication of his book on Holy Rus', was a significant replenishment of its ranks at the expense of “displaced persons.” Although he acknowledged that there were “adventurous elements” among them, their anti-Sovietism, against the backdrop of

the increased “Soviet patriotism” of some of the post-revolutionary expatriates, was deeply sympathetic to him. Carefully observing their political moods and organizational activity, Kartashev noticed that their leaders were repeating the mistakes that he and his associates had to go through shortly after the defeat of the White movement [Карташев, 2018a, с. 299–300]. Therefore, his appeal to the publishing house “Posev,” created by the expatriates of the “first wave,” but actively engaged in propaganda work among the refugees and defectors that make up the “second wave,” with a proposal to publish the book was quite logical. Given this circumstance, the author’s intention can be characterized as a desire to remind those who found themselves in exile after the Russian Revolution in 1917 of unchanging principles, as well as to acquaint newcomers with a cultural and historical ideal, the existence of which they did not know because they had been brought up in an atheistic state. For them, acquaintance with such an ideal could serve to form the religious foundation of their cultural and historical identity. However, for representatives of the “Posev” publishing house, who were guided by the interests of their readers, such a formulation of the question did not have much significance. As Kartashev’s wife noted, they “could not digest either its title, *Recreation of Holy Rus’*, or some parts of its content” [Карташева]. For Russian “displaced persons” the disagreements with opponents, so important for the author, were incomprehensible and too complicated, and therefore more reminiscent of the internal squabbles of representatives of the “first wave” of Russian post-revolutionary emigration. Therefore, the “sowers” (*posevshchiki*), according to Kartashev, “promised to put the book at the tail of the queue. Nevertheless, they expressed a desire to reduce the polemical element, that is, to impoverish and castrate the book” [Карташев, 1937–1967]. Such a reduction was unacceptable to him. As a result, after two years of waiting, Kartashev decided to refuse their services. Since he was sure that the book would be perceived as a “reactionary” one by the American curators of the SSOTI², who were establishing relations with the Moscow Patriarchate, he did not even try to offer it to the YMCA-Press publishing house in Paris. As a result, it was published thanks to the help of his old friends, the brothers Georgy and Evgeny Novitsky, who moved to the United States at different times. They were able to collect the necessary amount by subscription among Russian emigrants in America, and a specially created publishing committee, headed by a former student of Kartashev, Bishop Sylvester (Kharuns), organized the publication “without their own censorship” [Карташев].

² The same, apparently false, premise was the basis for Kartashev’s suspicion that his colleague, the Dean of the SSOTI, Fr. Vasily Zenkovsky, who was originally given the manuscript for publication in the *Orthodoxy and Modernity* series, refused to publish it not because of a lack of funds, but out of a desire not to quarrel with the American curators of the institute [Карташев, 2019c, с. 298]. In his memoirs, Zenkovsky noted this “pointed political suspicion” characteristic of his colleague, even “spy mania”, which he considered because of the influence of his wife, “a clever, but not very intelligent woman” on him [Зеньковский, 1951–1963].

The release of the book caused some responses in the form of reviews. If Zenkovsky briefly outlined its main provisions with obvious sympathy, emphasizing the author's special tone in substantiating the theocratic ideal [Зеньковский, 1956], then Bishop John (Shakhovskoy), noting Kartashev's belonging to the "prophetic" type of the Russian intelligentsia, was more critical. Relying on the psychological interpretation of his justification for theocracy as a manifestation of guilt for the "rocking of the building" of the Russian Empire on the eve of the revolution, the bishop argued that the author put forward a "controversial and *insufficiently developed* idea" of evading civic activity as a "*sin against the incarnation*" (italics by Bishop John. – A. A.). In addition, he stood up for the students of Kartashev, to whom, as the bishop believed, the teacher was unfair [Иоанн]. However, Schmemann and Verhovskoy were ready to stand up for themselves. At a symposium specially held in New York on January 23 and 30, 1957, they defended their views [Полторацкий]. Georgy Novitsky, who opened the first meeting, highly appreciated the style of the book, in which the author "rises to the heights of the language of the Old Testament prophets." However, Professor Alexander Bogolepov and Alexander Schmemann, who spoke after him, were unanimous in recognizing the impossibility of applying the Chalcedonian dogma "by analogy" to characterizing the relationship between church and state. In contrast to Bogolepov, who recognized the significance of such Kartashev's provisions as fidelity to the principle of *sobornost'* restored by the 1917–1918 Local Council of the ROC, recognition of the social role of the church and the special responsibility of the laity (here he was supported by Archpriest Alexey Ionov, who also pointed out that the author "speaks as a prophet"), Schmemann was more inclined to argue with his teacher "in full voice." Following his companion, Verhovskoy pointed out the fallacy of the teacher's dogmatic premise and the groundlessness of his accusations of political and social passivity addressed to the Russian Students Christian Movement's members.

Mikhail Polivanov and Prince Serge Obolensky responded to the book in secular magazines. The former in *Novyi Zhurnal* (*New Review*) contrasted Kartashev's theocratic ideal of Holy Rus', which assumed submission to power, with the idea of holiness based on personal freedom, the religious and historical justification of which was offered to American readers shortly before by George Fedotov in his book *Russian Religious Mind: Kievan Period* [Поливанов]. In contrast to the liberal-democratic position of the author of the review in *Novyi Zhurnal*, Obolensky supported the main provisions of the book on the pages of the *Vozrozhdenie* (*Revival*) magazine, criticizing Kartashev rather for trying to present the fulfillment of the theocratic ideal in a "religiously indifferent, formally democratic state." Such an approach, according to the reviewer, did not correspond to the historical tradition and the current situation in Russia, where, as it seemed to him, the religious feelings of the common people were being revived after the Second World War. The latter allowed Obolensky to oppose the pessimism of Kartashev, who "mourned the disappearance of the anointed tsar," with an optimistic

belief in the necessity and possibility of his return after the collapse of the communist regime [Оболенский].

Thus, Kartashev returned to his theocratic ideal of Holy Rus' after the Second World War, suggesting that it could serve as a religious and historical basis for the formation of the identity of the representatives of the "second wave" of emigration from the Soviet Union. However, a study of the specific conditions of the long process of publication and subsequent discussion of the book shows that this attempt failed. This result was due to changes among the Russian exiles that took place after the war. After the end of the war, the traditional divisions of post-revolutionary expatriates were supplemented by new ones, generated by the spread of "Soviet patriotism" in their midst, by the replenishment of their ranks at the expense of "displaced persons," by the divergence in the perception of life prospects among representatives of the "older" and "younger" generations of emigrants. As a result, despite the rather benevolent reviews of the book, its prophetic pathos did not captivate most of the participants in its discussion, who emphasized their disagreement with both the political and religious-dogmatic substantiation of the ideal put forward by the author.

Библиографические ссылки

Аничков Е. В. Национальное начало в процессе истории // Вестн. Рус. нац. комитета (Париж). 1923. № 5. С. 6–18.

Антошин А. В. Русское зарубежье после Второй мировой войны: в поисках консолидирующей идеи // Россия и современный мир. 2021. № 1 (110). С. 20–30. DOI 10.31249/rsm/2021.01.02.

Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русского зарубежья на примере «Русского трудового христианского движения» // Изв. высш. учеб. заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2006. № 1. С. 123–131.

Булгаков С., прот. У кладезя Иаковля (Ин 4:23). О реальном единстве разделенной церкви в вере, молитве и таинствах // Христианское воссоединение. Париж : YMCA-Press, 1933. С. 9–32.

В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции : сб. ст. и док. / под общ. ред. А. В. Попова. М. : РГГУ, 1997. 378 с.

Гаврилюк П. Л. Георгий Флоровский и религиозно-философский ренессанс. Киев : Дух і літера, 2017. 536 с.

Егоров А. Н. Антон Владимирович Карташев: «Мы были слишком Гамлетами и не могли угнаться за катастрофическим ходом событий...» // Российский либерализм: идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новое изд-во, 2007. С. 831–843.

Зеньковский В. В. Антон Владимирович Карташев // BAR. Vasilii Vasil'evich Zen'kovskii Memoirs, 1951–1963. В.: Moi vstrechi s vydaiushchimisia liud'mi.

Зеньковский В., прот. Две книги о России // Вестн. РСХД. 1956. № 41 (2). С. 39–42.

Иоанн (Шаховской), еп. [Рец.] А. В. Карташев: «Воссоздание Святой Руси». Париж, 1955 // Вестн. РСХД. 1956. № 41 (2). С. 37–39.

Карташев А. В. Политика и Церковь // Рус. мысль (Прага). 1922а. Кн. 1–2. С. 286–296.

Карташев А. В. Реформа, реформация и исполнение Церкви // На путях. Утверждение евразийцев. Кн. 2. М. ; Берлин : Геликон, 1922б. С. 27–98.

Карташев А. В. Корень русского национального // Вестн. Рус. нац. комитета (Париж). 1923а. № 5. С. 19–20.

Карташев А. В. Тираноубийство // Вестн. Рус. нац. комитета (Париж). 1923b. № 7. С. 5–7.

Карташев А. В. Пути единения // Россия и латинство (Берлин). 1923с. С. 41–51.

Карташев А. В. Церковь и национальность // Путь. 1934. № 44. С. 3–14.

Карташев А. В. Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет // Живое предание : Православие в современности. Париж : YMCA-Press, 1937. С. 25–41.

Карташев А. В. Письмо к Е. И. Новицкому от 3 апреля 1955 г. // BAR. Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967. В. 1. Correspondence.

Карташев А. В. Святой Великий Князь Владимир – отец русской культуры // Церк. вестн. западноевропейской епархии (Париж). 1938а. № 6–7. С. 15–27.

Карташев А. В. Крещение Руси святым князем Владимиром и его национально-культурное значение // Владимирский сборник : В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград : [Б. и.], 1938b. С. 41–54.

Карташев А. В. Непримируемость // Возрождение. 1947. Тетрадь 6. С. 7–14.

Карташев А. В. «После годов голода и лишений у нас чувство разговенья, сытости и благополучия». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1946–1947 гг. / публ. и коммент. А. В. Антощенко, И. В. Николаенко // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2016. № 4. С. 183–196. DOI 10.25513/2312-1300.2016.4.183-196.

Карташев А. В. «Мы живем как обреченные». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1948 г. / публ. и коммент. А. В. Антощенко // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2018а. № 2. С. 297–302. DOI 10.25513/2312-1300.2018.2.297-302.

Карташев А. В. «На нас лежит подвиг великого долготерпения». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1949 г. / публ. и коммент. А. В. Антощенко // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2018b. № 3. С. 297–306. DOI 10.25513/2312-1300.2018.3.297-306.

Карташев А. В. «Программу мельгуновского Союза борьбы за свободу России признаю». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1951–1952 гг. / публ. и коммент. А. В. Антощенко // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2019а. № 1. С. 196–204. DOI 10.25513/2312-1300.2019.1.196-204.

Карташев А. В. «Дальнейшее по секрету, только для Вас». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1953 г. / публ. и коммент. А. В. Антощенко // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2019b. № 2. С. 241–248. DOI 10.25513/2312-1300.2019.2.241-248.

Карташев А. В. «Я отмежевываюсь от эмигрантского “аполитизма”». Письма А. В. Карташева Г. И. Новицкому. 1954–1955 гг. / публ. и коммент. А. В. Антощенко // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Ист. науки. 2019с. № 3. С. 294–304. DOI 10.25513/2312-1300.2019.3.294-304.

Карташева П. П. Письмо к Е. И. Новицкому от 17 марта 1955 г. // BAR. Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967. В. 1. Correspondence.

Кассиан (Безобразов), еп. Антон Владимирович Карташев // Православная мысль (Париж). 1957. Вып. 9. С. 9–16.

Клементьев А. К. Материалы к истории полемики о творчестве профессора протоиерея Сергея Николаевича Булгакова (1924–1937 гг.) // Вестн. Екатеринбург. духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 275–370. DOI 10.24411/2224-5391-2019-10213.

Оболенский С. Среди книг и журналов. А. В. Карташев: «Воссоздание Святой Руси». Париж. 1956 // Возрождение. 1956. Тетрадь 54. С. 139–142.

Поливанов М. По поводу книги А. В. Карташева «Воссоздание Святой Руси» // Новый журн. 1956. № 46. С. 239–248.

Полторацкий Н. П. Церковь и государство. Собеседования о книге А. В. Карташева «Воссоздание Св. Руси» // Вестн. РСХД. 1957. № 46 (3). С. 27–34.

Прот. Александр Шмеман. Прот. Георгий Флоровский : Письма 1947–1955 годов / сост., пред. П. Л. Гаврилюк. М. : Изд-во ПСТГУ, 2019. 448 с.

Рикёр П. Время и рассказ. М. ; СПб. : Университет. кн., 1998. 313 с.

Соловьев А. В. Святая Русь : (Очерк развития религиозно-общественной идеи) // Сб. Рус. археол. о-ва в Королевстве С. Х. С. Сб. 1. Белград : [Б. и.], 1927. С. 77–113.

Arjakovsky A. *The Way: Religious Thinkers of the Russian Emigration in Paris and Their Journal, 1925–1940*. Notre Dame : Univ. of Notre Dame Press, 2013. 766 p.

Kartashoff A. V. Church and State (Conference Address) // *J. of the Fellowship of St Alban and St Sergius*. 1931. № 12. P. 44–54.

Kartashoff A. V. The Paths towards the Reunion of the Churches // *J. of the Fellowship of St Alban and St Sergius*. 1934. № 26. P. 7–13.

Kartashoff A. V. Intercommunion and Dogmatic Agreement // *Sobornost, Being the J. of the Fellowship of St Alban and St Sergius*. 1935. № 4. P. 41–48.

Walker D. A. Keynes as a Historian of Economic Thought: The Perspectives of the General Theory // *Research in the History of Economic Thought and Methodology* / ed. by W. J. Samuels. Vol. 4. Greenwich, Conn. : JAI Press, 1986. P. 1–36.

References

Anichkov, E. V. (1923). Natsional'noe nachalo v protsesse istorii [National Origin in the Process of History]. In *Vestnik Russkogo natsional'nogo komiteta*. Paris. No. 5, pp. 6–18.

Antoshin, A. V. (2021). Russkoe zarubezh'e posle Vtoroi mirovoi voiny: v poiskakh konsolidiruyushchei idei [Russia Abroad after the Second World War: In Search of a Consolidating Idea]. In *Rossiya i sovremennyy mir*. No. 1 (110), pp. 20–30. DOI 10.31249/rsm/2021.01.02.

Arjakovsky, A. (2013). *The Way: Religious Thinkers of the Russian Emigration in Paris and Their Journal, 1925–1940*. Notre Dame, Univ. of Notre Dame Press. 766 p.

Bazanov, P. N. (2006). Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsii russkogo zarubezh'ya na primere “Russkogo trudovogo khristianskogo dvizheniya” [Publishing Activity of Political Organizations of the Russian Diaspora with Reference to the Russian Labor Christian Movement]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. No. 1, pp. 123–131.

Bulgakov, S., archpriest. (1933). U kladezya Iakovlya (John 4:23). O real'nom edinstve razdelennoi tserkvi v vere, molitve i tainstvakh [Around Jacob's Well (John 4:23). On the Real Unity of the Divided Church in Faith, Prayer, and Sacraments], In *Khristianskoe vossoedinenie*. Paris, YMCA-Press, pp. 9–32.

Egorov, A. N. (2007). Anton Vladimirovich Kartashev: “My byli slishkom Gamletami i ne mogli ugnat'sya za katastroficheskim khodom sobytii...” [Anton Vladimirovich Kartashev: “We Were too Hamlet-like and Could not Keep up with the Catastrophic Course of Events”]. In Kara-Murza, A. A. (Ed.). *Rossiiskii liberalism: idei i lyudi*. 2nd Ed., add. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 831–843.

Gavrilyuk, P. (2017). *Georgii Florovskii i religiozno-filosofskii renessans* [Georges Florovsky and the Religious and Philosophical Renaissance]. Kyiv, Dukh i litera. 536 p.

Gavrilyuk, P. L. (Ed.). (2019). *Prot. Aleksandr Shmeman. Prot. Georgii Florovskii. Pis'ma 1947–1955 godov* [The Correspondence between Archpriest Alexander Schmemmann and Archpriest Georges Florovsky, 1947–1955]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. 448 p.

Ioann (Shakhovskoi), bishop. (1956). [Rev.] A. V. Kartashev: “Vossozdanie Svyatoi Rusi”. Parizh, 1955 [A. V. Kartashev: “The Recreation of Holy Rus”]. Paris, 1955]. In *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya*. No. 41 (2), pp. 37–39.

Kartashev, A. V. (1922a). Politika i Tserkov' [Politics and Church]. In *Russkaya mysl'*. Book 1–2, pp. 286–296.

Kartashev, A. V. (1922b). Reforma, reformatsiya i ispolnenie Tserkvi [Reform, Reformation, and the Fulfillment of the Church]. In *Na putyakh. Utverzhdenie evraziitsev*. Moscow, Berlin, Gelikon, pp. 27–98.

Kartashev, A. V. (1923a). Koren' russkogo natsional'nogo [The Roots of the Russian National Character]. In *Vestnik Russkogo natsional'nogo komiteta*. Paris. No. 5, pp. 19–20.

Kartashev, A. V. (1923b). Tiranoubiistvo [Tyrannicide]. In *Vestnik Russkogo natsional'nogo komiteta*. Paris. No. 7, pp. 5–7.

Kartashev, A. V. (1923c). Puti edineniya [Ways of Unity]. In *Rossiya i latinstvo*. Berlin, pp. 41–51.

Kartashev, A. V. (1934). Tserkov' i natsional'nost' [Church and Nationality]. In *Put'*. No. 44, pp. 3–14.

Kartashev, A. V. (1937). Svoboda nauchno-bogoslovskikh issledovaniy i tserkovnyi avtoritet [Freedom of Theological Research and Church Authority]. In *Zhivoe predanie. Pravoslaviye v sovremennosti*. Paris, YMCA-Press, pp. 25–41.

Kartashev, A. V. (1937–1967). Pis'mo k E. I. Novitskomu ot 3 aprelya 1955 g. [Letter to E. I. Novitskii on April 3, 1955]. In *BAR. Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967*. B. 1. Correspondence.

Kartashev, A. V. (1938a). Svyatoi Velikii Knyaz' Vladimir – otets russkoi kul'tury [Saint Great Duke Vladimir – The Father of Russian Culture]. In *Tserkovnyi vestnik zapadnoevropeiskoi eparkhii*. Paris. No. 6–7, pp. 15–27.

Kartashev, A. V. (1938b). Kreshchenie Rusi svyatyim knyazem Vladimirom i ego natsional'no-kul'turnoe znachenie [The Baptism of Russia by the Holy Prince Vladimir and Its National and Cultural Significance]. In *Vladimirskii sbornik. V pamyat' 950-letiya kreshcheniya Rusi. 988–1938*. Belgrade, S. n., pp. 41–54.

Kartashev, A. V. (1947). Neprimirnost' [Intransigence]. In *Vozrozhdenie*. No. 6, pp. 7–14.

Kartashev, A. V. (2016). “Posle godov goloda i lisheniya u nas chuvstvo razgovnya, sytosti i blagopoluchiya”. Pis'ma A. V. Kartasheva G. I. Novitskomu. 1946–1947 gg. [“After Years of Hunger and Deprivation, We Have a Feeling of Breaking the Fast, Satiety, and Well-Being”. Letters from A. V. Kartashev to G. I. Novitsky. 1946–1947] / publ. by A. V. Antoshchenko, I. V. Nikolaenko. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 4, pp. 183–196. DOI 10.25513/2312-1300.2016.4.183-196.

Kartashev, A. V. (2018a). “My zhivem kak obrechennyye”. Pis'ma A. V. Kartasheva G. I. Novitskomu. 1948 g. [“We're Living Like the Doomed”. Letters from A. V. Kartashev to G. I. Novitsky. 1948.] / publ. by A. V. Antoshchenko. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 2, pp. 297–302. DOI 10.25513/2312-1300.2018.2.297-302.

Kartashev, A. V. (2018b). “Na nas lezhit podvig velikogo dolgoterpeniya”. Pis'ma A. V. Kartasheva G. I. Novitskomu. 1949 g. [“The feat of Great Long-Suffering Lies on us”. Letters from A. V. Kartashev to G. I. Novitsky. 1949] / publ. by A. V. Antoshchenko. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 3, pp. 297–306. DOI 10.25513/2312-1300.2018.3.297-306.

Kartashev, A. V. (2019a). “Programmu mel'gunovskogo Soyuzha bor'by za svobodu Rossii priznayu”. Pis'ma A. V. Kartasheva G. I. Novitskomu. 1951–1952 gg. [“I Recognize the Program of the Melgunov Union of Struggle for the Freedom of Russia”. Letters from A. V. Kartashev to G. I. Novitsky. 1951–1952] / publ. by A. V. Antoshchenko. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 1, pp. 196–204. DOI 10.25513/2312-1300.2019.1.196-204.

Kartashev, A. V. (2019b). “Dal'neishee po sekretu, tol'ko dlya Vas”. Pis'ma A. V. Kartasheva G. I. Novitskomu. 1953 g. [“The Following is a Secret, for You Only”. Letters from A. V. Kartashev to G. I. Novitsky. 1953] / publ. by A. V. Antoshchenko. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 2, pp. 241–248. DOI 10.25513/2312-1300.2019.2.241-248.

Kartashev, A. V. (2019c). “Ya otmehzhevyvayus' ot emigrantskogo ‘apolitizma’”. Pis'ma A. V. Kartasheva G. I. Novitskomu. 1954–1955 gg. [“I Dissociate Myself from Emigrants' ‘Apoliticism’”. Letters from A. V. Kartashev to G. I. Novitsky. 1954–1955.] / publ. by A. V. Antoshchenko. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 3, pp. 294–304. DOI 10.25513/2312-1300.2019.3.294-304.

Kartasheva, P. P. (1937–1967). Pis'mo k E. I. Novitskomu ot 17 marta 1955 g. [Letter to E. I. Novitskii on March, 17, 1955]. In *BAR. Novitskii Georgii Isakievich Papers, 1937–1967*. B. 1. Correspondence.

Kartashoff, A. V. (1931). Church and State (Conference Address). In *J. of the Fellowship of St Alban and St Sergius*. No. 12, pp. 44–54.

Kartashoff, A. V. (1934). The Paths towards the Reunion of the Churches. In *J. of the Fellowship of St Alban and St Sergius*. No. 26, pp. 7–13.

Kartashoff, A. V. (1935). Intercommunion and Dogmatic Agreement. In *Sobornost, Being the J. of the Fellowship of St Alban and St Sergius*. No. 4, pp. 41–48.

Kassian (Bezobrazov), bishop. (1957). Anton Vladimirovich Kartashev [Anton Vladimirovich Kartashev]. In *Pravoslavnaya mysl'*. No. 9, pp. 9–16.

Klement'ev, A. K. (2019). Materialy k istorii polemiki o tvorchestve professora protoiereia Sergiya Nikolaevicha Bulgakova (1924–1937 gg.) [Materials on the History of Polemics for the Works of Professor Archpriest Sergiy Nikolaevich Bulgakov (1924–1937)]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. No. 2 (26), pp. 275–370. DOI 10.24411/2224-5391-2019-10213.

Obolensky, S. (1956). Sredi knig i zhurnalov. A. V. Kartashev: “Vossozhdanie Svyatoi Rusi”. Parizh. 1956 [Among Books and Magazines. A. V. Kartashev: “Recreation of Holy Rus”]. Paris. 1956]. In *Vozrozhdenie*. No. 54, pp. 139–142.

Polivanov, M. (1956). Po povodu knigi A. V. Kartasheva “Vossozhdanie Svyatoi Rusi” [Regarding the Book by A. V. Kartashev “Recreation of Holy Rus”]. In *Novyi zhurnal*. No. 46, pp. 239–248.

Poltoratsky, N. P. (1957). Tserkov' i gosudarstvo. Sobesedovaniya o knige A. V. Kartasheva, „Vossozhdanie Sv. Rusi” [Church and State. Interviews about the Book of A. V. Kartashev “Recreation of Holy Rus”]. In *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya*. No. 46 (3), pp. 27–34.

Popov, A. V. (Ed.). (1997). *V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroi emigratsii* [In Search of Truth. Ways and Fates of the Second Emigration]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. 378 p.

Riccœur, P. (1998). *Vremya i rasskaz* [Temps et récit]. Moscow, St Petersburg, Universitetskaya kniga. 313 p.

Solovyov, A. V. (1927). Svyataya Rus'. (Ocherk razvitiya religiozno-obshchestvennoi idei) [Holy Rus'. (Essay on the Development of a Religious and Social Idea)]. In *Sbornik Russkogo arkheologicheskogo obshchestva v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev*. Coll. 1. Belgrade, S. n., pp. 77–113.

Walker, D. A. (1986). Keynes as a Historian of Economic Thought: The Perspectives of the General Theory, in *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, vol. 4, edited by Warren J. Samuels, JAI Press, Greenwich, Conn., pp. 1–36.

Zenkovsky, V. V. Anton Vladimirovich Kartashev [Anton Vladimirovich Kartashev]. In *BAR. Vasilii Vasil'evich Zen'kovskii Memoirs, 1951–1963*. B.: Moi vstrechi s vydaiushchimisia liud'mi.

Zenkovsky, V., archpriest. (1956). Dve knigi o Rossii [Two Books about Russia]. In *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya*. No. 41 (2), pp. 39–42.

The article was submitted on 25.02.2022

Conceptus
et conceptio

Conceptus et conceptio

Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History* **

Part 1

Claudio Ingerflom

National University of General San Martín,
Buenos Aires, Argentina
French National Centre for Scientific Research,
Paris, France

*In memory of Viktor Zhivov,
brilliant scholar, generous friend*

The author discusses some of the dominant assertions in the literature on Russian history. One of them is the disqualification of the myth of the benevolent tsar as “false”. This disqualification is accompanied by the formulas “naïve or popular monarchism”, which designate the “pre-scientific illusions” that would have guided the collective movements of resistance to autocracy. Given the importance of collective representations of the tsar and power in Russian history, the theoretical premises on which the above-mentioned disqualifications are based *affect the general interpretation of this history*, for example the conception of the Russian people as “passive”. The author proposes to abandon this positivist scaffolding and approach the sources from other theoretical perspectives, in particular conceptual history (Begriffsgeschichte), to pose a radically different question: what truth is contained in the myth of the benevolent tsar and to reconstruct, against the essentialist and teleological vision, the *historicity* of the collective resistance to power in Russia. The first part studies the genealogy of the expression *samozvan/ets/stvo* (self-appointment), its original meaning – individual initiative against divine appointment – and its functions in the autocratic political paradigm. The lack of heuristic value of the formulas of “popular, or naïve monarchism,”

* I am pleased to express my thanks especially to Maureen Perrie for her review on my book *Le Tsar c'est moi* [Ingerflom, 2015] (later translated into Spanish and Russian), and the compliments she addressed to it [Perrie, 2019]. Likewise, her unfavourable remarks and also her surprising misunderstanding of some passages of my book convinced me of the need to open a respectful debate about the theoretical and methodological premises *on which* we study Russian history, because they are the ones that ultimately determine the choice and approach to the sources, their interpretations and the conclusions we reach. I also would like to express my enormous gratitude to Olga Domínguez who helped with the translation into English of this text originally written in Spanish.

** *Citation*: Ingerflom, C. (2023). Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 1. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 677–702. DOI 10.15826/qr.2023.2.812.

Цитирование: Ingerflom C. Towards a Conceptual-Historical Critique of the Essentialist and Teleological Interpretations of Russian History. Part 1 // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 677–702. DOI 10.15826/qr.2023.2.812.

the logic of which is to deprive the most oppressed segments of the population of their culture and language, is emphasized.

Keywords: Resistance to power, popular/naïve monarchism, positivist historiography, essentialism, teleology, conceptual history

Автор рассматривает ряд спорных концептуальных утверждений, касающихся интерпретации российской истории. Одним из них является оценка мифа о добром царе как «ложного». Эта дисквалификация сопровождается формулами «наивный/народный монархизм», обозначающими «донаучные иллюзии», которыми якобы руководствовались коллективные движения сопротивления самодержавию. Учитывая то, как массовые представления о царе и власти в русской истории, теоретические предпосылки, на которых основаны вышеупомянутые дисквалификации, влияют на общую интерпретацию этой истории, автор предлагает отказаться от этих позитивистских штампов и подойти к источникам с других теоретических позиций, в частности, концептуальной истории (*Begriffsgeschichte*). По его мнению, необходимо вопреки эссенциалистскому и телеологическому пониманию реконструировать историчность коллективного сопротивления власти в России, поднимая вопрос о содержательности мифа о добром царе в массовом сознании. В этой части работы исследуются генеалогия понятия «самозванец» («самозванство»), его первоначальное значение – индивидуальная инициатива vs божественное назначение, его функции в самодержавной политической парадигме. Подчеркивается отсутствие эвристической ценности выражения «народный», или «наивный монархизм», логика которого заключается в лишении наиболее угнетенных слоев населения их культуры и языка.

Ключевые слова: сопротивление власти, народный/наивный монархизм, позитивистская историография, эссенциализм, телеология, концептуальная история

The Object of the Article

Geschichte zu denken bleibt ein Wagnis,
sie zu be- greifen nötigt immer zum Umdenken¹.

R. Koselleck

Even at present, we often find articles or books in which the “passivity” of the Russian people and, in particular, that of the peasantry is pointed out². This passivity is explained by the “belief of the people” in the inherent goodness

¹ “Thinking history remains a risk, understanding it always requires rethink” (Hereafter translations by the author of this article. – *C. I.*)

² Against the current trend, K. V. Chistov vindicated the value of utopia as a critique of domination: “in the writings of amateurs and some foreign Slavists, vulgar or masochistic-nationalistic stereotypes continue to exist: the Russian peasant was supposedly lazy from time immemorial and outrageously patient” [Чистов, с. 480].

of the tsar. The traditional historiography asserted that this belief was “naïve”.³ An old expression, “the myth of the tsar” was adopted to accompany this “popular belief”, which would extend from the early seventeenth century to the present day, through the cult of Stalin’s personality. The prevailing verdict is: “the myth of the tsar is false” because the monarch was the very real, and the most responsible, perpetrator of the misfortunes of the people [Field, p. 18; Perrie, 1987, p. 2]. Yet both of those categories and the resulting statements raise as many questions as assertions. Given that “naivety” is presented as inherent in the “*traditional* peasant mentality”, how to explain, using these categories, the *changes* in the collective representations of the monarch and power between the 16th and the early 20th centuries? How to reconcile what should be the historian’s central concern – reconstructing historicity, that is, being attentive to discontinuity – with the four-centuries *continuity* attributed to that “mentality”? With what heuristic and theoretical arguments does this historiography take up the evolutionary ethnology of the late nineteenth century when it affirms, today, that a myth “is false” when, for almost a century, the human sciences have demonstrated that myths are neither false nor true? [Wittgenstein]. And more generally: why are the academic categories of a secularized reason applied to systems of thought and action alien to them by cultural or temporal alterity, without precautions or nuances? All of them are questions whose authorship I do not claim: they are part of the debates that we have carried out in the West in the 1970s, but, unfortunately, those debates did not affect or did not sufficiently affect the historiography of Russia, in particular, on popular resistance to power.⁴ The famous “passivity of the Russian people” raises other kinds of questions. *Passivity* compared to what? To the rest of Europe? Are there many European countries in which there were more popular insurrections than in Russia during the 17th–18th centuries and of their magnitude? The *popular* passivity compared to the Russian *nobility*? Let’s put the dimensions of popular resistance and noble oppositions side by side: the revolts of Bolotnikov and the demands of the boyars and the nobles to Shuiskii; Razin and the Conditions submitted to Anna in 1730; “Pugachevshina” and the Decembrist uprising... I am well aware that the claims and situations are not the same, but I am referring to the enormous difference between the human, sociological and geographical magnitude and also the intensity of the respective antagonisms. Popular *naivete*? And here, a doubt overwhelms me: Were Alexei Mikhailovich and Catherine II also convinced in their hearts that they were fighting the naivete embodied in the two gigantic insurrections led respectively by Stenka Razin (1670–

³ I have always argued that the category of naïve monarchism was not epistemologically relevant and led to misinterpretations of popular adherence to false tsars and tsareviches that populated Russian history since the early 17th century [Ingerflom, 1992; Ингерфлом, 1991].

⁴ Regarding what Mark Bevir calls “developmental historicism”, a vision of history marked by evolutionism and teleology, it was recently written that “on Russian soil, the influence of developmental historicism remains predominant” [Олейников, с. 147]. It can be added that this influence is also predominant in the “Western” historiography of popular resistance to power in Russia.

1671) who claimed to be accompanied by the son of the Tsar and in 1773–1775, by Emelian Pugachev, self-appointed Peter III? The popular collective representations were *naïve* with respect to others that would be *scientific*, like the monarchism of the nobility or the ideology of Marxism-Leninism? Finally, there is a historiography to which the permanent (although in different forms and proportions) and popular resistance to each reigning monarch does not lead to a rethink of the meaning and function of “the myth of the tsar”.

However, it is true that the main form of popular resistance to oppression, namely ‘self-appointment’ (*samo-zvanstvo*) – with its underlying interrogation of the authenticity of the *physical* body of the tsar – did not offer the prospects of a change in the political system. It is also true that the representation of the one chosen by God to occupy the throne was mythical. The aim of this article is to show that another interpretation of Russian popular resistance to power is possible. Such an interpretation should be focused on the reconstruction of historicity, i.e., it should be non-evolutionist, non-essentialist and non-teleological. The term *self-appointment* functioned as a keyword from the seventeenth century and, from the beginning of the twentieth century, has been transformed into what Reinhart Koselleck called a fundamental and modern concept: “The concept is connected to a word but is at the same time more than a word: a word becomes a concept only when the entirety of meaning and experience within a sociopolitical context within which and for which a word is used can be condensed into one word” [Koselleck, 2004, p. 85]. Throughout its history, the term *registered* different political-legal structures and at the same time it was a *driving factor* in them. In consequence, its meaning and its functions were ever changing. My thesis is that the transformation of the *word* “self-appointment” into a *concept* signals a fundamental change in Russian political history. This thesis is actually an answer to a simple question, and rather basic for an historical investigation, but which needs to be made explicit because it is very rarely formulated, if ever formulated at all: did the terms *self-appointed* / *self-appointment* have the same meanings at the beginning of the 17th century and three centuries later?

A journey through this *longue durée* forces the researcher to reconstruct the *historicity* of the *keyword* and the semantic and temporal sediments that converged to constitute the *concept* self-appointment. At the same time, the revision of the dominant interpretation of popular resistance goes well beyond the latter. Because of the centrality of self-appointment in Russian political history, this revision affects the understanding of Russian political history *tout court*. Based on historical sources, I will expose the differences between two types of interpretations of popular resistance to power and the dependence of each one of its *theoretical* premises⁵. In fact, all historians work from theoretical premises, either consciously or unconsciously, and

⁵ The conceptual debate that I propose in this article is not made explicit in my book where I have exposed the *practices* called in Russian *self-appointment* between the 17th and 20th centuries: [Ингерфлом, 2020]. To see the complete critical apparatus and the bibliographical references I refer the reader to the French edition.

with explicit acknowledgement or not. I am aware of the mistrust that expressions such as “theoretical premises” generate in some colleagues. Notwithstanding that, I believe, without being very original, that it is indisputable that the methods and conclusions of any research depends on such premises. Let us take an example, to which we will return later, that illustrates the preceding lines and serves as an introduction to the further development of the article. Demonstrations of confidence in Soviet leaders, such as Lenin and Stalin, expressed in letters or workers’ and peasants’ delegations requesting the redress of injustices or improvement of situations, as well as the contrary expressions, such as calling Bolshevik leaders self-appointed or impostors (*samozvantsy*), are traditionally interpreted by the historiography as the result of the continuity of the so-called naïve or popular monarchism that would have been in force for several centuries. This monarchism is an idea that would change its forms but not its semantic core: an idea turned into an essence that would characterize the “mentality” of the Russian popular masses. This statement results from an ahistorical conception of history, that freezes ideas or phenomena, presenting them as fixed features of a country’s history, which means knowing and closing its future: an essentialist and teleological vision, elaborated within the framework of 19th century positivism and which presupposes a historical continuity held in a single linear time. Now, to what other understanding of the phenomenon do we arrive if, instead of positivism, we take into account, on the one hand, that history unfolds in a plurality of different times, which affect the components of a structure – language, beliefs, institutions, etc. – at a given moment in different ways and, on the other hand, we stay attentive to the semantic modifications of the language and to its articulation with the social and political transformations in factual history? These premises command a reformulation of the research topic and lead to radically different conclusions from those obtained by an essentialist vision. The subject of the investigation would no longer be continuity or essence, but factual discontinuity and contingency registered in the use of ancient words impregnated with religiosity, such as self-appointed. So, as the subject of investigation was changed, *naivete* becomes a feature of the historiography, which presents the presence of old words as evidence of continuity, when in fact we are facing a structural discontinuity. Those old words have changed their meaning; now they point to the maximum holder of a power – Lenin, Stalin – that no longer claims the Heavenly as the foundation of its legitimacy, but the earthly and immanent social class struggle. Then, when workers’ assemblies and peasant soviets, the same actors who conquered the political representation in 1905 and universalized the idea of popular sovereignty throughout the empire asked the leaders of the Soviet country for support or denounced them as self-appointed or impostors, they do so, with greater or less awareness, not in the name of the mythological good tsar, but in the name of the popular sovereignty and representation, the two pillars of political modernity, although the language continues to be the traditional, what is explained, let us repeat it,

because history unfolds in a plurality of times⁶. As we see, what is also at stake is the political understanding of the present and its possible horizons of expectations. The contempt for the epistemological orientation, as has been pointed out recently, led to the historicity's ignorance, as contained in the formula "naïve peasant monarchism" [Коновалова, 2008, с. 15]. The disdain for theoretical reflection on the foundations of our discipline undermines its heuristic potential and can lead to significant errors. It is a situation that led Reinhart Koselleck to write an article whose title "Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft", according to the meaning we give to the word *Theoriebedürftigkeit*, underlines the *need* for theory in history science or its *indigence*, or, both at the same time [Koselleck, 2000, S. 309].

What do we mean when we say *self-appointed*?

Only the reference to the present creates real history that arouses lively interest. But the reference to the present often leads to the transfer of categories of the present to the past that are not in keeping with it.

O. Brunner. *Der Historiker und die Geschichte von Verfassung und Recht*⁷

"There are no experiences without concepts and there are no concepts without experiences" [Koselleck, 2006, S. 59]. In a few words, Koselleck inextricably linked social and conceptual history, and affirmed that experiences are embedded in language, but the latter is the one that attributes significance to them. This dialectical relationship makes the transmission of history possible. However, this transmission, in the case of *self-appointment*, raises two difficulties. One, which is visible when we try to explain to the readers who do not know the Russian language, is that neither the Romance languages nor English offer a *common* term as *widespread in common language and equivalent in meaning* to the Russian word *samozvanstvo* (self-appointment). That is, when it is not only a matter of a transparent translation of a signifier but when the operation must integrate the *use* of the signified. This being specified, we must take this absence as an opportunity, a chance that forces us to reflect on what resists a direct translation in the Russian term. The Russian reader might think

⁶ This is the heart of conceptual history that is not reduced to a mere history of concepts. The original is in German: „Die Begriffsgeschichte, wie wir sie versuchen, kann ohne eine Theorie der historische Zeiten nicht auskommen“ [Koselleck, 1972, S. 302]. My translation would be: "Conceptual History as we conceive it, cannot be developed without a theory of historical times".

⁷ Sf.: [Brunner, S. 7].

that the problem of the translation of the Russian word does not concern him. But, and here the second difficulty appears, whether it is a linguistic translation into another language or a *mental transfer into a modern concept network* of the same word and in the same Russian language, this operation reveals an understanding or misunderstanding of a given phenomenon. Paradoxically, in the historiographical debates about the meaning of the term, there is hardly any reference to the sources of the time in which it arose. On the contrary, what we can frequently observe is what Brunner was fighting against: *the transfer of modern definitions to ancient times*. Such transfer ignores the fact that, since the irruption of political modernity, the meaning of many preceding words, ideas and institutions are no longer understandable without a *previous* work of exegesis.

Let's start with the second difficulty. Many scholars within our field know, and are indebted to, the magnificent work published by Chistov in 1967. In the reissue of 2003, the author added a new chapter, one of the sections of that chapter is entitled "On the term *samozvanchestvo*".⁸ The author writes that "it is very important to find out in what sense this term was used and what are the permissible limits of its use when discussing the problems of socio-utopian legends" [Чистов, с. 457]. The subject of that section is an explicit criticism of B. A. Uspenskii, P. V. Lukin and V. G. Korolenko for -according to Chistov- unjustifiably expanding both the type of experiences that the three have called *samozvanstvo* or *samozvanchestvo* (for example: games in which someone disguises himself as tsar) and that of the individuals designated by them as *samozvanets*. In this way, Chistov writes, the "authentic" (подлинное) *samozvanstvo* is lost from sight. Without attempting to summarize the work of these three authors in relation to this topic, it seems to me that what Uspenskii did was to reconstruct the organic articulation between the religious factor and self-appointment, particularly during the 17th-18th centuries, while Lukin analyzed a relationship between self-appointment and the identity of each subject of the tsar during the 17th century. Korolenko, in turn, highlighted the contamination of the entire Russian social organism by self-appointment at the end of the 19th century. The great contribution of these authors is to have demonstrated parts of the mechanism that unites Russian orthodoxy, Russian political culture and everyday life to self-appointment in clearly *defined historical times*. Chistov opposes them with a notion of the "authentic self-appointment", "exactly (*tochno*)" defined according to him in the *Ushakov Dictionary*, published in 4 volumes between 1935 and 1940: a) "A self-appointed [person] is a person who arbitrarily or illegally appropriated someone else's name, title, posing as someone else" or b) "An epithet of a person who appropriated the name of a king or someone from the royal house in the struggle for political power"

⁸ The lack of consensus on the meaning of the terms, *samozvanets*, *samozvanstvo* and *samozvanchestvo* in Russian historiography was recently analyzed [Обухова, с. 21-42]. The subtleties that distinguish *samozvanstvo* and *samozvanchestvo*, which gave a rise to a debate between Russian authors, is a matter outside the purpose of these pages.

[Чистов, с. 460]. A look at Russian penal codes shows that Ushakov took up the language and definitions of *Razdel IX, glava II Ulozheniya o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* (1845) and several articles as the 1415 of *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* (ed. 1885), the 134 of *Ugolovnoe ulozhenie* (1903) [Малянтович, Муравьев, с. 101–102, 162–163], and, to a certain extent, of articles 91 and 77 of *Ugolovnyi kodeks RSFSR* (1922 and 1926), respectively. These articles were taken up to define the crime of *samozvanstvo* in article 194 of *Ugolovnyi kodeks RSFSR* (1971). That is, the *Ushakov Dictionary* conveys the conception that the late imperial and Soviet political powers wanted to impose on the term self-appointment. As it is well known, the Law and its codification are not *the* truth but always an expression of interests and are historically determined. On the other hand, if we consider the distance between official legal documents and social and political reality, the meaning of the term is revealed to be much broader and is not limited either to the sphere of utopian thought. Indeed, we know that the actors of the same time in which the penal codes were drawn up understood self-appointment in a much broader sense, as demonstrated, among others, by the peasant from a military village who, in front of Nicolas I, blurted out his claim of the latter not being the authentic emperor but a landowner in disguise (we will return to this case). But it is not just about popular discourse: the “exact” definition of the “authentic” self-appointed figure, as advocated by Chistov, does not correspond to the meaning of the word since it appeared in the 17th century. Thus, the first record that I know of, in Timofeev’s *Vremennik*, associates the false Dimitri, Godunov and Shuiskii under the same accusation of self-appointed, even though *the last two did not impersonate other people*. The same goes for Stalin, who was regularly accused of being a self-appointed.

Similar difficulties arise in translations from Russian. For example: “A pretender (*samozvanets*) is literally a ‘self-styled’ (*samozvannyi*) tsar or tsarevich, that is, someone who has falsely adopted a royal title or identity” [Perrie, 1995, p. 1, fn. 1]. I am grateful to Maureen Perrie for having called my own translation of ‘*self-appointment*’ [Ingerflom, 2013] “clumsy” [Perrie, 2019, p. 858, fn. 8], thus, inviting me to explain my choice. Perrie uses “impostor” for the false tsareviches of the Time of Troubles because it “is perhaps the more correct translation”, although she finally decides to “follow established custom and practice in using ‘pretender’ along with ‘impostor’ as English equivalents of *samozvanets*” [Perrie, 1995, p. 1, fn. 1, 6, 247; Perrie, 2006, p. 8, 422, 615; Perrie, 2014, p. 136]. But these terms do not necessarily convey the religious dimension, which is a *constitutive and defining component* of the Russian original. In the interpretation of self-appointment and its indissoluble relationship with religiosity there is a before and an after the famous article by Boris Uspenski [Успенский]. Today, I believe, there is no researcher who refuses to affirm that religiosity was an important factor in Muscovy. However, if, in parallel, the sense of the language of the time is not

respected and it is secularized instead, the aforementioned affirmation is emptied of content. Thus, the imprecise translation cancels the necessary correspondence between the interpretive framework used by the historian and the historical actor's intended meaning when using that language. That specific language was an indicator of, and a factor in, the theological-political context of the time and, as such, it was this language that gave meaning to events. The terminology about "false tsars and tsareviches" used in the 17th–18th centuries, and to a large extent in the 19th century as well, inhibits their secularization. To think of these events as pretenderism and imposture constructs an object alien to the relations of culture and power that gave birth to the phenomenon we are dealing with. The pretension of having been appointed by God and the religious vocabulary ("apparition", "revelation" and others) of the magical rites sometimes used to verify the authenticity of self-appointed [Ingerflom, 2000, p. 103–112] by the population form a semantic field ignored by the established translations, *whose language blocks other possibilities for thinking about the Russian experience.*

Now, why did I choose "self-appointed"? In some English translations of the Bible, *appointed* is used to indicate divine designation⁹. North American exegetes have insisted on the fact that "appointed", in contrast to the "ordained", "always contains the notion of an ordering, arranging, setting or appointing *from without*, that is, from a source *other than the individual himself*. <...> In other words, their faith was *not self-generated*" [Ritenbaugh]¹⁰. I do not claim that self-appointment is a unique translation. But it seems to me to be faithful to the meaning of the Russian signifier since the Time of Troubles of the early 17th century and whenever the alleged divine legitimacy of the monarch was at stake in the following centuries. A correct translation should primarily convey the idea that self-appointed "names himself *instead of being named by God*". But, over time, the self-appointed became sociologically very broad, with diverse practices and aims, and included mystification. In this case neither the accusation nor the self-justification necessarily referred to the Heavenly. There are examples of mystification without religious reference in the seventeenth century, but its use expands dizzily from the late nineteenth – although this may be partly a product of the state of the sources – while still coexisting with those connoted by religion.¹¹ To capture this sense of mystification, also designated in Russian as *samozvanstvo*, the translation *imposture* is justified. But that is not all, because, as we will see, there is a radical difference between the *word* "samozvanstvo", in the sense of imposture, used in the 19th century and the *concept* "samozvanstvo" also understood

⁹ "There is no authority except from God, and the authorities that exist are appointed by God" (Romans, 13 : 1); «And as many as had been appointed to eternal life believed» (Acts, 13 : 48).

¹⁰ The italics are mine.

¹¹ See cases in [Короленко, p. 3; Kivelson, p. 190–192; Ингерфлом, 2020, с. 276–280; Ingerflom, 2015, p. 334–338].

as imposture, in the 20th century. The historian is obliged to reconstruct historicity, identifying what Koselleck, in a geological metaphor, called *semantic-temporal sediments*: layers of experiences and events that constitute themselves and move in different times and directions, changing the historical fault lines [Koselleck, 2018].

Before exposing the religious sediment, let us summarize the preceding pages around two topics: historiography and the problems we must face in building another way of tackling popular resistance. As we saw, traditional historiography postulates that the terms *samozvanets* and *samozvanstvo*, and what they mean, are defined by a core of constant and invariable definitions, thus giving reason to Nietzsche: “Definierbar ist nur was keine Geschichte hat”.¹² Both terms could only be defined because they were deprived of historicity: the slight changes that traditional interpretation detects are adaptations that do not alter that core¹³. It is a historiography that, through a work of erudition and accumulation of data of great value, is concerned with verifying the continuity and recurrence of self-appointment throughout the various periods of Russian history. Self-appointment emerges as an idea with a life of its own, independent of the politico-social systems of the time. As is well known, the Cambridge School, also called “Ideas in Context” since its 1969 liminal manifesto, was constituted largely and explicitly against this idealist Anglo-Saxon History of Ideas, paradigmatically elaborated by Arthur O. Lovejoy [Lovejoy, 1940, p. 3–23; Lovejoy, 1953], which ignores the *use* of ideas and the *role of actors* [Skinner]. In turn, the German *Begriffsgeschichte* was constituted against the theoretical assumptions of that paradigm, and against Friedrich Meinecke’s *Ideengeschichte* [Koselleck, 2011]. Indeed, since semantics always refers to that which is outside language, the temporal relationship of the semantics of concepts with the factual history is close, either simultaneously with their changes or because it anticipates or synthesizes them [Koselleck, 1987; Gadamer]. The timeless definition of the concept forgets that there is always a surplus, either factually with respect to language or vice versa. The sign, i. e. the word, can persist through the ages and even retain its meaning, which allows it to be defined. But when it changes radically and fulfills the double function of registering a new historical structure and, at the same time, being a driving factor in it, then we are talking about a concept. With this distinction between word and concept, *Begriffsgeschichte* prevents the fixation of its object and the freezing of history. The second topic concerns language: the categories as well as the concepts that we use can cause cognitive distortions and as we have already said, *block other possibilities to read the sources*, or, on the contrary, *unlock* the field of interpretations and leave it open to be fertilized by historicity.

¹² “Only what has no history can be defined” [Nietzsche, p. 53].

¹³ “Popular monarchism” remained “itself in virtually unchanged forms over some four centuries”, which “suggests that it belonged to a realm of ideas largely independent of mutable socio-economic or political-administrative structures” [Perrie, 1999, p. 167].

Individual “initiative” vs “Divine appointment”

Христолюбивому и богом утверженному государю великому князю Ивану Васильевичю всея Руси... исходиши противу оному окаанному мысленому волку, еже глаголю страшливому Ахмату... *самому называющуся царю!*

Vassian Rylo to Ivan III (1480).

To the Christ-loving and *God-approved* sovereign Grand Duke Ivan Vasilyevich of all Russia... come out against the wicked wolf as I call Ahmat, the *self-appointed* tsar.

[*Italics are mine*]

Let us now turn to the sources. The term *samozvan*, known at least since the 11th century, had different but closely related meanings.¹⁴ As the source cited in the epigraph shows, in the theological-political genealogy of the term *samozvanets*, relating to the figure of the monarch, the self-appointed is the one who is not appointed by God, in opposition to Ivan, but who has divine appointment.¹⁵ Although in Russian historiography *samozvanets* is usually used for the false tsareviches of the Time of Troubles, I have found only two occurrences of this term in sources from that period.¹⁶ The early seventeenth-century chronicler of the Troubles, Ivan Timofeev, says that Godunov and the false Dimitri are “self-appointed new apostates who have renounced God and the fair faith (*самозванным новобогоотступником от правоверия*)” [Тимофеев И., с. 32 (“самозванных”), 98 (“самозванным”)],¹⁷ because “they do not belong to the lineage that has received the grace of God (*neblagoslovna korene*), they are not His chosen ones”. Two close signifiers, *самонаназначенный* (self-designated) and *нововонарекшагося* (called by another [a new] name), were applied to the first and the fourth false Dimitri.¹⁸ All these

¹⁴ “By his own will” “appointing himself”: «По своей воле», «Пришедший без приглашения» [Ягич; Книга степенная, с. 643]. Princess Olga is *samozvannaia* because she had decided on her own will to go for the baptism [Книга степенная, с. 31]. One can also be a martyr by choice [Там же, с. 276]. See also: Olga, “*istinniaia Khristova uchenitsa samozvannaia*” [РНБ. Собр. Погодина. № 744. Л. 69].

¹⁵ «Самому называющуся царю» [Памятники литературы Древней Руси, с. 530].

¹⁶ Certainly, the word *samozvanets* appears in many published sources, but it has been inserted into their titles by later editors of these texts, for example: [Дополнения к Актам историческим].

¹⁷ The manuscript was discovered in 1834. I am grateful to Professor Iankel Solodkin for dating the paragraphs: the first was written after 1608 and the second one between July 1611 and mid-1612.

¹⁸ *Ordo* of the coronation of Vasiliu Shuiskii, [Акты, собранные в библиотеках и архивах, с. 94; Памятники литературы Древней Руси, с. 160].

expressions demonstrate that legitimacy was played out in a primarily religious sphere: the false (*лже / ложный*) or self-tsar (*самоцарь*) is a falsely anointed (*лжехрист*), incarnation (*оболкся в плоть*) of the heretical Antichrist, “apostate, criminal, (*отступник / вор* – the most common), precursor of the enemy of God, the Antichrist (*предтеча богоборного антихриста*), “follower of the Antichrist” (*последователь же стопам антихристовым*), demonic seducer... [Тимофеев И., с. 66, 72, 83–88, 111, 122, 124; Сказание Авраамия Палицына, с. 108, 110, 117, 121, 123, 126, 131, 205–207, 219].¹⁹ Godunov is a false tsar, tsar-slave (*рабоцарь, рабоименного царя*) just like Shuiskii, who was not chosen by God but instead chose himself (*самоизбранна без Божия*), and not by the assembly of Russian cities (*по общаго всеа Руси градов людцакого совета*), but by his own will (*самоизволне*): he is a self-crowned (*самовенечник*) tsar [Тимофеев И., с. 32, 95, 100, 101]. Like the False Dimitri, the two crowned themselves on their own initiative. They appointed themselves [Сказание Авраамия Палицына, с. 110, 205, 207, 219, 221; Тимофеев И., с. 122; Памятники литературы Древней Руси, с. 136, 140, 146, 330, 340, 366, 374, 383, 388]. Shortly after the end of the Times of Troubles, in the Chronicle of Pskov, Sidor, the fourth false Dimitri, who had acted in Pskov, has his region referred to as “new self-called” (“*novonarekshagosa*”). In contrast, Mikhail Romanov is a true monarch: he was not appointed (*зван*) by men, but by God.²⁰ A false monarch was one whom God had not appointed. The opposition formulated by Vassian Rylo between the individual will and the divine will was still valid, harbouring semantic potential and pragmatic possibilities that were gradually released: the verb acquired such weight in the political reality that the action – “was named” – gave rise to the noun and adjective self-appointed, which had not been possible before the Time of Troubles.²¹ The subjects of political action, still subsumed in religiosity, were no longer just the great, but ordinary human beings.

¹⁹ In other examples [Сказание Авраамия Палицына, с. 208, 210, 211, 219] it is a question of the false Dimitri II (“*Lzhe-Khrist zhe, naritsaasia Dmitriem tsarevichem, zhivyi v Koluge*”) [Там же, с. 210] or of Sidor of Pskov, who had not been anointed. In this case, the formula “false Christ” is not exempt from a certain ambiguity: these two false Tsarevichs can only be “false anointed” insofar as they are also “false Dmitri I” (anointed and therefore false-anointed since he was anointed by the devil and the demons and not by God) [Акты времени правления царя Василия Шуйского, с. 1, 28–29, 47, 65, 77, 80, 187–188, 197, 244; Дополнения к Актам историческим, с. 255–256, 259; Памятники литературы Древней Руси, с. 136, 140].

²⁰ «Михаила, воздвигена Богом... зван бо не от человек, ни человеки» [Тимофеев И., с. 160]. See also: “*ne chelovek, no voistinnu ot boga izbran velikii cei tsar i gosudar*” [Сказание Авраамия Палицына, с. 233].

²¹ The use of the word increased slowly over the course of the century. Examples: (Most before 1627) [Дмитриевский, с. 169; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, с. 424–426, 429–430; Дело Т. Анкудинова, с. 105, 110, 152; Акты исторические, с. 528–530; Собрание государственных грамот, с. 325]. Thanks to Andrei Iurganov, Pavel Lukin, Gyula Szvák and Oleg Usenko for generously providing these references.

Previously, the only subjects of political action had been the great boyars and nobles. The irruption of several self-appointed with the groups that surrounded them changed the political scene. The emergence of ordinary people in the role of subjects of politics, meant a historical change that was registered by a new term: *self-appointed*, a keyword that synthesized a nascent political reality.

The place and functions of the leading concept *self-appointment* in the autocratic political paradigm

The political concepts have to acquire a higher degree of generality, in order to be key concepts (*Leitbegriffe*). They now aim to speak simultaneously to people of most different living spaces and most varied strata with often diametrically opposite experiences. The concepts become catchwords in their use

[Koselleck, 2006, S. 84]

From an onomasiological perspective, the set of meanings attributed to the false tsars/evichis of the Time of Troubles was finally recorded in the keyword *self-appointed*. Dimitri was the first²² of a large and multi-secular series of self-appointed tsars. Its *longue durée* and social reach indicate that it was the autocratic system that made *self-appointment* structurally possible. The word, *samozvanstvo*, shares with *samoderzhavie* (autocracy) not only the prefix, but also a set of political practices that accompanied the history of autocracy, and of which *samozvanstvo* gradually appropriated: the appointment by the Heavenly in a secret and direct relationship, a strategy to render the difference between the false and the true indeterminate²³; an inversion of norms that prevents the operation of positive legal criteria to judge the legitimacy of the monarch's conduct; the identification of the monarch with Christ or with the Antichrist as a consequence of the demand for loyalty understood as a religious belief [ЖИВОВ]; the possibility left open by Peter the Great for persons outside the dynasty to occupy the throne.

²² Dimitri was the first to aim for the Moscow throne. In the Cossack lands, he was only a relative novelty. Between 1490 and the first third of the 17th c. about twenty false monarchs pretended or occupied the Moldavian throne, often thanks to the Cossacks coming from the same regions from which many of the troops of Dimitri, Razin and Pugachev would be recruited, [Ингерфлом, 2020, с. 42–44; Ingerflom, 2015, p. 57–65].

²³ False genealogies of the tsars, their titles and the boyar clans, the disguises of Ivan IV, Peter I and their respective entourages during official ceremonies, Ivan IV's false resignation to the throne, the false naming of tsars by both monarchs and the exchange of roles between monarchs and boyars. This could sometimes be presented as burlesque, but it always anticipated governmental decisions consisting of real political acts. On the strategy of "disguise" see: [Успенский].

The pair *samozvanstvo* – *samoderzhavie* entered into a relationship with a third signifier which has the same root – *samovlastie* (*samo* = self, *vlast'* = power) – thus forming a semantic network in which the meaning of each one was conditioned by that of the other two. *Samovlastie* emerges in theological debates and refers to the government of men without allusion to legal rules. It was used literally to designate the power of a man who behaved as if he himself were the source of power: the autocrat (*samoderzhets*). [Московский летописный свод, с. 72; Софийская первая летопись, с. 126–127]. Through Adam, God had granted mortals freewill (*svoevolie*): the ability to choose between good and evil [Клибанов, с. 139–140, 142, 155–157, 162, 193–196; Памятники литературы Древней Руси, с. 538]. Adam's fall provokes a dispute: do we have the divine gift of free choice in a direct relationship with God or through the Church and the prince? [Юрганов, с. 260, 271]. In the Muscovite Chronicles, Yaroslav the Wise and Andrei Bogoliubskii were called *samovlastietsy* [Илиева, с. 87]. The first Tsar, Ivan IV, dissolved the conflict in favor of the monarch, the only one who possesses the freewill that allows him to reward and punish the sinner [Послания Ивана Грозного, с. 230, 243–244; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, с. 39; Юрганов, с. 273–274]. Punishment, in this divine context, carried a particular benefit because when God punishes, even with death, He saves the sinner. To attribute to the tsar the ability to act like God allowed him to come as close as possible to Him: he was *similar in power*. But in contrast to the tradition originated with Agapetus in Byzantium [Kantorowicz]²⁴, the practice of Muscovite power, in particular that of Ivan IV, opened a mental space for an unstable balance between the different and the similar. The connection between *samoderzhavie*, *samozvanstvo* and *samovlastie* was indissoluble, but conflicting. The people's revolt was contemptuously labelled “*samovlastie* of the slaves” [Тимофеев И., с. 113]. A major change in this usage took place in the 18th century, at which point it was the autocrats themselves, the *samoderzhets*, who defined their power as *samovlastie*. Meanwhile, the disgruntled complained that the monarchs were allowing themselves to *samovlastvovat'*, that is, to exercise a self-power not delegated by God. Regularly revived, the *samoderzhavie* (autocracy) – *samovlastie* (self-power) – *samozvanstvo* (self-appointment) paradigm was the theological-political foundation of tsarism.

As a keyword and as a set of practices, self-appointment functioned as the *indicator* and as a reality-transforming *factor* of the paradigm. I am referring to the set of phenomena that the Russian language covers with the polyvocal noun *self-appointment*, without distinguishing instances in which the divine is invoked from those where mystification is based on secular disbelief, nor splitting *samozvanstvo* into social-political and com-

²⁴ According to Agapetus, the monarch has a double nature: his mystical, political body and his physical body, though both are well defined.

mon forms of crim.²⁵ *Self-appointment* functioned as a weapon, loaded with *historically different contents*: used by the tsars against their doubles and by the people to accuse the former of despotism and, as we will see later, to condemn the Soviet regime for rejecting political representation.

Clarification of the functions of the concept is worthwhile. Within self-appointment, the protest factor had the greatest impact. Let us put Kliuchevskii in dialogue with Foucault. “Self-appointment became the stereotypical form of Russian political thought, the form taken by all social discontent” [Ключевский, с. 333], wrote the Russian historian. The philosopher generalized to the historian: to make power relations visible, let us take “as a starting point the forms of resistance to different kinds of power” [Foucault, p. 225]. Research confirms the accuracy of the Foucauldian thesis: the form of resistance represented by the self-appointment as indicator and factor, makes the functioning of autocratic power visible, provided that its historicity is reconstructed in order to avoid any essentialist, ahistorical temptations, such as those conveyed by the expressions “the monarchism inherent in the peasantry”, the “peasant mentality” and others [Lloyd].

“Popular naïve monarchism”

I beg you, once again, never to send
me anything from those who do not
ingenuously seek the truth.

Descartes to Mersenne. 12 October 1646

The traditional approach has simplified the analysis of the collective representations of the tsar, calling them “naïve monarchism”. In Soviet times, the reference to the “ideology or consciousness of the peasantry” had to be accompanied by the so-called “Leninist characterization”: the “naïve monarchism” of the peasants [Konovalova, 2010–2011]. Lenin’s political comments without any ambition of a conceptual systematization [example: Ленин, с. 425–426] were transformed into a hermeneutical category. As it has already been shown, Lenin’s reference to naïve monarchism was inserted into the positivist scientific tradition [Коновалова, 2008, с. 15]. This category belongs to the conceptual arsenal of the Enlightenment whose inherent inability to recognize otherness is well known [Ингерфлом, 2003, с. 68]. Nevertheless, the epistemological critique of the category “naïve monarchism” is far from unanimously accepted in the historiography. Some authors use it as valid and scientifically relevant [for example: Антипов, с. 89; Пихоя, с. 174–175, 177, 192–194; Мамопова; Донских, с. 123].

²⁵ In the West, the transition from the marvelous-religious to the delusion of incredulity occurred in the early 17th century [Zemon Davis]. Deception by disbelief also occurred in Muscovy, but those claiming to be the real tsars invoked the divine until the 19th century.

Other authors employ it, but indicate that, in some cases, there was little or no naivete at all [Карапетян, с. 7; Савельева; Field, p. 214; Филд; Perrie, 1995, p. 249].²⁶

However, in his anthological article of 1988, Nikolai Pokrovski, probably aware of the fragility of the adjective “naïve”, put it between quotation marks, while also adding, without quotation marks, the adjective “popular” (‘naïve’ popular monarchism»). The author sought to contrast this “naïve’ popular monarchism” with “official monarchism” and, thus, designate the collective representations of the tsar, which convey the idea that, if he is the authentic one, he is benevolent [Покровский, с. 25]. At the same time, since the late 1980s, several historians have highlighted the epistemological inconsistency of the category “naïve monarchism”.²⁷ In its place the category “popular monarchism” spread in reference to the beliefs held by the peasantry and the lower social sectors in relation to the tsar [Терехова, с. 39]. The critique of “naivete” lay the groundwork for restoring the historicity of collective representations of power. In this same process of overcoming essentialism, I propose a new step: to ask ourselves to what extent, in the *use* of the new category, the replacement of the signifier “naïve” by “popular” is accompanied by a change in their respective signified. The reason for this concern is the following: how to justify the opposition between “naïve” and “popular” if it is claimed that popular monarchism is founded on tsarist illusions. In Western historiography, Maureen Perrie also preferred the expression “popular monarchism” instead of “naïve monarchism”, but this shift, as is clear in her explanation, means characterizing the “popular” as “naïve” : “A number of more recent scholars have associated pretense with ‘popular monarchism’, the naïve faith in the benevolence of the tsar towards the common people (*narod*)” [Perrie, 1995, p. 2]. So, popular monarchism is naïve and naivete would be what distinguishes popular monarchism from that of the literate, ecclesiastical and political elites. A vicious cycle takes

²⁶ Regarding *circumstantial cases*, Perrie and Field consider that the “peasants were not naïve” but they maintain “naïve monarchism” as a hermeneutical category [Perrie, 1995, p. 249; Field, p. 214]. However, cases of the “not naïve” were so frequent that their exceptionality of the “not naïve” becomes problematic. There are also examples of “utopian legends” in which there are not even traces of monarchism [Чистов, с. 463]. There were *samozvantsy* who “revealed” themselves in the districts where they were born, others were known to the inhabitants, and there were those who took the name of the same monarch and acted simultaneously in the same region. Pugachev’s “court” was composed of atamans who were well known to the troops but who bore the names and titles of the dignitaries who seconded Catherine II, while the “Cossacks, colonels and generals” who dispensed justice in the seized villages were often Tatars or peasants from the same region, and known to all. And how to reconcile the supposed faith that Pugachev was really Peter III when other participants in the revolt, such as the ataman Pyotr Evseev also self-appointed Peter III in *his own village* and in the surrounding region, and who was addressed by the peasants as if he were the monarch? Simultaneously with the insurrection, in the Tambov region, the peasant Iev Mosiakin, proclaimed himself Peter III [Сивков, с. 120–122; Коган, с. 222–224; Миронов, с. 134; Ингерфлом, 2020, с. 252–253; Ingerflom, 2015, p. 308–310].

²⁷ Some examples cited in chronological order of publication, without any claim to completeness [Андреев, 1995, с. 8; Ingerflom, 1992; Ingerflom, 1996; Андреев, 1999, с. 10; Лукин, с. 29–32; Кедров; Терехова; Мауль, 2017; Коробков, Королев, с. 44–45].

place which invalidates the usefulness of replacing “naïve monarchism” by “popular monarchism”. Without quotation marks, the formula naïve popular monarchism is nowadays commonly used [Инсаров]. Pokrovskii was undoubtedly right in making explicit the equivalence between “naïve” and “popular” by grouping the two terms in a single formula. Viktor Maul broke that vicious cycle and offered a true perspective for reflection when he eliminates the ahistorical “naïve” component: “In the context of monarchical mythology, the tsar is not just the vicar of God on earth, but also the guarantor of the immutability of the order established by him” [Мауль, 2017, с. 225]. I agree with this recovery of the myth – I will return to this below – but, that function of guarantor of immutability was shared by most Russians, from slaves to Prokopovich, Uvarov and Alexander III. In other words, Maul confirms a consensus that far exceeds what historiography understands as “popular”. Indeed, he not only invalidates the adjective “popular” and with it the category “popular monarchism”: he also surpasses it by directing the reflection towards the question of myth.

There are also other reasons for us to distance ourselves from the term “popular.” It is used in two very widespread formulas. The first is “*popular illusions*”. The traditional interpretation does not cease to describe “*popular hopes*” in the Tsar as “illusory”. Scholars were right in pointing out that belief in the benevolent tsar was not the monopoly of the popular sectors [Field, p. 14–15; Perrie, 1999, p. 160]. Why should “peasants’ monarchist beliefs” be any naïve or more illusory than those of high dignitaries such as a Count Golovkin officially addressing Peter I in the words of the Prayer of the Trisagion of St. John Chrysostom: “You have brought all things into being out of nothing” is something that the historiography that affirms the naivety or illusory of the popular beliefs has not yet explained.

The second formula is “popular culture”, whose impasses have been signaled [Chartier]. This category has been the subject of debates, which have shown that there are eras, civilizations and items in which the division between “popular” culture and literate or elite culture does not work. Natalia Gurianova demonstrated that the monarchism of the old-believers in the 17th–19th centuries, both in their references to the Scriptures and in their interpretations, practically coincides with that of the political-ecclesiastic elites and distinguished religious intellectuals. According to Gurianova, what distinguishes the monarchism of the old-believers and intellectuals like Rozanov, from the monarchism of the elites as in the case of Prokopovich or Pobedonovtsev, is that the former admits the possibility of criticizing the concrete tsar or his policy. Despite this difference, there is a culture *common* to every “Russian individual”: a tsar is the animated version, living image (*odushvlennyi obraz*) of God and not only his lieutenant on Earth. However, Gurianova designates this culture as a “popular variant” of monarchism – since it harbors the possibility of denouncing as a personification of the Antichrist the tsars that it does not consider pious – though she immediately adds that it is a “conventional denomination” [Гурьянова]. The caution is understandable: it is a convention that does not seem the most appropriate

to the panorama described by Gurianova: a common representation of the tsar in the abstract, and of the tsarist institution that is not exclusive to the sectors to which the term “popular” refers.

If the object of investigation is a predominantly common culture, the adjective “popular” tends to be confusing. Conversely, if the adjective “popular” was used to differentiate a particular culture, other problems would arise since that would imply the emergence of comparisons. But with what other forms of culture? What would be the relevant oppositions? Maureen Perrie explained that the adjective “popular” refers to peasants [Perrie, 1999, p. 156]. Regardless of the author’s will, the use of the expression evokes the idea of a cultural hierarchy: high / low – and its variant highbrow / lowbrow, elite / mass, scholar / popular, legitimate / non-legitimate, cultivated culture / popular culture, cultivated / vulgar, etc. [Pasquier, p. 61; Fabiani]. Then, what does the use of the formula lead to if not stripping the culture and language of the most humble and oppressed people of all social value. Let us summarize: first, it seems to me necessary to reject the dependence that ties the representations of the tsar to social differences: the former are not the ideological translation of the latter, especially in the case at hand, when entirely immersed in the religious sphere [Тимофеев Д. В., с. 35, 44]. Second: the way in which the term “mentality” is usually used does not take into account social practices, the experiences of resistance and the creative capacity of the subjects, that is, of what elements produce diversity and discontinuity, thus, breaking the apparent homogeneity. It is a use that ignores them doubly: as moments of discontinuity, which historiography freezes with the word “tradition”, and as producers of changes in a collective vision of the world and, in particular, of power. The sources repeatedly illustrate the changes in collective representations, thus rejecting the replacement of historicity by essentialism, as conveyed by the categories “popular culture” or “peasant mentality”.

Библиографические ссылки

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собр. и ред. А. М. Гневушев. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. XVIII, 421 с.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1842. Т. 4. 592 с.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 15 т. СПб. : Тип. П. А. Кулиша, 1861. Т. 3. 604, 131, 22 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1836. Т. 1. 548 с.

Андреев И. Л. Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. С. 110–117.

Андреев И. Л. Самозванство и самозванцы на Руси // Знание – сила. 1995. № 8. С. 46–56.

Антипов В. С. Формирование доктрины просвещенного абсолютизма // Метаморфозы истории. 2015. № 3. С. 84–101.

Гурьянова Н. С. Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма //

Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / отв. ред. Е. М. Юхименко. М. : Языки рус. культуры, 1999. С. 126–149.

Дело Т. Анкудинова. Европейский авантюрист из Московии / под ред. Д. Свака ; подг. текстов, коммент. Д. В. Лисейцева. Будапешт : Russica Pannonicana, 2011. 166, 148 с.

Дмитриевский А. А. К трехсотлетию юбилею Астраханской епархии (Житие Феодосия Астраханского) // Труды Киевской духовной академии. 1903. Т. 2. С. 145–171.

Донских О. А. Сибирь – проблема формирования целостности мегарегиона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1, № 1 (31). С. 118–127. DOI 10.17212/2075-0862-2017-1.1-118-127.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1846. Т. 1. III, 400, 18, 14 с.

Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. : Языки славян. культуры, 2002. 758 с.

Ильева И. Й. Владетельский титул московских великих князей (с середины XV до первой четверти XVI в.) // Bulgarian Historical Review. 1984. № 2. С. 75–87.

Ингерфлом К. Аз емь царь. История самозванства в России. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 448 с.

Ингерфлом К. Между мифосом и логосом: действие. Рождение политической репрезентации власти в России // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного : в 2 кн. / отв. ред. А. О. Чубарьян. М. : Наука, 2003. Кн. 2. С. 65–96.

Ингерфлом К. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) // Реализм исторического мышления : чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского, Москва, 27 января – 1 февраля 1991 г. / отв. ред. В. А. Муравьев. М. : Моск. ист.-архив. ин-т, 1991. С. 99–100.

Инсаров М. Народная воля // Самиздат : [сайт]. 2006. URL: http://samlib.ru/m/magid_m_n/narodwill.shtml (дата обращения: 23.08.2021).

Караетян Л. А. Конституционализм российских либеральных партий в контексте политико-правовой культуры на рубеже XIX–XX вв. М. : РАП, 2012. 378 с.

Кедров Н. Г. Сталинизм и крестьянство: социологический аспект // Россия и современный мир. 2010. № 2 (67). С. 124–137.

Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М. : Аспект Пресс, 1996. 368 с.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М. : Олма Пресс, 2004. 830 с.

Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей : в 15 т. 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908–1913. Т. 21. Пол. 1. 350 с. Пол. 2. 370 с.

Коган А. Н. Распространение самозванства в русской деревне в период Пугачевского восстания // Уч. зап. Куйбышев. гос. пед. и учит. ин-та. 1943. Вып. 7. С. 217–225.

Коновалова Н. А. Наивный монархизм: научная судьба одного историографического термина // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ : Ін-т історії України, 2010–2011. Вып. 5. С. 430–438.

Коновалова Н. А. Очередное понятие, оказавшееся «неудобным», Или почему крестьянский монархизм стал «наивным» // Исторический ежегодник (Омск). 2008. Вып. 2. Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования. С. 13–19.

Коробков Ю. Д., Королев Н. С. Ментальные основы социально-политического развития современного российского общества // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2, № 3. С. 43–52.

Короленко В. Г. Современная самозванщина // Короленко В. Г. Полн. собр. соч. : в 9 т. СПб. : Изд. А. Ф. Маркса, 1914. Т. 3. С. 271–368.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1973. Т. 16. 697 с.

Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М. : Наука, 2000. 292 с.

Маянгович П. Н., Муравьев Н. К. Законы о политических и общественных пре-

ступлениях. Практический комментарий / сост. Н. Н. Полянский, А. Ю. Рапопорт, И. С. Урысон. СПб. : Изд. юр. кн. скл. «Право», 1910. 862 с.

Мауль В. Русский бунт как актуальная проблема современной гуманитаристики: источники, методы и перспективы изучения // История: факты и символы. 2017. № 3 (12). С. 28–34.

Мауль В. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 1. С. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.

Миронов Б. Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин. Т. 2. 582 с.

Московский летописный свод конца XV века. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 464 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 25.)

Обухова Ю. А. Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории (по материалам XVIII столетия). Тюмень : ТИУ, 2016. 200 с.

Олейников А. Радикальный историзм на русской почве // Жить историей и думать о будущем : сб. ст. и материалов к 60-летию К. Н. Морозова / сост. А. Ю. Морозова, А. Ю. Суслов. М. : [Б. и.], 2021. С. 145–155.

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М. : Худож. лит., 1982. 688 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. : Наука, 1981. 631 с.

Пихоя Р. Г. Записки археографа. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 475 с.

Покровский Н. Н. Томск, 1648–1649. Новосибирск : Наука, 1989. 385 с.

Послания Ивана Грозного. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 716 с.

РНБ. Собр. Погодина. № 744.

Савельева М. Ю. Феномен самозванчества и особенности народного восприятия власти в России XVII–XVIII вв. // Russian studies in History in the 21st Century / ed. by G. Szvák. Budapest : Russica Pannonica, 2017. P. 140–147.

Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 88–135.

Сказание Авраамия Палицына. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 344 с.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел : в 5 ч. М. : Тип. Н. С. Всеволожского, 1828. Ч. 4. 161 с.

Софийская первая летопись. Вып. 1 // Полное собрание русских летописей : в 15 т. 2-е изд. Л. : Изд-во РАН, 1925. 240 с.

Терехова С. А. Революционеры-народники и идея «народного монархизма»: на примере «Чигиринского заговора» : дисс. ... канд. ист. наук. Сургут : [Б. и.], 2016. 276 с.

Тимофеев Д. В. Варианты решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX в.: опыт сравнительного анализа «Недозволенных речей», прошений и дворянских проектов // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 34–46.

Тимофеев И. Временник. СПб. : Наука, 2004. 427 с.

Успенский Б. А. Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. М. : Наука, 1982. С. 201–235.

Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 8. М. : Изд-во МГУ, 2002. С. 110–115.

Чистов К. В. Русская народная утопия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М. : МИРОС, 1998. 447 с.

Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1886. СXXXVI, 244, 609 с.

Brunner O. Der Historiker und die Geschichte von Verfassung und Recht // Historische Zeitschrift. 1969. Bd. 209, H. 1. Aug. S. 1–16.

Chartier R. Culture Populaire: Retour sur un concept historiographique. Valencia : Centro de Semiotica y Teoria del espectaculo, 1994. 19 p. (Eutopias, 2a epoca. Documents de travail. № 52.)

Fabiani J. L. Peut-on encore parler de légitimité culturelle? // Le(s) public(s) de la

- culture / dir. O. Donnat, P. Tolila. Paris : Presses de Sciences Po, 2003. P. 305–317.
- Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston : Houghton Mifflin, 1976. 220 p.
- Foucault M.* Dits et Écrits : 4 vols. Paris : Gallimard, 1994. Vol. 4 912 p.
- Gadamer H. G.* Die Vielfalt der Sprachen und das Verstehen der Welt. Ein Studiumgenerale-Vortrag // *Gadamer H. G. Gesammelte Werke* : 10 Bände. Tübingen : Mohr, 1993. Bd. 8. Ästhetik und Poetik, I, Kunst als Aussage. S. 339–349.
- Ingerflom C.* Les représentations collectives du pouvoir et l'‘imposture’ en Russie, XVIIIe – XXe siècles // *La Royauté Sacrée dans le Monde Chrétien, Communications au Colloque de Royaumont, mars 1989* / dir. A. Boureau, C. Ingerflom. Paris : Ed. de l'E. H. E. S. S., 1992. P. 157–164.
- Ingerflom C.* Entre le mythe et la parole : l'action. La naissance de la conception politique du pouvoir en Russie // *Annales, Histoire, Sciences sociales*. 1996. T. 4. P. 733–757.
- Ingerflom C.* Chacun peut devenir Tsar: religiosité et politique dans la Russie moderne et contemporaine // *Politica Hermetica*. 2000. T. 14. P. 103–112.
- Ingerflom C.* How Old Magic Does the Trick for Modern Politics // *Russian History*. 2013. Vol. 40, № 3/4. P. 428–450.
- Ingerflom C.* Le Tsar c'est moi. Paris : Puf, 2015. 520 p.
- Kantorowicz E.* The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton : Princeton Univ. Press, 1957. XVI, 568 p.
- Kivelson V.* Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford : Stanford Univ. Press, 1996. 396 p.
- Koselleck R.* Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft // *Theorie der Geschichtswissenschaft und Praxis des Geschichtsunterrichts* / Hrsg. von W. Conze. Stuttgart : Klett, 1972. S. 10–28.
- Koselleck R.* Hermeneutik und Historik. Heidelberg : C. Winter Universitätsverlag, 1987. 36 S.
- Koselleck R.* Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft // *Koselleck R. Zeitschichten. Studien zur Historik*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2000. S. 298–316.
- Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time / transl. and introd. by K. Tribe. N. Y. : Columbia Univ. Press, 2004. XX, 317 p.
- Koselleck R.* Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik des politischen und sozialen Sprache. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2006. 569 S.
- Koselleck R.* Introduction (Einleitung) to the *Geschichtliche Grundbegriffe* / transl. by M. Richter // *Contributions to the History of Concepts*. 2011. Vol. 6. № 1. P. 31–54.
- Koselleck R.* Sediments of Time. On possible Histories / transl. by S-L. Hoffmann and S. Franzel. Stanford : Stanford Univ. Press, 2018. 344 p.
- Lloyd G. E. R.* Demystifying Mentalities. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1990. VIII, 174 p.
- Lovejoy A. O.* Reflections on the History of Ideas // *Journal of the History of Ideas*. 1940. Vol. 1. P. 3–23.
- Lovejoy A. O.* The Great Chain of Being. 2nd Ed. Harvard : Harvard Univ. Press, 1953. 400 p.
- Mamonova N.* Naive Monarchism and Rural Resistance in Contemporary Russia // *Rural Sociology*. 2016. Vol. 81, № 3. P. 316–342. DOI 10.1111/RUSO.12097.
- Nietzsche F.* On the Genealogy of Morality / ed. by K. Ansell-Pearson ; transl. by C. Diethe. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. XL, 195 p.
- Pasquier D.* La « culture populaire » à l'épreuve des débats sociologiques // *Hermès*. 2005. № 42. P. 60–69.
- Perrie M.* The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. 280 p.
- Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. XVII, 269 p.
- Perrie M.* Popular Monarchism: The Myth of the Ruler from Ivan the Terrible to Stalin // *Reinterpreting Russia* / ed. by G. Hosking, R. Service. L. ; N. Y. : Arnold, 1999. P. 156–169.
- Perrie M.* Introduction, The Time of Troubles, Popular Revolts // *The Cambridge History of Russia* : 3 vols. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. Vol. 1. XXII, 777 p.
- Perrie M.* Uspenskii and Zhivov on Tsar, God, and Pretenders // *Kritika: Explorations*

in Russian and Eurasian History. 2014. Vol. 15, № 1. P. 133–149.

Perrie M. Samozvanstvo and the Legitimation of Power in Russian Political Culture // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2019. Vol. 20, № 4. P. 855–864. DOI 10.1353/kri.2019.0060.

Ritenbaugh J. W. The Sovereignty of God: Part Seven // BiblicalJesus.org : [website]. URL: <http://www.biblicaljesus.org/index.cfm/fuseaction/library.sr/CT/PERSONAL/k/100/The-Sovereignty-of-God-Part-Seven.htm> (accessed: 07.11.2019).

Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8, № 1. P. 3–53.

Wittgenstein L. Remarks on Frazer's The Golden Bough // Wittgenstein L. The Mythology in Our Language / trans. by S. Palmié, with a pref. by G. da Col. Chicago : Hau Books, 2018. P. 29–73.

Zemon Davis N. From Prodigious to Heinous: Simon Goulart and the Reframing of Imposture // L'Histoire grande ouverte / dir. A. Burguière et al. Paris : Fayard, 1997. P. 274–283.

References

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei v 5 t. [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission. 5 Vols.]. (1842). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 4. 592 p.

Akty, otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei v 15 t. [Acts Relating to the History of Southern and Western Russia, Collected and Published by the Archeographic Commission. 15 Vols.]. (1861). St Petersburg, Tipografiya P. A. Kulisha. Vol. 3. 604, 131, 22 p.

Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi Imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk v 4 t. [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. (1836). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 1. 548 p.

Andreev, I. L. (1995). Samozvanstvo i samozvantsy na Rusi [Imposture and Impostors in Rus']. In *Znanie – sila*. No. 8, pp. 46–56.

Andreev, I. L. (1999). Anatomiya samozvanstva [Anatomy of Imposture]. In *Nauka i zhizn'*. No. 10, pp. 110–117.

Antipov, V. S. (2015). Formirovanie doktriny prosveshchennogo absolyutizma [Formation of the Doctrine of Enlightened Absolutism]. In *Metamorfozy istorii*. No. 3, pp. 84–101.

Brunner, O. (1969). Der Historiker und die Geschichte von Verfassung und Recht. In *Historische Zeitschrift*. Bd. 209. H. 1. Aug., S. 1–16.

Chartier, R. (1994). *Culture Populaire: Retour sur un concept historiographique*. Valencia, Centro de Semiotica y Teoria del espectaculo. 19 p. (Eutopias, 2a epoca. Documents de travail. No. 52.)

Chistov, K. V. (2003). *Russkaya narodnaya utopiya* [Russian Folk Utopia]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 538 p.

Dmitrievskii, A. A. (1903). K trekhstotletnemu yubileyu Astrakhanskoi eparkhii (Zhitie Feodosiya Astrakhanskogo) [On the 300th Anniversary of the Astrakhan Diocese (Life of Theodosius of Astrakhan)]. In *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*. Vol. 2, pp. 145–171.

Donskikh, O. A. (2017). Sibir' – problema formirovaniya tselostnosti megaregiona [Siberia – the Problem of Forming the Integrity of the Mega-Region]. In *Idei i idealy*. Vol. 1. No. 1 (31), pp. 118–127. DOI 10.17212/2075-0862-2017-1.1-118-127.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei v 12 t. [Additions to the Historical Acts, Collected and Published by the Archeographic Commission. 12 Vols.]. (1846). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 1. III, 400, 18, 14 p.

Fabiani, J. L. (2003). Peut-on encore parler de légitimité culturelle? In Donnat, O.,

- Tolila, P. (Eds.). *Le(s) public(s) de la culture*. Paris, Presses de Sciences Po, pp. 305–317.
- Field, D. (1976). *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston, Houghton Mifflin. 220 p.
- Field, D. (2002). Razmyshleniya o naivnom monarchizme v Rossii ot epokhi Pugacheva do revolyutsii 1905 g. [Reflections on naïve Monarchism in Russia from the Era of Pugachev to the Revolution of 1905]. In Borodkin, L. I. (Ed.). *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Iss. 8. Moscow, Izdatel'stvo MGU, pp. 110–115.
- Foucault, M. (1994). *Dits et Écrits. 4 Vols.* Paris, Gallimard. Vol. 4 912 p.
- Gadamer, H. G. (1993). Die Vielfalt der Sprachen und das Verstehen der Welt. Ein Studiumgenerale-Vortrag. In Gadamer, H. G. *Gesammelte Werke. 10 Bände*. Tübingen, Mohr. Bd. 8. Ästhetik und Poetik, I, Kunst als Aussage, S. 339–349.
- Gnevushev, A. M. (Ed.). (1914). *Akty vremeni pravleniya tsarya Vasiliya Shuiskogo (1606 g. 19 maya – 17 iyulya 1610 g.)* [Acts of the Reign of Tsar Vasily Shuisky (1606 May 19 – July 17, 1610)]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. XVIII, 421 p.
- Gur'yanova, N. S. (1999). Monarkh i obshchestvo: k voprosu o narodnom variante monarchizma [Monarch and Society: On the Issue of the Popular Version of Monarchism]. In Yukhimenko, E. M. (Ed.). *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 126–149.
- Ilieva, I. I. (1984). Vladetel'skii titul moskovskikh velikikh knyazei (s serediny XV do pervoi chetverti XVI v.) [Possessory Title of Moscow Grand Dukes (from the Middle of the 15th to the First Quarter of the 16th Centuries)]. In *Bulgarian Historical Review*. No. 2, pp. 75–87.
- Ingerflom, C. (1991). Samozvanstvo i kollektivnye predstavleniya o vlasti v russkoi istorii (XVII–XX vv.) [Imposture and Collective Ideas about Power in Russian History (17th–20th Centuries)]. In Murav'ev, V. A. (Ed.). *Realizm istoricheskogo myshleniya : chteniya, posvyashchennye pamyati A. L. Stanislavskogo, Moskva, 27 yanvarya – 1 fevralya 1991 g.* Moscow, Moskovskii istoriko-arkhivnyi institute, pp. 99–100.
- Ingerflom, C. (1992). Les représentations collectives du pouvoir et l'imposture en Russie, XVIIIe – XXe siècles. In // Boureau, A., Ingerflom, C. (Eds.). *La Royauté Sacrée dans le Monde Chrétien, Communications au Colloque de Royaumont, mars 1989*. Paris, Ed. de l'E.H.E.S.S., pp. 157–164.
- Ingerflom, C. (1996). Entre le mythe et la parole : l'action. La naissance de la conception politique du pouvoir en Russie. In *Annales, Histoire, Sciences sociales*. T. 4, pp. 733–757.
- Ingerflom, C. (2000). Chacun peut devenir Tsar: religiosité et politique dans la Russie moderne et contemporaine. In *Politica Hermetica*. T. 14, pp. 103–112.
- Ingerflom, C. (2003). Mezhdru mifosom i logosom: deistvie. Rozhdenie politicheskoi reprezentatsii vlasti v Rossii [Between Mythos and Logos: Action. The Birth of the Political Representation of Power in Russia]. In Chubar'yan, A. O. (Ed.). *Homo Historicus. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. L. Bessmertnogo v 2 kn.* Moscow, Nauka. Book 2, pp. 65–96.
- Ingerflom, C. (2013). How Old Magic Does the Trick for Modern Politics. In *Russian History*. Vol. 40. No. 3/4, pp. 428–450.
- Ingerflom, C. (2015). *Le Tsar c'est moi*. Paris, Puf. 520 p.
- Ingerflom, C. (2020). *Az esm' tsar'.* *Istoriya samozvanstva v Rossii* [I am the Tsar. The History of Imposture in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 448 p.
- Insarov, M. (2006). Narodnaya volya [Narodnaya Volya]. In *Samizdat* [website]. URL: http://samlib.ru/m/magid_m_n/narodwill.shtml (accessed: 23.08.2021).
- Kantorowicz, E. (1957). *The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology*. Princeton, Princeton Univ. Press. XVI, 568 p.
- Karapetyan, L. A. (2012). *Konstitutsionalizm rossiiskikh liberal'nykh partii v kontekste politiko-pravovoi kul'tury na rubezhe XIX–XX vv.* [Constitutionalism of Russian Liberal Parties in the Context of Political and Legal Culture at the Turn of the 20th Century]. Moscow, RAP. 378 p.
- Kedrov, N. G. (2010). Stalinizm i krest'yanstvo: sotsiologicheskii aspekt [Stalinism and the Peasantry: A Sociological Aspect]. In *Rossiya i sovremenniy mir*. No. 2 (67), pp. 124–137.
- Kivelson, V. (1996). *Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political*

Culture in the Seventeenth Century. Stanford, Stanford Univ. Press. 396 p.

Klibanov, A. I. (1996). *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi* [Spiritual Culture of Medieval Rus']. Moscow, Aspekt Press. 368 p.

Klyuchevskii, V. O. (2004). *Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii* [Russian History. Full Course of Lectures]. Moscow, Olma Press. 830 p.

Kniga Steppennaya tsarskogo rodosloviya [The Book of the Degree of Royal Genealogy]. (1908–1913). In *Polnoe sobranie russkikh letopisei v 15 t.* 2nd Ed. St Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova. Vol. 21. Half 1. 350 p. Half 2. 370 p.

Kogan, A. N. (1943). Rasprostranenie samozvanstva v russkoi derevne v period Pugachevskogo vosstaniya [Spread of Imposture in the Russian Village during the Pugachev Uprising]. In *Uchenye zapiski Kuibyshevskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta*. Iss. 7, pp. 217–225.

Konovalova, N. A. (2008). Ocherednoe ponyatie, okazavsheesya “neudobnym”, Ili pochemu krest'yanskii monarkhizm stal “naivnym” [Another Concept That Turned out to Be “Inconvenient”, Or Why Peasant Monarchism Became “naïve”]. In *Istoricheskii ezhegodnik (Omsk)*. Iss. 2. Istoriografiya. Istochnikovedenie. Metody istoricheskogo issledovaniya, pp. 13–19.

Konovalova, N. A. (2010–2011). Naivnyi monarkhizm: nauchnaya sud'ba odnogo istoriograficheskogo termina [naïve Monarchism: The Scholarly Fate of One Historiographical Term]. In *Eidos. Al'manakh teorii ta istorii istorichnoi nauki*. Kiïv, Institut istorii Ukraïni. Iss. 5, pp. 430–438.

Korobkov, Yu. D., Korolev, N. S. (2018). Mental'nye osnovy sotsial'no-politicheskogo razvitiya sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Mental Foundations of the Socio-Political Development of Modern Russian Society]. In *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. Vol. 2. No. 3, pp. 43–52.

Korolenko, V. G. (1914). Sovremennaya samozvanshchina [Modern Imposture]. In Korolenko, V. G. *Polnoe sobranie sochinenii v 9 t.* St Petersburg, Izd. A. F. Marksa. Vol. 3, pp. 271–368.

Koselleck, R. (1972). Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft. In Conze, W. (Ed.). *Theorie der Geschichtswissenschaft und Praxis des Geschichtsunterrichts*. Stuttgart, Klett, S. 10–28.

Koselleck, R. (1987). *Hermeneutik und Historik*. Heidelberg, C. Winter Universitätsverlag. 36 S.

Koselleck, R. (2000). Über de Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft. In Koselleck, R. *Zeitschichten. Studien zur Historik*. Frankfurt an Main, Suhrkamp, S. 298–316.

Koselleck, R. (2004). *Futures Past: On the Semantics of Historical Time* / transl. and introd. by K. Tribe. N. Y., Columbia Univ. Press. XX, 317 p.

Koselleck, R. (2006). *Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik des politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 569 S.

Koselleck, R. (2011). Introduction (Einleitung) to the Geschichtliche Grundbegriffe / transl. by M. Richter. In *Contributions to the History of Concepts*. Vol. 6. No. 1, pp. 31–54.

Koselleck, R. (2018). *Sediments of Time. On Possible Histories* / transl. by S.-L. Hoffmann and S. Franzel. Stanford, Stanford Univ. Press. 344 p.

Lenin, V. I. (1973). *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* [Complete Works. 55 Vols.]. 5th Ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 16. 697 p.

Lloyd, G. E. R. (1990). *Demystifying Mentalities*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. VIII, 174 p.

Lovejoy, A. O. (1940). Reflections on the History of Ideas. In *Journal of the History of Ideas*. Vol. 1, pp. 3–23.

Lovejoy, A. O. (1953). *The Great Chain of Being*. 2nd Ed. Harvard, Harvard Univ. Press. 400 p.

Lukin, P. V. (2000). *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka* [Popular Ideas about State Power in Russia in the 17th Century]. Moscow, Nauka. 292 p.

Malyantovich, P. N., Murav'ev, N. K. (1910). *Zakony o politicheskikh i obshchestvennykh prestupleniyakh. Prakticheskii kommentarii* [Laws on Political and Social Crimes. Practical Comment] / ed. by N. N. Polyanskiï, A. Yu. Rapoport, I. S. Uryson. St Petersburg, Pravo.

862 p.

Mamonova, N. (2016). Naive Monarchism and Rural Resistance in Contemporary Russia. In *Rural Sociology*. Vol. 81. No. 3, pp. 316–342. DOI 10.1111/RUSO.12097.

Maul', V. (2017). "Chigirinskii zagovor" i krest'yanskaya psikhologiya [The Chigirin Conspiracy and Peasant Psychology]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 1, pp. 221–240. DOI 10.15826/qr.2017.1.220.

Maul', V. (2017). Russkii bunt kak aktual'naya problema sovremennoi gumanitaristiki: istochniki, metody i perspektivy izucheniya [Russian Rebellion as a Relevant Problem of Modern Humanities: Sources, Methods and Perspectives of Study]. In *Istoriya: fakty i simvol'y*. No. 3 (12). S. 28–34.

Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. *Genesis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva v 2 t.* [Social History of Russia in the Period of the Empire (18th – Early 20th Century). Genesis of Personality, Democratic Family, Civil Society and the Rule of Law. 2 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 2. 582 p.

Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka [Moscow Chronicle of the End of the 15th Century]. (1949). Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 464 p. (Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 25.)

Nietzsche, F. (2006). *On the Genealogy of Morality* / ed. by K. Ansell-Pearson, transl. by C. Diethe. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XL, 195 p.

Obukhova, Yu. A. (2016). *Fenomen monarkhicheskikh samozvantsev v kontekste rossiiskoi istorii (po materialam XVIII stoletiya)* [The Phenomenon of Monarchist Impostors in the Context of Russian History (Based on the Materials of the 18th Century)]. Tyumen', Tyumenskii industrial'nyi universitet. 200 p.

Oleinikov, A. (2021). Radikal'nyi istorizm na russkoi pochve [Radical Historicism on Russian Soil]. In Morozova, A., Yu., Suslov, A. Yu. (Eds.). *Zhit' istoriei i dumat' o budushchem. Sbornik statei i materialov k 60-letiyu K. N. Morozova*. Moscow, S. n., pp. 145–155.

Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Vtoraya polovina XV veka [Literary Works of Ancient Rus'. Second Half of the 15th Century]. (1982). Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 688 p.

Pasquier, D. (2005). La « culture populaire » à l'épreuve des débats sociologiques. In *Hermès*. No. 42, pp. 60–69.

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. (1981). Moscow, Nauka, 1981. 631 p.

Perrie, M. (1987). *The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 280 p.

Perrie, M. (1995). *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. XVII, 269 p.

Perrie, M. (1999). Popular Monarchism: The Myth of the Ruler from Ivan the Terrible to Stalin. In Hosking, G., Service, R. (Eds.). *Reinterpreting Russia*. L., N. Y., Arnold, pp. 156–169.

Perrie, M. (2006). Introduction, The Time of Troubles, Popular Revolts. In *The Cambridge History of Russia. 3 Vols.* Cambridge, Cambridge Univ. Press. Vol. 1. XXII, 777 p.

Perrie, M. (2014). Uspenskii and Zhivov on Tsar, God, and Pretenders. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 15. No. 1, pp. 133–149.

Perrie, M. (2019). Samozvanstvo and the Legitimation of Power in Russian Political Culture. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 20. No. 4, pp. 855–864. DOI 10.1353/kri.2019.0060.

Pikhoya, R. G. (2016). *Zapiski arkhografa* [Notes of an Archeographer]. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo. 475 p.

Pokrovskii, N. N. (1989). *Tomsk, 1648–1649* [Tomsk, 1648–1649]. Novosibirsk, Nauka. 385 p.

Poslaniya Ivana Groznogo [Letters of Ivan the Terrible]. (1951). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 716 p.

Ritenbaugh, J. W. (N. d.). The Sovereignty of God: Part Seven. In *BiblicalJesus*.

org [website]. URL: <http://www.biblicaljesus.org/index.cfm/fuseaction/library.sr/CT/PERSONAL/k/100/The-Sovereignty-of-God-Part-Seven.htm> (accessed: 07.11.2019).

RNB [National Library of Russia]. *Sobr. Pogodina*. No. 744.

Savel'eva, M. Yu. (2017). Fenomen samozvanchestva i osobennosti narodnogo vospriyatiya vlasti v Rossii XVII–XVIII vv. [The Phenomenon of Imposture and Peculiarities of People's Perception of Power in Russia in the 17th–18th Centuries]. In Szvák, G. (Ed.). *Russian studies in History in the 21st Century*. Budapest, Russica Pannonicana, pp. 140–147.

Sivkov, K. V. (1950). Samozvanchestvo v Rossii v poslednei treti XVIII v. [Imposture in Russia in the Last Third of the 18th Century]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 31, pp. 88–135.

Skazanie Avraamiya Palitsyna [The Story of Avraamy Palitsyn]. (1955). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 344 p.

Skinner, Q. (1969) Meaning and Understanding in the History of Ideas. In *History and Theory*. Vol. 8. No. 1, pp. 3–53.

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikh v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del v 5 ch. [Collection of State Letters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs. 5 Parts]. (1828). Moscow, Tipografiya N. S. Vsevolozhskogo. Part 4. 161 p.

Sofiiskaya pervaya letopis'. Vyp. 1 [Sofia First Chronicle. Iss. 1]. (1925). In *Polnoe sobranie russkikh letopisei v 15 t.* 2nd Ed. Leningrad, Izdatel'stvo RAN, 1925. 240 p.

Szvák, G., Liseitsev, D. V. (Eds.). (2011). *Delo T. Ankudinova. Evropeiskii avanturyist iz Moskovii* [The Case of T. Ankudinov. European Adventurer from Muscovy]. Budapesht, Russica Pannonicana. 166, 148 p.

Terekhova, S. A. (2016). *Revolutsionery-narodniki i ideya «narodnogo monarkhizma»: na primere «Chigirinskogo zagovora»* [Populist Revolutionaries and the Idea of “People's Monarchism”: On the Example of the “Chigirinsky Conspiracy”]. Diss. ... kand. ist. nauk. Surgut, S. n. 276 p.

Timofeev, D. V. (2015). Varianty resheniya krepostnogo voprosa v Rossii pervoi chetverti XIX v.: opyt sravnitel'nogo analiza “Nedozvolennykh rechei”, proshenii i dvoryanskikh proektov [Options for Resolving the Serf Issue in Russia in the First Quarter of the 19th Century: An Experience of Comparative Analysis of “Unlawful Speeches”, Petitions and Noble Projects]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 4, pp. 34–46.

Timofeev, I. (2004). *Vremennik* [Vremennik]. St Petersburg, Nauka. 427 p.

Uspenskii, B. A. (1982). Tsar' i samozvanets. Samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskii fenomen [Tsar and Impostor. Imposture in Russia as a Cultural and Historical Phenomenon]. In Karpushin, V. A. (Ed.). *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya*. Moscow, Nauka, pp. 201–235.

Wittgenstein, L. (2018). Remarks on Frazer's The Golden Bough. In Wittgenstein, L. *The Mythology in Our Language* / trans. by S. Palmié, with a pref. by G. da Col. Chicago, Hau Books, pp. 29–73.

Yagich, I. V. (1886). *Sluzhebnye minei za sentyabr', oktyabr' i noyabr'* [Service Menaion for September, October and November]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. CXXXVI, 244, 609 p.

Yurganov, A. L. (1998). *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow, MIROS. 447 p.

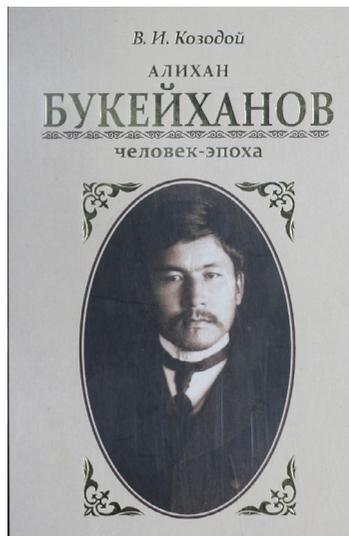
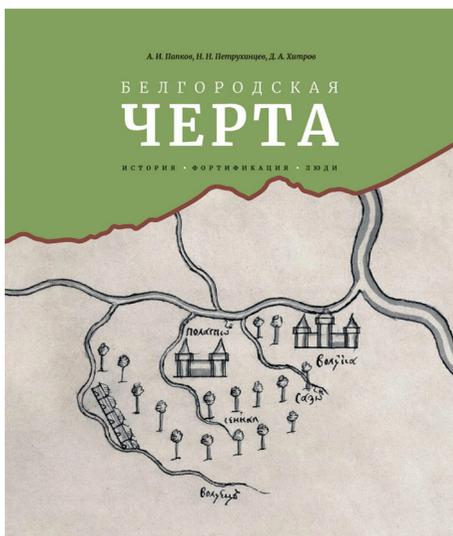
Zemon Davis, N. (1997). From Prodigious to Heinous: Simon Goulart and the Reframing of Imposture. In Burguière, A. et al. (Eds.). *L'Histoire grande ouverte*. Paris, Fayard, pp. 274–283.

Zhivov, V. M. (2002). *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 758 p.

The article was submitted on 24.02.2023

Controversiae
et recensiones

Controversiae et recensiones

DOI 10.15826/qr.2023.2.813

УДК 94(470.325)"16" + 913(470)"16" + 355.013.1 + 929Алексей Михайлович + 930.2

**Белгородская черта как объект исследования:
эвристические и аналитические возможности
традиционных и современных исторических методов* ****

Рец. на кн.: Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А. Белгородская черта. История. Фортификация. Люди. – Рыбинск : МедиаРост, 2020. – 224 с.

Денис Ляпин

Елецкий государственный университет,
Елец, Россия

**The Belgorod Line as an Object of Research:
Heuristic and Analytical Possibilities
of Traditional and Modern Historical Methods**

Rev. of: Papkov, A., Petrukhintsev, N., Khitrov, D. (2020). *Belgorodskaya cherta. Istoriya. Fortifikatsiya. Lyudi* [The Belgorod Line. History. Fortification. People]. Rybinsk, Mediarost. 224 p.

Denis Lyapin

Yelets State University,
Yelets, Russia

Published in 2020, *The Belgorod Line. History. Fortification. People*, a book by Andrey Papkov, Nikolay Petrukhintsev, and Dmitry Khitrov is the first attempt to understand and update modern achievements in studying the Belgorod Line. The authors reveal the historical specifics behind the construction of this military-defensive line in the broad historical context of the seventeenth century. They show the background of events (before 1635), the building process, and the social processes after the line was erected (1658). A special place is given to the military

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

** *Citation*: Lyapin, D. (2023). The Belgorod Line as an Object of Research: Heuristic and Analytical Possibilities of Traditional and Modern Historical Methods. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 705–712. DOI 10.15826/qr.2023.2.813.

Цитирование: Lyapin D. The Belgorod Line as an Object of Research: Heuristic and Analytical Possibilities of Traditional and Modern Historical Methods // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 705–712. DOI 10.15826/qr.2023.2.813 / Ляпин Д. Белгородская черта как объект исследования: эвристические и аналитические возможности традиционных и современных исторических методов // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 705–712. DOI 10.15826/qr.2023.2.813.

reforms of Tsar Alexei Mikhailovich, preceding the famous army reforms of Peter the Great. *The Belgorod Line. History. Fortification. People* allows the scholarly community to move to a new stage in understanding the features of the social and military history of the southern border of Russia, but first, it is important to understand the political context of the events of the construction of the Belgorod line. Until 1645, the construction of fortifications was not systematic. But after the accession to the throne of Alexei Mikhailovich Romanov, the construction of the Belgorod line acquired a clear logic. However, in 1654 Russia entered the war with Poland, and the military potential of the southern Russian border was used for other military tasks in the west. This political context of the development of events is reflected in the book under review.

Keywords: Belgorod line, military history, Tsar Alexei Mikhailovich, frontier, economic development

В книге А. И. Папкова, Н. Н. Петрухинцева, Д. А. Хитрова «Белгородская черта. История. Фортификация. Люди» (2020) обобщены и актуализированы имеющиеся на данный момент достижения в области изучения Белгородской черты. Раскрывается история строительства военно-оборонительной линии в широком историческом контексте XVII в., демонстрируется предыстория событий (до 1635), а также социальные процессы, последовавшие после ее возведения (1658). Отдельное место уделяется военным реформам Алексея Михайловича, предшествовавшим знаменитым петровским преобразованиям. Книга позволяет научному сообществу перейти на новый этап понимания взаимосвязанных особенностей социальной и военной истории южного пограничья России в политическом контексте событий. До 1645 г. возведение укреплений не имело систематического характера, только после восшествия на престол Алексея Михайловича строительство Белгородской черты обретает четкую логику. В 1654 г. Россия вступает в войну с Речью Посполитой, и военный потенциал южнорусского пограничья используется для решения иных задач. Этот политический вектор развития событий находит свое отражение на страницах рецензируемой книги.

Ключевые слова: Белгородская черта, военная история, история России XVII в., царь Алексей Михайлович, пограничье, хозяйственное освоение

В 1969 г. воронежский историк В. П. Загоровский выпустил книгу, посвященную крупнейшей в истории России системе военно-оборонительных сооружений, возведенных в 30–50-е гг. XVII в., назвав ее «Белгородская черта» и закрепив этот термин в историографии [Загоровский]. Проделав огромную работу с архивными документами, Загоровский определил время строительства Белгородской черты границами 1635–1658 гг. Его интересовали процесс постройки оборонительной линии, а также система пограничных укреплений и технологии военных сооружений. Ученый обозначил четкие хронологические рамки строительных работ, изучил чертежи ее отдельных элементов, дал социальную характеристику составу местного населения.

Книга, основанная на исследованиях прошлых лет И. Д. Беляева, Д. И. Багалея, А. И. Яковлева и А. А. Новосельского, стала существенным шагом вперед по сравнению со всеми предшествующими трудами на эту тему [Багалея; Беляев; Новосельский; Яковлев]. Благодаря В. П. Загоровскому впервые было получено целостное комплексное представление о Белгородской черте как военно-оборонительной линии. Возможно, именно новаторский характер книги и ее насыщенность реальной фактографией привели к тому, что на протяжении последующих 30 лет эта тема оставалась за пределами специального внимания ученых. «Белгородская черта» давала ответы на все вопросы, которые интересовали историков 70–90-х гг. XX в.

В настоящий момент отечественная историческая наука находится на новом этапе осмысления истории Белгородской черты, поэтому особенно важно понять эвристические возможности изучения этой крупнейшей в истории военно-оборонительной системы. Применение комплексного подхода позволяет задействовать потенциал традиционных исторических методов и картографирования в сочетании с современными информационными технологиями.

Авторы коллективной работы «Белгородская черта. История. Фортификация. Люди» являются признанными специалистами: А. И. Папков – в области военной и социальной истории первой половины XVII в., Д. А. Хитров – в области исторической картографии, в особенности территории Центрального Черноземья, а Н. Н. Петрухинцев – известный исследователь второй половины XVII в. [Папков, Петрухинцев, Хитров].

Книга состоит из трех глав, события в которых излагаются по хронологическому принципу. Первая и вторая главы написаны А. И. Папковым, третья – Н. Н. Петрухинцевым, а Д. А. Хитров стал автором вводного текста и заключения. В итоге получилось обобщающее капитальное исследование, а квалифицированная редакция текста сделала его гармоничным и цельным.

В вводной части работы Д. А. Хитров описывает политическую географию Восточной Европы в динамике XV–XVII вв. Такое начало сразу задает тон книги: оно существенно расширяет объект представленного исследования и настраивает читателя на восприятие картины в широкой исторической ретроспективе, отсылая к событиям от начала войны Василия III с Мухаммед-Гиреем до включения территорий Крымского ханства в состав Российской империи в эпоху Екатерины Великой.

Первая глава описывает южные рубежи накануне строительства Белгородской черты. Здесь рассматриваются история региона конца XVI в., когда началось возведение первых крепостей «на Поле», смутное время, ставшее тяжелым испытанием для отдаленной окраины, и события татарской войны 1630-х гг. Автору этой главы А. И. Папкову удалось собрать воедино и выстроить по хронологии довольно широкую цепь событий, уловив логику времени. Вторая глава целиком

посвящена строительству Белгородской черты в хронологических рамках 1635–1653 гг. Автор справедливо указывает на то, что важным событием в масштабной строительной эпопее было воцарение Алексея Михайловича (1645). Именно с этого времени существенно изменилось отношение центральной власти к строительству городов-крепостей на южных рубежах государства. В третьей главе книги повествуется об истории Белгородской черты до начала XVIII в. Автор данного текста Н. А. Петрухинцев центральное место уделяет военному реформированию 1652–1658 гг. – малоизученной в современной историографии теме. Далее изображены военно-политические события, рассмотрены биографии полководцев и администраторов, связанных с Белгородской чертой.

Военные реорганизации рассматриваются в качестве предшественников первых петровских преобразований. Эту важную мысль о том, что великий реформатор проводил армейские нововведения в контексте уже сложившейся традиции, Н. Н. Петрухинцев повторил и в другой работе, подчеркивая тем самым значимость выдвинутых положений [Петрухинцев, 2022, с. 151]. Особое место в главе уделено образованию поселений драгун, первым солдатам Белгородской черты и истории участия Белгородского разряда (создан в 1658 г.) в «больших войнах» России.

Логика строительства укреплений, показанная в рецензируемой книге, демонстрирует развитие политической ситуации в столице. Действительно, именно политика правительства прежде всего определяла логику и динамику возведения укреплений. Так, до 1646 г. строительство острогов, городов-крепостей и укреплений не имело четкого системного характера, а было скорее спешной мерой для решения насущных проблем обороны.

Действительно, как мы знаем, часто крепости возникали по инициативе местного населения. Пример подобного рода – просьба курских и белгородских служилых людей о постройке крепости Обоянь в 1638 г. Местные жители попросили воеводу Белгорода Петра Пожарского разрешить им своими силами возвести небольшую крепость. Они уверяли, что готовы начать постройку и заселение этого участка, как только получат разрешение. В Москве одобрили эту инициативу и приказали воеводе составить чертеж [Отписка белгородского воеводы]. В Орловском уезде в 1635 г. служилые люди, не дожидаясь разрешения из Москвы и без согласований с воеводой, сами поставили четыре острога, чтобы сидеть в них «в приход воинских людей» с крестьянами, женами и детьми [Отписка мценского воеводы]. Инициатива возведения Козлова и примыкающих к нему укреплений в 1635 г. также исходила исключительно от местного служилого населения [Davies, p. 72–73].

Политика Москвы до 1645 г. была направлена главным образом на поддержку такой инициативы. В 1630-е гг. были построены девять крепостей и два земляных вала в районе Козлова и Яблонова.

Ситуация изменилась в 1645 г., когда на московский трон взошел новый царь – сын Михаила Федоровича Романова, молодой Алексей. К 1648 г. властям удалось существенно улучшить экономическое положение России. Была проведена военная реформа, связанная с созданием новых армейских подразделений [Петрухинцев, 2015]. В таких условиях начинается систематическое и планомерное возведение укреплений с целью создания единой оборонительной линии на южной фронтальной территории. Теперь люди должны были строить защитные сооружения там, где было важно для стратегических, общих задач. К 1653 г. были построены сразу десять новых крепостей и значительно укреплены старые крепости.

Заключение книги посвящено судьбе исторической территории Белгородской черты, которая в конечном итоге представлена как превращение военного фронтального региона в плодородную житницу, раскинувшуюся на огромных просторах Российской империи. По мысли Д. А. Хитрова, история Белгородской черты – это «история освоения Россией пространств северной Евразии» [Папков, Петрухинцев, Хитров, с. 207].

Содержание рассматриваемой книги имеет широкие хронологические рамки и не заканчивается 1658 г., как традиционно принято оканчивать историю сооружения Белгородской черты. Благодаря дополнительным главам и приведенным в книге фактам становится очевидным, что возведение военно-оборонительных укреплений не было завершено полностью. С 1654 г. Москва начинает войну с Речью Посполитой. Первые успехи царской армии были впечатляющими, но к 1658 г. Москва уже имела массу проблем на фронте. Столкнувшись с военными трудностями, Алексей Михайлович принял решение использовать население крепостей Белгородской черты для военных действий на западе. Для этого в 1658 г. был организован Белгородский разряд, объединивший служилое население региона. Сразу после этого значительная часть местного военного контингента была отправлена на фронт Русско-польской войны [Петрухинцев, 2019].

В результате этого решения огромная территория Белгородской черты оказалась без должной защиты, был нарушен важнейший фактор ее эффективного функционирования, связанный с наличием многочисленных военных гарнизонов, где население несло постоянную «городовую службу». В результате в 1658 и 1659 гг. крымские татары прорвались через укрепления и нанесли большой ущерб русским землям. Только в 1659 г. в ходе татарского набега в 21 уезде было убито либо взято в плен 27 тыс. чел., сожжено 10 тыс. дворов [Важинский, с. 46]. Судя по примерным данным сохранившихся «сказок», ряд уездов потерял до 20 % населения. К примеру, в Елецком уезде разорению подверглись более половины всех сельских поселений [РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 433]. После этого Москва начинает достраивать укрепления Белгородской черты (с 1661 по 1672 г. были возведены еще пять крупных крепостей [Ляпин, 2020, с. 54–55]).

Изложенное выше понимание политического вектора в истории строительства Белгородской черты само по себе возможно только в тесной связи с фактическим материалом, собранным и наглядно представленным в книге А. И. Папкова, Н. Н. Петрухинцева и Д. А. Хитрова.

Таким образом, представленное исследование впервые после книги В. П. Загоровского (1969) рассматривает в совокупности важнейшие процессы, связанные с историей Белгородской черты, обобщая все имеющиеся на сегодняшний день сведения об этом сооружении, а также о социальных и политических процессах, проходивших на ее территории. Книга содержит 18 чертежей отдельных участков черты, большинство из которых публикуются впервые. В качестве иллюстративного материала представлено также 14 карт, из которых три являются публикациями из изданий XVII–XVIII вв., четыре включают диаграммы, а семь представляют собой карты-схемы, специально разработанные для данного издания. Богатый иллюстративный материал помогает читателю наиболее полно и четко представить историческую картину, связанную с социальным и военным аспектами истории Белгородской черты.

Рецензируемая работа помогает не просто осмыслить сложившуюся в настоящий момент историографическую ситуацию в изучении Белгородской черты, но также оттолкнуться от накопленного опыта для дальнейшего качественного скачка этом направлении. Новая исследовательская парадигма может включать в себя более активное применение естественнонаучных методов в изучении военно-оборонительных укреплений, разработку геоинформационных систем, баз данных и проведение комплексных археологических исследований. Однако построение новой модели исследования черты должно начинаться с осмысления ключевого фактора в ее истории – политического. Книга указанных авторов помогает увидеть важный эвристический потенциал данной проблематики, служащий своеобразным вектором для построения нового исследовательского пространства, в рамках которого применение новых исследовательских подходов кажется нам наиболее перспективным. Это обстоятельство может быть основано в том числе и на активизации межотраслевых исследований – потребности, все чаще осознаваемой сегодня учеными при изучении частных проблем социальной и военной истории южной окраины Российского государства второй половины XVII в.

Библиографические ссылки

Багалец Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М. : Университет. тип., 1887. 634 с.

Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М. : Университет. тип., 1846. 151 с.

Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке : (По материалам южных уездов России). Воронеж : Изд-во ВГПИ, 1974. 237 с.

- Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1969. 291 с.
- Ляпин Д. А. На окраине царства: повседневная жизнь населения России в XVII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 416 с.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 452 с.
- Отписка белгородского воеводы об отсылке в Розряд челобитной курчан и белгородцев, в коей они просят о постройке Обоянского городища // Акты Московского государства : в 3 т. / под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1894. Т. 2. С. 69–70.
- Отписка мценского воеводы, что Орляне, дворяне, дети боярские и всякие уездные люди поставили в Орловском уезде четыре острожка, где хотят сидеть в приход воинских людей с женами и с людьми // Акты Московского государства : в 3 т. / под ред. Н. А. Попова. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1894. Т. 2. С. 4.
- Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск : МедиаРост, 2020. 264 с.
- Петрухинцев Н. Н. Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // *Cahiers du Monde russe*. 2015. № 1 (56). P. 137–174. DOI 10.4000/monderusse.8172.
- Петрухинцев Н. Н. Служилые «города» по р. Воронежу на рубеже 1670-х – 1680-х гг.: состав военных формирований и оборонительные функции // История: факты и символы. 2019. № 4 (21). С. 81–92. DOI 10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-81-92.
- Петрухинцев Н. Н. «Начало славных дел»: первые преобразования Петра I в контексте внешней и внутренней политики России (1682 – рубеж XVII–XVIII вв.) : (Очерки по истории ранних реформ Петра). М. : РОССПЭН, 2022. 711 с.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 433.
- Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1916. 321 с.
- Davies L. B. *State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649*. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.

References

- Bagalei, D. I. (1887). *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the History of Colonization of the Steppe Outskirts of the Moscow State]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 634 p.
- Belyaev, I. D. (1846). *O storozhevoi, stanichnoi i polevoi sluzhbe na pol'skoi ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mikhailovicha* [On the Guard, Stanitsa, and Field Service in the Polish Ukraine of Muscovy before Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 151 p.
- Davies, L. B. (2004). *State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649*. N. Y., Palgrave Macmillan. 308 p.
- Lyapin, D. A. (2020). *Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v XVII v.* [On the Outskirts of the Tsardom: Daily Life of the Russian Population in the 17th Century]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 416 p.
- Novosel'skij, A. A. (1948). *Bor'ba moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka* [Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 452 p.
- Otpiska belgorodskogo voevody ob otsylke v Rozryad chelobitnoi kurchan i belgorodtsev, v коей они просят о постройке Обоянского городища [Letter of the Belgorod Governor about Sending Kursk and Belgorod Residents to the Petition Rozryad, in Which They Ask for the Construction of the Oboyansk Fortified Settlement]. (1894). In Popov, N. A. (Ed.). *Akty Moskovskogo gosudarstva v 3 t.* St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 2, pp. 69–70.
- Otpiska mtsenskogo voevody, chto Orlyane, dvoryane, deti boyarskie i vsykie uezdnye lyudi postavili v Orlovskom uезде chetyre ostrozhka, gde khotyat sidet' v prikhod voinskikh lyudei s zhenami i s lyud'mi [A Letter from the Mtsensk Voivode that the

Orlyans, Noblemen, Boyar Children, and All Sorts of Uyezd People Build Four Prisons in Oryol District, Where They Want to Sit in the Parish of Military Men with Their Wives and People]. (1894). In Popov, N. A. (Ed.). *Akty Moskovskogo gosudarstva v 3 t.* St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk. Vol. 2, p. 4.

Papkov, A. I., Petrukhintsev, N. N., Khitrov, D. A. (2020). *Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikatsiya, lyudi* [The Belgorod Line. History. Fortification. People]. Rybinsk, Mediarost. 264 p.

Petrukhintsev, N. N. (2015). Struktura, dinamika i ierarkhiya sluzhilykh “gorodov” v XVII veke [Structure, Dynamics, and Hierarchy of Service “Cities” in the 17th Century]. In *Cahiers du Monde russe*. No. 1 (56), pp. 137–174. DOI 10.4000/monderusse.8172.

Petrukhintsev, N. N. (2019). Sluzhilye “goroda” po r. Voronezhu na rubezhe 1670-kh – 1680-kh gg.: sostav voennykh formirovaniy i oboronitel’nye funktsii [Service Class “Cities” on the Voronezh River at the Turn of the 1680s: Composition of Military Formations and Defense Functions]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 4 (21), pp. 81–92. DOI 10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-81-92.

Petrukhintsev, N. N. (2022). “*Nachalo slavnoy del’*”: pervye preobrazovaniya Petra I v kontekste vneshnei i vnutrennei politiki Rossii (1682 – rubezh XVII–XVIII vv.). (*Ocherki po istorii rannikh reform Petra*) [“The Beginning of Glorious Deeds”: The First Transformations of Peter I in the Context of Russia’s Foreign and Domestic Policy (1682 – Border of the 17th – 18th Centuries). (Essays on the History of Peter’s Early Reforms)]. Moscow, ROSSPEN. 711 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 210. List 1. Dos. 433.

Vazhinskii, V. M. (1974). *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke. (Po materialam yuzhnykh uezdov Rossii)* [Land Tenure and the Formation of a Community of One-Family Owners in the 17th Century. (Based on Materials from the Southern Districts of Russia)]. Voronezh, Izdatel’stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 237 p.

Yakovlev, A. I. (1916). *Zasechnaya cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII v. Ocherk iz istorii oborony yuzhnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essay from the History of the Defense of the Southern Outskirts of the Moscow State]. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sovko. 321 p.

Zagorovskii, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, Izdatel’stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 291 p.

The article was submitted on 07.09.2022

Основатель казахской автономии в трактовке современного российского автора*

Рец. на кн.: Козодой В. И. Алихан Букейханов: человек-эпоха. Алматы :
[Б. и.] ; Новосибирск : Дом мира, 2021. 312 с.

Вадим Рынков

Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия

The Founder of Kazakh Autonomy as Seen by a Modern Russian Author

Rev. of: Kozodoy, V. I. (2021). *Alikhan Bukeikhanov: chelovek-epokha* [Alikhan Bukeikhanov: A Man of the Times].
Almaty, S. n., Novosibirsk, Dom mira. 312 p.

Vadim Rynkov

Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia

This article analyses a monograph on the political biography of Alikhan Bukeikhanov, an outstanding researcher and public figure of Kazakhstan, written by a Russian author. The undeniable achievements of Kazakh historiography consist in the introduction to academic use of a significant volume of sources about the life and activities of the participants of the Alash movement and their fate in the Soviet state. Documents and literature on A. Bukeikhanov occupy a significant place among them. The book by V. I. Kozodoy assesses some misconceptions and unsubstantiated assertions entrenched in historiography concerning terminological inaccuracies and episodes of the character's life. At the same time, the book contains hypotheses and assumptions which are not substantiated. Meanwhile, in the reviewer's opinion, they become the basis for making fundamental conclusions and revising the predecessors' assessments. While Kozodoy selectively addresses studies by Russian historians, conceptually, his book is based on Kazakh historiography. Following it, he portrays Bukeikhanov

* Citation: Rynkov, V. (2023). The Founder of Kazakh Autonomy as Seen by a Modern Russian Author. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 713–725. DOI 10.15826/qr.2023.2.814.

Цитирование: Рынков В. Основатель казахской автономии в трактовке современного российского автора // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 713–725. DOI 10.15826/qr.2023.2.814 / Рынков В. Основатель казахской автономии в трактовке современного российского автора // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 713–725. DOI 10.15826/qr.2023.2.814.

as a founder of modern democratic independent Kazakhstan, compares him to M. Kemal (Ataturk), and characterizes the revolutionary process and civil war as Kazakhs' struggle for independence. The analysis makes it possible to estimate Kozodoy's monograph not so much as a scholarly project but as an important part of the nation-building political mythology of modern Kazakhstan.

Keywords: V. I. Kozodoy, Alikhan Bukeikhanov, Alash movement, political biography, political mythology, nation-building, Kazakhstan

Представлен анализ монографического изучения политической биографии ученого и общественного деятеля Казахстана Алихана Букейханова, написанный российским автором. Несомненные заслуги казахстанской историографии заключаются во введении в научный оборот значительного объема источников о жизни и деятельности участников движения Алаш и их судьбе в Советском государстве, среди которых документы и литература об А. Букейханове занимают значительное место. В рецензируемой книге В. И. Козодой оценивается ряд заблуждений и необоснованных утверждений, закрепившихся в историографии, касающихся терминологических неточностей и отдельных эпизодов жизни героя. Показано, что в книге присутствуют гипотезы и предположения, не обретшие должной аргументации. Между тем именно они, по мнению рецензента, становятся основой для построения принципиальных выводов, пересмотра оценок предшественников. В. И. Козодой избирательно обращается к исследованиям российских историков, концептуально опирается на казахстанскую историографию, вслед за которой показывает А. Букейханова основателем современного демократического независимого Казахстана, сравнивая его по масштабу деяний с М. Кемалем (Ататюрком), и характеризует революционный процесс и Гражданскую войну как борьбу казахов за независимость. Приведенный анализ позволяет оценить монографию В. И. Козодой не столько как научный проект, сколько как важную часть нацистроительной политической мифологии современного Казахстана.

Ключевые слова: В. И. Козодой, Алихан Букейханов, движение Алаш, политическая биография, политическая мифология, нацистроительство, Казахстан

В 2021 г. издана биография известного казахского политического деятеля Алихана Букейханова, созданная российским историком В. И. Козодоем [Козодой]¹. Событие примечательное, если учесть наличие в современном Казахстане подлинного культа этого политика. За более чем 30 лет со времени обретения Казахстаном самостоятельности здесь опубликовано беспрецедентное число книг, исследовательских, документальных и справочных, посвященных движению Алаш, нелегкой и во многом трагичной судьбе многих его участни-

¹ Далее ссылки на это издание будут приведены в круглых скобках с указанием страниц.

ков в советское время [Нурмаганбетова; Тілешов, Қамзабекұлы]. Алихан Букейханов, пожалуй, самый выдающийся, безусловный лидер группы казахских политиков и интеллигентов, осуществивших первую попытку создания автономии. Закономерно, что практически в каждом издании, посвященном Алаш, есть сведения об А. Букейханове или опубликованы документы, отражающие его творчество, участие в научной, политической и культурной жизни. О нем написано несколько биографических книг. Увидело свет его 9-томное собрание сочинений, начато издание 15-томника. В результате этого ученым доступен значительный массив документов, связанных с жизнью и деятельностью выдающегося казахского политика и ученого.

Написанная доктором исторических наук В. И. Козодоем книга вышла одновременно в Новосибирске и Алматы. Она предназначена для казахстанского и российского читателя, «историков, политологов, обществоведов и студентов», как гласит аннотация. Книга выдержала уже три издания (Новосибирск, 2021, 2022, 2022) однако российскому читателю она, к сожалению, в оригинале мало доступна. Экземпляров нет в свободной продаже, нет и во многих ведущих библиотеках Сибири². Выход книги в Казахстане получил обширное освещение в СМИ, а Козодой был награжден орденом Дружбы.

По словам автора, его обращение к теме обусловлено занятиями историей Гражданской войны на Востоке России. В частности, исследуя «работу Временного Сибирского правительства и биографию “забытого” генерала А. Н. Гришина-Алмазова», он осознал, что без понимания биографии лидера движения Алаш тему гражданского противостояния раскрыть невозможно. «Я не являюсь специалистом по истории Казахстана, занявшись исследованием биографии А. Букейханова в силу сложившихся обстоятельств», – замечает автор (с. 10). Высказанное В. И. Козодоем обоснование поворота своих интересов не находит подтверждения в его предшествующей научной деятельности. Публикаций по истории Гражданской войны у автора нет, а рецензируемая монография свидетельствует об обращении исключительно к опубликованным источникам и поверхностном знании историографии.

Данное обстоятельство можно признать не столь существенным, если в исследовании представлен новый фактический материал, использованы новые, ключевые источники и сформулирована инновационная концепция. О значении всего вышеперечисленного пишет и сам Козодой, обозначивший в качестве задач исследования «введение в научный оборот новых и малоизвестных источников», интерпретацию «уже известных исторических фактов, введенных в научный оборот другими исследователями, на основе анализа сравнительного и критического» (с. 12).

² Экземпляр с автографом автора Павлодарской областной научной библиотеке выложен на сайте: [Е-КІТАП].

Исследование состоит из девяти глав, восемь из которых описывают этапы жизни героя, а последняя посвящена истории изучения биографии лидера движения Алаш.

В. И. Козодой уделил большое место историческому контексту. Данная особенность, вероятно, более учитывает интересы широкого читателя, чем специалистов. В книге присутствуют довольно обширные общие рассуждения об особенностях той эпохи, в которую вступал герой на каждом новом жизненном этапе. Действительно, облик государства, в котором жил А. Букейханов, менялся, и с 1905 г. – достаточно динамично. Возможно, неподготовленный читатель нуждается в таких общих экскурсах, хотя в них присутствуют субъективные авторские трактовки. Оставим на совести автора стремление приписать научному сообществу некие коллективные заблуждения, которые В. И. Козодой якобы успешно развеивает. Следует отметить вежливость автора в критике казахстанских предшественников, также в расчете на широкого читателя. Он принципиально не называет фамилий тех исследователей, кто доверился сомнительным утверждениям, ограничиваясь формулировками: «утвердилось мнение», «из одной биографии в другую проходит...» и т. п.

К таковым автор относит утвердившееся в казахстанской историографии написание фамилии Букейхан как единственно правильное и подтвержденное собственноручными автографами (с. 23). Оно обоснованно оспорено историком, отметившим наличие полного написания фамилии как Букейханов в многочисленных персональных документах и публикациях. Козодой также уточнил дату рождения Алихана Букейханова (1870) и справедливо отметил недоказанность сведений о его учебе на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета³. Основные же вехи биографии казахского лидера являются изложением информации, содержащейся в объемном биографическом двухтомнике С. Х. Аккулы и в его же вводных статьях, помещенных в томах собрания сочинений А. Букейханова и соответствующих томов документальных изданий по истории Алаш.

Ниспровергатель мифов об Алихане Букейханове, автор сам додумывает подробности биографии своего героя и даже характеристики его творчества, выдвигает гипотезы, доказывает вероятность и возможность некоторых событий, но далее в изложении опирается на собственные предположения как на абсолютно доказанные факты. Критично разбирая попытки казахстанских ученых изобразить А. Букайханова политически неблагонадежным студентом и сторонником политического радикализма и справедливо полагая, что все они бездоказательны, Козодой утверждает о популярности среди столичной интеллигенции в 1880–1890-е гг., а, следовательно, и в период обучения А. Букейханова в Лесном институте, идей

³ На это обстоятельство уже указывал В. С. Христофоров, см.: [Христофоров, с. 136].

легального марксизма. Затем после небольшого экскурса в основные положения данного идейного направления и перечисления тех представителей легального марксизма, которые впоследствии стали кадетами, автор неожиданно для читателя делает вывод: «И сам А. Букейханов... повторил путь, которым прошли и видные политики: от легального марксизма до кадетской партии» (с. 60). При этом каких-либо свидетельств влияния в этот период на А. Букайханова произведений марксистской литературы В. И. Козодой не приводит.

Столь же неубедительной выглядит его полемика с оренбургской исследовательницей Т. И. Тугай и казахстанским биографом С. Х. Аккулы. Тугай обоснованно показала решающую роль А. Байтурсынова в создании общеказахской газеты «Казах», ставшей инструментом просвещения казахского общества. Роль Ахмета Байтурсынова как главного идеолога и организатора газеты подчеркивал и его ближайший соратник по изданию М. Дулатов, с которым они вели издание на протяжении нескольких лет. Это положение не оспаривается казахскими исследователями творчества трех основных членов редакции (А. Байтурсынова, М. Дулатова, А. Букейханова) и специалистами по истории казахской интеллигенции и казахского просвещения. Помимо этого, Т. И. Тугай собрала свидетельства влияния татарской благотворительности на развитие общетюркского просвещения. В издании газеты «Казах» свою роль сыграла поддержка татарских меценатов, предоставивших средства и типографскую технику, уплату штрафов за нарушение правил цензуры, включая проведение литературных конкурсов и т. п. [Тугай, с. 97]. Это дополняется сведениями С. Х. Аккулы о значительном вкладе казахских жертвователей (торговцев и баев), делавших крупные взносы на издание газеты [Аккулы, с. 60–61]. Помимо прочего, С. Х. Аккулы отмечал организаторские таланты А. Букейхана, сумевшего обеспечить бесперебойное поступление средств и четкую работу редакции, хотя никаких убедительных доказательств не привел, кроме допущения, что двое других издателей не обладали для этого необходимым опытом [Там же, с. 68].

Но, как полагает В. И. Козодой, меценатства совершенно недостаточно для регулярного издания газеты большим тиражом, да еще и для уплаты штрафов за нарушение цензурных ограничений. При этом он ссылается на упоминание в очерке М. Дулатова штрафов в полторы-три тыс. руб. (с. 128), хотя документально подтвержденные составляли всего 50 руб. В стремлении отыскать «тайные» средства автор выдвигает гипотезу, что спонсором издания мог оказаться сам А. Букейханов. Козодой уверен, что отыскал в архивах Самары документы, подкрепляющие данную версию. Он выяснил, что, работая в Самарском отделении Донского земельного банка, А. Букейханов дважды отправлял поручения через члена редколлегии А. Байтурсынова (один раз попросил осмотреть имение в Оренбурге, во второй передал с ним документы в Оренбург). Каких-либо данных об условиях работы и размерах вознаграждения, направленного издателю,

автором не выявлено. Поэтому утверждение, что «это дает основание переосмыслить роль А. Букейханова» в издании газеты не только как инициатора, но и как финансиста, а возлагаемые на А. Байтырсынова поручения являются подтверждением косвенного участия «в финансировании газеты» (с. 130), вызывает обоснованные сомнения.

Автор оспаривает утверждение оренбургской исследовательницы, что участие А. Букейханова в издании газеты «Казах» было «вдохновляющим и заочным до 1916 г., когда, переехав в Оренбург, Алихан придал газете политическое влияние». Козодой исходит из того, что если в 265 номерах газеты было помещено 200 публикаций А. Букейханова, то это свидетельствует о его концептуальной роли. При этом автор не располагает сведениями о том, как хронологически распределялись эти публикации, каковы они были по объему и какую часть общего газетного пространства занимали. Если обратиться к русскоязычным публикациям А. Букейханова в омских газетах, то выявляется, что многие из них были очень краткими заметками или комментариями к событиям и репликами. Соратник Букейханова А. Байтырсунов, между тем, публиковал в газете «Казах» программные статьи, в которых определял редакционное направление газеты. Упрекая Г. И. Тугай в игнорировании тезисов С. Асфиндеарова, полностью опровергнувших ее положения, В. И. Козодой сам демонстрирует крайний субъективизм, больше доверяя источнику, написанному в 1935 г. с явной целью дискредитировать лидеров движения Алаш, чем специалистам, опиравшимся на синхронные источники.

Выдвинув гипотезы (о финансировании газеты Алиханом и о его главенствующей роли в ее наполнении), основанные на одном лишь предположении, автор монографии трансформирует их в категоричное утверждение: «Говорить о “заочном” участии А. Букейханова не приходится. Он занимался не только написанием статей чуть не в каждый номер газеты, определяя тем самым политику газеты, но вел, как на примере с А. Байтырсыновым, самую практическую работу, создавая условия для редактора газеты» (с. 130–131). Не добавив к сказанному ничего нового в выводах по главе, В. И. Козодой без тени сомнения делает заключение, что А. Букейханов не только принимал участие в организации и работе газеты «Казах», но что именно ему «удалось сплотить вокруг нее передовой актив казахской интеллигенции, превратив этот актив в ядро будущей политической деятельности» (с. 146).

Еще один пример, наверное, самый существенный для понимания приемов исторической «концептуализации» в монографии. В разделе «Букеханов и научное обоснование субъектности территории Казахстана» (с. 143–145) Козодой сообщает читателю, что во времена молодости Алихана Букейханова не существовало Казахстана как единой административно-территориальной единицы, и именно Алихан первый разработал данный вопрос на научно-теоретическом уровне. Далее перечислены территории, находившиеся на территории современного Казахстана (Степной край и Киргизский край), но почему-то

со ссылками на публикации Букейханова начала XX в. (с. 144). Что именно следует понимать под «субъектностью территории», автор нигде не разъясняет, хотя в книге данное словосочетание выступает в качестве ключевого понятия. По его утверждению, «в своем знаменитом исследовании “Киргизы” 1910 года Алихан Букейханов глубоко проанализировал данные о численности населения империи в 1897 году и на этом основании определил территории и составил таблицу абсолютной и относительной численности казахского населения. В этой работе он выделит территорию уже десяти областей. <...> В работе он дал историческое, демографическое, географическое обоснование территории проживания казахского населения, тем самым в общих чертах и определив искомую субъектность» (с. 144). Продолжая эти рассуждения, автор монографии далее пишет: «Значимость этой работы очень велика, потому что именно теоретические разработки Алихана Букейханова легли в основу решений Общекиргизского (Общеказахского) съезда в Оренбурге... Как видим, решения съезда были не спонтанны, а имели под собой серьезную научную проработку и мощный научно-теоретический фундамент, заложенный А. Букейхановым» (с. 144–145).

Обширная авторская цитата приводится намеренно. Нисколько не умаляя заслуг Алихана Букейханова, блестящего публициста, яркого полемиста и великолепного знатока казахской истории и традиций, необходимо обратить внимание на два обстоятельства, значимых для анализа приведенных выше рассуждений В. И. Козодоя.

Очерк «Киргизы» являлся частью крупного коллективного издания, посвященного национальному вопросу и его роли в современной мировой и российской политике [Формы национального движения]. Сама книга, написанная в 1908 г. (издана в 1910), являла собой рефлексию либералов в отношении этнополитических итогов революции 1905–1907 гг. Сборник претендовал не только на актуальное политическое, но и на научное освещение большого комплекса проблем. Издатель А. И. Костелянский во вводной статье выразил двойственное отношение к феномену государства-нации. Национальное государство он назвал идеей XIX в., когда она стала частью мировой политики. Пробудившиеся нации по сей день тяготеют к объединению, вооружившись идеей создания национальных государств, мобилизуются своими элитами на борьбу за национальную независимость. Но даже в Европе существуют национальные меньшинства, и европейским государствам приходится искать пути соединения общегосударственных интересов с интересами населяющих их больших и малых наций. Как отмечал Костелянский, в начале XX в. стало очевидно, что идея тождества государства и нации далеко не соответствует современным реалиям, в которых все большую роль играет массовая мобильность населения, ведущая к перемешиванию народов, созданию больших зон их совместного проживания. В таких условиях куда более конструктивным является формирование граж-

данской нации как многонациональной общности. А. И. Костелянский пишет: «По своей природе государство есть прямая антитеза нации, полнейшее ее отрицание. Современные государства представляют собой организацию прежде всего хозяйственного порядка, условиями производительности и обмена определяются главным образом их существование и развитие. В этом трагизм негосударственных народностей, не менее роковым это обстоятельство становится и для народности державной, для государства во всей его совокупности» [Формы национального движения, с. VII].

Для подтверждения сложности взаимоотношений государства и нации им были подобраны статьи, раскрывающие разные примеры европейских и российских реалий. Большинство статей о России были написаны известными деятелями национального движения, кадетами или либералами. Практически все они были далеки от научного беспристрастия и акцентировались на критике непродуманной национальной политики царского правительства. Алихан Букейханов в яркой и страстной статье бросил упрек государственной власти, недавно лишившей казахов (шестую по численности нацию империи) представительства в Государственной думе. До этого царское правительство лишило казахов части их исконных земель и не было заинтересовано в предоставлении им права присутствия в российском парламенте. Букейханов доказывал несправедливость российского законодательства, по которому вся казахская степь считалась казенной землей. Государство наделяло ею поселенцев и даже насаждало пришлое земледельческое население, не считаясь с нуждами кочевого хозяйства.

Анализируя политическую сферу, А. Букейханов говорил о недоверии казахов к русским, о напряженных, почти враждебных отношениях между казахами и переселенцами. Но нигде в своем очерке он не ставил вопрос о предоставлении казахам прав самоуправления. Более того, ареал проживания казахов он определил с оговоркой, что существует его ядро – шесть областей, где «киргизы» составляют большинство населения (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская, Уральская, Сырдарьинская и Семиреченская обл.) и еще четыре области, где они проживают, составляя меньшинство. Он хорошо понимал сложность взаимодействия казахов с другими совместно проживающими народами и коронной администрацией. В тексте нет ни намека на возможность какую-то территорию считать обособленным субъектом. Нет даже предложения о внесении изменения в существующие административные границы с учетом ареала расселения казахов.

Попытка приписывать автору заслугу «обоснования субъектности» Казахстана у любого, кто знаком с изданием, в состав которого вошел очерк, ничего, кроме недоумения, вызвать не может. Выводы В. И. Козодоя, на наш взгляд, противоречат как замыслу сборника, так и тексту очерка А. Букейханова.

Следует также обратить внимание на жанровые особенности очерка «Киргизы». К 1908 г. в России было издано значительное число научных трудов и статистических источников по разным аспектам жизни Степного края и Туркестана. Работая ранее в Переселенческом управлении, А. Букейханов сам занимался сбором полевого материала. Его перу принадлежат серьезные научные исследования, не использованные автором данной монографии. Будучи и ученым, и публицистом, А. Букейханов доходчиво, внятно и аргументированно изложил свою позицию. Но очерк был написан для широкой читательской аудитории, и во многом политически ориентированным. В нем нет ссылок на научные изыскания, да этого и не требовалось по замыслу сборника. Чтобы показать долю казахов среди других наций империи, но при этом и такую особенность их расселения, как разбросанность по огромной территории, А. Букейханов обратился к широко известной переписи населения 1897 г. Материалы переписи (в том числе и таблицы, которыми он пользовался) были доступны, считались источником достоверным и легко проверяемым. Автор попытался экстраполировать итоги переписи с учетом естественного прироста численности казахов, привел динамику переселенческого движения в Степной край и часть Туркестанского края. Но при этом он отлично понимал, что соотношение казахского и иного населения за прошедшие десять лет существенно изменилось, а приведенные им сведения заведомо неполны.

Казахстанский биограф А. Букейханова С. Х. Аккулы, склонный к идеализации героя, пишет об очерке как об энциклопедически точной «справке о происхождении, самобытной культуре, быте, традициях и даже численности казахов» [Аккулы, с. 21]. Трактовка очерка как глубокого междисциплинарного научного исследования связана с желанием автора изобразить основателя первой казахской автономии еще и прозорливым обоснователем ее будущих территориальных границ с опорой на современное ему научное знание, а заодно и правомерность самих этих границ ареалом исконного проживания и кочевания казахов. Удивляет другое: как хорошо знакомые с текстом очерка А. Букейханова «Киргизы» казахстанские ученые восприняли «открытия» российского биографа не то что без должной критики, но даже с воодушевлением. Особенно если учесть, что научное наследие А. Букейханова осталось в рецензируемой монографии без внимания.

Подробно излагается в книге деятельность А. Букейханова в революционном 1917 г. и в период Гражданской войны. В этой части биографии В. И. Козодой опирается преимущественно на существующие исследования, хотя далеко не в полной мере. Из обширной казахстанской историографии использованы две биографии, а в качестве концептуальной основы – пятитомная «История Казахстана» [История Казахстана].

Один из редких эпизодов, который освещен с опорой на архивные первоисточники, связан с подробным описанием участия А. Букейха-

нова на Первом всесибирском съезде. В. И. Козодой утверждает, что его главное выступление на съезде касалось территории и субъектности. Но смысл сказанного лидером не укладывается в авторскую логику. На съезде в Томске казахский лидер «Алаш» рассуждал о внутреннем административном делении Сибири и настаивал на том, что районирование должно основываться на принципе хозяйствования и продуктивности, не упоминая этноцентрический принцип. Именно исходя из особенностей кочевого хозяйства он настаивал, что Семипалатинская, Тургайская и Уральская области должны составлять один из подрайонов Сибирской автономии, а не дробиться между районами (с. 160–162)⁴.

Таким образом, даже в октябре 1917 г. после принятия решения о создании общекзахского избирательного объединения идея провозглашения национальной автономии еще не сложилась окончательно. Она созрела ситуативно на волне отстранения окраин от большевизма в декабре 1917 г. на втором Всекиргизском съезде почти одновременно с провозглашением автономии Туркестана, Украины и других национальных территорий.

Последние две главы (VII и VIII), посвященные биографии героя книги, созданы скорее как беглый абрис. Обращение к архивным источникам ограничено справочным уточнением должностных позиций А. Букейханова в Наркомземе Киргизской АССР в 1920–1922 гг. и уместилось на одной странице (с. 246). Чем конкретно занимался герой биографии полтора года, с кем по службе взаимодействовал, какими вопросами ведал, остается за пределами монографии, хотя советский период обеспечен источниками более подробно. Приведенный материал в основном является пересказом с обильным цитированием опубликованных в Казахстане документальных сборников о судебных процессах над бывшими лидерами движения Алаш. Аналогичным образом составлена и последняя глава, содержащая рассказ о реабилитации А. Букейханова [Движение Алаш, 2008; Движение Алаш, 2011].

Вслед за казахстанскими биографами В. И. Козодой показывает своего героя как абсолютного лидера, при этом прирожденного демократа, прозорливого политика, заранее предвидевшего основные повороты исторического процесса и обосновавшего правильную тактику их прохождения. Даже создание Советской республики в 1919–1920 гг. вслед за казахстанскими биографами В. И. Козодой называет «личным триумфом А. Букейханова» (с. 243)⁵. Российский исследователь прошел мимо принципиальной недостаточной изученности творческого наследия Алихана Букейханова. До сих пор трудно установить степень полноты публицистики, включенной в собрание сочинений.

⁴ На это обстоятельство обратила внимание Д. А. Аманжолова: См.: [Аманжолова, с. 32–34].

⁵ Из книги С. Аккулы этот тезис воспроизведен почти дословно, см.: [Аккулы, с. 528].

Итог вышесказанному следует подвести как с высоты историографического процесса, так и с учетом анализа рецензируемой книги. Алихан Букейханов – ярчайший деятель, лидер казахского национального движения и один из либеральных политических лидеров конца имперского периода и начала советской эпохи. Его жизнь и творчество заслуживают специального изучения, объективного и профессионального. Пока же многотомные издания его трудов являются результатом подвижнического труда одного автора – С. Х. Аккулы. В принадлежащей его перу наиболее полной биографии А. Букейханова намечены основные сюжетные линии биографии, которым в целом следует В. И. Козодой, даны оценки, в основном воспроизведенные в рецензируемой книге. В российской историографии уже отмечена такая особенность биографических текстов С. Х. Аккулы, как стремление конструировать реальность без должной опоры на факты, а сам стиль жизнеописания российский рецензент определил как восточный панегирик с доброй порцией антирусской и антисоветской риторики [Христофоров, с. 136]. От себя отметим, что в этом двухтомнике присутствуют явные анахронизмы, когда, например, автор утверждает, что А. Букейханов изначально, лет за десять до революции, стремился не к автономии внутри России, а к полной независимости Казахстана, что он с первых дней революции планировал провести в Казахстане всеобщие альтернативные выборы и т. п. Среди прочего важно, что именно С. Х. Аккулы приписывает А. Букейханову намерение добиться включения в состав независимого Казахстана всех территорий, где некогда кочевали казахи, то есть намного превышающих современные границы [Христофоров, с. 136]. В данном контексте и следует понимать важнейший тезис книги В. И. Козодоя о глубоком научном обосновании «субъектности Казахстана» в опубликованном А. Букейхановым очерке «Киргизы» и его общее стремление следовать в фарватере казахстанских оценок своего героя.

Если сопоставить монографию с достаточно детальным прочтением текстов А. Букейханова в произведениях С. Х. Аккулы, можно отметить, что книга российского историка в целом воспроизводит оценки и разнообразные версии казахстанских исследователей. Известный фактический материал в ней приведен избирательно, с большими пропусками по сравнению с предшественниками. Например, восьмимесячному пребыванию А. Букейханова на посту тургайского областного комиссара посвящено три абзаца, в которых цитируется его приказ о вступлении в должность и констатируется, что документов о его непосредственной деятельности сохранилось очень немного. И это при всем том, что в книге С. Х. Аккулы этот период подробно изложен на основе газетных текстов и отложившихся в архивах источниках. Это позволило автору реконструировать множество начинаний А. Букейханова как администратора и его взаимодействие с местной казахской родовой элитой [Аккулы, с. 273–320]. Исследования российских историков, содержащие ценнейшие сведения по истории

Казахстана в период жизни А. Букейханова и достаточно обоснованно критикующие советскую и современную казахстанскую историографию, оставлены без внимания даже в тех случаях, когда формальные сноски на соответствующие публикации в тексте имеются (см., например, публикации Д. А. Аманжоловой и А. В. Ганина и др.). Между тем, не добавляя к биографическим сведениям новых данных, они могли существенно скорректировать общеисторические оценки.

Нельзя согласиться с основным постулатом, давшим название книге: значение личности А. Букейханова и его деятельности оказалось настолько велико, что для современного Казахстана период с конца XIX и включая первую треть XX в. следует считать «эпохой Букейханова», а его влияние сопоставимо с влиянием М. Кемалю Ататюрка. В действительности его преобладающее влияние длилось недолго (конец 1917 – 1918 г.), распространялось далеко не на всю территорию современного Казахстана. В остальное время эпоху олицетворяли другие люди. Не говоря уже о неудачности самого термина «человек-эпоха» с точки зрения норм русского языка, очевидно, что смысл такого предложения сводит сложный исторический процесс к одной доминанте, имеющей значение исключительно для современной казахстанской политической мифологии нацистроительства.

Библиографические ссылки

Аккулы Ж. С. Алихан Букейхан: собиратель казахских земель : в 2 т. Астана : Обществ. фонд Алашорда, 2017. Т. 2. 636 с.

Аманжолова Д. А. Из истории соперничества партийно-политических проектов в Степном крае в начале XX века // Российские регионы: взгляд в будущее. 2016. № 1 (6). С. 15–42.

Движение Алаш. Из истории изучения вопроса. 1918–2007 : в 4 т. Алматы : ФФ «Ел-шежіре», 2008. Т. 4. 472 б.

Движение Алаш. Сборник материалов судебных процессов над алашевцами. Документы, допросы и ответы. Синхронные переводы. Материалы судов. Конфискованные письма : в 3 т. / [гл. ред. Т. К. Журтбай]. Алматы : ФФ «Ел-шежіре», 2011.

История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 5 т. / гл. ред. С. Ф. Мажитов. Алматы : Атамұра, 2010. Т. 4. Казахстан в советский период. 768 с.

Козодой В. И. Алихан Букейханов: человек-эпоха. Алматы : [Б. и.]; Новосибирск : Дом мира, 2021. 312 с.

Нурмаганбетова Р. К. Движение Алаш и Алаш-Орда: историография проблемы. 1920–1990-е годы XX века. Алматы : [Б. и.], 2003. 155 с.

Тілешов Е., Қамзабекулы Д. Алаш қозғалысы. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы : Сардар, 2014. 528 б.

Тугай Т. И. Оренбургский путь Ахмета Байтурсынова. Оренбург : ИПК «Ун-т», 2017. 188 с.

Формы национального движения в современных государствах : Австро-Венгрия. Россия. Германия : [сборник] / под ред. А. И. Кастелянского. СПб : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. [4], XIV, 824 с.

Христофоров В. С. Рецензия на монографию Султан Хана Аккулы «Алихан Букейхан» // Вестн. Самар. ун-та. Сер.: История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 2. С. 134–137.

E-KITAP : [website]. URL: <http://e-kitap.kz/book/5070/read> (accessed: 12.03.2023).

References

Akully, Zh. S. (2017). *Alikhan Bukeikhan: sobiratel' kazakhskikh zemel' v 2 t.* [Alikhan Bukeikhan: Collector of Kazakh Lands. 2 Vols.]. Astana, Obshchestvennyi fond Alashorda. Vol. 2. 636 p.

Amanzholova, D. A. (2016). Iz istorii sopernichestva partiino-politicheskikh proektov v Stepnom krae v nachale XX veka [From the History of Competition between Party Political Projects in the Steppe Territory in the Early 20th Century]. In *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee*. No. 1 (6), pp. 15–42.

Dvizhenie Alash. Iz istorii izucheniya voprosa. 1918–2007 v 4 t. [Alash Movement: From the History of the Issue. 1918–2007. 4 Vols.]. (2008). Almaty, FF “El-shezhire”. Vol. 4. 472 p.

E-KITAP [website]. URL: <http://e-kitap.kz/book/5070/read> (accessed: 12.03.2023).

Kastelyanskii, A. I. (Ed.). (1910). *Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya. Sbornik* [Forms of National Movement in Contemporary States. Austria-Hungary. Russia. Germany. Collection]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”. [4], XIV, 824 p.

Khristoforov, V. S. (2017). Retsenziya na monografiyu Sultan Khana Akkuly “Alikhan Bukeikhan” [Review of *Alikhan Bukeikhan*, a Monograph by Sultan Khan Akkula]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Seriya: Istoriya, pedagogika, filologiya*. Vol. 23. No. 2, pp. 134–137.

Kozodoy, V. I. (2021). *Alikhan Bukeikhanov: chelovek-epokha* [Alikhan Bukeikhanov: A Man of the Times]. Almaty, S. n., Novosibirsk, Dom mira. 312 p.

Mazhitov, S. F. (Ed.). (2010). *Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei) v 5 t.* [History of Kazakhstan (through the Ages). 5 Vols.]. Almaty, Atamyra. Vol. 4. Kazakhstan v sovetskii period. 768 p.

Nurmaganbetova, R. K. (2003). *Dvizhenie Alash i Alash-Orda: istoriografiya problemy. 1920–1990-e gody XX veka* [Alash Movement and Alash-orda: The Historiography of the Issue]. Almaty, S. n. 155 p.

Tugai, T. I. (2017). *Orenburgskii put' Akhmeta Baitursynova* [Orenburg Pathway of Akhmet Baitursynov]. Orenburg, IPK “Universitet”. 188 p.

Tileshov, E., Kamzabekyly, D. (2014). *Alash qozalysy. Entsiklopediyalyq anyqtamalyq* [Alash Movement. Encyclopedia]. Almaty, Sardar. 528 p.

Zhurtbai, T. K. (Ed.). (2011). *Dvizhenie Alash. Sbornik materialov sudebnykh protsessov nad alashevtsami. Dokumenty, doprosy i otvety. Sinkhronnye perevody. Materialy sudov. Konfiskovannye pis'ma v 3 t.* [Alash Movement. Collection of Materials of the Trials of the Alash Movement Members. Documents, Interrogations, and Answers. Simultaneous Translations. Materials of the Courts. Confiscated Letters. 3 Vols.]. Almaty, FF “El-shezhire”.

The article was submitted on 02.02.2023

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Агапов Михаил Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский государственный университет.
625003, Россия, Тюмень, ул. Ленина, 23.
ORCID 0000-0002-3433-1516
magapov74@gmail.com

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет.
185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
ORCID 0000-0002-2366-3750
antoshchenko@yandex.ru

Белякова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.
117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
ORCID 0000-0002-4963-4843
religiya-i-cerkov@mail.ru

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-9471-0091
evishlenkova@mail.ru

Голубинов Ярослав Анатольевич, кандидат исторических наук, декан исторического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева.
443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34.
ORCID 0000-0002-2274-4989
i.golubinov@gmail.com

Грачатчикова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.
620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
ORCID 0000-0002-2585-7399
n.gramatchikova@gmail.com

Егоров Александр Константинович, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет; научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; преподаватель, Петрозаводский техникум городского хозяйства.
185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11.
185001, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Мурманская, 30.
ORCID 0000-0002-2202-8835
akegorov@yandex.ru

Журова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения РАН.
630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
ORCID 0000-0002-6796-0896
zhurova@ngs.ru

Затравкин Сергей Наркизович, доктор медицинских наук, профессор, Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко; главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
105064, Россия, Москва, ул. Воронцово поле, 12, стр. 1.
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-2930-1873
zatravkine@mail.ru

Ильин Павел Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.
197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.
ORCID 0000-0001-6058-2186
pavilyn1970@gmail.com

Ингерфлом Клаудио, доктор исторических наук, директор Центра по изучению славянского мира, Университет Сан-Мартин; директор по исследованиям, Национальный центр научных исследований.
1650, Аргентина, Сан-Мартин, Буэнос-Айрес, Av. 25 de Mayo & Francia.
75016, Франция, Париж, rue Michel-Ange, 3.
ORCID 0000-0003-4162-2853
claudio.ingerflom@gmail.com

Костромин Константин Александрович, кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, проректор по научно-богословской работе, Санкт-Петербургская духовная академия.
191167, Россия, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, 17.
ORCID 0000-0001-8511-3431
k.a.kostromin@mail.ru

Лавров Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Университет Париж-Сорбонна.
75005, Франция, Париж, rue Victor Cousin, 1.
ORCID 0000-0002-1189-3532
allavrov@yahoo.com

Линген Кёрстин фон, доктор исторических наук, профессор, Венский университет.
1010, Австрия, Вена, Universitätsring, 1.
ORCID 0000-0003-1045-7162
kerstin.von.lingen@univie.ac.at

Лихачева Александра Сергеевна, старший преподаватель, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского.
150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.
likhacheva.yspru@yandex.ru

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина.

399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, 28.

ORCID 0000-0002-2078-2404

lyapin-denis@yandex.ru

Мелентьев Федор Ильич, кандидат исторических наук, главный специалист, Государственный архив Российской Федерации; научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

119435, Россия, Москва, ул. Большая Пироговская, 17.

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0002-0760-6879

fim91@mail.ru

Митрофанов Руслан Сергеевич, аспирант, Университет имени Людвига и Максимилиана.

D-80539, Германия, Мюнхен, Geschwister-Scholl-Platz, 1.

ruslan.mitrofanov@icloud.com

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

ORCID 0000-0003-2000-3383

alexmorohin@yandex.ru

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского.

150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

ORCID 0000-0001-8476-4400

nagornaja.oxana@mail.ru

Пигин Александр Валерьевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

185910, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11.

ORCID 0000-0002-9306-1421

av-pigin@yandex.ru

Полякова Ирина Геннадьевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-9619-2152

irinapolykova@yandex.ru

Рынков Вадим Маркович, доктор исторических наук, директор, Институт истории Сибирского отделения РАН.

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

ORCID 0000-0003-3284-549X

vadsvet@list.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Уо Даниель Кларк, PhD, почетный профессор, Вашингтонский университет. 98195, США, Вашингтон, Сиэтл, NE Campus Parkway, 1410.

dwaugh@uw.edu

Черноухов Эдуард Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет.

620091, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

ORCID 0000-0002-4640-4575

echernoukhov@yandex.ru

Шкерин Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

ORCID 0000-0003-3925-2873

shkerin_uit@mail.ru

Agapov Mikhail, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Tyumen State University.

23, Lenin Str., 625003, Tyumen, Russia.

ORCID 0000-0002-3433-1516

magapov74@gmail.com

Antoshchenko Aleksandr, Dr. Hab. (History), Professor, Petrozavodsk State University.

33, Lenin Ave., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia.

ORCID 0000-0002-2366-3750

antoshchenko@yandex.ru

Beliakova Elena, PhD (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-4963-4843

religiya-i-cerkov@mail.ru

Chernoukhov Eduard, Dr. Hab. (History), Professor, Ural State Pedagogical University.

26, Kosmonavtov Ave., 620091, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4640-4575

echernoukhov@yandex.ru

Egorov Aleksandr, PhD (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University; Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences; teacher, Petrozavodsk College of Urban Economy.

33, Lenin Ave., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia.

11, Pushkinskaya Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia.

30, Murmanskaya Str., 185001, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia.

ORCID 0000-0002-2202-8835

akegorov@yandex.ru

Golubinov Iaroslav, PhD (History), Dean of the Faculty of History, Samara National Research University.

34, Moskovskoye Shosse Str., 443086, Samara, Russia.

ORCID 0000-0002-2274-4989

i.golubinov@gmail.com

Gramatchikova Natalya, PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of History, and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-2585-7399

n.gramatchikova@gmail.com

Ilyin Pavel, PhD (History), Senior Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0001-6058-2186

pavilyn1970@gmail.com

Ingerflom Claudio, Dr. Hab. (History), Director of the Center for the Study of the Slavic World, National University of General San Martín; Research Director, French National Center for Scientific Research.

Av. 25 de Mayo & Francia, 1650, San Martín, Buenos Aires, Argentina.

3, rue Michel-Ange, 75016, Paris, France.

ORCID 0000-0003-4162-2853

claudio.ingerflom@gmail.com

Kostromin Konstantin, PhD (History), PhD (Theology), Associate Professor, Vice-Rector for Research, St Petersburg Theological Academy.

17, Obvodny Kanal Embankment, 191167, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0001-8511-3431

k.a.kostromin@mail.ru

Lavrov Aleksander, Dr. Hab. (History), Professor, Université Paris-Sorbonne.

1, rue Victor Cousin, 75005, Paris, France.

ORCID 0000-0002-1189-3532

allavrov@yahoo.com

Likhacheva Alexandra, Senior Lecturer, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

108/1, Respublikanskaya Str., 150000, Yaroslavl, Russia.
likhacheva.yspu@yandex.ru

Lingen Kerstin von, Dr. Hab. (History), Professor, Vienna University.

1, Universitätsring, 1010, Vienna, Austria.
ORCID 0000-0003-1045-7162
kerstin.von.lingen@univie.ac.at

Lyapin Denis, Dr. Hab. (History), Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Yelets State University named after I. A. Bunin.

28, Kommunarov Str., 399770, Yelets, Russia.
ORCID 0000-0002-2078-2404
lyapin-denis@yandex.ru

Melentev Fedor, PhD (History), Chief Specialist, State Archives of the Russian Federation; Fellow Researcher, HSE University.

17, Pirogovskaya Str., 119435, Moscow, Russia.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-0760-6879
fim91@mail.ru

Mitrofanov Ruslan, PhD Student, Ludwig-Maximilian University.

1, Geschwister-Scholl-Platz, D-80539, München, Germany.
ruslan.mitrofanov@icloud.com

Morokhin Alexey, PhD (History), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

23, Gagarin Ave., 603950, Nizhny Novgorod, Russia.
19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-2000-3383
alexmorohin@yandex.ru

Nagornaia Oksana, Dr. Hab. (History), Professor, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.

108/1, Respublikanskaya Str., 150000, Yaroslavl, Russia.
ORCID 0000-0001-8476-4400
nagornaja.oxana@mail.ru

Pigin Alexander, Dr. Hab. (Philology), Leading Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.

11, Pushkinskaya Str., 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia.
ORCID 0000-0002-9306-1421
av-pigin@yandex.ru

Polyakova Irina, PhD (Sociology), Research Fellow, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-9619-2152
irinapolykova@yandex.ru

Rynkov Vadim, Dr. Hab. (History), Director, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8, Nikolayev Str, 630090, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0003-3284-549X

vadsvet@list.ru

Shkerin Vladimir, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-3925-2873

shkerin_uit@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Vishlenkova Elena, Dr. Hab. (History), Professor, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-9471-0091

evishlenkova@mail.ru

Waugh Daniel Clarke, PhD, Professor Emeritus, University of Washington.

1410, NE Campus Parkway, 98195, Seattle, Washington, USA.

dwaugh@uw.edu

Zatravkin Sergei, Dr. Hab. (Medicine), Professor, N. A. Semashko National Research Institute of Public Health; Chief Researcher, HSE University.

1 bldg., 12, Vorontsovo Pole Str., 105064, Moscow, Russia.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-2930-1873

zatravkine@mail.ru

Zhurova Liudmila, Dr. Hab. (Philology), Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

8, Nikolayev Str, 630090, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0002-6796-0896

zhurova@ngs.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВПРИ РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
AVPRI RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii

БАН – Библиотека РАН
BAN – Biblioteka RAN

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
BLDR – Biblioteka literatury Drevnei Rusi

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ИААО – Исторический архив Астраханской области
IAAO – Istoricheskii arkhiv Astrakhanskoi oblasti

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
OR RNB – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
RGA VMF – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-morskogo flota

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

РГО – Русское географическое общество
RGO – Russkoe geograficheskoe obshchestvo

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
TsGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga

BAR – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture

LVIA – Lietuvos valstybės istorijos archive

ROC – Russian Orthodox Church

ROCA – Russian Orthodox Church Abroad

SSOTI – St Sergius Orthodox Theological Institute

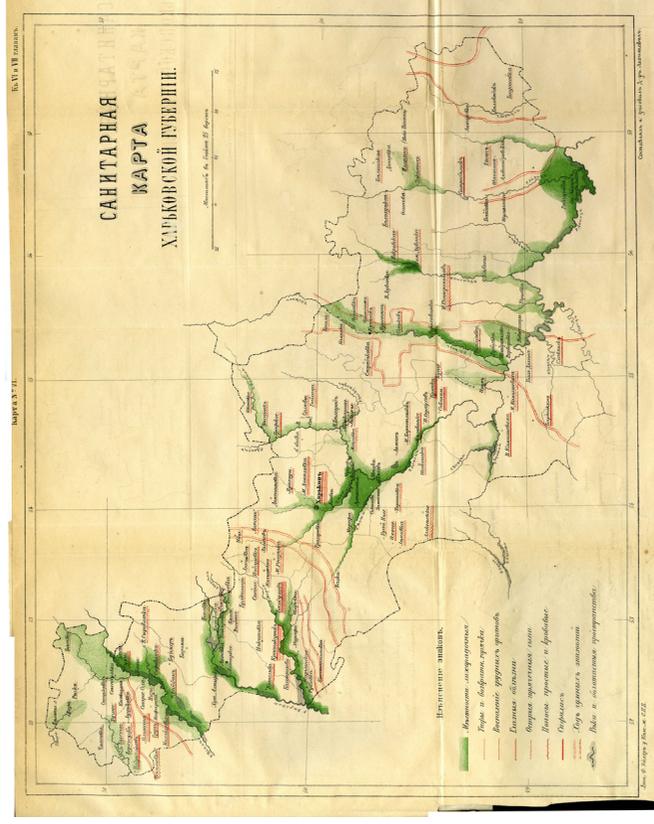
Illustration for the article: *Daniel C. Waugh. The Kuranty in Context: Dutch Lading Lists and their Russian Translations. Part I*

Adam Willaerts. *The Harbor of Batavia* (1649). Collection of the National Maritime Museum, Amsterdam, Inv. B. 0258

Иллюстрации к статье: *Елена Вишленкова, Сергей Затравкин. Медицинская статистика в дореформенной России: намерения, степень достоверности, информативная ценность*

Illustration for the article: *Elena Vishlenkova, Sergei Zatravkin. Medical Statistics in Pre-Reform Russia: Intentions, Degree of Reliability, Informative Value*

Санитарная карта Харьковской губернии. 1868. Медико-топографический сборник : в 2 т. СПб., 1871. Т. 2
Sanitary map of Kharkov Province. 1868. Medico-topographic collection in 2 vols. St Petersburg, 1871. Vol. 2

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 11, 2023, № 2

Редакторы *Е. Березина*

А. Попович

Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*

Alexey Popovich

Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013).

Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 12.07.2023. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 31,0. Усл. печ. л. 33,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 116.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru